

МЕТОДОЛОГИЯ
ИССЛЕДОВАНИЙ
ПОЛИТИЧЕСКОГО
ДИСКУРСА

*Актуальные проблемы
содержательного анализа
общественно-политических
текстов*

Выпуск 3

МЕТОДОЛОГИЯ ИССЛЕДОВАНИЙ ПОЛИТИЧЕСКОГО ДИСКУРСА

**Актуальные проблемы содержательного анализа
общественно-политических текстов**

Выпуск 3

***Под общей редакцией
И. Ф. Ухвановой-Шмыговой***

Минск
«Технопринт»
2002

УДК 808 (082)
ББК 83.7
М54

А в т о р ы:

И.Ф. Ухванова-Шмыгова (предисловие; ч. 1, разд. 1.1–1.4; ч. 2, ч. 4, разд. 4.1, 4.3; ч. 5, ч. 6, разд. 6.2; ч. 7, разд. 7.2; ч. 8; заключение; приложения 1–3; материалы к словарю; библиография);
А.А. Маркович (ч. 1, разд. 1.5; ч. 4, разд. 4.2; ч. 6, разд. 6.1; ч. 7, разд. 7.1; ч. 8, разд. 8.3; приложения 2 и 3; материалы к словарю; библиография);
В.Н. Ухванов (ч. 3; библиография)

Р е ц е н з е н т ы:

доктор филологических наук, профессор *В.В. Макаров*
доктор социологических наук, профессор *Д.Г. Ротман*

О б щ а я р е д а к ц и я:

доктор филологических наук, профессор
И.Ф. Ухванова-Шмыгова

Методология исследований политического дискурса. Актуальные

М54 проблемы содержательного анализа обществ.-полит. текстов. Вып. 3 /
И.Ф. Ухванова-Шмыгова, А.А. Маркович, В.Н. Ухванов; Под общ. ред.
И.Ф. Ухвановой-Шмыговой. – Мн.: «Технопринт», 2002. – 360 с.
ISBN 985-464-303-4

Данная монография посвящена актуальной научной проблеме построения дискурс-портретов политических лидеров современности, решение которой позволяет лучше понять коммуникативную природу лидерства, специфику взаимодействия лидера и аудитории, характер воздействия лидера на свой электорат, а также построить дискурс-типологию лидерства, объяснить природу харизматичности. В качестве методологии использована авторская каузально-генетическая теория содержания дискурса, на основе которой созданы новые технологии дискурс-экспертизы. Материалом для анализа послужили печатные и видеотексты белорусских и российских лидеров, представленные в жанрах «интервью», «аналитика», «выступление перед массовой/целевой аудиторией», «предвыборная программа». Практический анализ носит сугубо пилотажный характер и призван апробировать новые исследовательские технологии.

Книга адресована специалистам в области теории и практики коммуникации, социологии, социальной психологии, политологии, лингвистики, семиотики, культурологии, а также широкому кругу читателей, интересующихся проблемами политической коммуникации.

Проект выполнен в рамках программы INTAS 99-00245; British Academy SG 31102 и при поддержке Международного совета по исследованиям (IREX).

УДК 808 (082)
ББК 83.7

ISBN 985-464-303-4

© Ухванова И.Ф., Маркович А.А.,
Ухванов В.Н., 2002

ПРЕДИСЛОВИЕ

Данное монографическое исследование посвящено таким новым проблемам в изучении политической коммуникации, как (1) построение дискурс-портретов политических лидеров современности (речевых портретов, проецированных на социальный, в том числе политико-правовой контекст); (2) построение дискурс-типологии политического лидерства и (3) выявление дискурсной специфики проявления харизмы в политической коммуникации. Такой поворот в исследовании политического дискурса, как мы полагаем, позволит лучше понять коммуникативную природу лидерства, специфику взаимодействия лидера и аудитории, характер воздействия лидера на свой электорат.

В качестве методологии использована авторская каузально-генетическая теория содержания сложных языковых знаков (дискурса), которая уже представлялась на страницах выпусков 1 и 2 данного издания и здесь, в Выпуске 3, получила свое логическое развитие. Именно ее рамки позволили нам обнаружить новые категории анализа и новые комплексные методики, на основании которых мы и построили дискурс-портреты политических лидеров Беларуси и России, а также рассмотрели новые возможности прочтения уже устоявшихся типов лидерства, обнаружили новые типологические критерии лидерства, новые подходы в операционализации понятия «харизматический лидер», построили дискурс-типологию политических лидеров.

Материалом для анализа послужили печатные тексты и видеотексты пяти белорусских и четырех российских лидеров. В их число вошли белорусские политики, поднявшиеся на самую высокую ступень власти: Петр Машеров, Станислав Шушкевич и Александр Лукашенко, а также наиболее сильный и последовательный идеологический противник президента Республики Беларусь Зенон Позняк и основной оппонент Александра Лукашенко на последних президентских выборах Владимир Гончарик. Со стороны России представлены речевые портреты двух последних лидеров у власти Бориса Ельцина и Владимира Путина, а также двух их неизменных, наиболее ярких оппонентов Геннадия Зюганова и Владимира Жириновского. Отобранные для анализа тексты этих политиков отражают ключевую жанровую палитру дискурса лидера страны, представленного в СМИ. Это интервью, выступление перед массовой или целевой аудиторией, анализ проблемы, предвыборная программа. Практический анализ носит сугубо пилотажный характер и призван апробировать новые исследовательские технологии.

Результаты исследования, получившие освещение в данном выпуске, были апробированы на различных международных научных конференциях, в том числе на конференции «Язык и социум» (Минск, декабрь, 2002 г.), конференции славянских исследований (Кембридж, апрель, 2002 г.), а также на рабочей встрече участников проекта «Компаративный анализ харизматического политического лидерства России, Беларуси, Украины: появление, мобилизация, устойчивость» (INTAS 99-00245; British Academy SG 31102) в Московском государственном университете в октябре 2001 г.

Этот тематический выпуск нашей серии появился благодаря творческому сотрудничеству трех авторов: Ирины Фроловны Ухвановой-Шмыговой, доктора филологических наук, профессора, зав. кафедрой английского языка и речевой коммуникации Белорусского государственного университета, Маркович Анны Александровны, аспирантки кафедры речеведения и теории коммуникации Минского государственного лингвистического университета и Ухванова Виктора Никифоровича, кандидата философских наук, доцента кафедры международного частного и европейского права Белорусского государственного университета.

СЛОВО БЛАГОДАРНОСТИ

Идея проведения данного исследования зародилась в рамках реализации международного проекта «Компаративный анализ харизматического политического лидерства России, Беларуси, Украины: появление, мобилизация, устойчивость» (INTAS 99-00245; British Academy SG 31102), осуществляемого под патронажем фонда INTAS и Британской академии наук при сотрудничестве кафедры Европейских исследований университета города Бас (Англия) и Европейского исследовательского института. Авторы благодарны коллегам из Великобритании профессору Роджеру Итуэллу, доктору Колин Лоусон, доктору Елене Коростелевой и Ховарду Уайту, а также руководителям и представителю социологического центра России (МГУ), Беларуси (БГУ) и Украины (Гэллоп Интернэшнл Лтд.) профессору Сергею Туманову, профессору Давиду Ротману и профессору Александру Стегнию за возможность научного общения, обмена мнениями и опытом, за критику и вместе с тем признание значимости данного направления исследований для дальнейшего изучения политического лидерства в целом и такой его специфической разновидности, как харизматическое лидерство.

Авторы особо признательны Международному совету по исследованиям и обменов IREX за поддержку данной публикации, что позволило уделить мак-

симальное внимание написанию книги. Переосмысление и обобщение многих аспектов собранного ранее материала способствовало более глубокому развитию теоретических положений исследования и, в конечном итоге, построению теории дискурс-экспертизы материалов политической коммуникации.

В сборе данных и составлении многочисленных рабочих таблиц для построения дискурс-портретов политиков принимали активное участие молодые ученые Беларуси: старший преподаватель кафедры социальной коммуникации БГУ Наталья Елсукова, выпускницы отделения социологии факультета философии и социальных наук БГУ, аспиранты БГУ и МГУ Оксана Калиновская и Галина Манжула, которым также выражаем глубокую признательность за их кропотливый труд. Мы благодарим Марию Немцеву за помощь в наборе текстов, внесении правок и подборе фотографий для данной публикации.

Эта работа вышла в свет в настоящем виде также благодаря редакторским замечаниям и ценным советам Игоря Антоновича Дылевского и Галины Алексеевны Пушни, за что мы им очень благодарны.

Наша непосредственная благодарность адресована и уважаемым рецензентам – профессору Владимиру Владимировичу Макарову и профессору Давиду Генриховичу Ротману за доброжелательное отношение к данной работе и ценные замечания.

Часть первая

ДИСКУРС-АНАЛИЗ В КОНТЕКСТЕ СОВРЕМЕННЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ

1.1. Дискурс, дискурс-анализ, дискурсия, дискурс-компетенция

Дискурс – это слово, которое пришло к нам в середине прошлого века из французского языка, да так и осталось в этом звучании с той только разницей, что для исследователей, работающих в рамках социальных наук, это – дискурс, а для лингвистов это – дискурс. Характерно, что два варианта произношения связаны, по крайней мере, с двумя вариантами содержания термина, что, однако, не противоречит цельности понятия «дискурс» и значимости, стройности, организованности современных дискурс-исследований, уже перешагнувших ту временную грань, когда дискурс-анализ воспринимался как особого рода искусство слова, и вставших в ряд современных, полноправных исследовательских технологий. Двузначность понятия «дискурс» заключается в том, что под ним понимается и деятельность и ее результат [Бенвенист, 1974; Арутюнова, 1990; Борботько, 1989; ван Дейк, 1998; Квадратура, 1999]. В этом нет противоречия, ибо, как писал Джон Дьюи в своей работе «Искусство как опыт» (1934), «это не лингвистическая случайность, что *строение, сооружение, работа* обозначают как процесс, так и его конечный продукт. Если глагол не имеет смысла, то и существительное лишено содержания». Так, есть жесткая логика в том, что дискурс – это и *целенаправленное социальное действие и речь, погруженная в жизнь*. (А, впрочем, существует ли речь, в жизнь не погруженная?) Дискурс трактуется исследователями также как *сложное единство языковой практики и экстралингвистических факторов* [НФС, 1998].

Понятно, что для исследователей появляется возможность самим расставлять акценты, проводя дискурс-исследования. Для одних фокус внимания падает на саму *жизнь*, и тогда экстралингвистические практики, паралингвистическое сопровождение речи становятся ключевыми, доминирующими позициями (Knapp, 1978 г.; Leathers, 1986 г.). Для других таким центром притяжения становится *речь* [Макаров, 1990, 1998; Речевое, 1983]. Понятно, что для сохранения цельности дискурс-исследований ключевым (интегративно значимым) является обобщающее понятие *код*, вбирающее в себя как вербальные, так и невербальные языки. Но все же противоречия и разночтения не покидают дискурс-теорию и сегодня.

Если дискурс является процессом, а не результатом, полагают одни, то его изучение возможно только на материале современных текстов, ибо как мы можем изучать все, что сопровождает и обуславливает порождение текстов (социальный контекст), не будучи свидетелями этого процесса? Так дискурс-анализ становится методикой, работающей с ограниченным числом текстов, и определяется как анализ исключительно устной речи в процессе ее звучания. При этом понятно, что анализ проводится с акцентом на функционирование речи (процесс), а точнее, условия ее функционирования, то есть на фонетический/просодический, лексико-семантический, а также прагма-, психо- и этнолингвистический уровни речевой деятельности.

Если же дискурс является продуктом речевой деятельности, как полагают другие, тогда под дискурс-анализом понимается анализ любых сообщений/текстов независимо от времени их порождения. И здесь уже в фокусе внимания и сам текст, и те условия его функционирования, которые получили свое отражение в тексте. Текст рассматривается как определенный комплекс (конструкт), построенный на основе взаимодействия целого ряда кодов (вербальных и невербальных). Соответственно в нем соседствует определенное множество параллельно функционирующих текстов, обеспечивающих текстовое *многоголосие* (текстовую полифонию), рожденное «затекстовой» реальностью или социальным контекстом, которое может быть восстановлено или реконструировано [Бахтин, 1979; Квадратура, 1999]. Таким образом, здесь фокус внимания смещается на прагматические, социокультурные, психологические параметры содержания, обогащающие текст и обеспечивающие ему социальную востребованность на многие годы после его порождения.

И там и тут текст – это событие. Но если в одном случае текст – это событие взаимодействия реальных людей, то в другом – взаимодействия текста и читающего/смотрящего/слушающего. Так, мы видим, что текст является самостоятельным субъектом коммуникации и в то же время феноменом, событием, которое надо вскрыть, а ключи к нему следует искать в нашем знании кодов, то есть и в нем (тексте), и в нас самих. Ведь не надо забывать, что наше понимание текста есть мера нас самих [Тодоров, 1983; Гийом, 1999].

Событийность текста учитывает его протяженность во времени: от его порождения/кодирования к реальности его самостоятельного существования (в качестве знака) и до процесса его декодирования, который включает и возможность его неоднократного переосмысления. Иначе говоря, текст живет своей жизнью, в которой есть и элемент свободы (выход в социальное пространство и социализация, «отягощение социальными штампами»), и несвободы (текст оп-

ределенным образом вербализирован, «отягощен штампами языка»). Наличие дихотомии «свобода-несвобода», которая читается как собственно содержание или содержание отношений (сформированное вокруг идеи) и содержание формы (привязанное к феномену знака), позволяет понять природу содержания в динамике (без чего понятие «дискурс» просто не существует), а значит, раскрыть его исследовательский потенциал.

Итак, возможность реставрации, реконструкции социальной реальности изначально заложена в дискурсе. Эта реконструкция осуществляется и благодаря, и вопреки тексту, как бы независимо от него [Серио, 1999]. Понятно, что дискурс-анализ, оставаясь по сути текстологическим, приобретает еще одну жизнь – переходит в разряд методик, изучающих социальный контекст, а значит, становится «собственностью» социальных наук [Квадратура, 1999; Jameson, 1981].

В данной книге мы объединяем оба подхода. Наше исследование в прямом смысле слова – интердисциплинарно. Мы полагаем, что именно этим дискурс-анализ интересен и эвристичен, открыт новым возможностям практической исследовательской работы.

Жизненная и исследовательская практики диктуют нам уход от однозначности, рассудочной понятности, так называемой единой правды. Многообразие жизненных установок, ценностей, практик становится фактом реальности и требует не только признания, но и осмысления и теоретического обоснования. Таким инструментом познания стала **дискурсия** – понятие сложное, неоднозначное, явившееся логическим продолжением понятий «дискурс» и «дискурс-анализ». Под последним понимается некая **совокупность языковых практик, участвующих в формировании представлений о социальной реальности**. Мы принимаем эту совокупность не столько с позиции денотата (с позиции видимого и слышимого), сколько с позиции потенциального, ожидаемого, или, по выражению М. Фуко, «притаившегося, невысказанного, невыраженного». Впрочем, М. Фуко вел речь лишь о домысливании, конструировании *объекта* языковых практик [Квадратура, 1999]. Мы же переносим эту идею и на реконструкцию социальной реальности в более полном объеме, а значит, и на *субъект*, а точнее, субъектов коммуникации.

Дискурс для нас – это и *артефакт*, то есть факт, существующий параллельно с реальным (собственно речевым и неречевым), но способный затмить последний, подменить его собой, стать новой реальностью. Соответственно, мы соглашаемся и с тем, что дискурс-анализ – это анализ большой *иллюзии*, которая, тем не менее, становится реальностью.

Этот вопрос для нас настолько важен, что следует особо остановиться на размышлении о том, в каких случаях может происходить *подмена реального виртуальным*? Давайте зададимся вопросом, когда именно текстовое пространство замещает нам реальность, когда мы перестаем видеть разницу между жизнью и текстами, всего лишь трактующими жизнь для нас, но, по сути, уводящими нас от нее?

Таких контекстов не так уж и мало, как может показаться на первый взгляд. Мы можем насчитать, по крайней мере, пять таких контекстов: люди нередко склонны сотворять кумира, а потом они смотрят на жизнь его глазами, оценивают ее на основе его (а не своей) системы ценностей и перестают видеть саму реальность. Последняя начинает подменяться тем, как интерпретируют ее соответствующие авторитеты, и здесь от простой веры до манипуляции – один шаг. Часты и такие ситуации, когда у людей просто нет времени вникать в суть происходящего, и тогда им приходится полагаться на тексты. И уж наверняка у людей нет возможности всегда оказываться в районе происходящего, а, быть может, просто не хватает знаний, чтобы понять происходящее. В таких случаях даже то, что они находятся в эпицентре событий, не исправляет ситуации. И, наконец, когда ими беспардонно манипулируют.

Во всех вышеперечисленных ситуациях, а, возможно, и каких-то других (вспомните «призраки пещеры» Бэкона) [Бэкон, 1938], где человек также может оказаться в прямой зависимости от текста, дискурс-анализ пусть и не панацея, но реальный помощник. Так, он поможет понять ситуацию, удержит от манипулирования нами, а исследователю даст ключ к разгадке того, что неявно и сокрыто от постороннего взгляда.

Сегодня реконструкция реальности из текста перемещается в центр внимания не только социологов и лингвистов [Сусов, 1989; Макаров, 1998; Шейгал, 2001; Wodak, 1989; van Dijk, 1995; van Leewen, 1996], но также историков и культурологов. Дискурс-исследователи дают яркие примеры работы с историческими текстами, открывая новые знания о прошлом и становясь тем самым кумирами пытливой молодежи [Квадратура, 1999]. Дискурс-теория обогащает работу психологов и психоаналитиков: анализ вербальных и невербальных кодов помогает вскрыть мир подсознательного, а значит реконструировать многие социальные болезни общества [Янчук, 2000; Parker, 1990; Potter, 1987]. Работы дискурс-исследователей созвучны тому, что делают специалисты по рекламе и связям с общественностью, имиджмейкеры [Почепцов, 1999]. Дискурс-анализ может стать значимым орудием в руках политиков. Уже сегодня дискурс-экспертиза становится одной из аналитических практик юриста.

Построение дискурс-портретов – это еще один способ реконструкции социального взаимодействия, познание мира и нас в нем. Однако перед тем как подойти к этому ключевому понятию книги («дискурс-портрет»), вернемся на шаг назад и сформулируем более четко, что мы вкладываем в понятия «**дискурс**» и «**дискурс-анализ**».

Итак, для нас **дискурс** – это любой текст (устный и письменный, современный и исторический, реальный и искусственно сконструированный) во всей его полноте и многозначности, полифоничности и полифункциональности, с учетом реального и потенциального, реального и «достраиваемого», конструируемого. Его план содержания, помимо непосредственно коммуницируемого, включает в себя целый комплекс знаний о мире, социуме, коммуникантах, коммуникативных кодах и их взаимодействии.

Соответственно, **дискурс-анализ** – это комплексный анализ всех видов содержания и реконструкция всех видов заложенных в него контекстов. Но это не означает тотальной размытости и неопределенности. Здесь все логично и закономерно. **Дискурс** – это текст, «открываемый» субъектами в процессе коммуникации. Открытие происходит как для говорящего/пишущего, так и для слушающего/читающего, либо переводчика, интерпретатора. Текст неизбежно вбирает в себя массу значений или, иначе говоря, всевозможных аспектов, видов, типов содержания. В нем – и значения, которые вкладывают субъекты коммуникации, и значения, которые рождаются от совмещения коммуникативного и ситуативного планов порождения и восприятия речи. Это, помимо прочего, также и значения, рождающиеся от речеповеденческих характеристик и разнообразного опыта коммуникантов: интеллектуального, национально-культурного, исторического, языкового, речевого, социального, эстетического, космического, наконец.

Синтез и владение этим огромным множеством оттенков содержания являет собой то, что мы называем **дискурс-компетенцией коммуниканта** [см.: Brown, 1983]. Наличие дискурс-компетенции позволяет быть коммуникативно грамотным и значит предвидеть последствия функционирования текстов в социуме, а также учесть их влияние как на судьбы общества, так и свою собственную судьбу.

Остается констатировать, что дискурс-теория и дискурс-практика представляют собой определенное единство и с этих позиций значимы для нашего настоящего и будущего.

1.2. Ключевые позиции каузально-генетического моделирования содержания дискурса

Признание того, что дискурс – это текст, реализуемый в субъектной ситуации общения, ведет за собой понимание того, что в содержании дискурса, как бы на равных, выступают два плана – **предметно-тематический** и **субъектно-тематический**. Иначе говоря, мы пишем/говорим о чем-то, а значит о себе; в своем дискурсе мы постоянно конструируем не только мир, но и себя, и делаем это постоянно, каждый раз как бы заново, подтверждая либо отрицая коммуницируемое ранее. Таким образом, перед нами опять встает образ все того же двуликого Януса – одно его лицо обращено в мир реальности, а другое – в мир знаков. Но мир реальности неоднозначен, впрочем, как и мир знаков, ибо оба они постоянно меняются. И это не удивительно: в основе развития каждой – дихотомические структуры. И если мир реальности предстает перед нами в столкновении субъект-предметных (наше общение с миром) и субъект-субъектных взаимоотношений (наше общение друг с другом), то мир знаковой реальности – в столкновении знаков (кодов), которые их (эти взаимоотношения) репрезентируют, а это, соответственно, языковые и речевые формы репрезентации [Ухванова, 1993, 1998; Oukhvanova, 1997].

Суть каузально-генетического моделирования заключается в том, что **семантическое ядро** плана содержания сложного языкового знака (текста) расширяется **от дихотомии** «коммуницируемый фрагмент мира (референт) – его номинация/вербализация» (знаковый ряд референта) **до квадритомии**, куда входит, соответственно, еще одна дихотомия «коммуницируемый кортеж – его номинация/вербализация» (знаковый ряд кортежа). Напомним, что кортеж – это фрагмент социальной организации мира, то есть взаимодействующие коммуниканты, каждый со своим опытом субъектного взаимодействия, а референт – фрагмент познавательно-деятельностной организации мира, то есть мир в его субъект-объектной данности. Отсюда следует, что в содержании текста на равных взаимодействуют планы референтной и кортежной, знаково-референтной и знаково-кортежной содержательной направленности (все эти планы являют собой феноменологическое содержание, то есть за ними стоит некоторая данность – *феномены*). В содержании текста на равных взаимодействуют также планы гносеологической (структурной), прагматической (иерархической), синтагматической (линейной) и парадигматической (системной) природы (за ними, в свою очередь, стоит некоторая связь, а точнее, *идея* связи или связь, представленная в сознании коммуникантов). Соответственно, взаимодействуют между

собой и эти два плана – план феноменологического и план идеального содержания.

Такой подход не только выводит реальные тексты на так называемое дискурс-пространство, но и объединяет в себе процесс и результат, то есть идею о содержании (текстовую организацию в сознании коммуникантов) и собственно содержание (то, что за текстом стоит, к чему текст отсылает). Схематично мы можем увидеть *процесс* означивания (источники означивания дискурса) и *результат* (семантический октаэдр каузально-генетической модели) на рисунках 1 – 6 Приложения 1.

Организация планов содержания дискурса носит множественный, многоярусный характер и является предметом особого разговора. Здесь же важно сказать то, что строя исследовательскую программу, в фокусе внимания которой находится дискурс субъекта, важно видеть разные стороны его содержания, которые выступают как равнозначные элементы, ибо только в их единстве и возможна реализация содержания дискурса в целом.

Заявленная теория имеет свое четко очерченное положение в наборе существующих исследовательских парадигм, строящихся в континууме: **позитивистская теория** (полагание на существование мира, реальных фактов, находящихся вне субъекта) – **интерпретативная теория** (полагание на мир в сознании субъектов, а значит, интерпретацию их мыслительной деятельности) – **критическая теория** (полагание на то, что мир надо преобразовывать, причем как мир фактически существующий вне нас, так и существующий виртуально, в нас самих) [Dijk, 1988, 1993; Edelman, 1977; Fairclough, 1995, 1997; Fowler, 1979; Wodak, 1989;] – **постмодернистская теория** – полагание, что нет мира и нет субъекта вообще, но есть миры и субъекты в своей неповторимой данности; субъект неоднозначен, ибо пересекается со всеми этими мирами, как и каждый отдельный мир неоднозначен, ибо пересекается со всеми этими субъектами. Изучение, такой полифонии, несмотря на всю сложность задачи, тем не менее, возможно. Один из путей – исследование методом отдельного случая (case study) [Янчук, 2000; Rosenvald, 1988; White, 1950], когда мы можем сосредоточиться в своем исследовании на малом, но сделать это последовательно, многоступенчато, с охватом всего возможного диапазона проявлений изучаемого явления. Впрочем, исследование в рамках одной из предыдущих постмодернизму парадигм (или перспектив, как они называются в современных англоязычных текстах) также не будет логически ущербным, ибо может быть рассмотрено в качестве исследования отдельного случая, но уже с позиций его глубины и однозначности, если, конечно, мы четко знаем границы возможного при исполь-

зовании той или иной теории и учитываем относительность результатов исследования. В этом случае недостаток теории становится ее достоинством. Так, если мы верим факту (то есть нашим чувствам), а факт может быть иллюзией (ибо нередко и наши чувства нас подводят, будучи несовершенными), то мы все равно изучаем это существующее (или видимое) как факт эмпирического опыта, только не возводим его в ранг так называемой последней истины или инстанции.

Каузально-генетическое моделирование содержания открывает ряд новых исследовательских возможностей, в том числе исследование дискурса реальных субъектов (адресантов) методом построения дискурс-портретов. Понятие дискурс-портрет – новое для современной науки. **Дискурс-портрет** – это методика анализа текста, которая учитывает полифонию содержательного текстового пространства, но подчиняет ее решению одной глобальной задачи – получению максимально обширной информации об адресанте. Иначе говоря, являясь динамической по сути и функциональной по подходам, она «схватывает» практически все «тексты» дискурса, заставляя их работать на себя. Так здесь, в первую очередь, актуализируются «Я-текст» и «Мы-текст» (саморепрезентация и/или кортеж-специфицирующие компоненты содержания), «Вы/Ты-текст» (восприятие адресантом аудитории), «Он/Она/Оно/Они-текст» (институционализация субъекта коммуникации). Помимо этого дискурс-портрет учитывает и другие аспекты содержания, в том числе код-специфицирующие компоненты. Последние (за исключением невербальных кодов) и составляют то, что в специальной литературе принято называть «речевой портрет» субъекта коммуникации. Таким образом, речевое для дискурс-портрета лишь один из функциональных компонентов, который осмысливается в социальном контексте и тем самым обогащается и преобразуется в новое многогранное единство. Так, анализируя дискурс субъекта, мы можем реконструировать и его самого: осмыслить специфику самовыражения личности, ее мир, аудиторию, иерархию ценностей и многое другое, а также диапазон ее влияния и в результате – построить дискурс-портрет адресанта. Это особенно значимо, если принять во внимание роль личности в истории и перенести подобного рода исследования из области лингвистических исследований в интердисциплинарный контекст.

Возвращаясь к обсуждаемой теории, остается добавить, что заявленная нами каузально-генетическая модель, трактуемая как методология, непосредственно использует методику «кейс стади», ибо концентрирует свое внимание на той самой капле, в которой отражен весь мир, а именно, на ядре содержания текста с учетом всевозможных его динамических разрешений. Изучив ядро

(операционализовав понятие, разложив его на рабочие категории и установив их взаимодействие), мы можем проецировать результат на реальный текст и, далее, совокупность текстов (макротекст), рассматривая его целостно как единый знак. Вот почему мы считаем возможным и корректным, опираясь на данную теорию, исследовать ограниченное количество текстов, утверждая, тем не менее, что мы исследуем дискурс субъекта как целостное явление, то есть открытый перечень текстов (тексты, порождаемые конкретным субъектом). Возможно и *встречное движение*: изучая открытое множество текстов, воспроизводимых по разным поводам, в разных коммуникативных ситуациях одним лицом, мы можем остановить внимание на реконструкции типичного (например, типичных коммуникативных ситуаций, в которые помещает себя субъект: **межличностной** – интервью, беседа с журналистом, **в группе** – выступление перед специализированной аудиторией, **массовой** – выступление перед неограниченной группой людей, транслируемое СМИ на широкую аудиторию, а из него выйти на изучение отдельного, частного, единичного (нахождение ключевой категории и ее операционализаторов) и типологического (нахождение способов наполнения категорий, число которых оказывается формально ограниченным).

От предварительных методологических замечаний перейдем к проведению *инвентаризации* категориального и методического аппарата для реконструкции субъектов коммуникации и построения дискурс-портретов политических лидеров.

1.3. Дискурс-анализ как совокупность аналитических практик

Поговорим, *во-первых*, о **категориях** и их **совокупностях** (функциональных целостностях), которые могут быть операционализаторами или составляющими дискурс-исследований (качественного анализа текста) и которые, в частности, были использованы в процессе построения дискурс-портретов; а *во-вторых*, о частных **методиках**, которые и составили основу данного дискурс-исследования. Наш категориальный аппарат достаточно обширен и многопланов. На настоящий момент он насчитывает 31 дискурс-катеорию.

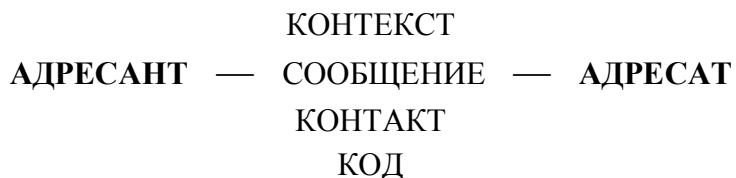
В нашем исследовании мы стремились выделить синтезированные, динамические типы лидерства (дискурс-типы), в связи с чем уделяли большее внимание не каждой отдельной категории, а их группам, то есть **категориям в их взаимодействии**. Для удобства описания этих групп мы выделили те категории, которые являются для них стержневыми. Они также являются конституирующими для тех методик, которые составили основу нашего дискурс-анализа.

Помимо этого они оказали огромное воздействие на формирование корпуса дискурс-типов, которые представлены в Части 2. Впрочем, надо отметить, что не только они, но большинство выделенных нами дискурс-категорий «работает» в качестве типобразующих и методико-центричных, каждая из них играет значимую роль при написании дискурс-портретов, а значит, каждую следует научиться различать и фиксировать, осуществляя сбор базы данных для последующего анализа материала. Подтверждением тому является то, что некоторые категории задействованы не в одной, а в нескольких методиках (что к тому же является доказательством внутренней связи, дискурса, его функциональной цельности).

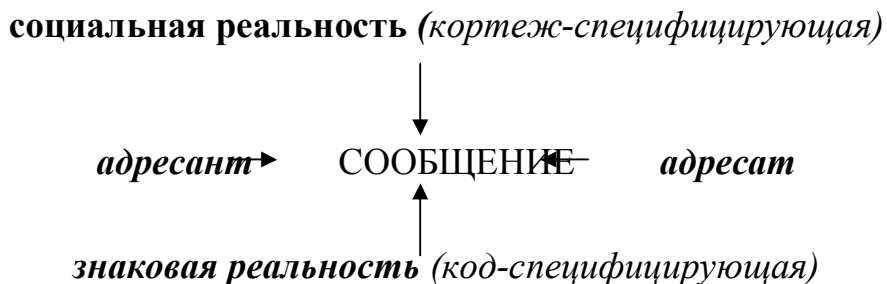
На этом основании рассмотрим вначале категориальный аппарат, на котором строились дискурс-портреты, а уже затем остановимся на методиках, составивших корпус нашего дискурс-исследования.

Итак, посмотрим на группы дискурс-категорий поближе. Все заявленные выше категории мы разбили на 4 группы, куда вошли: категории, отражающие и конструирующие: (1) *адресанта*; (2) *адресата*; (3) само *сообщение* с учетом его предметного контекста (с учетом того, **что** именно становится предметом сообщения) и (4) *сообщение* с учетом его языкового контекста (т. е. с учетом того, **как** именно это «что» вербализируется).

Данные группы мы «собрали» с опорой на традиционную трехсоставную социалингвистическую модель коммуникации [Якобсон, 1985],

предполагающую усложнение центральной позиции (СООБЩЕНИЕ) такими элементами, как КОД (языковой контекст) и РЕАЛЬНОСТЬ (предметно-деятельностный контекст). В нашем случае правильнее будет эту схему представить следующим образом:

Все эти позиции мы прочитываем (согласно каузально-генетическому подходу) как элементы **содержания** дискурса, исходя из следующей логики: текст (сообщение) не только занимает центральное положение в данной модели, но и основное, ибо, прочитываемый как дискурс (что является исходной посылкой нашего исследования), он неизбежно включает в себя субъектную ситуацию общения (то есть позиции «адресант» «адресат»). Последние значимы не только сами по себе, но и во взаимодействии. Отсюда мы строим четыре группы категорий: адресант-идентифицирующие, адресат-идентифицирующие, кортеж-идентифицирующие и код-идентифицирующие. Рассмотрим их в заданной последовательности.

Первую группу – адресант-идентифицирующие категории – «ведет», как мы полагаем, дискурс-категория *самоидентификация*. То, как лидер подает себя: как *называет* и как интерпретирует, развивает это название; какие *роли* себе приписывает; видит ли он себя в ареоле *качеств* или *действий*, поступков, а, быть может, результата своей деятельности, реального или проецированного в будущее – *миссии*; в какие *временные* и *пространственные* рамки себя «вписывает». Все это не просто необходимо для дискурс-портрета, но и принципиально важно, составляет ядро, суть, значимый центр портрета [см.: Манжула, 2000; Маркович, 2001, 2002]. Именно эти категории, как мы полагаем, следует декодировать адресату, чтобы осознать и понять масштаб того человека, с кем он общается, его тип (его «Я-текст»). В контексте нашего исследования эти дискурс-категории мы будем также называть лидер-идентифицирующими. Составляющие эту группу названы, определены и актуализированы в *таблице 1.1*.

Мы полагаем, что данные семь дискурс-категорий не являются исчерпывающими, а лишь ключевыми в этой группе. Здесь можно было бы выделить еще одну категорию – *модальность*, которая легко вписывается практически в каждую из вышеназванных. Однако мы этого не делаем в силу того, что она, как мы увидим дальше, точно так же впишется и в другие группы. Это еще раз говорит об условности помещения категорий в те или иные группы, а также об их взаимопроникновении и взаимодействии, что подтверждает, в конечном счете, их функциональную целостность.

Таблица 1.1. Адресант-идентифицирующие категории

Дискурс- категории	Определения	Примеры или комментарий
Само- идентификация	Репрезентация себя через знаковую номинацию, и ее интерпретация (средствами семантики, грамматики, стилистики)	<i>Я как президент, обращаюсь ко всему народу.... В силу своего положения президент (о себе) знает все...</i>
Время	Проецирование себя во времени (прошлое, настоящее, будущее, реальное/нереальное)	<i>Мы всегда знали ...</i>
Пространство	Проецирование себя в пространстве: геополитическом (местный или глобальный уровень) или модальном (реальность, виртуальность)	<i>И в 1985 году я встречался в Москве</i>
Миссия	Вербализация целей и задач	<i>Мы выведем страну из кризиса. Свергнуть режим – вот наша высшая и главная цель.</i>
Атрибутивность	Набор качеств как реальных, так и приписываемых идентифицируемым субъектам дискурса	<i>Трудолюбивый, сильный, мужественный народ, который никогда не склонял голову перед лицом опасности</i>
Деятельность	Набор деятельностных характеристик идентифицируемых субъектов дискурса	<i>Я говорил, говорю, и буду говорить. Я сделаю все...; Есть работа, которую должен делать президент</i>
Роль	Демонстрация или приписывание себе определенной роли	<i>Я как президент обращаюсь ко всему народу</i>

Таблица 1.2. Аудитория-идентифицирующие категории

Дискурс- категории	Определения	Примеры или комментарий
Аудитория	Отражение характеристик аудитории в дискурсе: через обозначение аудитории и формы обращения к ней	<i>Уважаемые женщины...; - Как тебя зовут? - Михаил. - Ну вот, Михаил, ты же знаешь....; мы уже достигли многого, но можем достичь больше; всякий, кто посягнет на спокойствие граждан нашей страны, получит достойный отпор</i>
Целевая аудитория	Отражение в тексте того сектора аудитории, которую адресант завоевывает	<i>Я обращаюсь к рабочим и это не просто слова: в молодости; я тоже работал на заводе, был токарем 3-го разряда и знаю, как нелегко этот труд</i>
Реляционная КС	Установление со стороны адресанта определенного отношения к адресату («презентация», «атака», «защита», «я также, я лучше»)	<i>Мы тоже не лыком шиты; я тоже был на этой встрече, как и на многих других, где их не было; а откуда у господина N квартира в Москве и дача на Канарских островах?</i>

Вторую группу – адресат-идентифицирующие категории – «ведет», как мы полагаем, дискурс-категория *аудитория* (ее можно также назвать *идентификация аудитории*). Понятно, что без аудитории нет лидера. Ведь как он может реализовать себя без ведомых, без тех, к кому обращается, кого убеждает, кем манипулирует? Без них он, как король без свиты, как учитель без ученика. Реконструкция аудитории из текста адресанта возможна с опорой на то, как он называет адресата, как к адресату непосредственно обращается, а также в определенной степени с опорой на то, какое **речевое поведение** избирает для общения с ним: насколько последователен он в *стиле, тональности* общения, какими *реляционными коммуникативными стратегиями* пользуется – нападает или защищается, а быть может, просто *презентирует* себя перед данной аудиторией, демонстрирует свои качества, поступки [о коммуникативных стратегиях см.: Зернецкий, 2000; Ухванова, 2000; Ухванова, Гудкова, Манжула, 2000; Попова, 2001]. То есть мера себя есть и мера аудитории (*по Сеньке шапка*). Иначе говоря, лидер ведет себя с аудиторией так, как она того заслуживает, и по-разному с разной аудиторией. Можно сказать, что лидер не только отражает реальную аудиторию, но он ее и конструирует, приучает к себе, меняет, исходя из своих интересов. Но и она меняет его, развращая или, наоборот, воспитывая, возвышая. Именно эти категории, как мы полагаем, следует актуализировать адресату, чтобы осознать свой масштаб и то, кем является аудитория для лидера. Это – «Ты-текст» или «Вы-текст», отражающие электорат лидера. Входящие в эту группу (соподчиненные) дискурс-категории, их дефиниции и примеры актуализации в тексте представлены в *таблице 1.2*. Здесь есть две категории промежуточного плана. Это *коммуникативная стратегия* и *контакт с аудиторией*. Так они могут быть отнесены в равной степени и ко второй и к третьей **кортеж-идентифицирующей** группе.

Рассмотрим третью группу дискурс-категорий (ЧТО-КОМУ), ведущей в которой является, как мы полагаем, категория *направленная информация*. Так, предмет общения у политика всегда согласован с возможностями аудитории, а, быть может, и ее ожиданиями, готовностью воспринять информацию. Понятно, что для того, чтобы не утомлять аудиторию и в то же время сделать текст насыщенным, адресант стремится актуализировать такие дискурс-категории, как: *интертекстуальность, интерсобытийность, интерсубъектность*. Но эти «интер»-категории могут быть актуализированы только в единой дискурсообщности¹. В противном случае они останутся абстрактными, ничего не знача-

---

¹ Понятие «дискурсообщность» непосредственно пересекается с понятием «коммуникативный кортеж» или просто «кортеж». Их различие лишь в том, что они соотносятся с разными группами явлений: первое – факт реальности, а второе – факт сознания; первое – предпосылка, а второе – результат. Иначе говоря, дискурсная общность – это группа людей, организованная в рамках определенной коммуникативной ситуации и регулярно воспроизводимая с учетом определенного временного континуума. Например, дискурсообщностью (дискурсной группой) могут быть люди, посещающие одну

щими, то есть пустыми для аудитории словами. Дискурс-общность – это еще одно название коммуникативного кортежа. Данную группу категорий мы назовем кортежной или кортеж-идентифицирующей [см. Попова, 1998]. Входящие в эту группу категории соответственно можно охарактеризовать как соподчиненные. Их дефиниции и примеры актуализации в тексте представлены в *таблице 1.3*. Здесь пограничными (то есть принадлежащими к разным группам дискурс-категорий) являются все «интер»-категории, ибо они одновременно идентифицируют и адресата и адресанта, взятых по отдельности.

Таблица 1.3. Кортеж-идентифицирующие дискурс-категории

Дискурс-категории	Определения	Примеры или комментарий
Направленная информация	Информация, упакованная для целевой аудитории	<i>А казачок-то он засланный...</i>
Коммуникативная стратегия (КС)	Реализация мотивации общения (как субъект-предметной, так и субъект-субъектной)	Об изучении реализации коммуникативных стратегий см.: Методология, 2000 (5.3-5-5)
Предметно-ориентированная КС	Конструирование реальности в интересах адресанта	<i>Для выяснения причин в сложившейся ситуации правительство создало спец. комитет по расследованию причин катастроф</i>
Кортежная КС	Актуализация факта тесного взаимодействия коммуникантов (на основе единых целей, мотивов, предметного видения и пр.)	<i>У нас одна цель; я клянусь в преданности этому флагу и республике, за которую наши отцы шли в бой...</i>
Контакт с аудиторией	Эффективность-неэффективность в достижении целевой группы (включение аудитории в свой кортеж)	<i>Подождите товарищи, не надо аплодисментов, не за тем я здесь стою. Я просто хочу, чтобы вы узнали о моей твердой позиции...</i>
Интертекстуальность	Расширение содержательного потенциала дискурса с помощью цитат, словиц, иллюстраций	<i>Пойди туда не знаю куда, сделай то, не знаю что – вот в такой ситуации оказалась наша комиссия...</i>
Интерсобытийность	Расширение содержательного потенциала дискурса с помощью отсылок к другим, нетематическим событиям	<i>Вспомним, как отмечали 1-е мая в России середины 80-х...</i>
Интерсубъектность	Расширение содержательного потенциала дискурса с помощью отсылок к другим, нетематическим субъектам	<i>Мы встречались с президентами стран СНГ; простые люди, учителя, врачи...</i>

школу, один вуз, принадлежащие к одной общественной организации, профессиональному союзу, но только регулярно общающиеся в рамках этой социальной структуры.

В то время как кортеж – это воспроизведение результата такого общения, т.е. это отражение в текстах предыдущих субъектных взаимодействий коммуникантов. Каждый из коммуникантов имеет свой кортеж (тех, кто формировал, продолжает формировать их мировоззрение и поведение). Эти социальные связи актуализируются в содержании порождаемых текстов самым различным образом: непосредственно (номинативно) и опосредованно (через интертекстуальность – цитирование, использование характерных слов и словосочетаний, синтаксических оборотов). Коммуникант, будучи солидарным с определенными дискурсными группами, может приносить в содержание дискурса их строй мысли и ценностные ориентиры. Он также может, общаясь с непосредственными коммуникантами, вести диалог с виртуальными субъектами, которые поразили его чем-то в прошлом, оставили след в его опыте общения, и при этом, что важно, оставили чувство незавершенности диалога). Деконструирование подобных внутренних кортежей коммуникантов, вписанных в тексты общающихся, возможно в процессе аналитической работы дискурс-исследователя.

Рассмотрим теперь четвертую группу дискурс-категорий (ЧТО-КАК-КОМУ), ведущей в которой является, как мы полагаем, категория «корреляция *миф-реальность*». Каждый лидер конструирует не только себя, свою аудиторию и строит свой кортеж. Он также «строит» свой язык, т. е. код общения с аудиторией. Код лидера – составляющая его имиджа и это, безусловно, понятие многогранное. Декодируя код, мы выясняем, стоит ли лидер на земле или витает в облаках, уводя за собою аудиторию (*модальность*). Он может подыгрывать аудитории, эксплуатируя ее эмоции (*ценностная пропаганда*), заговорить ее языком (*статусные характеристики кода, диалект*) или заставить ее говорить на своем языке. Он может диктовать ей свое видение реальности или пригласить к размышлению и конструировать реальность вместе с ней (*открытость-закрытость текста*). Он будет менять язык в зависимости от *времени* и *аудитории*, переходить на эзопов язык, любой другой, лишь бы знать, что этим он удержит аудиторию *здесь и сейчас*. Код – это также мера долговечности политика, его силы и готовности удержать власть. Отсюда наша уверенность в том, что код политика несет информацию о нем самом. Данную группу категорий мы называли код-идентифицирующей. Дефиниции и примеры актуализации в тексте представлены в *таблице 1.4*.

Таблица 1.4. Код-идентифицирующие дискурс-категории

Дискурс-категории	Определения	Примеры или комментарий
Корреляция «миф-реальность»	Направленность мысли с учетом отправной точки дискурса (либо реальные факты, либо миф) и завершающей (создание – воспроизведение – разрушение – иллюстрация мифа – реальности)	<i>У нашей партии тысячи ячеек по всей стране, а скоро будут миллионы. Это значит: десятки миллионов людей встанут под наши знамена</i>
Риторическая практика	Набор риторических приемов и технологий (в том числе из арсенала ценностной и фактологической пропаганды, а также лингвистического программирования), используемых для манипулирования аудиторией в определенных целях	<i>Все миролюбивые люди понимают, что...</i> (прием ценностной пропаганды «блестящая неопределенность»)
Дискурсная практика	Объемная характеристика дискурса, реализуемая с помощью ключевой темы (топика), которая одновременно является и целью, и результатом (как, например, дискурс консолидации, конфронтации, лоббирования)	Декодирование данной категории оптимально в совокупности с другими категориями данной группы
Лингвистический статус	Использование престижных / не-престижных форм национального языка, др. языков, диалектов (со-	«Трасянка», «тарашкевица», маркированное использование только одного языка или двух (в двуязыч-

	циально маркированного языкового кода)	ных странах)
Энциклопедические знания	Использование знаний, демонстрирующих энциклопедичность адресанта	Терминология из разных областей знаний, в том числе использование редкой, устаревшей лексики
Правильность речи	Маркированность нормативных или ненормативных форм речи	Учет характеристик аудитории
Вариант языка	Использование исторически маркированного языкового кода	<i>Товарищи, отнюдь, сударь</i>
Специальная терминология	Отсутствие либо чрезмерное использование специальной терминологии	Установление терминологического поля, уровня спецификации и определение количественного показателя
Стилистический диапазон	Разнообразие стилистических регистров (формальный, неформальный, слэнг...)	Единообразие стиля либо их намеренное смешение несовместимого
Интерактивность	Демонстрация и актуализация навыков общения на межличностном уровне, в группах и с массами (с использованием информационных технологий)	Грамотная организация и постоянное обновление интернет-страниц и др.
Невербальное поведение	Использование языка тела	«Барьеры» из рук, окружающих предметов (стул, стол) и др.
Открытость/ закрытость	Демонстрация отношения к аудитории. (Такая форма упаковки информации, которая либо дает аудитории возможность участвовать в создании смыслов, либо требует полного подчинения и восприятия готовых штампов, ведущих к созданию готовых смыслов)	Паузы, разграничивание факта и комментария, другие жанровые характеристики
Степень активности адресанта в коммуникации	Интенсивность содержания, приносимого теми или иными формами невербального и вербального поведения	Количественный показатель

Таким образом, перед нами 31 содержательная категория, заложенная в основании функционирования дискурса. Эти категории соподчинены внутренней организации дискурса, а значит, имеют иерархическую, структурную, системную и линейную организацию. Их выявление – дело соответствующих аналитических практик. Среди них такие виды анализа, как идентификативно-интерпретативный (номинативный), анализ кода (системный) нарративный (линейный), анализ коммуникативных стратегий (мотивационно-целевой или иерархический), анализ дискурсных практик (структурный) и риторический (функциональный). Общая тенденция операционализации методик через дискурско-категории представлена в *таблице 5*. Рассмотрим эти методики в заданной последовательности.

Идентификативно-интерпретативный (номинативный) анализ в чем-то сродни тема-рематическому анализу, ибо с его помощью мы выявляем тему (то есть то, о чем идет речь в тексте) и какое развитие эта тема получает. Однако используется идентификативно-интерпретативный анализ и на узком (сегмент текста) и на более широком текстовом пространстве (макротекст). Его назначение – (1) идентифицировать все позиции, становящиеся (или способные стать) тематическими в дискурсе, в том числе сквозные темы дискурса – топики, и (2) определить характер их развития и фокусировку. При этом сквозные темы могут быть и предметно, и субъектно, и знаково ориентированы. В контексте нашего исследования данная методика (как видно из таблицы 1.5) сконцентрирована на адресант-значимых категориях. Отсюда понятно, какое большое значение мы отдаем этой методике в контексте составления дискурс-портретов.

Таблица 1.5. Методологический аппарат дискурс-исследования

Методики	Дискурсные категории
Идентификативно-интерпретативный анализ	Самоидентификация, атрибутивность, деятельность, время и пространство (дейксис), миссия
Анализ кода	Реальность-виртуальность (модальность), аудитория, целевая аудитория, контакт с аудиторией (формы обращения); направленная/упакованная информация (лексико-семантические поля, ключевые слова)
Нарративный анализ	Соотношение «миф-реальность», линия ключевых слов, оценка/отношение, открытость-закрытость
Анализ коммуникативных стратегий (мотивационно-целевой анализ)	Реляционная, кортежная, предметно-ориентированная коммуникативные стратегии
Анализ дискурсных практик	Дискурсы, дискурсии, интерсубъектность, интертекстуальность, интерсобытийность
Риторический анализ	Приемы ценностного, фактологического, (нейро)лингвистического воздействия.

Другая методика – **анализ кода**. За ней стоит вдумчивое, внимательное отношение к языковому, вербальному воплощению дискурса. Буквально все уровни языка (грамматический, синтаксический, лексический, а также просодический для устных и графический для письменных текстов) необходимо учесть и декодировать их содержательный потенциал, ибо с его помощью мы должны найти репрезентацию социального контекста, ту самую «жизнь, которая встает из-за слов»: субъектную и предметную ситуации общения. Соответственно здесь (как это продемонстрировано в таблице 1.5) мы обнаруживаем

как аудитория-значимые, так и код-значимые категории.

Третья методика – **нарративный анализ**. Его объектом является *событийность* текста. Текст есть хеппенинг (happening), перформанс (performance), он подчиняет себе адресанта, «диктует видение событий». Учитывая, что политическая коммуникация – это исключительно перформанс, данная методика играет ключевую роль в декодировании перформативных черт политика и самой политики, то есть способов воспроизведения/конституирования власти. Здесь «работают» категории всех направлений, а именно: лидер-, аудитория-, кортеж- и код-идентифицирующие. Таким образом, нарративный анализ – это анализ специфики общения политика с аудиторией, ибо наррация – «поводок», от длины которого зависит степень свободы аудитории в трактовке явлений действительности и взаимоотношений в социуме.

Анализ коммуникативных стратегий – методика так называемой точечной диагностики. С ее помощью мы декодируем мотивационно-целевой срез поведения политика. Здесь мы стремимся понять то, что определяет отношение политика к аудитории и к миру в целом, на какие конкретно отношения и на создание какой именно реальности он себя программирует. Этот мотивационно-целевой речеповеденческий срез содержания дискурса является как бы «текстом в тексте» и его декодирование, соответственно, требует учета практически всего аппарата дискурс-категорий. В этой связи точечная методика превращается в самодостаточную [Методология, 2000, с. 194-215].

Анализ дискурсных практик – еще одна возможность углубить наше знание о политике и «нарисовать» более точный и дифференцированный дискурс-портрет. Каждый политик использует определенный, фиксированный набор дискурсных практик, но может все же быть разнообразен/своеобразен в их наполнении – в реализации конкретных дискурсий. Особенно интересно это наблюдать на примере актуализации так называемых «интер»-категорий дискурса. Декодирование структурных элементов дискурса политика (как например, набора исходных фреймов, концептов) всегда несет информацию о нем и, значит, должно быть принято во внимание при составлении его дискурс-портрета [Лассан, 1995].

Наконец, **риторический анализ** как способ получения новых знаний о политике. Здесь мы имеем дело с функциональным содержанием дискурса, а значит, с тем, как политик взаимодействует со своим электоратом, как он осуществляет свою власть над ним, как удерживает внимание аудитории, как преподносит себя, свои слабые и сильные стороны, как становится знаковой фигурой.

Легко увидеть взаимосвязь и взаимозависимость всех этих методик, что

вполне соотносится с ранее заявленным нами тезисом о комплементарности и верификативности методик, составляющих единое поле дискурс-анализа.

1.4. Практические вопросы дискурс-анализа

Итак, мы максимально приблизились к тому, чтобы начать практическую работу по анализу дискурса. А значит, нам надо уделить внимание и тому, как осуществлять поиск категорий и собирать базу данных для последующего составления дискурс-портретов. Но вначале хотелось бы обозначить ключевую совокупную характеристику, необходимую «исследователю-качественнику», каковыми мы и являемся, ибо наш анализ не строится на статистической выборке и количественных данных, а требуют **аналитических и интерпретационных** процедур. И это то, что Ансельм Страусс и Джульет Кобрин в своей книге «Основы качественного исследования» называли «теоретической чувствительностью» [Страусс, 2001, с. 35-40]. Последняя предполагает, что необходимо осознавать тонкие различия значения данных, что надо быть проницательным, иметь способность осмысливать данные, понимать и отделять подходящее от того, что таковым не является. И все это «скорее концептуально, чем конкретно». Помимо этого следует, конечно же, читать соответствующую литературу, знать источники и оставаться разумным скептиком. Надо также следовать исследовательским процедурам и, конечно, накапливать опыт (чем больше его, тем лучше).

Особенно необходима теоретическая чувствительность в процессе работы с **идентификативно-интерпретативной** методикой. Именно она оказывается самой сложной, и не только для новичка. Впрочем, это не удивительно. Трудно не согласиться с утверждением, что для того, чтобы идентифицировать, что содержит текст, надо этот текст внимательно прочитать. В свою очередь, для того чтобы приступить к интерпретации, надо быть уверенным, что вы интерпретируете именно то, что заложено в этом тексте, а не свое «видение». Часто в нашей каждодневной речевой деятельности мы делаем досадные промахи, не утруждая себя понимать услышанное/написанное, а следуем стереотипам.

Внимательное прочтение – это, быть может, самая важная часть нашей исследовательской работы. Недопустимо «сканирование», скольжение по тексту. Здесь мы не действуем методом вырезания и вклейки, то есть не вооружаемся реальными или воображаемыми ножницами и не строим макротекст из случайно взятых сегментов. Для нас актуальность и значимость сохраняет весь текст в его цельности и единичности/исключительности. Мы не задаем тему тексту, не подбираем тексты согласно заданной тематике, а ищем ее: о чем говорится в

тексте? что именно об этом говорится? и т. д. Читая и анализируя, мы работаем с сегментами, но как с определенными последовательностями, маркируя их тема-рематическую и топико-фокусную информацию (следуя за линией их развертывания, а также декодируя структурные, иерархические и системные компоненты содержания текстов, последовательно обнаруживая все новые и новые закономерности и случайности знакового воплощения дискурс-смыслов). Тематическими могут стать и субъекты коммуникации, и феномены, и даже слова, знаки, форма (лозунги, образы). Соответственно, текст после обработки получает новое формальное выражение, которое, как мы пришли к выводу, оптимально представлять в таблицах (*образец рабочей таблицы см. в Приложении 2*). Главное, чтобы эта собранная для последующего осмысления база данных действительно «читалась», и чтобы не было необходимости каждый раз вновь и вновь обращаться к самому тексту.

Поскольку в тексте взаимодействует определенное множество текстов, нам надо последовательно «считать» каждый из них, то есть его кодировать. Это кодирование предполагает выписывание ключевых позиций каждого категориального единства с последующим анализом этих новых формальных единств. Такова процедура нашего анализа. И эта процедура – **новое форматирование** или **«усовершенствование»** текста – носит фундаментальный или базовый характер для нашего исследования. Да, можно согласиться, что в основе работы – результаты личного прочтения текста, но тот факт, что позиция «о чем текст» поддерживается позицией «что именно об этом говорится», и если ничего не говорится, то «это» исключается (или фиксируется как потенциальная, но не актуальная тема), означает, что анализ не носит чисто субъективного характера. Иначе говоря, данный метод несет в себе верификативное зерно, и это снимает тот налет субъективности, который всегда присущ чтению (декодированию текста). Он содержит также и интерпретативное начало, и присвоение имени (формы), то есть своего кода для последующей более компактной обработки материала.

Как видим, текст сохраняется, но сжимается. Его «держит» тема. Ее функциональное бытие обеспечивает цельность текста (дискурса). И это тема-рематическое или топико-фокусное единство, в свою очередь, является одним из «текстов» дискурса.

Ключевыми субтекстами, функционирующими в одном глобальном тексте при построении дискурс-портретов, являются, как это было продемонстрировано в предыдущем параграфе, (1) текст (лидера/адресанта) о себе (*Я-текст*); (2) текст об аудитории лидера (*Ты, Вы-текст*); (3) текст единения лидера с ауди-

торией (*Мы-текст*) и (4) собственно текст или текст на пересечении кодов (*Текст*). Естественно предположить, что иерархически ведущим должен быть «Я-текст», а остальные соподчинены ему и прочитываются в нем. Эта гипотеза основана на том, что мы строим дискурс-портреты этих субъектов и значит в определенном смысле приписываем им определенное «Я». Под нее мы кодируем и форматируем (преобразовываем в таблицы) наше текстовое пространство (выборку). Сбор информации об адресанте и есть наша ключевая задача.

Если продолжить разговор о работе с сегментами дискурса и дискурсом в целом с учетом его линейной, иерархической, системной и структурной организации, то надо отметить следующее. Когда в фокусе внимания исследователя *линия* (содержание дискурса с позиций его линейной презентации), то исходными данными, обязательными для каждого сегмента текста и текста в целом, должны быть: (1) начало сегмента/текста и его характеристики; (2) «тело» текста (идентификация того, что в нем содержится и интерпретация этих данных); (3) конец сегмента/текста и его характеристики. Соответственно, работая со *структурной* организацией содержания текста, мы должны строить **деревья**, демонстрирующие логику развития тем, ключевых элементов содержания. В свою очередь, *системная* организация хорошо реализуется в построении **полей**, репрезентирующих ключевые элементы семантического и жанрово-стилистического среза содержания. *Иерархическая* репрезентация содержания может взять за основу любую из этих позиций.

Эти предписания говорят о том, что работа кропотлива, систематична, объемна, а значит, успех дискурс-анализа достигается не автоматически, а зависит от ответственности и профессионализма исследователя. Пошаговость – обязательное условие успеха. Спешка или желание сразу охватить все может привести к тому, что исследователь напрасно потеряет драгоценное время и весь путь придется пройти заново.

Некоторые из аспектов практической работы демонстрируют примеры Приложения 3. Как видим, задача исследователя – перечитывать неоднократно текст, находя все, что так или иначе актуализируется в нем, и фиксировать в таблицах, которые в своей совокупности и являются базой данных. Именно ее мы и должны анализировать и интерпретировать на последующем этапе исследования.

Для того, чтобы данный этап работы исследователя был понятен, остановимся на ключевых понятиях, которые составляют основу написания аналитических записок или конечного аналитического текста по всем исследовательским процедурам. Это – абстракция и типификация (построение типологий). Эти категории позволяют подняться над каждым отдельным случаем репрезентации и перевести его в разряд возможных, характерных, абсолютных.

Абстракция и типификация дают знание об идее текста. За новым знаковым рядом (категориальной кодировкой текстового содержания) следует этап сравнения и сопоставления, этап контрастного прочтения: *что есть в тексте, а чего нет, но могло бы быть, ибо оно есть в текстах других субъектов, входящих в исследовательскую выборку*. С помощью контрастного сравнения мы идентифицируем подробности социального взаимодействия коммуникантов и специфику функционирования их текстов (что эти темы представляют собой с позиции репрезентаций).

Социальное взаимодействие – это, в том числе, и речевое взаимодействие (речевое поведение), содержание которого вовлекаемые коммуниканты актуализируют, соотнося с образцами и с поведением других. Значение поведения, таким образом, в каком-то смысле субъективировано и совпадает с тем, как его оценивают участники взаимодействия. Это и дает основание для обобщения, а в дальнейшем и идентификации *типов поведения коммуникантов*.

Понятно, что типы поведения коммуникантов соотносимы не только с поведением людей, но и с типами ситуаций, опыта, отношений к реальности. То есть мы можем строить типологию субъекта коммуникации практически по всем категориям содержания его дискурса. Так мы приходим к конечной цели: декодируя содержание текста, мы строим дискурс-портрет коммуниканта, который является референтом нашего исследования. Собирая данные о тексте (его категориях), мы собираем данные об адресанте (его речевом поведении, его мире реальном и знаковом), интерпретируем их и строим типичную модель адресанта, которая и открывает возможность дать «полное описание» исследуемых персоналий и их сообществ, построение дискурс-типов лидерства или собственно речеповеденческих типов.

1.5. Тенденции анализа невербального поведения политического лидера

Успех политика во многом зависит от того, КАК он общается, как звучит его голос, как он одет, насколько подвижен или статичен. Бесконечная монотонность, невнятность могут погубить в глазах аудитории даже самую содержательную речь. Мятый костюм, дрожащие руки, бегающие глаза – свидетельства неуверенности в себе, а лидер должен демонстрировать силу духа и волю к победе. Политик – постоянный объект оценки аудитории. Часто мы слышим: «Мне он не нравится, я ему почему-то не доверяю» или же «Он знает, что говорит, я ему верю», и отнюдь не всегда можем четко объяснить, почему же мы верим одному политику и не верим другому. Одной из таких причин может быть рассогласованность вербального и невербального кодов.

Для большинства невербальные знаки инстинктивны и выполняются автоматически. Воспринимаются они также в основном на подсознательном уровне. Невербальным поведением трудно управлять, особенно в непредсказуемой ситуации, каких может быть предостаточно на пресс-конференциях или встречах с избирателями.

В настоящее время невербальное поведение находится под пристальным изучением исследователей. Уже издано много книг по данной проблематике. Правда, наш поиск такой литературы обнаружил, что в основном это англоязычные издания (см.: Knapp, 1978; Leathers, 1986). Здесь много полезных указаний для проведения исследований. *Во-первых*, важно определить те явления или компоненты невербального поведения, которые несут значимую информацию и какую именно информацию. *Во-вторых*, необходимо знать, как они соотносятся с различными вербальными кодами, и какая информация рождается в результате этого взаимодействия. *Наконец*, следует видеть цель – что нового мы узнаем о субъектах и предмете коммуникации. Исходя из этого строится рабочая модель невербального дискурс-анализа.

В нашем исследовании объектом внимания стали такие компоненты невербального поведения политических лидеров, как:

- а) выражение лица, мимика, движение глаз, позы;
- б) внешность, одежда;
- в) праксемика (использование пространства);
- г) характеристики голоса (тон, громкость, высота, интонация);
- д) тактильность (использование прикосновений);
- е) внешнее окружение (мебель, дизайн заполняемого политиком пространства, например, комнаты).

В ходе исследования, мы собирали видеофрагменты поведения политиков, в которых представлены межличностное общение (интервью журналиста с политиком), общение в группах (выступление перед целевой аудиторией, выезд на производство и пр.) и общение с широкими массами (как, например, обращение к телезрителям или выступление с трибуны на площади). Наша исследовательская модель невербального поведения политических лидеров включила целый ряд переменных:

- (1) переменные, характеризующие адресанта;
- (2) переменные, дающие информацию об адресате, то есть аудитории;
- (3) переменные кортежной направленности, то есть, характеризующие факт установления контакта между адресантом и адресатом и специфику их взаимодействия;
- (4) переменные, актуализирующие характерный код общения политика и тем самым уточняющие нашу информацию о нем и субъектной ситуации общения.

Как видим, при группировке переменных, как и в случае анализа вербального поведения, мы опирались на трехсоставную модель коммуникации: «адресант – сообщение – адресат», уточненную с позиций каузально-генетического моделирования содержания дискурса, в результате чего произошла переконфигурация содержательных элементов, и добавился кортежный компонент (параметр) содержания.

Невербальные категории, их операционализация (переменные), а также их значение или комментарий даны в таблицах, которые построены с учетом того, какую информацию они несут о субъектной ситуации общения политика и тем самым о самом политике, участвующем в коммуникации.

Первая группа категорий анализа невербального поведения дает нам возможность охарактеризовать самого лидера. Исследователь, работая с данными категориями и переменными невербального кода, обращает внимание на то, как лидер выглядит, как он одет, меняется ли стиль его *одежды* в зависимости от ситуации; фиксирует его *миимику*, *выражение глаз*, *движения головы*; на основе характера и количества *телодвижений* делает вывод об общей *статичности* или же *динамичности* лидера (см. таблицу 1.6).

Вторая группа дает информацию о дискурс-категории «аудитория». Прежде всего, мы обращали внимание на *наличие аудитории* в материале и ее состав: возраст, пол (см. *таблицу 1.7*).

Непосредственный, живой *контакт* с людьми очень важен для современного политика. Именно третья группа категорий раскрывает характер взаимоотношений с адресатом: инициирует ли лидер контакт с аудиторией, отвечает ли на ее активность, присутствует ли непосредственный (тактильный) контакт. Отдельно выделяется наличие/отсутствие *барьеров* и общая *открытость* или *закрытость* лидера, а также *реакция аудитории* – дружественная, враждебная, яркая, нейтральная.

Таблица 1.6. Адресант-идентифицирующие переменные

Категории	Переменные	Комментарий
Выражение лица	серьезное угрюмое нейтральное приветливое	–
Мимика	морщит лоб поднимает брови брови домиком	думает, устал удивление страдание
Поведение глаз и взгляд	моргает таращит глаза прищуривается глаза бегают смотрит прямо смотрит вверх смотрит вниз смотрит искоса смотрит в сторону	неуверенность внимание, открытость думает, оценивает неуверенность уверенность анализирует, вспоминает задумался, подавлен не доверяет размышляет
Движения головы	голова прямо опущена вниз откинута назад опирается головой на ладонь указательный палец вверх голова повернута в сторону качает головой вверх-вниз качает головой из стороны в сторону, поворачивает голову вправо-влево	уверен в себе подавлен ощущение превосходства устал, но выражает внимание имеет собственное мнение не слушает согласен сочувствует охватывает аудиторию
Движения рук	руки видны руки не видны руки висят вниз вдоль туловища опущены вниз, пальцы переплетены заведены за спину, сложены на груди, руки в карманах жест «ОК», жест «класс» потирает глаз, трогает мочку уха	открыт закрыт, барьер открыт закрыт, барьер закрыт, барьер закрыт, барьер уверенность в себе, превосходство, современность устал, нужно время подумать

	<p>почесывает шею, голову прикладывает руку к груди</p> <p>руки на столе, пальцы переплетены; руки на столе, согнуты в локтях, образуют пирамиду с вершиной вверх</p> <p>руки на столе, согнуты в локтях, образуют пирамиду с вершиной вниз</p> <p>притрагивается пальцами к лицу, голове, одежде, поправляет галстук, пиджак и т. д.</p>	<p>думает, смущен уверяет в своей искренности</p> <p>внимание, готовность сотрудничать при сохранении собственной позиции</p> <p>готовность взаимодействовать, внимание, стремление убедить</p> <p>неуверенность, стремление контролировать жестикуляцию</p>
Ладони	<p>открыты сжаты в кулак ладони к себе ладони к аудитории ладони вниз на стол</p> <p>грозит указательным пальцем</p> <p>ладонью прикрывает губы</p>	<p>искренность, открытость напряженность закрытость очень открыт, искренен готовность взаимодействовать при сохранении своей позиции стремление воздействовать, угроза имеет свою точку зрения, скрытность</p>
Телодвижения	<p>сидит стоит ходит держится прямо плечи опущены горбится наклоняется корпусом к аудитории</p>	<p>Движения туловища дают нам представление об общей статичности/динамичности, а также о степени уверенности в себе. Так, опущенные плечи, сгорбленность свидетельствуют об общей подавленности, а прямой торс, расправленные плечи, сообщают об уверенности в себе, энергичности, наклон корпуса к аудитории свидетельствует о желании взаимодействовать и воздействовать</p>
Общее впечатление об эмоциональном состоянии	<p>расслаблен напряжен волнуется спокоен</p>	<p>Здесь суммируется ряд факторов (мимика, жесты, позы)</p>
Динамика	<p>статичен динамичен</p>	<p>Здесь все зависит от субъективного восприятия адресата</p>
Одежда	<p>костюм «без галстука» спортивная одежда профессиональная (по ситуации)</p>	<p>Категория «одежда» информирует о стремлении и умении соответствовать ситуации общения</p>
Голосовые характеристики	<p>громкость высота голоса</p>	<p>уверенность в себе, важность информации люди склонны доверять более низкому голосу</p>

	<p>речь ровная, певучая речь обрывочная с выделением слов <u>скорость речи:</u> быстрая медленная <u>дикция:</u> четкая нечеткая <u>акцент:</u> есть</p> <p>нет наличие пауз заполнение пауз сила, энергия в голосе</p>	<p>более приятная нервность, напряженность стремление воздействовать</p> <p>есть что сказать, уверенность, высокий статус.</p> <p>уверенность слабость</p> <p>выходец из народа, указывает на национальность образованность думает, когда говорит раздражает аудиторию синтезированное впечатление от всех характеристик голоса</p>
--	--	---

Таблица 1.7. Аудитория-идентифицирующие переменные

Категории	Переменные	Комментарий
Наличие аудитории	да/нет	Фиксация этих переменных дает возможность описать непосредственную аудиторию лидера, а также предоставляет предварительную информацию для описания его кортежа
Размер аудитории	<p>один на один с собеседником</p> <p>группа до 5 человек</p> <p>группа от 5 до 20 человек</p> <p>большая аудитория</p> <p>один перед камерой</p>	
Возраст аудитории	<p>молодежь</p> <p>среднее поколение</p> <p>пожилые люди</p> <p>смешанная аудитория</p>	
Пол	женщины/мужчины	

Четвертая группа категорий анализа дает нам возможность охарактеризовать характерный (узнаваемый) невербальный код общения лидера с электоратом. Исследователь, работая с данными категориями и переменными, обращает внимание на язык невербального поведения политика как самозначимый элемент коммуникации: что именно из кода доминирует в общении (своеобразная визитная карточка политика), что обычно сопровождает его появление перед публикой, а что припрятано и используется крайне редко, но «всплывает» в общении с теми или иными группами электората. Иначе говоря, здесь важно не только идентифицировать и интерпретировать варианты кода, но и определить их вес и значимость, а именно: общепринятость или эксклюзивность, принадлежность к определенной культурной среде, социальное или ситуативное поведение, вычислить то, что лидер считает

уместным/неуместным и определить, наконец, когда, в какой среде, каким невербальным кодом он себя раскрывает. Параллельно фиксируются типичные для данного лидера жесты, движения, позы, а также все экстраординарные, неожиданные для него невербальные знаки. Например, для Путина характерно отводить взгляд, смотреть вниз. Ельцин узнаваем благодаря своей нечеткой дикции, затянутым паузам, медлительности. *Таблица 1.9* дает представление о том, как можно фиксировать и уточнять специфичный невербальный код политика.

Таблица 1.8. Кортёж-идентифицирующие переменные

Категории	Переменные	Комментарий
Лидер и собеседник	смотрит на собеседника реагирует на его коммуникативную активность обращается к нему не принимает собеседника во внимание	Характер взаимодействия с непосредственным собеседником говорит об умении/неумении и желании/нежелании общаться
Лидер и аудитория	обращается к аудитории к отдельным представителям аудитории наличие тактильного контакта	открытость, умение общаться открытость, искренность открытость
Реакция аудитории	дружественная враждебная нейтральная	Аплодисменты, свист, крики, слова, улыбки, поднятые кулаки, молчание и т. д. информирует о степени поддержки лидера аудиторией и успешности общения лидера с ней
Использование барьеров	руки скрещены на груди руки скрещены на груди со сжатыми кулаками ладонями обхватывает руки выше локтя руки впереди, опущены вниз ладонь в ладонь руки сзади, опущены вниз ладонь в ладонь держит в руках предмет (ручку, микрофон, бумаги и т.д.) нога на ногу переплетены ступни стоит за спинкой стула «оседлал» стул находится за столом находится за трибуной преодоление барьеров	закрит, имеет свое мнение закрит, имеет свое мнение, агрессивен закрит, имеет свое мнение, защищается закрит, защищается закрит, защищается волнение, защищается превосходство, защита защита защита, неуверенность защита, имеет свое мнение потенциальная защита, неуверенность (если не стремится преодолеть) стремление показать желание общаться, воздействовать, искренность
Праксемика	публичная дистанция социальная или формальная дистанция личная или неформальная интимная дистанция	Важно зафиксировать дистанцию и ее соблюдение или нарушение

	соблюдение/нарушение дистанции в зависимости от ситуации	
Тактильность	пожимание рук объятия похлопывание по плечу поцелуи	Проявление тактильного взаимодействия свидетельствует об открытости и стремлении общаться с аудиторией

В ней фиксируется та переменная, которая политику присуща, а также частотность ее применения и ее значение: использует ли он этот элемент кода, когда обращается к аудитории или когда ищет с ней контакта, сосредоточен он на проблеме или заботится лишь о своем имидже. То есть здесь мы анализируем также согласованность вербального и невербального кодов политика, являющихся составляющими его дискурса.

Таблица 1.9. Код-идентифицирующие переменные

Переменные	Адресант	Аудитория	Кортеж	Другое	Частотность

Все вышеперечисленные категории и переменные были использованы в ходе составления дискурс-портретов девяти политических лидеров Беларуси и России. Эти переменные, в частности, стали основой для составления кодировочного листа (он представлен в Приложении 3) или кодировочных таблиц, куда заносились наши наблюдения, а позже были обработаны с помощью компьютерной программы SPSS, что позволило произвести группировки данных, в частности их одномерные распределения. Результаты анализа невербального поведения лидеров представлены в практической части книги.

Часть вторая

ДИСКУРС-ТИПОЛОГИЯ ПОЛИТИЧЕСКИХ ЛИДЕРОВ

Наша типология политического лидера принципиально отличается от существующих в политической науке «эквивалентов» тем, что она строится исключительно на дискурсных манифестациях. К примеру, специфика *самоидентификации* или, скажем, *интертекстуальности*, то есть то, как называет себя говорящий и на какие тексты он непосредственно или опосредованно ссылается, не только дает общее представление о говорящем/пишущем, но и указывает на тип его речевого поведения, а значит, и коммуникативный тип лидера – дискурс-тип.

2.1. Политический лидер и аудитория: иллюзия и реальность

Политическое лидерство – явление, которое изучается всеми социальными науками – психологией, политологией, культурологией, социологией, социальной историей, теорией коммуникации [Авцинова, 1993; Андреев, 1993; Бирюков, 1991; Тимошенко, 1991; Шестопад, 1997; 1996].

Существует множество теорий лидерства, а значит, и трактовок данного явления, отличных друг от друга. Так, наиболее известные из них: (1) теория черт; (2) теория определяющей роли последователей; (3) ситуативная теория; (4) синтетическая теория лидерства [Политология, 2002, с. 255-259].

Первая из них трактует лидерство как феномен, рождаемый специфическими человеческими чертами. Именно их наличие, полагают приверженцы этой теории, способствует выдвижению человека на лидирующие позиции. В свою очередь, приверженцы *второй* теории полагают, что для понимания феномена лидерства необходимо иметь представление об ожиданиях и целях приверженцев политического лидера. Лидер, полагают они, – инструмент группы, выразитель ее интересов. Представители *третьей* теории рассматривают лидера как продукт определенной ситуации. Они подчеркивают относительность значимости присущих лидеру черт и предполагают, что качественно отличающиеся обстоятельства могут востребовать качественно различных лидеров. Наконец, представители *четвертой* теории предлагают созвучный нам компромиссный вариант – учитывать всю совокупность переменных, включая такие как: (а) происхождение лидера, его социализацию и способ выдвижения, а также личностные качества (адресант-ориентированные переменные); (б) окружение лидера, его последователи и оппоненты (адресат-ориентированные переменные); (в) отношения между лидером и его сторонниками (кортеж-

ориентирован-ные переменные); наконец (г) результаты взаимодействия лидера и его приверженцев в конкретных случаях (предметная ситуация социального взаимодействия, порождающая контекст-ориентированные переменные).

Политическое лидерство – явление коммуникативное, многоролевое (лидер вынужден соответствовать ожиданиям различных социальных групп и «играет» разные роли в различных аудиториях), корпоративное (функционирование лидера поддерживается и во многом осуществляется его командой), институциональное (деятельность лидера невозможна без организационных структур). Если объединить эти позиции, то можно сказать, что политическое лидерство – явление групповое. И действительно, лидер-одиночка, лидер «сам по себе», без связи с последователями – абсолютный нонсенс. Полагая, что эта характеристика является ключевой, посмотрим внимательнее, что же составляет суть групповых взаимоотношений. Вряд ли можно оспорить тот факт, что основа взаимоотношений лидера с группой – власть и влияние. Понятно, что взаимодействие лидер- группы и аудитории несимметрично – влияние лидера на аудиторию сильнее, чем влияние аудитории на него. Дискурс влияния в группе это тоже дискурс лидера, в котором лишь отражается и конституируется группа. Поэтому и говорят, что группа имеет такого лидера, какого заслуживает и какого достойна.

Существует два типа лидерства: (1) лидерство «лицом к лицу» и (2) лидерство, *«отделенное от группы»*, – лидерство вождей, за которыми идут массы. «Лицом к лицу» – это митинговый или популистский вариант. Лидерство, *«отделенное от группы»*, редко осуществляется непосредственно, то есть в личных контактах. Оно опосредовано институтами власти. Из этого следует, что отношение лидер-аудитория, лидер-публика легко переходит в отношение *лидер для аудитории*, для публики. Этот образ создается и внедряется форматом и содержанием материалов подконтрольной прессы. СМИ призваны интерпретировать мотивы лидера, его решения и побуждения. Иначе говоря, не важно, каков лидер сам по себе, а важно то, как его «подают». Лидер как сконструированный образ может обладать практически любыми заданными характеристиками, соответствующими ожиданиям публики [Политическое консультирование, 1999, с. 66-67]. В этой ситуации мы обязаны соединить два ракурса – видеть лидера и его аудиторию. Политические консультанты и имиджмейкеры знают, что ожидания толпы лепят нового героя. Это понимают психологи, видя, с одной стороны, как быстро у электората наступает разочарование политиком типа «чего изволите», а, с другой стороны, как льстит толпе лидер, вышедший из ее среды, она чувствует себя агентом власти, она диктует, каким быть из-

браннику. Декодируя текст и нас самих в нем, мы лучше понимаем, каковы они, наши лидеры.

2.2. Классификация дискурс-типов на основе каузально-генетического моделирования содержания дискурса

Дискурс-типы, как и дискурс-категории, лежащие в основе идентификации типов, представляют лидера по трем ключевым группам: лидер ориентированные, кортеж ориентированные и аудитория ориентированные типы. Первые две группы распадаются, в свою очередь, на две подгруппы типов: статические, то есть дающие описание лидера и его кортежа и динамические или функциональные, то есть те, которые реализуют его как лидера. Соответственно у каждой подгруппы есть свой набор дискурс-типов, организованных в типовые варианты. Типовые варианты – это два, три или четыре дискурс-типа, объединенные соотносительностью с одной и той же группой дискурс-категорий и реализующие себя в зависимости от того, какие манифестации эти дискурс-категории обнаруживают. Иначе говоря, они являются инвариантами, но это не одна единственная «постоянная величина». Анализируя дискурс политиков, мы иной раз сталкиваемся с одновременной реализацией нескольких инвариантов. Таким образом, мы должны принять к сведению тот факт, что политик волен быть противоречивым в своем дискурсе. Следовательно, каждый политик потенциально может актуализировать в своем дискурсе все 24 выделенных нами дискурс-типа, но это означает, что он реализует все возможные виды речевого поведения, чего достичь исключительно трудно, и это, безусловно, исключение. Наша гипотеза заключается в том, что в дискурсе политика должен актуализироваться один из инвариантов дискурс-типа, а это значит, что мы можем говорить о реализации в дискурсе лидера восьми характерных для него дискурс-типов (согласно восьми обнаруженных нами подгруппам). Назовем эти группы, подгруппы и сами дискурс-типы, соотносительные инвариантно, а затем рассмотрим их дефиниции и способы актуализации.

1. Лидер-ориентированные дискурс-типы:

лидер-описательные/дескриптивные (статические) дискурс-типы, отвечающие на вопросы: *кто он? какой?* Сюда входят такие две группы типовых вариантов:

- коллективист, индивидуалист, институционалист;
- созерцатель, деятель, сбалансированный.

лидер-формирующие или лидер-функционирующие (динамические)

дискурс-типы, отвечающие на вопросы: *кто он? что его делает лидером? и как он удерживает лидерство?* Сюда входят, в частности, такие дискурс-типы, как:

- популист, рационалист, борец.

2. Кортёж-ориентированные дискурс-типы:

кортёж-описательные/дескриптивные (статические) дискурс-типы, отвечающие на вопросы: *кто он? с кем? кому?* Сюда входят дискурс-типы:

- общенациональный, региональный, партийный.

кортёж-формирующие или кортёж-функционирующие (динамические) дискурс-типы, отвечающие на вопросы: *кто он? к кому обращается? как?* Сюда входят две группы типовых вариантов:

- тактик, стратег, псевдотактик или тип «чего изволите» (имеет место несоответствие целей средствам);

3. Аудитория-ориентированные дискурс-типы:

аудитория-формирующие и описательные (динамические) дискурс-типы, отвечающие на вопросы: *кто? с кем? как? что? по отношению к кому?*, одновременно отражающие данный факт и его конструирующие. Сюда входят три группы типовых вариантов:

- прагматик, идеолог, идеалист;
- демократ, мессия; народник;
- менеджер, сказитель, технолог, учитель.¹

---

¹ Все термины здесь условны. В процессе построения теории мы шли не от названия, а от дискурсных манифестаций, находили их типовые черты, а уже затем подбирали имя. Поэтому при декодировании названий наших дискурс-типов не следует искать ассоциативных смыслов из других контекстов.

2.2.1. Лидер-описательные дискурс-типы

Лидер четко идентифицируется в своем дискурсе, ибо он так или иначе называет себя, описывает и интерпретирует. И делает это постоянно, в каждом своем тексте, вольно или невольно, эксплицитно или имплицитно. По этим дескрипторам он узнаваем для аудитории. Считывая эту информацию, она говорит: «Да, это наш лидер!» – либо, наоборот, отвергает его. Как происходит декодирование этой информации? Мы полагаем, что ключевую роль в этом играют лидер-описательные дискурс-категории, которые аудитория осознанно или неосознанно «считывает». Это *самоидентификация*, *проекция во времени и пространстве*, *атрибутивность*, *деятельность*. Эти категории мы определяем как операционализаторы двух лидер-описательных типовых вариантов: индивидуалист, коллективист, институционалист и созерцатель, деятель, сбалансированный тип.

а) Индивидуалист, коллективист, институционалист (с учетом категорий *самоидентификация* + *время* и *пространство*)

Стартовой площадкой для создания дискурс-портрета является *самоидентификация*. У лидера есть, во-первых, собственное «я», есть также группы, с которыми он солидарен («мы»). И «я», и «мы» могут быть сильными или слабыми и даже вовсе не актуализироваться в дискурсе субъектов. Но лидер тем и отличается от других людей, что его самостность должна быть эксплицитна для аудитории, а значит, вербализована. Способ вербализации указывает на дискурс-тип лидера. Так, лидер может быть – индивидуалистом (сильное «я» + значимое «мы»), коллективистом (сильное «мы» + значимое «я») или институционалистом (объективированное прочтение себя: «он», «президент», «партия» (говоря о себе); в «мы» и редком «я» может актуализироваться не только реальный субъект, но и определенная структура – некий институт, партия). Остальные три способа самоидентификации («я» + слабое «мы»; слабое «я» + слабое «мы»; ни «мы» ни «я») – однозначно трактуются нами как случаи слабого коммуниканта и, следовательно, слабого лидера. Надо добавить также, что дискурс-типы индивидуалист, коллективист, институционалист могут быть уточнены с помощью таких категорий, как *время* и *пространство*, в результате чего мы получим конкретизированные градации: *виртуальный (вероятностный)* – апеллирующий к будущему, *ретроспективный* – апеллирующий к прошлому; *реальный* – актуальный сегодня. *Локальный* – проецирующий себя на ограниченное пространство; *глобальный* – проецирующий себя на мировое сообщество. Рассмотрим

примеры, репрезентирующие каждый из этих дискурс-типов.

Индивидуалист («я» + «мы»):

Ко мне поступили просьбы, чтобы я встретился с журналистами ведущих средств массовой информации, появились и упреки, что я, мол, не хочу встречаться с журналистами, которые представляют оппозиционные издания. Извините за нескромность, я всегда считал своим достоинством то, что никогда не боялся идти в любую аудиторию, к любым журналистам и искренне и честно отвечать на вопросы, которые передо мной были поставлены. Сегодня я встречаюсь с вами и готов вести не только деловой, но и искренний разговор. Думаю, что мое условие, а я все-таки имею право на такое условие, следовать законам журналистики: все, о чем мы будем говорить, должно быть напечатано без искажений. А уж какие вы выводы будете делать, как вы будете, исходя из того, что я скажу, «обызрывать», это – ваше право. Тут я не могу вам указывать. А вот настаивать, чтобы все, что говорят, было опубликовано без искажения, я, наверное, имею право. Я бы вас также попросил, чтобы мы обсудили все вопросы, с которыми вы пришли сюда и которые вас волнуют.

...Сегодня, в новогоднюю ночь, я, как и вы, с родными и друзьями собирался выслушать слова приветствия президента России Бориса Николаевича Ельцина...Сегодня на меня возложена обязанность главы государства... Мы договорились с руководством обеих палат встретиться чуть позже моего выступления и пообсуждать основные параметры послания, с которым я выступаю перед вами.... ...С Германией меня многое связывает. Здесь я прожил не один год. Я видел и чувствовал, как болезненно люди переживают разделение своей страны... Готов принять непосредственное участие в разработке стратегии сотрудничества наших стран на долгосрочную перспективу. Думаю, что эта давно назревшая инициатива способна придать дополнительный импульс российско-германскому взаимодействию на различных направлениях, отвечающему духу и идеям «большого договора»... Считаю, что этот основополагающий для российско-германских отношений документ выдержал испытание временем...

Вышеприведенные цитаты взяты из дискурса А. Лукашенко и В. Путина, и являются примерами, манифестирующими так называемые *Я-тексты* в дискурсе политика. В приведенных примерах «я» в дискурсе политика разнообразно, представлено в разном времени и пространстве, но при этом не расплывается, а остается сильным, благодаря четко фокусированной проекции на «здесь и сейчас».

Коллективист («мы + я»):

Гражданское согласие должно касаться не только партий, но и национальностей и религиозных конфессий. Мы все разные, но у нас одна земля, одно государство. Нам здесь жить. Поэтому вопрос согласия для нас –

вопрос чрезвычайно важный и основополагающий.... Мы все должны понять, что государственность и независимость – это не только благо, но и тяжелый повседневный труд.... Мы знаем как невыносимо трудна жизнь простого народа, как глубоко проникла в нашу жизнь социальная несправедливость, как сложен путь выхода из создавшегося положения. Но это не пугает ни меня лично, ни мою молодую команду – мы готовы работать, не жалея сил для того, чтобы нашему народу стало жить легче...

Бесспорны успехи в развитии наших высших и средних специальных учебных заведений, они очевидны, они радуют, рожают чувство общесоветской гордости. ... Мы с удовлетворением отмечаем возросший уровень преподавания, рост числа отличников учебы.... Однако деятельность высших и средних специальных заведений, впрочем, как и всю нашу работу, следует оценивать не только в сравнении с прошлым.... Скажу откровенно: такое потребительское отношение к учебе и к жизни – неправильно и опасно. ... Умение эти знания самостоятельно творчески применять, я бы сказал, применять с наибольшим коэффициентом полезного действия. Вот почему мы хотим, чтобы годы студенческой учебы были не столько годами нудной зубрежки, механического, пассивного усвоения знаний, сколько периодом творческой работы мысли, тренировки ума...

Но давайте взглянем на эти цифры с более строгих позиций.

Вышеприведенные цитаты взяты из дискурса А. Лукашенко, П. Машерова и В. Жириновского. Здесь мы наблюдаем актуализацию *Мы + Я текстов*, где заявленное «мы» политика не отрицает «я». Последнее может быть скромным, но ни в коем случае не слабым. «Мы» в таком дискурсе – разнообразно, то есть включает разные группы людей, в разных временных и пространственных проекциях. И эти группы в дискурсе *коллективиста* едины, как бы смыкаются, что говорит о том, что ему внутренне присущ дискурс интеграции. Лидер конструирует свое сообщество, делая тем самым и его, и себя как бы вдвое сильнее.

Институционалист (институциональное «мы» и «я»):

Сегодня на меня возложена обязанность главы государства... Обращая внимание на то, что ни минуты не будет вакуума власти в стране, не было и не будет...

Што датычыць земляў сельскагаспадарчага прызначэння, то мы – прыхільнікі бясплатнай прыватызацыі зямлі для тых грамадзян і іх аб'яднанняў, якія жадаюць на зямлі працаваць, але толькі ў межах....

Я сегодня специально отправлю ему нашу программу «Путем созидания», подготовленную народно-патриотическими силами. Программа была поддержана во многих регионах... Мы настаиваем на том, чтобы правительство представило свои предложения по выводу страны из кризиса. С другой стороны, я продолжаю держать на контроле ситуацию вокруг производственного объединения им. Семашко ... Это разбойное нападение. По-

этому мы считаем, что одного увольнения недостаточно. Надо расследовать этот инцидент и наказать виновных. ...Хочу несколько слов сказать о той сделке с западными кредиторами, которой сейчас очень гордятся... Поэтому просим представить материалы и документы по этому соглашению.

Вышеприведенные цитаты взяты из дискурса В. Путина, З. Позняка и Г. Зюганова и иллюстрируют специфику *Мы-текстов*, где однозначно заявлено «мы», причем нельзя сказать, что это «мы» разнообразно. За ним однозначно прочитывается определенная структура, институт, сильная, единая группа. То же касается и местоимения «я». Переход от «я» личностного к «я» институциональному особенно четко виден в первом абзаце дискурса институционалиста. Здесь мы сталкиваемся с реальным подтипом, когда нет выхода ни в ретроспективу, ни в виртуальность.

Таким образом, категории *самоидентификация, время и пространство* могут иметь в дискурсе политика различное наполнение, и это позволяет отнести их к разным описательным дискурс-типам. Примеры реализации этих типов в дискурсах политиков даны в картах 1 (Типологические карты: 4.1.5; 4.2.6; 4.3.6; 5.1.6; 5.2.6; 6.1.5; 6.2.6; 7.1.6; 7.2.6).

б) Созерцатель, деятель, сбалансированный (актуализация категорий *атрибутивность, деятельность*)

У созерцателя в фокусе внимания преимущественно человеческие качества (свои и других), у деятеля – деятельность (своя и других). Сбалансированный тип демонстрирует равное внимание к качествам и деятельности в зависимости от ситуации. **Подтипы:** *Критикующий* – акцент на негативных параметрах качеств или деятельности. *Позитивный* – акцент на положительных качествах и/или положительной оценке деятельности. *Нейтральный* – не актуализирующий отношение к качествам и деятельности. *Сфокусирован а) на себе; б) других; в) на себе и на других.*

Созерцатель (качества):

Я знаю многих из них, знаю не понаслышке, а по реальной практической работе. Это умелые организаторы, уважаемые руководители крупных коллективов, прекрасные специалисты, неукротимые в своем стремлении к новому передовому. Словом, это замечательные люди, настоящие творцы и созидатели, в сердцах которых горит «прометеев огонь» дерзания и святой верности делу партии и народа...Могущество нового мира – это могущество воспитанных Коммунистической партией людей, обладающих идейной окрыленностью, высокой силой духа, нравственным благородством, единством помыслов, воли и действия.

Деятель (действия):

Да, мне кажется, сегодня государство уже имеет моральное право повысить требовательность к себе и ко всем его гражданам. Некоторые обязательства ...государство уже выполняет. Так, государство всегда заявляло о выполнении макропоказателей бюджета, которые составляют основу экономики, и оно этим параметрам четко следует. Мы впервые за все годы реформ ушли от дефицитного бюджета и работаем с превышением доходов над расходами. Государство обещало действовать более энергично в тех сферах, которые касаются бизнеса: налогообложении, наведении порядка в экономике – и делает это.

Сбалансированный тип (качества + действия):

Трудолюбивых и усердных в учебе студентов у нас много. ...Юность же по своей природе пытлива и любопытна. ...Здесь уже приводились данные о том, что в прошлом году на всесоюзные и республиканские конкурсы было представлено 3 тысячи студенческих работ и исследований, треть из них были признаны оригинальными и поощрены, на 20 – выданы авторские свидетельства об изобретении. Около 200 студенческих научно-технических разработок рекомендовано или уже внедрено в производство.

Мне всегда легко работалось с Сосновым, Митько, Гилевичем, Слемневым... Я всегда радовался, глядя, как нарабатывает опыт Козик. Интересный человек Гаркун. Не знаю, он отличается изумительным свойством адаптирования к любой ситуации. ... Повторяюсь, он человек очень гибкий, и видимо, вскоре мы увидим проявление этого качества. Теперь об РСУ. В этом доме почти все сделано моими собственными руками. О днях. Нет ни одного счета, который бы я не оплатил.

Вышеприведенные цитаты взяты из дискурса П. Машерова, В. Путина и С. Шушкевича. Акцент политика на качества или действия либо сбалансированность этих элементов добавляют значимую информацию к дискурс-портрету политика. Качества и действия получают у него либо позитивную, либо нейтральную оценку. Как показали «замеры», политики оценивают позитивно только свои качества, а качества других воспринимают негативно. Примеры реализации этих типов в дискурсах политиков даны в картах 2 по каждому политическому лидеру.

2.2.2. Лидер-формирующие дискурс-типы

Лидер в своем дискурсе не только идентифицирует себя, то есть называет и интерпретирует, но и «делает» себя, и тем самым конструирует свой электро-

рат, побуждая его думать и действовать определенным образом. Таким конструирующим началом обладают дискурсные и риторические практики, реализующие единство темы и ее знакового воплощения. Вербализация проблемы, преподносимой лидером, одновременно есть и видение проблемы, а значит, несет в себе предпосылки ее понимания. Разная формулировка проблемы является, по сути, разным речевым действием, а с учетом того, что в политическом дискурсе речевое действие носит перформативный характер (т.е. является действием реальным), можно сказать, что форма общения (дискурсные и риторические практики – формат и жанр) программирует лидера и его аудиторию. К этой группе дискурс-типов относятся популист – стремится максимально удерживать аудиторию, даже за счет нарушения логических связей, целостности текста, за счет отказа раскрыть глубоко тему выступления; рационалист – говорит по существу, опирается на общепонятную терминологию в изложении своих взглядов и предмета дискурса в целом, помнит, кому он говорит и для чего; борец – у него всегда есть мишень (проблемы или субъекты, группы или институты), он критичен по отношению к миру и социуму, он борется, максимально используя арсенал пропагандистских приемов и риторических практик.

в) Популист, рационалист, борец

(актуализация категорий *дискурсные практики, риторические практики*)

Популист (дискурс эмоций и риторика ради риторики):

Растет число сторонников ЛДПР во всех социальных группах. Именно поэтому в средствах массовой информации блокируется правда об этой партии и ее лидере. Судьба России – в руках народа. Стране не нужен косметический ремонт в высшей сфере управления. Ей нужен пророссийский парламент, Президент-патриот. Тогда будет сформировано правительство национального доверия, и знамя Победы – знамя российской государственности взметнется над измученной страной! Как этого достичь? Надо отдать голоса ЛДПР.

Рационалист (дискурс «рацио» и риторика факта):

Я хотел бы обратить внимание на совершенно разные причины ухода. Первый раз Гайдар вынужден бы уйти в ситуации, схожей с моей. Тогда в российском парламенте восторжествовали старые подходы. Теперь там другая ситуация. ...О моей бывшей квартире на улице Одоевского, в которой сейчас, якобы, живет теща. В ту двухкомнатную квартиру....

Это наша отправная точка. И задача лидера – настроить на общие цели, расставить всех по своим местам. ...Наша первая и самая главная проблема – ослабление воли. ...Наша другая большая проблема – отсутствие твердых и общепризнанных правил. ... И, наконец, есть еще одна боль-

шая проблема, без учета которой бесполезно строить любых «планов громадье». ... Наш приоритет – побороть собственную бедность.

Не просто рубить «вершки», т. е. пресекать терроризм силовыми средствами. Гораздо важнее выпалывать «корешки» – устранить его социальную базу и причины.

Борец (дискурс конфронтации и риторика борьбы):

Я пра гэта пісаў і казаў неаднаразова: Беларусь пад пагрозай усталявання дыктатуры, прытым надзвычай дурной дыктатуры, якая маральна зганьбіць нас на цэлыя пакаленні, прынізіць нашу нацыянальную супольнасць, адкіне назад у эканамічным, грамадскім і палітычным развіцці. ...Нельга дапусціць распаўсюджання камуна-фашызму на Беларусі, яго імперыялістычнай квазіславянскай ідэалогіі, усталявання прагітлераўскага дыктатарскага рэжыму. ... Неабходна стварэнне антыфашысцкай антыдыктатарскай кааліцыі ўсіх здаровых сілаў беларускага грамадства. ...З фашызмам трэба змагацца.

Чеченское гнездо терроризма создано не просто при попустительстве, а при прямом содействии нынешнего правящего режима. Несмотря на всю показную «непримиримость», Басаев, Радиев, Хаттаб и иные с ними этому режиму не враги, а верные друзья и слуги, его чудовищное порождение. ...Ясно, что для смены курса и восстановления законности и правопорядка страна нуждается в смене власти. Каждый лишний день правления ельцинского режима означает новые страдания, новые потоки крови.

Вышеприведенные цитаты взяты из дискурса таких политиков, как В. Жириновский, С. Шущкевич, В. Путин, З. Позняк, Г. Зюганов. Явственно проступают типовые различия: готовность вслушиваться в факты и их сопоставлять, готовность кого-то обвинять и с кем-то бороться или же готовность отдаться эмоциональному порыву и принять на этой волне какое-то решение. Это не только предпосылка содержания, но и само содержание дискурса политика. В частности, прочитываются макротемы, которые можно принять за сверхзадачи политиков – стремление что-то доказать аудитории (рационалист), в чем-то ее (пере)убедить несмотря ни на что, ни на какие факты, а, скорее, вопреки им (популист), привязать ее к группе («своим»), противопоставить другим («чужим»), поднять на борьбу с неправами (борец). Так, если факт и логика – канва одной дискурсной практики, то нарушение логики и подтасовка фактов – канва другой, а критический посыл – третьей практики.

Риторические практики, в свою очередь, усиливают и реализуют данные макротемы: в одном случае текст насыщается «мурлыкающими словами» (прием «блестящая неопределенность»), завершающимися сладким словом *ЛДПР!* В другом случае намеренно разрываются логические связи, и с помощью псевдопредлога (риторические вопросы) связывается несвязуемое. В третьем рас-

ставляются мишени и остается только включиться в борьбу. Полезно обратить внимание на последний абзац дискурса рационалиста. Его очень легко поместить в дискурс борца, если бы не стремление логически разобрать наиболее сложную ситуацию. Такой формат смещает макротему «борьба» в сторону макротемы «понимание проблемы», а риторическое воплощение (*не просто...; гораздо важнее... причины...*) переводит синтетическое речевое действие в аналитическое и тем самым как бы притормаживает тех, кто готов «рваться в бой».

Примеры реализации этих типов в дискурсах политиков даны в картах 3 по каждому политику.

2.2.3. Кorteж-описательные дискурс-типы

Дискурс субъекта выявляет его кортежные характеристики. Они чрезвычайно важны для политика, поскольку дают материал для построения дискурс-портрета и позволяют отнести его к той или иной группе дискурс-типов, таких как: общенациональный – проецирует себя на всю страну, поэтому неизбежно использует дискурс консолидации, готов принять в свой кортеж заблудших «чужих»; региональный – проецирует себя на отдельные регионы, направленность на консолидацию и конфронтацию уравновешена, он готов включить в свое поле широкое число субъектов, но доминанта деления на «своих» и «чужих» (чужаков) тоже сильна; партийный – для него характерна корпоративность, на первом месте партия и ее интересы, он озвучивает ее идеи, он лидер команды, но при этом остается «одним из них».

г) Общенациональный, региональный, партийный (с учетом категорий аудитория и интерсубъектность).

Общенациональный (народ/граждане):

Уважаемые граждане России! Нас, граждан России, из года в год становится все меньше и меньше. Уже несколько лет численность населения страны в среднем ежегодно уменьшается на 750 тысяч человек. И если верить прогнозам... уже через 15 лет россиян может стать меньше на 22 миллиона человек. При всем обилии взглядов, мнений, разнообразии партийных платформ у нас были и есть общие ценности. Ценности, которые сплавляют и позволяют считать нас единым народом. Дорогие россияне! Дорогие соотечественники!

«Поддерживаете ли вы нейтралитет Беларуси, предусматривающий отказ от вступления республики в военные и военно-политические союзы?» С таким вопросом Председатель Верховного Совета обращается к гражданам республики.

Вышеприведенные цитаты взяты из дискурса политиков В. Путина и С. Шушкевича. В их дискурсе наблюдается максимально широкое наполнение категории *адресат*. Это – вся страна. Дискурс не только максимально расширяет, но и интегрирует аудиторию.

Региональный :

Кроме того, будут продолжаться мои поездки по стране. В начале мая я буду на Урале – Тюмень, Нижневартовск, Магнитогорск, Оренбург. А в конце мая – начале июня посетю Курган, Уфу, Ижевск, Йошкар-Олу ... Или в областном аппарате партии где-то все наладили, а районы забросили. Ну и что дальше? Надо помочь районам приобрести опыт, достать аппаратуру... В каждом регионе есть наши избиратели. Об этом помните. ... А наши результаты – это выборы. Вы по области увидите, в каком районе, в каком городе как проголосовали. Если в этом районе, городе или населенном пункте ваш активист, которого вы не очень любили, добился более высоких результатов, то это значит, он хорошо поработал назло вам. ...На местах работа идет лучше и становится ясно даже слону, что городской координатор лучше смотрится, чем областной ...

Приведенные цитаты взяты из дискурса В. Жириновского. Его аудитория здесь многоярусна. В нее входит и вся страна, и команда и конкретные «люди на местах». И это внимание к «людям на местах», радость за них и злорадство, сарказм к тем, кто против них, манифестирует принадлежность данного текста дискурсу-типу региональный.

Партийный :

На сегодняшний день Народный Фронт – единственная политическая организованная, конструктивная сила в обществе, которая видит выход из кризиса, имеет свою ясную программу государственного преобразования и строительства, экономических реформ, социального и культурного развития нации. ...Я не вижу стратегических ошибок в деятельности оппозиции БНФ. Когда оглядываешься и анализируешь все, что произошло за годы ее деятельности, изумляешься, как это, имея 10 процентов в Верховном Совете, часто удавалось не только противостоять, но и побеждать это собрание безответственных, закононенавидящих людей.

Самое главное, 8 апреля, в субботу, состоится общероссийская партийная конференция, на которой вы все будете присутствовать.... Все лучшие силы партии выступят, расскажут о разных аспектах работы партии. Поэтому я говорю: нужно больше внимания уделять местным организациям. Все должно работать на партию: и оргтехника, и автомобиль.... Надо думать о партии. И если появился в области человек, который лучше может поднять областную организацию, надо найти смелость и уступить ему место. Вы же ничего не теряете. Можете продолжать так же работать, помогать партии и делать что-то. Мы же не правящая

партия, вам не нужно освободить какое-то кресло... Но делу партии, конечно, может повредить, если областной организатор оказался слабым...

Вышеприведенные цитаты принадлежат З. Позняку и В. Жириновскому и репрезентируют черты корпоративного лидера. Их аудитория – это закрытая группа, те, кто разделяет ценности этой группы, партии. И они сами – ее часть, как все. А вместе с партией они – своя команда. Примеры реализации этих типов в дискурсах политиков даны в картах 4 по каждому политику.

2.2.4. Кorteж-формирующие дискурс-типы

Дискурс политика конструирует реальность, а значит, и свой corteж. Способы, какими политик создает corteжную аудиторию, информативны при построении его дискурс-портрета. Мы полагаем, что существует целый ряд дискурс-категорий, позволяющих реконструировать corteж коммуниканта: энциклопедичность, лингвистический статус, интерактивность, невербальное поведение. Исходя из этого, можно выделить следующие типовые варианты. **Стратег** использует ограниченное число коммуникативных средств, не очень активен в коммуникации, делегирует решение возникающих коммуникативных задач исполнителям, участвует в коммуникации только в значимых ситуациях. В основном применяет широкие энциклопедические знания, придерживается литературного варианта языка, навыки интеракции не столь актуализированы. **Тактик** применяет максимально возможное количество коммуникативных средств, постоянно решает возникающие коммуникативные задачи, демонстрирует такие навыки, как: интерактивные (владеет как вербальными, так и невербальными средствами эффективного взаимодействия); лингвистические (владеет престижной формой национального языка и других языков и диалектов, обнаруживает широкий стилистический диапазон). Его энциклопедичность (демонстрация широких знаний политической ситуации, истории и т.д.) не столь важна. Примеры реализации этих типов в дискурсах политиков даны в картах 5 по каждому политику.

д) Стратег, тактик

(с учетом категорий *энциклопедичность, лингвистический статус, интерактивность, невербальное поведение*)

Стратег :

Раньше место государства в мире определялось прежде всего его военной силой, сегодня – способностью к стабильному экономическому развитию, качеством природной среды, или иначе говоря – уровнем ее экологической безопасности.

Тактик:

Уровень и характер задач в области развития экономики таковы, что они объективно требуют ... Что же это означает? Главным и решающим сейчас становится умение наших кадров действовать в ключе ... Возможно, кое-кому покажется, что это не имеет непосредственного отношения к ... но это глубокое заблуждение.

2.2.5. Аудитория-ориентированные дискурс-типы

е) Прагматик, идеолог, идеалист

(с учетом дискурс-категорий: направленная информация, предметно-ориентированные и реляционные коммуникативные стратегии)

В дискурсе прагматика четко актуализирована идея реальности, он прочно стоит на земле, сам исходит из фактов и к ним подводит аудиторию. Для идеолога первична основа мироздания идея, он как бы под нее строит реальность. Идеалист мало считается с реалиями, для него важно не то, что есть на самом деле, а то, как к этому относиться – важна не сама идея или факт, а ее вербализация. Соотношение операционализаторов *фокус на предмете дискурса, фокус на субъектах дискурса* позволяет конкретизировать характеристику типа. Так, при активном использовании коммуникативных стратегий обоих типов (предметно-ориентированных и реляционных) мы можем добавить дополнительную сугубо речевую характеристику – эффективный коммуникант (пропагандист) .

Прагматик (реальность):

9 ноября 1990 г. нашими странами был подписан уникальный для своего времени двусторонний Договор о добрососедстве, партнерстве и сотрудничестве. Нынешнее состояние двусторонних торгово-экономических отношений явно не соответствует их громадному потенциалу. Конечно, Германия является устойчивым потребителем российских нефти и газа, немецкие партнеры с готовностью поставляют нам промышленное оборудование. Однако такой обмен – прошедший день в условиях глобализации. Реальный потенциал российско-германского экономического сотрудничества, по моему убеждению, может быть раскрыт путем развития сотрудничества в наукоемких и высокотехнологичных отраслях промышленности. У России есть «прорывные» разработки, которые мы предлагаем к совместному осуществлению с европейскими, прежде всего, немецкими партнерами, например, в сфере производства и модернизации авиационной техники, в космосе. ...Мы все время говорим о федерации и ее укреплении, годами об этом же говорим. Однако надо признать: у нас еще нет полноценного федеративного государства. Хочу это подчеркнуть: у нас есть, у нас создано децентрализованное государство.

Идеолог (идея):

Терроризм не «самодостаточное» явление, он имеет глубокие социальные корни. Первоначально – это порождение крайней нищеты и безысходного отчаяния угнетенных масс, вынуждающих их на крайние формы протеста.

Но вместе с тем эти дикие эксцессы являют собой неотъемлемую оборотную сторону бесчеловечных эксплуататорских отношений, извращенную форму высвобождения социальной энергии масс, поэтому в качестве оружия борьбы трудящихся терроризм давно уже обнаружил свою полную бесперспективность и негодность... И в этом качестве из индивидуального и адресного терроризм превратился в массовый и безадресный, в орудие устрашения и деморализации народных масс эксплуататорским классом.

Идеалист (слово):

Наверное, мнение обо мне как о политике, не до конца отстаивающим свою позицию, сложилось у людей потому, что я довольствовался только теми подвижками, которые могли быть реально воплощенными в жизнь. Пойди я дальше, то стал бы похож на тех людей, которые выходят на площадь, ведь все прекрасно знают – любые радикальные перемены Верховный Совет блокирует.

Вышеприведенные цитаты взяты из дискурса В. Путина, Г. Зюганова и С. Шушкевича. Каждый из них демонстрирует разное отношение к значимости предмета дискурса и субъектов дискурса. Соответственно мы наблюдаем разные приоритеты в выборе предметно-ориентированных и реляционных коммуникативных стратегий. Так, если в первом примере рассуждения жестко привязаны к факту, то второй полон абстрактной лексики и уводит аудиторию в мир понятий и идей. В свою очередь третий пример, демонстрирует внимание адресанта к слову. Ему важно, как сформулирована мысль и как это отзовется в аудитории

Примеры реализации этих типов в дискурсах политиков даны в картах 6 по каждому политику.

ж) Демократ, мессия, народник

(актуализация категорий *самоидентификация, аудитория, миссия*)

Группа типовых вариантов демократ, мессия, народник выделяется исходя из того, каково «я» политика – открытое/закрытое; того как оно располагается по отношению к «я» других. Они могут быть равнозначны и существовать как бы параллельно, но возможен вариант, когда политик ставит свое «я» над «я» других и, наконец, когда он – «один из всех». Здесь важно учитывать, какие цели формулирует политик. Выделенные типовые варианты мы ин-

терпретируем следующим образом. Демократ – тот, кто демонстрирует в своем дискурсе приверженность демократическим ценностям, кто признает свое «я» и «я» других. Мессия – тот, кто несет аудитории идеи, но сам как бы поднимается над аудиторией, его «я» – редкое, но сильное, закрытое для аудитории. Народник – тот кто одновременно, и «один из всех» и «над всеми», ибо у него есть своя особая миссия, он открыт, но его открытость условна, ибо он открыт институционально, а не личностно.

Демократ (наличие «я», наряду с «ты», «вы», «они» + актуализация демократических ценностей):

Свобода слова, свобода совести, свобода средств массовой информации, права собственности – эти основополагающие элементы цивилизованного общества – будут надежно защищены государством. Политика, построенная на основе открытых и честных отношений государства с обществом, защитит нас от повторения прежних ошибок, явится базовым условием нового «общественного договора»! ...Корни многих наших неудач – в неразвитости гражданского общества и в неумении говорить с ним и сотрудничать. Власть все время бросает в крайности – то она не замечает, то чрезмерно опекает общество. При этом господствует представление, что все в России зависит от власти. Власть действительно отвечает за все. Но очень многое зависит и от самих российских граждан. Развитие страны во многом определяется степенью их ответственности, зрелостью политических партий, общественных объединений, гражданской позицией средств массовой информации. Свобода слова была и остается неизблемой ценностью российской демократии. Это – наша принципиальная позиция.

Меня всю жизнь учили: есть презумпция невиновности. И если кто-то кого-то обвиняет, то делается это документально, факты тщательно проверяются, а не так, что кто-то, мол, где-то сказал. ...Я – убежденный сторонник рынка. Но если найдется другой путь, естественно, без ГУЛАГА, и будет положительный результат, то это прекрасно.

Мессия («я» сильное и редкое, закрытое, «над всеми»):

Я пра гэта пісаў і казаў неаднаразова: Беларусь пад пагрозай усталявання дыктатуры, прытым надзвычай дурной дыктатуры, якая маральна зганьбіць нас на цэлыя пакаленні, прынізіць нашу нацыянальную супольнасць, адкіне назад у эканамічным, грамадскім і палітычным развіцці.... Я хацеў бы асабліва перасцяргчы ад лёгкадумнага стаўлення да авантурных заяваў і паводзінаў Лукашэнкі, ад іранічных усмешак і пацэвельвання з чалавечай абмежаванасці. Справа не ў абмежаванасці, а ў паўнаце ўлады, якая не ў руках тых, хто пасьмейваецца. Пасьміхаліся з Леніна, Сталіна, Гітлера, афрыканскіх палкоўнікаў і іншых. Ніхто іх напачатку сур'ёзна не

ўспрымаў. Потым расплачваўся ўвесь народ.

Посмотрите, наконец, на нынешнее правительство номенклатуры. Где их идеи, концепции, государственные программы, пути выхода из того тупика, куда они зашли? У них ничего нет. Что они предлагают? А ничего! Они продаются другому государству, потому что сами уже объединились: две коммунистические мафии – российская и белорусская. Будут вместе грабить Беларусь. Политика же, которую они проводят, только подверстывается под их мафиозный сговор.

Народник («один из всех» и «над всеми», открытость условна):

Но и общество, в котором мы оказались в постсоциалистический период, общество, которое с помощью политического и особенно экономического насилия конструируют радикал-демократы, еще более отдалилось от идеала социальной справедливости. Общество, в котором 80% населения превратилось в бедняков или нищих, а то и бомжей, общество, в котором кучка высших чиновников и откровенных воров грабит и присваивает себе, а также за бесценок распродает Западу национальное богатство, такое общество, такой строй вообще не имеют права на существование... В стране должен сложиться «средний класс» с дифференцированным материальным положением в зависимости от своего труда, предприимчивости, таланта. ... Все общество – это граждане России с равными социально-экономическими и политическими возможностями и правами.

Вышеприведенные примеры взяты из дискурса В. Путина, С. Шущкевича, З. Позняка и В. Жириновского. Разница очевидна и репрезентирует различное отношение политиков к себе. Так, если в первом примере сильное «я» не затмевает наличия других субъектов коммуникации, то во втором примере «я» как бы воспаряет над аудиторией, оно не равно аудитории, оно закрыто для нее, и разъясняет аудитории то, что той самой не дано понять. В третьем случае адресант одновременно и такой, как все, и особый, у него своя особая миссия, которая возвышает его над всем и дает ему право критиковать, нести свой идеал в народ. Таким образом, его открытость относительна: он открыт институционально, но не личностно.

Примеры реализации этих типов в дискурсах политиков даны в картах 8 по каждому политику.

з) Менеджер, сказитель, полит-технолог, учитель

(соотношение категорий миф и реальность,
кортежные коммуникативные стратегии)

Здесь для нас важно зафиксировать в дискурсе политика соотношение категорий *миф – реальность*. Поддерживает ли политик расхожие мифы, конструирует их или же развенчивает. Как он работает с фактами? Приводит факты для того, чтобы остаться в реальности и решать жизненные проблемы, или же,

опираясь на факты, уводит аудиторию в мир мифа, а, может быть, он всего лишь воспроизводит мифы и конструирует новые, не соприкасаясь с реальностью. Мы выделяем следующие типовые варианты. Менеджер – человек дела, опирается на факты, руководит аудиторией. Сказитель поддерживает виртуальность, опирается на мифы и ведет аудиторию в мир идей. Технолог уводит в виртуальность, опирается на факты (возможно, в сочетании с идеями) и преобразует в идеи и мифы. Учитель возвращает в реальность и стремится развенчать мифы, функционирующие в обществе.

Менеджер (человек дела, руководитель):

...К сожалению, деловой климат в нашей стране улучшается слишком медленно и пока остается неблагоприятным. ... Во-первых, следует обеспечить защиту прав собственности... Второе направление – обеспечение равенства условий конкуренции.... Третье направление – освобождение предпринимателей от административного гнета.... Четвертое направление – снижение налогового бремени.... Я недавно интересовался у председателя Конституционного суда, почему с таким трудом принимаются и исполняются решения, касающиеся нарушений федерального законодательства в регионах. Он ответил, что нет механизмов реализации... но действовать надо – и действовать незамедлительно. Мы хотим исправить это совершенно недостойное положение и обеспечить неукоснительное выполнение принимаемых решений. Давайте исходить из реальности. ...Надо только, чтобы была воля к тому, чтобы это делать. В послании я говорил о развитии экономической свободы. Что здесь непонятного? Надо ее защищать – не просто рекламировать те или иные постулаты, а реально защищать их.

Сказитель (миф):

...Благородная цель возрождения Отечества призвана объединить представителей разных поколений и политических взглядов, как когда-то объединила миллионы белорусов борьба против вражеского нашествия. Ведь нам снова жизненно необходима победа, одна на всех, – победа на непростом пути к действительно свободной богатой, цветущей Беларуси.

Технолог (от фактов к мифу):

...Общество, в котором 80% населения превратилось в бедняков или нищих, а то и бомжей... В России должно сложиться социальное государство либеральной демократии... В обществе социальной справедливости должна быть достойная, но дифференцированная материальная обеспеченность граждан. Это общество, в котором не будет нищих и обездоленных... В нем будут созданы благоприятные условия для полнокровного развития народа... В будущем устройстве России не должно быть ни классового разделения, ни противопоставления личности и общества.

Учитель (от мифа к фактам):

...Ведь как рассуждают некоторые из студентов: вот, мол, отмуча-

емся с этими экзаменами и зачетами, распрощаемся с учебниками, получим диплом, и настанет пора собирать «урожай» в виде различного рода благ и последовательного продвижения по работе, по службе. ...Скажу откровенно: такое потребительское отношение к учебе и к жизни неправильно и опасно. И опасно, прежде всего, для тех, кто вольно или невольно разделяет подобного рода взгляды, рассчитывая на «счастливый лотерейный билет» в жизни. Они обкрадывают и себя, и общество.... И пусть, юные друзья, вас никогда не завораживает магия диплома. Его защита – это не единовременный волнующий акт. По существу, всей своей жизнью и работой вам придется защищать свой диплом, утверждать себя в качестве настоящего специалиста, подлинного знатока своего дела.

Вышеприведенные примеры взяты из дискурса В. Путина, С. Шушкевича, В. Жириновского и П. Машерова. Здесь есть возможность сравнить, как работает лидер с предметной информацией текста, сохраняя при этом свой контакт с аудиторией. Так, если первый пример демонстрирует собранность адресанта, концентрацию на предмете разговора, его фактологичности с тем, чтобы аудитория понимала, как ей надо действовать (четкая последовательность, указание на отправную точку деятельности и пр.), то во втором случае мы видим стремление адресанта действовать согласно идее, он опирается на миф, который должен быть и мотивом деятельности, и его конечной целью. В свою очередь, третий пример демонстрирует некоторое смешение первых двух позиций, так, адресант начинает с факта, и аудитория, начиная полагаться на эти факты, не замечает, как исподволь ее продвигают к принятию мифа. И, наконец, последний пример, демонстрирует противоположную линию дискурса: адресант отталкивается от мифов, циркулирующих в обществе, но шаг за шагом дискредитирует их и возвращает аудиторию в реальность.

Примеры реализации этих типов в дискурсах политиков даны в картах 9.

Часть третья

ЛИДЕРЫ БЕЛАРУСИ И РОССИИ: КОНТЕКСТ-АНАЛИЗ

Феномен лидерства в значительной степени «задается» политическими, экономическими, социальными и иными факторами жизни социума, который выделяет лидеров из своей среды, либо привлекает их со стороны. Политики, о которых будет идти речь в данном исследовании, не являются «варягами». Все они «выварились» в политическом субстрате своих государств и в силу случая или присущих только им одним личностных качеств оказались в самом верхнем слое этого субстрата. В этой связи можно выделить внешние (по отношению к политику) факторы и внутренние личностные характеристики, которые оказывают влияние на продвижение политиков в верхние слои политической элиты.

Каждый своеобразный поворот исторического развития социума приводит к появлению новых политических лидеров, улавливающих тенденции общественного развития, настроения масс. Последние в той или иной форме наделяют их кредитом доверия, выдают им своеобразный мандат на исполнение властных полномочий по отношению к себе. В этом смысле массы, конечно же, продолжают творить историю. Но реальностью является и то, что персоналии, наделенные высшими властными полномочиями или узурпирующие их, сами могут быть активными творцами истории. Своеобразное сочетание внешних политических и внутренних личностных качеств политика становится одним из существеннейших факторов выбора направления исторического развития государств, темпа перемен, инструментария, с помощью которого те или иные перемены в жизни общества будут достигаться.

Мирное развитие или состояние войны, смена моделей общественного развития, развивающаяся либо стагнирующая или деградирующая экономика, – эти и многие другие факторы выводят на политическую арену новых и новых политиков. Особенно зримо это проявляется в переломные моменты истории, в кризисные периоды, когда происходит масштабная дестабилизация жизни значительных масс населения и необходимо принимать быстрые, нестандартные и, желательно, эффективные решения. В этом смысле анализ дискурса политиков Беларуси от П. Машерова, С. Шушкевича, А. Лукашенко до оппонентов последнего, а также политических лидеров России – Б. Ельцина, В. Путина, Г. Зюганова и В. Жириновского – не может обойтись без краткого описания той конкретной исторической ситуации, в которой они реализуют свои лидерские и политические амбиции.

3.1. Советский период

Выбор в качестве первого объекта дискурс-анализа Петра Машерова, занимавшего на пике своей политической карьеры пост руководителя Коммунистической партии Беларуси и трагически погибшего в автомобильной катастрофе за пять лет до начала перестройки, отнюдь не случаен.

Используя известный художественный образ, можно сказать, что все ныне здравствующие политики родом из «социалистического детства». Они отнюдь не «космические засланцы», как иронизирует сатирик Михаил Задорнов. Старт в большую политику они сделали из рядов прежней номенклатуры. В этом смысле их деятельность и они сами неизбежно сравниваются с политиками совсем недавнего прошлого. Не случайно же и главный редактор журнала «Беларуская думка», учредителем которого является Администрация Президента Республики Беларусь, анализируя вторые президентские выборы, сравнивает Александра Лукашенко с Петром Машеровым: «Как в свое время П. Машерову, подвижничество, доступность, открытость помогают А. Лукашенко глубже понимать динамизм происходящих событий, принимать взвешенные и грамотные решения» [Беларуская думка. 2001. № 7. С. 6]. Не вдаваясь в спор по существу сформулированного выше тезиса, можно констатировать открытое использование приема позитивного отождествления ныне действующего политика с политическим лидером недавнего прошлого, имевшим действительно необычайную популярность не только в Белоруссии, но и в Российской Федерации.

Есть еще одно обстоятельство, объясняющее интерес к советскому периоду Беларуси и России. При всем масштабе критики реального социализма в СССР нельзя не признать, что это государство отличалось стабильностью положения подавляющего большинства населения и значительной внутренней цельностью. Именно цельностью и можно, как это ни парадоксально, объяснить стремительный распад СССР. Достаточно было ослабить, а затем устранить КПСС, как элемент, который жестко цементировал общественную систему, и она рухнула.

Последовавший в результате попытки перестройки СССР развал этой сверхдержавы привел к дестабилизации условий жизни огромных масс населения. В нынешних условиях лишь немногие из «новой исторической общности – советских людей» (используя официальную терминологию КПСС) смогли адаптироваться к резкому изменению своих статусных характеристик. Условия жизни подавляющего большинства населения стран, составляющих постсоветское пространство, значительно ухудшились. Положение усугубляется тем, что, в отличие от социализма, который хотя бы давал надежду на «светлое комму-

нистическое будущее», нынешний переломный этап исторического процесса не оставляет людям никаких надежд. Многие не видят и уже не успеют увидеть света в конце туннеля. Другие еще только находятся у входа во множество туннелей (вариантов общественного развития), причем нет источника света, способного осветить путь.

В этой ситуации каждый политический деятель не только предлагает тот или иной путь преодоления кризиса, переживаемого нашими странами, но и вынужден артикулировать свое отношение к существовавшей общественной системе. Важным элементом политического программирования является фиксация отношения к недавнему прошлому, подчеркивание его плюсов либо минусов, проектирование реставрационного, смешанного либо принципиально разрывающего с прежней моделью сценария развития общества.

Важнейшей особенностью общества, в котором вырос и действовал Петр Машеров, являлось наличие в нем только одной политической партии – КПСС. П. Машерову, который продвигался вверх по ступеням карьеры, не нужно было конкурировать с представителями иных политических партий, носителями иных политических программ. Его политические и идеологические установки были жестко заданы господствовавшей в обществе коммунистической идеологией. В отличие от ныне здравствующих политиков П. Машеров не мог попробовать реализовать свои лидерские способности в соревновательных условиях многопартийной системы, начавшей возрождаться только через десять лет после его гибели.

Петр Машеров родился 13 февраля 1918 года, а летом–осенью этого же года в послеоктябрьской России прекратила свое существование многопартийная политическая система. Процесс ликвидации политического инакомыслия происходил весьма быстро. В 1922 году на XII Всероссийской партконференции была принята резолюция «Об антисоветских партиях и течениях». Этой резолюцией было санкционировано применение репрессий к политическим оппонентам на основании так называемой «революционной целесообразности». В том же 1922 году на XI съезде РКП(б) в выступлении секретаря ВЦИК М. Томского подводился своеобразный итог ликвидации политического инакомыслия: «У нас много партий. Но в отличие от заграницы у нас одна партия у власти, а остальные в тюрьме» [Болсун, 2001, с.15].

Политические условия, в которых Петр Машеров формировался как политик, были четко заданы Конституцией СССР 1936 года. Статья 126 закрепляла однопартийную систему в СССР. В соответствии с этой статьей возможность развития политической активности масс допускалась посредством объединения граждан

СССР в общественные организации: профессиональные союзы, кооперативные объединения, организации молодежи, спортивные и оборонные организации, культурные, технические и научные общества. Этой же статьей предусматривалась возможность для «наиболее активных и сознательных граждан из рядов рабочего класса, трудящихся крестьян и трудовой интеллигенции» добровольно вступать в Коммунистическую партию Советского Союза. Сама же КПСС определялась как «передовой отряд трудящихся в их борьбе за построение коммунистического общества», как «руководящее ядро всех организаций трудящихся как общественных, так и государственных».

С принятием в СССР новой Конституции исключительная роль КПСС в политической системе общества фиксировалась еще более жестко. Статья 6 Основного Закона 1977 года гласила: «Руководящей и направляющей силой советского общества, ядром его политической системы, государственных и общественных организаций является Коммунистическая партия Советского Союза». Этой же статьей определялись важнейшие функции КПСС, включающие определение генеральной перспективы развития общества, линию внутренней и внешней политики СССР.

Конституция СССР закрепляла право Коммунистической партии на руководящую роль, что означало отсутствие конкуренции со стороны «инакомыслящих», отсутствие системы свободных альтернативных выборов и, следовательно, необходимости конкурировать с политиками иной идеологической направленности. В такой ситуации единственно возможный путь к вершинам власти лежал через реализацию карьеры в Коммунистической партии.

Здесь необходимо сделать оговорку. Говоря о политической карьере Петра Машерова, о его продвижении на вершину пирамиды власти, мы не используем понятие карьеры в отрицательном смысле. В самом деле, можно ли считать карьеристом человека, который во время Великой отечественной войны принимал активное участие в партизанском движении в Беларуси, был дважды ранен, лично водил бойцов в атаку, рискуя при этом отнюдь не карьерой, а жизнью.

В жизни Петра Машерова было несколько критических моментов, которые могли остановить его рост как политического деятеля. Первый произошел в то время, когда Петр Машеров был студентом второго курса физико-математического факультета Витебского педагогического института. Уже после окончания войны он написал в своей личной анкете: «В 1937 году отец Машеров Мирон Васильевич изъят органами НКВД. Осужден был на три года и умер в марте 1938 года при отбывании заключения» [Якутов, 1992, с. 90]. Реалии политической системы того времени были таковы, что если бы об аресте отца

Петра Машерова стало известно в институте, это могло послужить основанием не только для его отчисления, но, возможно, и более жестких мер. Продвижение Петра Машерова к вершинам власти вполне могло остановиться во время войны, которую он прошел, участвуя в партизанском движении и став Героем Советского Союза, либо в первые послевоенные годы, когда он занимался агитационной работой по созданию колхозов в западных районах Белоруссии.

В послевоенные годы Петр Машеров, бывший сельский учитель, становится секретарем ЦК комсомола Беларуси, но став частью системы, он вынужден следовать логике ее функционирования. Выступление П. Машерова на XVIII съезде комсомола Белоруссии в 1954 году – это обычные для тех лет славословия в честь коммунистической партии. Особенно ярко выделяло Петра Машерова из партийно-комсомольской номенклатуры то, что все его речи отличались эмоциональностью, красочностью, высокой эрудицией и отменной культурой ораторского искусства.

Как и для многих партийных функционеров, поворотным для Петра Машерова стал XX съезд КПСС, на котором были приняты решения о преодолении культа личности Сталина. По свидетельствам современников, доклад Н. Хрущева ошеломил его, ввел в оцепенение. В некоторые выводы и предложения не хотелось даже верить.

Официальный разрыв партии со сталинизмом позволил Петру Машерову более последовательно проводить линию на демократизацию общества, развитие инициативы масс. Будучи по характеру демократом и гуманистом, он боролся с силовыми и диктаторскими методами, активно противостоял бюрократическому окостенению. Весь его стиль работы с полным основанием можно охарактеризовать как явно небюрократический.

Административно–командная система социализма нередко заставляла делать такое, что не поддавалось логике здравого смысла. Свободного пространства для инициативы и маневрирования в национальных республиках практически не оставалось. Все принципиально важные вопросы жизни страны определялись в Москве. Столицам союзных республик оставалось со всем или почти со всем молча соглашаться. Нельзя, однако, не признать, что и в такой непростой ситуации П. Машерову удавалось не терять своей самобытности, делать максимально возможное для республики, которая под его руководством смогла взять от социализма все, что могла. Неоспоримым фактом является то, что в послевоенные годы из всех союзных республик именно Беларуси удалось добиться наиболее высоких темпов роста экономики, а вместе с ней и уровня жизни населения. Люди помнят об этом, в немалой степени связывая тот отно-

сительно благополучный период жизни с деятельностью П. Машерова.

Вместе с тем было бы неправильным идеализировать все, что делал П. Машеров. Как любой политик он не был застрахован от ошибок. Кроме того, П. Машеров объективно входил в структуру партийно-государственной власти, которая в 70-е годы все более деградировала. Но даже в этой ситуации П. Машеров оставался цельной незаурядной личностью. Его, в отличие от многих современных политиков, нельзя упрекнуть в попрании моральных норм, нарушении законности или антигуманности.

Блестящий оратор, умелый, энергичный и честный администратор, Петр Машеров стоял на голову выше Л. Брежнева и других членов и кандидатов в члены Политбюро ЦК КПСС того времени. На фоне общего падения престижа высшего руководства КПСС авторитет П. Машерова в народе рос не только в Беларуси, но и во всей стране, что не могло не стать предметом зависти и недоброжелательности все более впадавших в маразм геронтократов. П. Машерова стали все более оттеснять от деятельности в Политбюро ЦК КПСС, а в последние годы на многие заседания его просто не приглашали.

Отнюдь не случайно, что многие не верят в официальную версию о том, что причиной гибели П. Машерова стал несчастный случай. По мере дряхления Брежнева и его ближайшего окружения П. Машеров все труднее вписывался в сложившуюся систему верхнего эшелона власти в КПСС, которая явно отторгала его. И вовсе не случайно также, более того, симптоматично, что на похоронах П. Машерова не присутствовал ни один представитель Политбюро ЦК КПСС. Почтить память П. Машерова приехали в Минск лишь секретарь ЦК КПСС Зимянин и руководитель Компартии Литвы Гричкявичюс. А вот граждане Беларуси свое уважение к памяти Петра Машерова проявили в полной мере. Такого количества желавших проститься с покойным руководителем Компартии Беларуси Минск еще видел.

П. Машеров погиб, не дожив несколько лет до начала перестройки, которая положила начало процессу радикального изменения политического ландшафта Советского Союза, а впоследствии и образовавшихся на его пространстве самостоятельных независимых государств. Он не получил возможности попробовать себя в качестве независимого руководителя самостоятельного государства, как это удалось Борису Ельцину в России, Гейдару Алиеву в Азербайджане, Эдуарду Шеварднадзе в Грузии или Нурсултану Назарбаеву в Казахстане, то есть национальным лидерам, достигшим в свое время весьма высоких постов в КПСС.

Мы не можем сказать, какую программу выхода из кризиса Машеров

предложил бы стране, дожив до сегодняшнего дня. Несомненно только то, что после смерти П. Машерова в Коммунистической партии Белоруссии не оказалось лидера, хотя бы отдаленно сопоставимого с ним по авторитету и степени влияния. В череде следовавших за П. Машеровым руководителей КПБ (Т. Киселев, Н. Слюньков, Соколов, А. Малофеев) ни один даже в малой степени не приблизился к его уровню влияния и воздействия на социум. Нельзя поэтому не признать уникальность Петра Машерова как политика, оказавшегося на вершине власти в Беларуси в период политического застоя в КПСС, но сумевшего сохранить при этом свой необычайно высокий авторитет в республике и за ее пределами.

3.2. Перестройка

Несомненно, что становление и деятельность политиков Беларуси и России (дискурс которых рассматривается ниже), происходили и происходят в весьма своеобразных условиях, накладывающих неповторимый отпечаток на их поведение. В первую очередь это своеобразие заключается в том, что первые этапы политической карьеры Бориса Ельцина, Александра Лукашенко и многих других пришлось на существование единого Советского Союза и продолжавшей функционировать монопартийной системы. Она не могла обеспечить желаемым надежного продвижения к вершинам власти. В этот период власть все еще полностью принадлежит КПСС. Наиболее быстрый путь в большую политику пролегал через карьеру в партии.

Политический подъем большинства современных политиков пришелся на начавшийся с середины 80-х годов период ослабления, а затем и распада как СССР, так и существовавшей в нем однопартийной системы. После смерти Леонида Брежнева в 1982 году власть в КПСС последовательно перешла в руки Юрия Андропова, затем Константина Черненко и, наконец, Михаила Горбачева.

Существуют полярные оценки феномена перестройки, которая была провозглашена в 1985 году Генеральным секретарем ЦК КПСС Михаилом Горбачевым. Неоспоримым, однако, остается то, что начавшаяся в середине 80-х годов перестройка драматически изменила общественные отношения, существовавшие в Советском Союзе. В конечном итоге она привела не к модернизации, а к разрушению казавшейся незыблемой сверхдержавы, а вместе с ней и самой КПСС.

На рубеже 1980-х и 1990-х годов в СССР произошли глубочайшие изменения политического и государственного строя. Изменилось национально–

государственное устройство страны, что проявилось в распаде Советского Союза. Была осуществлена замена официальной государственной идеологии и управленческого аппарата страны. Прошедшая в России приватизация привела к перераспределению общенародной собственности, результатом которой стало сосредоточение национального богатства в руках небольшой части общества и обвального обнищания большинства населения. Хотя в Беларуси приватизация не получила такого масштаба, как в России, здесь не удалось, тем не менее, избежать резкого ухудшения условий жизни трудящихся и пенсионеров.

Нельзя не отметить, что нравственное обоснование необходимости реформирования советской системы первоначально исходило от небольшой группы советских диссидентов. Большинство из них рассматривали свою деятельность более в нравственном, чем политическом ключе. В обществе достаточно широко было распространено ощущение того, что советская система покусается на честность тех, кто жил в ней. Нельзя было не замечать, что многие люди были вынуждены жить в мире «двойного мышления». В этой связи писатель А. Солженицын призывал соотечественников «жить не по лжи». Он предлагал явно утопический рецепт – прекратить участвовать в каждодневной лжи, которая позволяла советской системе продолжать функционировать [Солженицын, 1981, с. 168-172].

Вне КПСС наиболее активно необходимость перестройки обосновывал академик Андрей Сахаров. Называя советское общество глубоко больным, он выделял в качестве симптомов болезни отсутствие плюрализма в структуре власти, в экономике и в идеологии. А. Сахаров признавал, что после XX съезда КПСС система избавилась от крайностей и эксцессов сталинского периода, стала более «цивилизованной», более комфортной для некоторой части населения. Но при этом она все более заходила в тупик. Вслед за М. Горбачевым А. Сахаров обосновывал это снижением эффективности вложений в народное хозяйство и неспособностью перехода от экстенсивного к интенсивному развитию экономики, выпадением страны из общемировой научно-технической революции, колоссальным развитием различных форм коррупции, жестокими преследованиями инакомыслящих, афганской авантюрой, воплотившей в себе всю опасность и иррациональность закрытого тоталитарного общества.

«Другая сторона эпохи власти бюрократии, – писал А. Д. Сахаров, – нравственная деградация общества. В прессе, на радио и телевидении, в школе, комсомоле, вузе, семье процветают лицемерие и ложь. Многократно обманутые красивыми словами люди больше уже не верят им, общество охватывает всеобщее безразличие».

Принципиально иной подход к объяснению причин, вызвавших начало перестройки, можно найти в объемном труде публициста Сергея Кара-Мурзы «Манипуляция сознанием»: «Сегодня, имея опыт крушения, мы можем понять то, что было трудно увидеть всего десять лет назад... Почему 280 миллионов рассудительных еще людей в СССР позволили сломать вполне благополучную жизнь? Почему рухнул брежневский коммунизм? Ведь не было ни репрессий, ни голода, ни жутких несправедливостей. Как говорится, «жизнь улучшалась» – въезжали в новые квартиры, имели телевизор, ездили отдыхать на юг, мечтали о машине, а то и имели ее. Почему же люди с энтузиазмом стали ломать свой дом?» [Кара-Мурза, 2000, с. 291]. Происшедшее со страной в результате перестройки и сама перестройка подается автором как совокупный результат психологической войны и воздействия «предателей» на сознание трудящихся: «Мы можем сделать единственный вывод: пишет Кара-Мурза, – согласие на изменение общественного строя в СССР было дано не на основе рационального расчета или практического опыта. Желание этого изменения было внушено массе советских людей, это был результат воздействия на их сознание» [Кара-Мурза, 2000, с. 295].

Не вступая в дискуссию о действительных причинах, вызвавших начало распада советского общества, можно констатировать следующее. Руководству КПСС не удалось, начав перестройку, овладеть ситуацией и придать процессу преобразования общества мало-мальски организованный характер. КПСС как наиболее организованная в то время политическая сила не проявила ни чрезвычайной осторожности, ни должной твердости при проведении реформы политической системы Советского Союза. Произошло то, о чем предупреждал один из крупнейших политических мыслителей Нового времени А. Токвиль. На основе анализа французской революции 1789 года он вывел универсальный закон, применимый ко всем странам, вступающим на путь модернизации и демократизации. Он отмечал, что нет ничего опаснее для страны, где нет традиций демократии и свободы, чем слишком быстрые реформы и изменения. В таких случаях существует высокая вероятность того, что процесс модернизации и реформ может выйти из-под контроля. Социум не успевает воспринимать, усваивать, адаптироваться к новой системе. Сами изменения в социально-экономической и политической системе не успевают институционализироваться и закрепляться. Слишком быстрые действия, направленные на модификацию старой системы, выходят из-под контроля, их не удастся остановить или «зрегулировать». Отсутствие устойчивого политического центра и социальных сил, поддерживающих этот центр, не способствуют тому, чтобы направить движе-

ние в разумные демократические рамки. А. Токвиль предупреждал, что результатом необоснованно быстрой демократизации может стать сползание к охлократии, а через нее к установлению еще более жестокой тирании.

С некоторыми модификациями модель А. Токвиля проявилась в ходе перестройки и в России, и Беларуси. В России перестройка не привела к установлению власти толпы – охлократии. Достаточно быстрое и не встретившее какого-либо существенного сопротивления масс перераспределение собственности привело в России к возникновению олигархического слоя. Его совокупными усилиями в 1995 году Борис Ельцин, утративший былую популярность, был переизбран на новый президентский срок. Установившийся к настоящему времени в России политический режим определяется некоторыми политологами как авторитарный [Политология, 2002, с. 168]. В таком виде он достался преемнику Ельцина на посту Президента России – Владимиру Путину. Нет единства мнений относительно направления дальнейшей эволюции политического режима России. Как наиболее вероятный, однако, оценивается сценарий становления популистского авторитаризма (см.: Политология, 2001, с.251).

Что касается Беларуси, то здесь, как представляется, теория А. Токвиля также проявилась весьма своеобразно. В отличие от России, центр власти в Беларуси переместился от КПБ к Верховному Совету, который явился своеобразным сколком дезорганизованного населения страны. В борьбе за укрепление своих позиций в системе власти Верховный Совет не смог устоять против политического натиска Александра Лукашенко, которому впоследствии (добившись в 1996 г. внесения соответствующих изменений в Конституцию Республики Беларусь) удалось сосредоточить в своих руках практически всю полноту политической власти в стране. Под политической властью в данном случае мы понимаем реальную способность данного социального слоя, группы, элиты или отдельной персоналии проводить свою волю путем распределения властных отношений и кодификации выгодных ему правовых норм.

Опыт развития радикальной реформы в Китае, который раньше СССР вступил на путь радикальной перестройки, показал, что во избежание непредсказуемых последствий, необходимо проявлять постоянную бдительность. Опыт Китая, а затем и Вьетнама показал, что главное в процессе модернизации общества заключается в сохранении управляемости самим процессом. А это значит сохранение и активную деятельность политически организованной силы в виде правящей партии.

Еще в самом начале перестройки в СССР звучали предупреждения о том, что проводимая реформа политической системы должна исходить из импера-

тивного требования наличия в политической системе устойчивого центра силы. На каждом этапе реформы при возможных конфликтах, противоречиях и потрясениях задачей такого центра являлось бы недопущение распада политической системы, выхода этого процесса из-под целенаправленного контроля. В качестве подобного центра силы рассматривалась КПСС.

В Китае и Вьетнаме удалось сохранить высокую степень управляемости процессами модернизации. Но то, что удалось китайским и вьетнамским коммунистам, не удалось осуществить КПСС.

Существуют различные версии, объясняющие фактический крах некогда популярной идеи перестройки. Остановимся на одной из них, имеющей достаточно широкое распространение на Западе. Согласно этой версии, идеи Михаила Горбачева о перестройке коммунизма не были соответствующим образом продуманы и не могли адаптироваться к кризису 1990–1991 гг. Несмотря на продолжающиеся по сей день попытки представить себя современным социал-демократом, М. Горбачев в действительности никогда не был им. Его мировоззрение было сформировано коммунистической партией и советской системой, и его целью было скорее реформировать, чем устранить советский социализм. Представлениям Горбачева о перестройке были свойственны значительные недостатки. Этот факт не был так важен, когда обстоятельства складывались благоприятно для него, но стал вполне очевидным в период экономического кризиса 1990–1991 гг. М. Горбачев декларировал желание сделать страну более демократичной и в то же самое время стремился сохранить власть партии. Принципу существования независимых партий с большим неудовольствием он уступил только в 1990 году, и совершил это в то же самое время, когда ввел президентскую конституцию, предоставлявшую ему диктаторские полномочия. Идею подотчетности политиков электорату Горбачев не хотел применять к партии и к самому себе. Он хотел свободы, но на определенных условиях. Он желал управлять тенденциями, чтобы сохранить советскую систему. Эти вещи были несовместимыми.

Недостаточная ясность в отношении видения содержания и перспектив перестройки привела к тому, что в ходе кризиса 1990–1991 гг. М. Горбачев был подхвачен событиями. Раньше ему удавалось доказывать свое мастерство в уравнивании консервативных и реформаторских тенденций в партии. Это помогало ему оставаться у власти, проводя в то же время радикальную программу. Однако, когда М. Горбачеву самому пришлось сделать выбор и принять твердое решение о природе и направленности реформ, которые он хотел провести, он не смог сделать этого. В критический момент, оказавшись в конце

1990-х годов перед дилеммой – полный переход к свободному рынку или реформированная централизованная плановая экономика, — Горбачев не смог сделать выбор. Столкнувшись с необходимостью принять решение, использовать ли силу для сохранения единства Советского Союза, пришел в полное смятение. В августе 1991 года не Михаил Горбачев, а лидеры советских республик определяли ход событий, особенно Борис Ельцин, новоизбранный Президент Российской Федерации. Горбачеву не удалось адаптироваться к ситуации, ибо его видение перестроечных процессов оказалось несостоятельным.

Исследователи высказывают предположение, что представления Горбачева о реформированном социалистическом обществе оказались неудачными в силу сокрытия идеологической риторики его основных мотивов. Как известно, мотивом объявления перестройки стало понимание того, что без существенной экономической реформы Советский Союз не будет способен сохранять военный паритет с США. Однако первые попытки незначительных экономических реформ привели Горбачева к необходимости проведения политических реформ в самой партии. Предполагалось, что это позволит создать новую элиту, открытую для перемен. Общий вывод: демократическая риторика в какой-то степени служила маской для больших властных амбиций Горбачева.

Версия перестройки как концепции заговора, сближается с выше приведенной. Особенно видно совпадение в том, что касается скрытых мотивов поведения Горбачева, проявившихся в ходе «странного», (по словам С. Карамурзы) государственного переворота в августе 1991 года. Не сумев реформировать партию и оказавшись стесненным обстоятельствами политической борьбы, Горбачев отвел КПСС роль жертвы. Произошла очередная узурпация внутрипартийной власти. Она носила еще более выраженный характер: власть в партии была узурпирована одним человеком, ее генеральным секретарем причем на очень небольшой срок, всего на несколько часов, и только с одной целью – уничтожить ее как организацию, используя такое уничтожение как козырь в новом туре политической борьбы.

Ликвидация однопартийной системы, отмена съездом Народных депутатов, состоявшимся в 1991 году, шестой статьи Конституции СССР по сути означала не только конец монополии КПСС на политическую власть, но и конец монополии на власть какой-либо политической силы вообще. В Советском Союзе началась новая политическая история многопартийности. Первой после КПСС партией с жестко оппозиционной коммунистической идеологией программой стал Демократический союз (1988 г.). После принятия в октябре 1990 года Закона СССР «Об общественных объединениях» ускорился процесс соз-

дания в стране новых политических партий. Именно в этот период появляются на политической арене лидеры новых политических партий – Владимир Жириновский и Геннадий Зюганов.

Одной из первых партий, зарегистрированных на основании упомянутого выше закона 1990 года, стала нынешняя Либерально-демократическая партия России. Первый съезд ЛДПР был проведен 31 марта 1990 года. На нем были приняты Устав и Программа партии, председателем партии был избран Владимир Жириновский.

Владимир Жириновский родился 24 апреля 1946 года. В первый период деятельности либеральных демократов в СССР немало иронизировали по поводу одного из фрагментов личной биографии Жириновского, в которой указывалось, что отец у него русский, а мать – домохозяйка. Однако фрондирующее поведение председателя либеральных демократов и программа самой партии привлекли к ней немалое число сторонников.

Либерально–демократическая партия России (ЛДПР) успешно участвовала в многопартийных выборах в нижнюю палату российского парламента в 1993, 1995 и 1999 гг. Всякий раз ей удавалось обеспечить присутствие в Государственной думе своих депутатов. В ходе выборов, состоявшихся в 1999 году, Либерально–демократическая партия России действовала в рамках так называемого «Блока Жириновского», которому удалось заручиться поддержкой 5,98 % избирателей. «Блок Жириновского» отстал от избирательного блока «Союз правых сил» (8,52 %), но обошел «Яблоко» с его 5,93 % голосов избирателей.

ЛДПР входит в число относительно крупных по численности кадровых партий с развитой региональной структурой и достаточно внушительным политическим представительством в органах законодательной власти. Ее отличают высокая профессионализация партийной деятельности, наличие развитого партийного аппарата и «мозгового центра». В своей деятельности ЛДПР ориентируется, прежде всего, на участие в выборах, результаты которых во многом определяют ее политические возможности.

Политический взлет ЛДПР и ее председателя В. Жириновского произошел в 1993 году, когда на выборах в Государственную Думу либеральные демократы собрали наибольшее число голосов избирателей – 22,9 %. На выборах 1995 года ЛДПР заняла второе место, получив 11,2 % голосов. Выборы 1999 года были менее удачными для Жириновского и его последователей (5,98 %). ЛДПР, тем не менее, сохранила свое присутствие в Думе.

В немалой степени поддержка партии на выборах обеспечивается некоторыми привлекательными для части российского электората личностными каче-

ствами В. Жириновского. Его образ работает на ЛДПР, а партийное строительство ЛДПР направлено на целенаправленное поддержание образа Жириновского с помощью телевидения и административного ресурса региональных властей.

На упоминавшихся выборах в Государственную думу (1999 г.) наибольшее количество голосов избирателей – 24,29 % – получила Коммунистическая партия Российской Федерации (КПРФ), которую возглавляет Геннадий Зюганов.

КПРФ возникла в начале 90-х годов как одна из партий–преемниц КПСС. Кроме КПРФ ресурсы правящей ранее КПСС наследовали Социалистическая партия трудящихся (СПТ) и Российская коммунистическая рабочая партия (РКРП). Из указанных партий левой ориентации наибольшим влиянием в Российской Федерации пользуется КПРФ. В отличие от ЛДПР, которая на трех последних выборах в Государственную думу получала с каждым разом все меньше голосов избирателей, КПРФ удастся пока добиваться растущей поддержки избирателей.

В 1993 году КПРФ собрала 12,2 % голосов, на выборах 1995 года КПРФ получила 22,3 % голосов и, опередив ЛДПР, стала ведущей оппозиционной партией. Наибольшего успеха партия добилась в 1999 году, набрав 24,29 % голосов избирателей. От КПРФ незначительно отстает межрегиональное движение «Единство» (23,32 %), далее следуют блок «Отечество – Вся Россия» (13,33 %) и упоминавшиеся выше СПС, «Блок Жириновского» и «Яблоко».

КПРФ можно определить как массовую политическую партию с развитыми региональными структурами, большой численностью членов, высокой степенью участия членов партии в ее мероприятиях, сильными и влиятельными руководящими органами партии, активно воздействующими на свое политическое представительство в структурах государственной власти.

Нельзя не упомянуть в этой связи конфликт, который возник в КПРФ по вопросу о возможности продолжения исполнения Геннадием Селезневым обязанностей спикера Государственной думы. Состоявшийся в 2002 году закрытый пленум ЦК КПРФ рекомендовал члену ЦК Селезневу оставить свой пост в парламенте, с чем последний не согласился. Многие аналитики увидели в данном конфликте проявление борьбы за влияние в руководстве КПРФ и стремление ее руководителя Геннадия Зюганова укрепить свои позиции в партии.

Основные положения правового статуса политических партий были закреплены в Конституции Российской Федерации (1993 г.) и в Федеральном законе «Об общественных объединениях» (апрель 1995 г.). Конституцией Российской Федерации многопартийность закреплена в качестве одной из основ конституционного строя, что означает не только возможность существования партий с различными программами, то есть идеологический плюрализм, но и равноправие всех созданных и действующих в соответствии с законом партий.

На основании статьи 30 Конституции Российской Федерации политические партии создаются свободно, без каких-либо разрешений, на учредительном съезде или конференции партии. Членство в партии добровольное. Свобода вступлению в политическую партию ограничена законом для некоторых должностных лиц (судей, военнослужащих). Не допускается создание и деятельность организационных структур политических партий в органах государственной власти (кроме представительных), в государственных учреждениях и на предприятиях, в вооруженных силах, в органах государственной безопасности и правоохранительных органах.

Большие споры в Российской Федерации вызвал внесенный в начале 2001 года в Государственную думу проект федерального закона «О политических партиях» и предусмотренные им изменения законодательства, определяющие требования к партиям относительно численности (не менее десяти тысяч человек), репрезентативности в регионах (иметь региональные отделения более чем в половине субъектов РФ) и обязательности участия в выборах разных уровней в течение пяти лет. Законопроектом предусматривалось повышение роли партий в избирательном процессе. Именно они, а не движения и объединения, должны стать единственными участниками избирательного процесса на всех уровнях.

К 1993 году в России было официально зарегистрировано около 60 политических партий и движений, в 1998 году – 92 общероссийских и межрегиональных партий. Из всего этого количества только КПРФ, ЛДПР и менее десятка других политических образований относятся к достаточно крупным партиям. Остальные можно определить как малочисленные и не получившие необходимого организационного развития. Их характерной чертой является фракционная раздробленность, низкий уровень организационной культуры, перебои с финансированием. Немало в России и карликовых партий-аутсайдеров, фактически не состоявшихся как политические единицы. Они не имеют региональной

структуры, их численность не превышает нескольких десятков человек.

Новые партии и политики Беларуси: З. Позняк, С. Шушкевич, А. Лукашенко. Формирующаяся многопартийная система Беларуси лишь в небольшой степени совпадает с теми тенденциями, которые пробивают себе дорогу в Российской Федерации. Схема разрушения однопартийной системы и возникновения многопартийности в Беларуси имеет определенные сходства с российской моделью лишь в некоторых аспектах. Наибольшие совпадения наблюдались на этапе перестройки. Так же, как и в России, в Беларуси перестройка и вызванный ею процесс ликвидации идеологической и политической монополии КПСС–КПБ сопровождался появлением неизвестных ранее политических деятелей – Зенона Позняка, Станислава Шушкевича и Александра Лукашенко. Каждый из этих политиков, дискурс которых будет рассмотрен ниже, пришел в большую белорусскую политику своим собственным путем. Но есть и то, что сближает их. Каждый из них использовал для своего продвижения к власти зарождавшиеся в Беларуси политические партии и движения, хотя опирался на них в разной мере.

Многие исследователи справедливо связывают начало белорусской многопартийности с происшедшей в 1991 году официальной регистрацией первых некоммунистических партий и движений. Именно с этого года процесс возникновения новых политических образований приобрел необходимую динамику. Так, в 1994 году было зарегистрировано 17 партий, в 1995 г. – 29, а в 1998 г. – 41. Но предпосылки возникновения новой для Беларуси многопартийности были заложены несколько ранее – в конце 80-х годов.

Начало разрушения однопартийной системы и формирования в СССР многопартийной системы можно отнести к 1988 году, когда сформировалось первое жестко оппозиционное коммунистической идеологии движение – Демократический союз. На территории Беларуси начало открытой политической жизни также связано с 1988 годом. Именно тогда в газете белорусских литераторов «ЛіМ» появилась статья З. Позняка и Е. Шмыгалева «Куропаты: дорога смерти». В ней говорилось об обнаруженном в непосредственной близости от Минска месте массовых казней, совершенных НКВД. Эта статья всколыхнула подготовленное перестроечной гласностью белорусское общество. Летом 1988 года в Куропатах состоялся массовый митинг, в ходе которого прозвучало предложение организовать Народный Фронт в поддержку перестройки, взяв за образец уже созданный к тому времени Народный Фронт Эстонии. Это предложе-

ние было реализовано в октябре того же года, когда группа интеллигенции образовала общество «Мартиролог» и создала оргкомитет Белорусского Народного Фронта (БНФ), в который вошли Зенон Позняк, Василь Быков, Михаил Ткачев и ряд других представителей белорусской интеллигенции.

Немалую «помощь» в расширении популярности БНФ внутри страны и за ее пределами оказала учредителям Фронта правившая тогда КПСС–КПБ. Властями был отдан приказ о разгоне организованного БНФ 30 октября 1988 года в Куропатах митинга-реквиема. Использование сил милиции и внутренних войск против мирного митинга было «подарком» Фронту от все более интеллектуально деградирующей командно-административной системы. Применение силы в Куропатах против мирных граждан вызвало протесты в самой республике и далеко за ее пределами, способствовало консолидации Фронта, ускорению создания групп поддержки БНФ на предприятиях и по месту жительства, а затем областных, городских и районных координирующих органов БНФ.

23–24 июня 1989 года состоялся учредительный съезд Белорусского Народного Фронта «Адраджэнне». Из-за крайне агрессивного противодействия белорусской партийной верхушки он проходил в Вильнюсе. Съезд принял программу и устав БНФ. Председателем руководящего органа Фронта – сойма – был избран **Зенон Позняк**, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института истории АН БССР, его заместителями – физик Юрий Ходыко и историк Михаил Ткачев.

Весьма примечательно то, как были сформулированы задачи БНФ в его первой программе. В ней говорилось о стремлении БНФ «организовать широкую народную поддержку начатых лучшими силами КПСС радикальных перемен во всех сферах общественной жизни; обеспечения на этой основе необратимости перестройки, пробуждения инициативы, демократического и национального сознания народа». БНФ, отмечалось в программе, выступает за «перестройку общества на принципах демократии, гуманизма и социальной справедливости», за создание правового государства, за «возрождение ленинских принципов национальной политики», за реальный суверенитет Белоруссии, провозглашенный Конституцией БССР [Гражданские движения, 1991, с. 120].

Приведенные фрагменты из первой программы БНФ показывают, что на начальном этапе его лидеры активно использовали «перестроечную» фразеологию, а в ряде случаев непосредственно ссылались на главного теоретика своих политических оппонентов из КПСС–КПБ — Ленина. «БНФ считает, – отмечалось в первой программе Фронта, – что КПСС должна утверждать свой авторитет в обществе практической деятельностью, а не закрепленным в годы застоя

6-й статьей Конституции лидерством» [Гражданские движения, 1991, с. 124].

В первый период деятельности значительное увеличение численности БНФ происходило за счет вхождения в него членов существовавших ранее клубов и организаций интеллигенции, а также за счет участников движения протеста, вызванного чернобыльской катастрофой. К концу 80-х годов БНФ фактически вбирает в себя все протестное национально-демократическое движение, что позволяет ему добиваться определенных успехов в продвижении своих сторонников и лиц, симпатизирующих Фронту, в парламент республики и городские Советы Минска, Гомеля и ряда других городов Беларуси.

На состоявшихся в 1990 году выборах в Верховный Совет БССР около 40 членов и сторонников Фронта были избраны депутатами. И это несмотря на жесточайшее сопротивление командно-административной системы, которая все еще обладала мощными административными ресурсами. В парламенте была образована отличающаяся высокой степенью активности и дисциплины депутатская фракция БНФ, составляющая 10% от численности Верховного Совета БССР 12 созыва. Численно небольшая (37 человек) эта группа депутатов под умелым и жестким руководством своего лидера З. Позняка смогла оказывать существенное влияние на работу белорусского парламента, на принимаемые им решения. В немалой степени влияние оппозиции БНФ в Верховном Совете БССР обуславливалось тем, что номенклатурно-партийное большинство парламента было дезорганизовано и находилось в растерянности в связи с непонятными и неподконтрольными ему событиями завершающего этапа перестройки.

Нельзя не упомянуть здесь, что по инициативе депутатов, являвшихся сторонниками БНФ, в парламенте возникло непартийное образование – Демократический клуб. Его посещали более 100 депутатов, в том числе и близкий тогда к национал-демократам директор совхоза «Городец» Александр Лукашенко.

На состоявшемся в 1993 году III съезде была принята новая программа БНФ, произошло его организационное преобразование в партию. Важнейшим пунктом программы Фронта становится признание равнозначности демократических и национальных задач, выражаемое в формуле равнозначности права нации и права личности на самореализацию.

Жесткость лидера БНФ З. Позняка позволяла достаточно эффективно действовать парламентской оппозиции Фронта. Но по мере развития политических процессов в Беларуси БНФ стал сталкиваться со все большими трудностями в реализации своей политики.

В исследованиях, посвященных проблематике БНФ, отмечается, что одной из самых больших проблем этого, в первую очередь национального по политической ориентации движения, является особенность национального самосознания белорусов, которые мало отличают себя от русских. Это своеобразие отнюдь не делает их «хуже» литовцев, латышей или эстонцев. Это данность, с которой любое политическое движение, если оно хочет получить массовую поддержку в Беларуси, должно считаться при разработке своей политики. Такова реальность и спорить с ней не только бесполезно, но и опасно.

Главной проблемой БНФ и его лидера З. Позняка стало то, что они признали белорусский народ глубоко и тяжело больным в связи с отсутствием у него явно выраженного национализма. То есть выставили ему оценку «плохо» за отсутствие определенной компоненты массового сознания. Исходя из этой оценки, была построена и политика: усиленная мифологизация, нагнетание русофобии, объяснение всех бед и неприятностей происками российских спецслужб. Агрессивность и мифотворчество были порождением чувства слабости, изоляции от народа. Но БНФ стал еще более усугублять эту изоляцию, пытаясь представить русских «захватчиками». В БНФ не смогли понять, что то, что вполне естественно в Литве, Латвии или Эстонии в силу ярко выраженной национальной аутентичности большинства населения, приобретает в Беларуси искусственный и недемократический характер.

Организационная структура БНФ постепенно стала приобретать авторитарные черты, когда под внешними демократическими формами (съезды, сойм и т.п.) стала формироваться внутрипартийная диктатура БНФ З. Позняка. Чтобы нести знамя национального возрождения, БНФ вынужден был имитировать роль общенародного движения, но реально оставался партией с относительно небольшой социальной базой. Причем эта база стала постепенно сокращаться за счет ухода сторонников Фронта в новые политические партии. Жесткость националистической идеологии БНФ стала фактором, не позволившим сплотить всю демократическую интеллигенцию Беларуси. Значительная часть этой интеллигенции не очень хорошо знает родной язык, не слишком отличает себя от русских. Авторитаризм З. Позняка в БНФ создал ощущение дискомфорта у многих, кто стоял рядом с ним.

Весьма симптоматичным стало в этом смысле образование в марте 1991 года Белорусской социал-демократической Грамады (БСДГ). Возникновение БСДГ рассматривается многими исследователями как своеобразный раскол

БНФ. Большинство учредителей новой партии состояло ранее в БНФ. Избранный на съезде БСДГ председателем партии профессор Михаил Ткачев был одним из заместителей З. Позняка. В БСДГ объединилась относительно умеренная часть БНФ, которая не могла принять жесткий антикоммунистический радикализм Фронта. Между Фронтом и БСДГ существовало немало различий и по программным установкам, и по видению форм и методов деятельности. Вместе с тем нельзя не отметить, что несмотря на определенные и вполне понятные различия в идеологическом плане, БСДГ на начальном этапе своей деятельности не слишком отличалась от Фронта. Несмотря на провозглашаемый социал-демократизм, эта партия по глубинным сущностным характеристикам являлась национально-демократической. Национальная компонента явно доминировала в ней над социальной. Это отчетливо прозвучало в заключительном выступлении на учредительном съезде БСДГ председателя партии Ткачева, который не смог избежать явно чуждого социал-демократической доктрине разделения населения Беларуси на «плохих» и «хороших», на «тутэйшых» и «прыблудаў».

Появление БСДГ как самостоятельной политической силы позволило тем депутатам парламента, которые ранее входили в депутатскую группу БНФ, образовать свою фракцию. Ее численность была невелика, всего 12 человек. Но создание собственной фракции позволило депутатам-членам БСДГ выйти из непосредственного подчинения З. Позняку и проводить более самостоятельную политическую линию.

Вслед за З. Позняком, вторым известным политическим деятелем Беларуси, приход которого в политику стал возможен благодаря перестройке и ликвидации монопартийной системы, стал **Станислав Шушкевич**. Пример политического взлета С. Шушкевича показывает, насколько существенной могла быть для того или иного политика поддержка небольшой по численности, но жестко дисциплинированной парламентской группы БНФ. Проректор Белорусского государственного университета Станислав Шушкевич не был членом БНФ, но именно помощь Фронта обеспечила ему в 1989 году избрание в качестве одного из 18 народных депутатов СССР. Во второй раз БНФ содействовал продвижению Шушкевича, когда 19 мая 1990 года он был избран первым заместителем Председателя Верховного Совета БССР. Этот пост обеспечил ему впоследствии возможность занять верхнюю позицию в белорусском парламенте. Ждать этого пришлось недолго. В третий раз Шушкевич смог опереться на поддержку Фронта в 1991 году. Московский «августовский путч» был поддержан не только белорусской партийной верхушкой, но и Председателем Верховного Совета

БССР 12-го созыва Н. Дементеем.

Провал путча привел коммунистическое большинство белорусского парламента в состояние полной растерянности. В этот момент под нажимом фракции БНФ парламентарии смещают Дементя и избирают председателем Верховного Совета БССР Шушкевича, который, будучи беспартийным депутатом, стал по сути креатурой Фронта.

Когда мы говорим о зависимости Шушкевича от фракции БНФ, это отнюдь не подразумевает его «карманности», послушности Фронту. Достаточно вспомнить хотя бы о возникшем в 1992 году противодействии Шушкевича предложению БНФ о проведении референдума. В конце 1991 – начале 1992 года Фронт выступил с инициативой провести общенациональный референдум о досрочных парламентских выборах осенью 1992 года. Таким образом, БНФ надеялся увеличить свое присутствие в парламенте и одновременно уменьшить влияние в нем представителей командно-административной системы. В поддержку референдума было собрано достаточное количество подписей. Несмотря на это, в октябре 1992 года, Верховный Совет при поддержке С. Шушкевича отклонил предложение БНФ. Фронт до сих пор не может простить этого С. Шушкевичу. Тем более, что это крупное политическое поражение БНФ стало началом его постепенной маргинализации.

С. Шушкевич был заметной, но переходной фигурой в политической жизни Беларуси периода перестройки. Заняв с помощью БНФ высший пост в парламенте республики, он проявил себя как буферный политик, оказавшийся в промежуточном пространстве между партией власти и демократами. Именно представители компартии, опираясь на союзников из Народного движения Беларуси, в январе 1994 года отстранили Шушкевича от власти. БНФ не стал, да уже и не смог бы, даже если хотел этого, поддерживать Шушкевича.

С. Шушкевич искал опоры в организованных политических силах. Вначале это был Белорусский Народный Фронт, но после столкновения с БНФ по поводу референдума Шушкевич вплоть до своей вынужденной отставки с поста председателя Верховного Совета не сближался с какими-либо партиями. Поиски союзников возобновились в 1994 году, когда С. Шушкевич включился в первые в Беларуси президентские выборы. Тогда его кандидатуру на пост президента поддерживали социал-демократы и Объединенная демократическая партия (ОДП).

В формировавшейся многопартийной системе Беларуси ОДП занимала оп-

ределенную нишу как партия либерально-рыночного толка. Ее позиция в отношении государственности белорусского языка и независимости страны не была категоричной и жесткой. ОДП возникла в ноябре 1990 года. Ее образовали белорусские сторонники «Демократической платформы в КПСС» и несколько других более мелких политических партий и групп.

Не так просто определить политическое кредо С. Шушкевича. В историю он вошел как один из трех подписантов Беловежского соглашения, которое послужило основой для распада СССР. Но его участие в нем не было продиктовано жаждой власти, к которой стремился Борис Ельцин. Последнему Беловежские соглашения были необходимы, чтобы убрать с дороги Михаила Горбачева, занимавшего пост президента СССР. Для Леонида Кравчука Беловежские соглашения были способом войти в историю Украины, реализовав достаточно широко распространенное в этой республике стремление отделиться от «москалей». С. Шушкевич, подписывая Беловежские соглашения, отнюдь не выражал стремления белорусского народа к созданию самостоятельного государства, поскольку такого стремления просто не было у подавляющего большинства населения БССР. Бороться за власть с кем-либо ему также не было необходимости, так как он занимал высший пост в стране. Скорее всего С. Шушкевича можно сравнить с М. Горбачевым, которому достаточно долго удавалось маневрировать между различными политическими силами, но оказавшемуся несостоятельным, когда потребовалось принимать решение о выборе пути развития страны.

Политическое кредо С. Шушкевича – поиск согласия, «згоды». То, что это так, видно из его заявлений, высказываний, статей. Шушкевич исходит из постулата, в который он, надо полагать, искренне верит, что сила и мудрость политика заключается в умении искать согласие.

С. Шушкевич остается в политике как один из лидеров современной белорусской социал-демократии. Несомненно, однако, что он мог быть только переходной фигурой на вершине политической власти в Беларуси начала 90-х годов. Социал-демократы хороши для относительно спокойных этапов развития общества. В периоды крутой ломки общественных отношений, когда материальное положение большинства населения резко ухудшается, им трудно взвалить на себя бремя ответственности за непопулярные решения.

Беларуси все более требовался не медиатор, не искатель согласия, а жесткий политик, который мог бы восстановить утраченную при С. Шушкевиче

управляемость государством. Тип такого политика персонифицировался в Беларуси в Александре Лукашенко, путь которого в большую политику также был связан с перестроечными процессами.

Александр Лукашенко родился в 1954 году. Трудовая биография А. Лукашенко в доперестроечный период схожа с биографиями многих способных и амбициозных специалистов из низов. А. Лукашенко пробовал себя в комсомоле, советских органах, служил в армии, работал в промышленности и в сельском хозяйстве. Но как и многие другие, не имел связей среди элиты, что не позволяло прорваться в верхние эшелоны номенклатуры. В рамках существовавшей системы у него было крайне мало шансов сделать серьезную политическую карьеру, особенно принимая во внимание его задиристый характер. Легко представить, с каким энтузиазмом должен был А. Лукашенко встретить начатую М. Горбачевым перестройку, тем более что она совпала с его переходом на самостоятельную руководящую работу в качестве директора совхоза.

Энергично взявшись за дело, А. Лукашенко стал применять новые по тем временам формы организации производства и с их помощью достигает неплохих результатов в своем хозяйстве. Он приобретает известность, избирается членом райкома партии, приглашается на совещание в ЦК КПСС по вопросам внедрения аренды, получает приглашение Совета Министров СССР для участия в подготовке документов по развитию сельского хозяйства.

Постепенно к А. Лукашенко приходит понимание, что вызванные перестройкой процессы демократизации дают возможность не соблюдать номенклатурные правила, открывают возможности для быстрого движения по карьерной лестнице. В 1989 году он предпринимает первую попытку прорваться в политику, попытавшись использовать для этого проводившиеся тогда относительно демократические выборы народных депутатов СССР. Именно в этой избирательной кампании он, ломая все планы номенклатуры, добивается выдвижения своей кандидатуры в избирательном округе, где без всяких конкурентов собирался баллотироваться заместитель председателя Совета Министров БССР Вячеслав Кебич. Кебич тогда победил, набрав 51% голосов. Но полученные А. Лукашенко 45,7% голосов, учитывая соотношение сил и возможностей конкурентов, означали потрясающий успех начинающего политика.

Участие в выборах 1989 года показало, что А. Лукашенко обладает огромной нереализованной энергией, колоссальной волей к победе. Его первая публичная схватка с командно-административной системой трансформировалась в четкую политическую позицию, чрезвычайно популярную в обществе: во всем виноваты чиновники и начальство.

Эту позицию А. Лукашенко активно развивает на проводившихся в 1990 году выборах в Верховный Совет республики. Используя полученный в 1989 году опыт, А. Лукашенко талантливо выбирает роль защитника простого народа от обнаглевшего начальства. Один из основных его лозунгов того периода – установление подлинного народовластия. Набрав во втором туре выборов 68,21% голосов избирателей, А. Лукашенко не только победил своего конкурента, но и одержал первую в своей жизни победу над номенклатурой.

По своим политическим взглядам А. Лукашенко того периода – это образец стихийного демократа. Он разделяет и высказывает весьма новые в то время и популярные в обществе идеи. В парламенте А. Лукашенко показал себя активным сторонником рыночных отношений, приватизации государственной собственности, яростным противником партийной номенклатуры, которую он обвиняет в стремлении к авторитарному правлению.

Оставаясь в КПСС до самого конца и, возглавив в июне 1991 года депутатскую группу «Коммунисты Беларуси за демократию», А. Лукашенко осудил путч ГКЧП, требовал отставки поддержавших его руководителей Верховного Совета и Совета Министров республики. Именно А. Лукашенко 19 сентября 1991 года внес в зал заседаний парламента бело-красно-белый флаг, бывший до этого времени символом национально-демократической оппозиции и в тот же день ставший государственным флагом Беларуси.

Нельзя не обратить внимание на существенное различие тогдашних взглядов А. Лукашенко и нынешних, особенно в том, что касается методов управления обществом и экономикой. В определенный момент в политической эволюции А. Лукашенко происходит резкий поворот. Он переходит на явно антиреформаторские позиции. Политический дрейф А. Лукашенко нельзя назвать случайным. Он отражал определенную общественную тенденцию, проявившуюся на всем постсоветском пространстве и связанную с крахом политики перестройки.

3.3. Тенденции постперестроечного периода

Целью начатой Горбачевым в 1985 году перестройки была провозглашена модернизация существовавшего в СССР социалистического строя. Решить эту задачу так и не удалось. Вместо модернизации социалистического строя, придания ему человеческого лица, произошло разрушение громадной страны – Советского Союза. Не удалось реформировать КПСС и приспособить ее, как это произошло в Китае, для управления процессом модернизации общества. Ко-

нечным результатом попыток очищения и обновления КПСС, как «руководящей и направляющей» силы общества, стала ее ликвидация.

Советский Союз прекратил свое существование в конце 1991 года. С этого момента в Беларуси и России развернулись постперестроечные процессы, которые, хотя и имели немало совпадений, но, одновременно, отличались значительным своеобразием.

Борис Ельцин пришел к власти в России как руководитель коалиции националистических и демократических сил. В конце 1991 года было довольно трудно разграничить эти группы и идеи. Начавшееся в январе 1992 года осуществление либерально-экономической программы правительства Егора Гайдара быстро привело к поляризации позиций, выявило глубину различий между силами, на которые Ельцин опирался в своей борьбе за власть. Либеральные политики и экономисты, руководившие первым правительством Ельцина, стремились трансформировать российскую систему государственного планирования в либерально-рыночную экономику настолько быстро, насколько это было возможно. Политиками, которых Б. Ельцин назначил в правительство России, была предложена амбициозная программа приватизации. Это вызвало жесткое сопротивление политических партий, имеющих коммунистическую окраску. Национально-демократические силы, которые содействовали приходу Ельцина к власти, также были весьма озабочены высокой социальной ценой либерализации экономики России.

В зачаточном состоянии институты нового российского государства существовали уже до 1991 года. Развернувшаяся затем полемика о программе приватизации и о направленности российской политики привела в конце 1993 года к жесткому противостоянию между Ельциным и парламентом Российской Федерации. Победа Ельцина завершилась принятием новой конституции, которая была составлена в пользу института президентства, но содержала также набор определенных сдержек и противовесов.

Даже теперь, через десять лет после начала приватизации, не очень ясно, был ли переход России к либеральной демократии успешным. Российское общество продолжает во многом оставаться прежним. Взяточничество и коррупция, которые стали разрастаться в советской системе в период застоя, так и продолжают оставаться реальностью современной России, но теперь приобрели значительно большие масштабы.

Несомненно, однако, что за прошедшее десятилетие в Российской Федерации произошли важные изменения. Есть некоторые доказательства того, что российская экономика начинает возрождаться после катастрофического обвала,

происшедшего в начале 90-х годов. Можно спорить о том, насколько свободны российские СМИ, но нельзя не признать, что они дают отнюдь не одноцветную картину происходящих событий, а россияне могут участвовать в достаточно свободном обмене мнениями по любому вопросу. В России возникла система с элементами новой политической культуры, с многопартийностью, которая наталкивается на множество препятствий, но продолжает развиваться. Весьма симптоматичным, в этом смысле, является решение Ельцина досрочно освободить пост президента, дать возможность попробовать свои силы представителям очередной генерации российских политиков.

Новому президенту России Владимиру Путину, который весьма неожиданным способом сменил Бориса Ельцина, предстоит решать значительное количество проблем, многие из которых просто не существуют в Беларуси. Но есть один вопрос, который не может быть решен в одиночку и требует согласованной позиции политиков России и Беларуси. Это вопрос о том, каким образом и в каких формах будет происходить в новом тысячелетии взаимодействие исторически очень близких народов двух соседних стран. Ведь за прошедшее десятилетие Россия и Беларусь значительно и, что особенно важно, по-разному изменились. В немалой степени это связано с тем, что первые президенты России и Беларуси выбрали различные модели развития для своих стран.

Новая Конституция в Беларуси появилась на год позже, чем это произошло в Российской Федерации. Она была принята 15 марта 1994 года. Конституция предусматривала учреждение поста президента страны с весьма широким кругом полномочий. При обсуждении этого положения Конституции развернулась масштабная дискуссия. Оппозиция БНФ выступала за парламентскую республику. Но победило проправительственное большинство, стремившееся укрепить власть Вячеслава Кебича, достаточно долгое время (с 3 июля 1990 г.) занимавшего пост председателя Совета Министров республики.

Многие предполагали, что именно В. Кебичу обеспечен пост президента. Но президентская кампания завершилась 10 июля 1994 года фантастической победой А. Лукашенко. Он получил поддержку 56% граждан Беларуси, имеющих право голоса, и 80% избирателей, принявших участие во втором туре голосования. Своеобразие персоналии первого президента Беларуси проявилось сразу же после выборов. А. Лукашенко попытался именно Кебича сделать спикером Верховного Совета, хотя до выборов обещал, став президентом, посадить его в тюрьму.

Многие исследователи новейшей истории Беларуси справедливо отмечают, что противостояние А. Лукашенко и В. Кебича не было противостоянием идей и программ. Они во многом схожи. Оба не опирались на партии, не имели внятной

идеологии. На протяжении своей политической карьеры и В. Кебич, и А. Лукашенко практически одинаково менялись в соответствии с «духом времени». В самом начале 90-х они были противники центра и патриоты Беларуси, а к 1994 году оба стали активно эксплуатировать идею объединения с Россией.

Нельзя не согласиться с тем, что несмотря на значительную схожесть А. Лукашенко и В. Кебича, в одном они существенно отличались. Их борьба стала «противостоянием символов и имиджей: человек из народа – человек из номенклатурной элиты, честность – коррумпированность, твердость и железная воля – нерешительность, противостояние, которое можно назвать «социально-стилистическим» [Белоруссия и Россия, 1998, с. 127].

В ходе предвыборной кампании А. Лукашенко показал себя отличным полемистом. Неважно, что его полемический стиль имеет, как отмечается в ряде исследований, откровенно демагогический характер, что он апеллирует не к разуму, а к подсознанию людей. В политической борьбе решающее значение имеет результат. Прав тот, кто побеждает соперника, кто оказывается сильнее и точнее в выборе оружия. Увы, в политике вообще, и в современной белорусской политике, в частности, формула – цель оправдывает средства – продолжает оставаться ключевой.

Полемическая сила А. Лукашенко в том, что он предлагает простые решения сложных проблем. Он, например, активно эксплуатировал широко распространенное представление о больших богатствах, наворованных коммерсантами и чиновниками, разделив которые можно всем быстро разбогатеть. Пока С. Шушкевич по телевидению объяснял обнищание населения объективными причинами перехода от одной модели общественного развития к другой, А. Лукашенко просто указал избирателям на виновников народных бедствий и сразу стал их кумиром.

Сила А. Лукашенко в том, что он очень точно улавливает малейшие колебания в настроениях масс и весьма умело артикулирует их. Это с новой силой подтвердили президентские выборы 2001 года. Можно сколь угодно долго толковать и объяснять поражение оппонентов А. Лукашенко тем, что против них использовался административный ресурс, о возможных нарушениях, допущенных во время голосования. Но, реально оценивая и сопоставляя А. Лукашенко и единого кандидата оппозиции – Владимира Гончарика, нельзя уйти от очевидной констатации. В слабо консолидированном массиве оппозиционных А. Лукашенко политиков пока нет ни одного, кто сумел бы так умело работать с избирателями, как он. Возникает, однако, вопрос о том, каковы пределы влияния А. Лукашенко на электоральное поведение.

Несомненным результатом политики, которую проводит А. Лукашенко с 1994 года, является высокая управляемость государством. Избранная им модель экономического развития еще позволяет, хотя и с большим трудом, не допустить снижения жизненного уровня населения ниже критического уровня. Но внутренние ресурсы этой экономической модели ограничены. К тому же значительный стабилизирующий экономику фактор – большие скрытые импортные субсидии преимущественно в форме низких цен на газ – связан с Россией. По оценкам специалистов, объем этих скрытых субсидий колеблется от 1,2 до 1,6 миллиардов долларов. Поэтому для любого белорусского политика, включая А. Лукашенко, вопрос вопросов состоит в том, в какой форме и каким образом будет реализовываться тенденция сближения Беларуси и России.

Часть четвертая

ЛИДЕРЫ БЕЛАРУСИ: ДИСКУРС ВЛАСТИ

Данная часть посвящена дискурс-анализу ключевых субъектов политики Беларуси, политиков, практически сформировавших дискурс власти сегодняшней республики, тех, кто принял на себя это бремя и славу власти, а также бремя и славу оппонирования ей и продемонстрировал своему народу и миру дискурс власти и контрдискурсию.

В основе дискурс-анализа – построение дискурс-портретов белорусских ключевых политиков: П. Машерова, С. Шушкевича, А. Лукашенко и оппонентов А. Лукашенко в начале его президентства и на последних президентских выборах – З. Позняка и В. Гончарика.

Построение дискурс-портретов не есть некий совокупный портрет из всего, что говорилось вчера и говорится сегодня политическими лидерами. Это – *исследование методом изучения отдельного случая*, иначе говоря, мы не следовали по пути охвата всей генеральной совокупности текстов, чтобы на ее репрезентативной выборке предложить обобщенные, систематические данные о реальности. Наша задача была – высветить сегмент реальности и многопланово, всесторонне изучив ее, увидеть саму реальность и вместе с тем сформировать «работающие» прикладные теорию и метод.

Материалом для нашего анализа послужили несколько печатных текстов, примечательных тем, что они характеризуют лидеров в таких ситуациях общения (жанрах), как интервью, выступление перед целевой и массовой аудиторией, аналитический материал и программа, а также видеотексты, практически повторяющие данные ситуации общения и добавляющие лишь ситуацию «выход политика в народ». Ниже мы приводим определения, изученных нами жанров (ситуаций общения). Это:

- **интервью** – это ситуация беседы, собеседования, обмена мнением в узком кругу, лицом к лицу с журналистом по какому-либо поводу или вне всякой связи с конкретными событиями. Эта ситуация дает нам возможность увидеть, как проявляет себя политик в ситуации межличностного общения, которая в то же время проецируется на большую аудиторию читателей или телезрителей;
- **выступление перед целевой или массовой аудиторией** – это яркий образец дискурса единения, консолидации, дискурса-перформатива, ибо массы должны принять лидера, поверить в то, что он *их* лидер, поверить в то, *что* он говорит, пойти за ним (действовать).

Он в своем дискурсе воспроизводит то, что они – единое целое: он существует для них и ради них или, что одно и то же, они – для него и ради него. Эта ситуация дает нам также возможность увидеть, что именно из этого набора возможного актуализирует оратор, чем он хочет быть, каким хочет казаться, каким является на самом деле, с помощью каких приемов удерживает аудиторию, насколько длительным может быть его воздействие на аудиторию;

- **аналитический текст политика** – это своего рода тест, с помощью которого можно проверить многое: и гражданскую позицию политика (выбор проблемы), и его способность охватить проблему, понять ее суть, раскрыть перед аудиторией, увидеть разные ее грани, но также и то, ради чего проблема поднимается, что в итоге: предложение о ее решении, связка с другими проблемами или просто реклама себя, путь в никуда. Каким предстает перед аудиторией анализирующий политик – это мы и стремимся выделить, анализируя тексты политических лидеров, представленные в жанре «аналитика»;
- **политическая программа** представляет собой официальный документ, предъявляемый для ознакомления электорату в виде брошюр, листовок или текстов СМИ. На какую аудиторию ориентируется политик, создавая программу, на поддержку каких групп рассчитывает – эти характеристики также анализируются в нашем исследовании. Материал политической программы, наконец, способен высветить, насколько логичен, последователен в изложении своей программы политик, какие проблемы артикулирует в первую очередь, тем самым считая их наиболее важными, какие аргументы привлекает для подтверждения предлагаемых методов решения проблем или, наоборот, насколько политик «голословен».

Итак, посмотрим на тексты П. Машерова, С. Шушкевича, А. Лукашенко, З. Позняка и В. Гончарика в предлагаемой последовательности и определим, какие дискурс-типы актуализируют данные политики и, соответственно, какие дискурс-типы политического лидерства затребованы в современной Беларуси, за кого голосует белорусский электорат. Также давайте посмотрим на то, какое сочетание дискурс-типов не дает искомый результат, не приводит к победе на выборах. Представляется, что на основании проводимого исследования мы можем определить также некий набор критериев, которым должен соответствовать дискурс успешного политика в Беларуси.

4.1. П. Машеров: дискурс-портрет

П. Машеров – ярчайший лидер своей эпохи. Остался в памяти народа не благодаря своему времени, а как бы вопреки ему. Он воспринимается сегодня в сознании людей Беларуси как политик сугубо народный, демократичный, несущий людям свет, добро и пример служения народу. Это образ, воплотивший в себе такие качества, как скромность и стойкость, доброта и справедливость. Анализ текстов позволяет понять феномен лидера, специфику его воздействия на аудиторию, источник его становления, сохранения и устойчивого характера его лидерства.

4.1.1. Политик беседует с журналистом

(П. М. Машеров. Уроки деловитости // Машеров ИМ. Избранные речи и статьи. Мн.: Беларусь, 1982. С. 587-594.)

Журналист: Хотелось бы, прежде всего, Петр Миронович, услышать Ваше мнение о том, что же все-таки характеризует подлинно делового работника.

Машеров: Согласитесь, смысл в это понятие (деловитость) вкладывается далеко не однозначный. В словарях, скажем, деловитый характеризуется как толковый, умный, предприимчивый. Но для сегодняшнего нашего разговора, видимо, этого определения недостаточно. Ведь в жизни как бывает? Одни и те же меры, шаги, действия в одном случае безошибочно можно назвать деловыми, а в другом – нет. Почему? Да потому, что все упирается в критерии оценки. Поясню свою мысль. Например, ... Нельзя пассивно ждать удачного стечения обстоятельств. Каждый должен научиться работать по программе-максимум... Нужна радикальная перестройка работы.

Уже само начало интервью, которое дает Первый секретарь ЦК КПБ П. Машеров журналисту ведущего политического издания, дает четкое представление об этом лидере в ситуации межличностного общения. Еще перед тем, как начать отвечать на вопрос собеседника, для П. Машерова важно сделать его своим единомышленником (*согласитесь*). Он стремится говорить по существу (*смысл, поясню, по-настоящему деловых*), уйти от многозначности (*не однозначный, критерии оценки*), привлечь авторитеты (*в словарях*). Он – не ведомый, а ведущий беседу, перехватывающий инициативу, ибо развивает и интерпретирует поднятую тему в разных плоскостях одновременно. При этом он стремится быть критичным (*не могу сказать, что у нас тут всё в порядке*), актуальным (*для сегодняшнего нашего разговора*), стремится убеждать (*да потому, что*), но не давить на собеседника (*видимо*), не быть категоричным: он про-

сто приглашает собеседника к размышлению, как бы рассчитывая на его мудрость. Он решителен – излишняя осторожность для него не характерна. Машеров выступает за преобразования (*нельзя пассивно ждать, нужна радикальная перестройка*) и призывает каждого к действию (*каждый должен*).

Он «здесь и сейчас», вместе со своей аудиторией (*нашего разговора*), ведет заинтересованный диалог (*Почему? Да потому, что*). Но вместе с тем он ее поучает. Его речь размеренна, неспешна, развернута (*меры, шаги, действия*), дихотомична и ритмична (*действия в одном случае..., а в другом...; суть и сердцевина*), что наблюдается в структуре построения речи (*вопрос-ответ*). Политик побуждает аудиторию к размышлению, излагая свою точку зрения максимально ясно, прибегая к иллюстрациям (примерам), которые являются в его текстах своего рода паузами, дающими возможность аудитории лучше понять предмет разговора.

Однако размеренность речи не означает ее монотонность. Дихотомичность (вопросно-ответная структура или, иначе говоря, автодиалог) прерывается риторическими вопросами, уже не требующими ответа, а закрепляющими высказанную точку зрения.

Здесь нужен, я бы сказал, настоящий талант... Мне видятся две стороны... Поясню свою мысль...

Почему мы так круто ставим этот вопрос?... От этого нам никуда не уйти...; мы ведём дело к тому, чтобы каждый осознал, что...; у нас этой психологии все более противостоит практика ежегодных республиканских семинаров различных категорий работников по важнейшим вопросам развития экономики, науки и культуры...; В республике введен в практику ряд...; мы сейчас стараемся как можно глубже проанализировать работу....

Некоторые руководители с изменением обстановки не всегда...; по-настоящему деловых работников у нас немало. И не так просто кого-то выделить персонально. Но все же некоторых назову...; Гомельский обком КПБ обычно глубоко анализирует проблемы, принимает хорошие, верные решения. Однако не всегда они выполняются.

В беседе с журналистом П. Машеров проявляет себя как личность. У него есть свое «я», однако это не означает, что он часто употребляет местоимения «я», «мне», «мое». Наоборот, они встречаются в межличностном общении крайне редко, можно сказать единично. Но будучи активным собеседником, он сам определяет ход беседы. Размышляя над предметом разговора, оценивает факты. Редкое употребление местоимения «я» указывает и на полную поглощенность вниманием предметом разговора, и на безусловную скромность говорящего. К тому же это примета времени и принятого стиля общения (*ленинского стиля работы*).

В целом для П. Машерова более приемлемо местоимение «мы», что подчеркивает значимость для него пропагандируемого коллективного начала в руководстве страной. Его *мы* репрезентирует власть в широком спектре ее функций, но в первую очередь это руководящая, организаторская, аналитическая и оценочная деятельность.

П. Машеров деликатен и не любит называть напрямую тех, кто заслуживает порицания. Поэтому в его дискурсе можно встретить такие обтекаемые фразы, как *руководители, которые, переоценив свои возможности...* или просто *отдельные руководители*. Не называя их, он стремится приклеить им обидный ярлык, дать какой-нибудь запоминающийся отрицательный образ, как например, обладатели так называемой *туристской психологии*, которые предпочитают *поехать на семинар – вроде как на отдых или развлечение: походили, пообедали, а потом разъехались и точка; нет потребности увиденное внедрять у себя*, полагает, что они себя сами узнают и сделают самокритичные выводы. Эта уверенность поддерживается тем, что дискурс ориентирует аудиторию, какие качества важны для общества и составляют его ценности – *фундаментальные знания, высокие моральные качества, организаторские качества, (тора на достижения науки и передовой практики, видение перспективы, умение советовать, находить кратчайший путь от замысла к исполнению, от слова к делу*. Если же П. Машеров кого-то хвалит, то он склонен называть реальные лица: *генеральный директор МТЗ П.И. Бойков, председатель колхоза «Ос-нежицкий» В.А. Ралько, П.И. Брежнев*.

В поле внимания П. Машерова как люди, так и то, что создано их руками (*теперь же переходят на серийный выпуск МТЗ-80, не сокращая, а даже увеличивая общее производство машин...; 300 предприятий республики...*). Но при этом его мир огорожен институциональными рамками: практически все события, на которые ссылается П. Машеров, относятся к сфере деятельности Коммунистической партии: пленум ЦККПБ, XXV съезд КПСС. Для П. Машерова характерно цитирование работ Ленина, ссылки на текущие партийные документы. Однако политик стремится выходить за рамки официальной риторики, демонстрирует знания широкого историко-культурного контекста, но опять возвращается к текущим пар тайным текстам, и тогда встречаются такие новообразования, как *альфа и омега партийной работы*. Стремление использовать в своем дискурсе мудрость веков претворяется в относительно богатой интертекстуальности, в частности в том, что тексты П. Машерова включают немало цитат из словарей, а также пословицы, поговорки (*кто хочет сделать дело – находит средства, кто не хочет – ищет причину!*)

Язык П. Машерова метафоричен, выразителен и эмоционален, экспрессивен, диалогичен:

...связать прочным приводным ремнём слова и дела; звенья крутятся на холостом ходу; засверкать своим ярким блеском...; ведь в жизни как бывает? Одни и те же меры, шаги, действия в одном случае безошибочно можно назвать деловыми, а в другом нет. Почему? Да потому, что...; о какой же деловитости здесь можно говорить? Разве руководить коллективом не искусство? Почему бы не поучиться у соседей?

Формулируя свои мысли, политик стремится придать им афористичность. Так рождаются в его дискурсе лозунги: *Нельзя пассивно ждать удачного стечения обстоятельств! Нужна радикальная перестройка работы; каждый должен научиться работать по программе-максимум.*

Таким образом, в ситуации интервью П. Машеров одновременно и эмоционален, и уравновешен, спокоен. Он продумывает свои слова, но говорит от сердца. В общении есть и публичные, и камерные ноты. Он уверен в себе, в людях, в системе, в обществе. У него сильное «я» – деятельностное и призывное, фактологическое и романтическое. Он лидер с ярким, запоминающимся, характерным речевым поведением. Его дискурс перформативен. Он конструирует мир, где все просто, понятно, все ценности определены и разложены по полкам.

4.1.2. Политик анализирует проблему

(Знания, творческую энергию - великому делу коммунистического созидания: Выступление // П.М. Машерова на республиканском слёте студентов в Минске 16 февраля 1973 г.: – Машеров П.М. Избранные речи и статьи. Мн.: Беларусь, 1982. С. 155–157.)

Выступление перед студенческой молодежью П. Машеров использует, чтобы проанализировать и оценить качества обучения студентов. Здесь он активен и динамичен: строит дихотомии, стремится найти причинно-следственные связи, охватить различные аспекты проблемы, структурировать ее, выделить порождаемые ею новые проблемы, ранжировать их, расставлять акценты, и, наконец, сузить до обозримого и мобилизовать на решение.

Качество образования П. Машеров рассматривает с объективной и субъективной точек зрения, что позволяет определить и уточнить ключевую для данной аудитории проблему – недопустимость *потребительского отношения к учебе и к жизни* со стороны молодых людей. Посмотрим, как П. Машеров анализирует явления и итожит свои мысли.

Вхождение в проблему: *Справедливо говорят, что успех обучения определяется не только содержанием и направленностью образования, но и усердием самого ученика.*

Завершение обсуждения проблемы: *Вот почему мы хотим, чтобы годы студенческой учебы были не столько годами..., сколько периодом творческой работы.... А для этого, как говорится, необходимо обладать высоким ресурсом мобильности мышления.*

Как видим, начало обсуждения проблемы (как добиться качественного обучения в вузе) характеризуется тем, что П. Машеров сразу же, вводя в проблему, как бы отказывается от своей исключительности, а значит и ее «монопольного» видения и решения. Он объективизирует проблему, констатирует, что проблема уже созрела и выявлена другими, одобряет отношение к ней и как бы поднимает ее на новую высоту, открывая ее обсуждение на данном форуме. И это – особый ход политика. Тем самым он идет как бы не от себя, а от аудитории, конструируя неизбежность ее включения в размышление над проблемой и поиск путей ее решения. Но не только это важно для выступающего. От размышлений аудитория должна будет сделать еще один шаг – шаг к действию. Это легко декодировать из завершающей части выступления, где дается установка на действие и оговаривается условие успеха. Здесь же П. Машеров возвращается к актуализации субъектной ситуации общения, где «мы» - это старшее поколение, педагоги, руководство страны, вся страна.

Юность же по природе своей пытлива, любознательна...; путь к успеху в условиях нашего строя - один и только один путь упорного, целеустремленного труда...;... путь упорного, целеустремленного труда, творческого горения и истинного подвижничества...; трудолюбивых и усердных в учебе студентов у нас много...; каждый час учебы...; ...годы становления характера, выработки убеждений, приобщения к неизведанным тайнам природы и общества, к секретам будущего профессионального мастерства и высокой компетентности; настоящего специалиста, подлинного знатока своего дела, интеллигента коммунистического типа.

Для П. Машерова нет абстрактной, несубъективированной проблемы. Он говорит с аудиторией о том, что важно и для нее и для него, а в его лице для страны в целом. В тексте нет прямого обращения к аудитории, но есть много слов, говорящих о его уважительном, и даже доверительном отношении к слушателям (*скажу откровенно*).

Анализируя, П. Машеров избегает использовать местоимение «я», но начало мысли со слов *безусловно, по существу, тем более, ведь как, и все-таки* недвусмысленно определяет его роль в структурировании текста. П. Машеров фокусирует внимание аудитории, оценивает, критикует, указывает выход их

сложившегося положения. При этом он скромн, не подчеркивает лишний раз своего положения. Все это как бы само собой разумеется.

В своем дискурсе П. Машеров предстает компетентным руководителем, способным отсеять второстепенное и выйти на стержневые вопросы, знающим, что и как обсуждать с аудиторией, каким образом создать позитивный настрой аудитории, приблизить конструктивное решение проблемы. Иначе говоря, для его дискурса характерны такие позиции, как:

- расстановка прагматических ориентиров – что правильно, а что *неправильно и опасно*;
- уточнение, для кого эта проблема представляет опасность (*тех, кто вольно или не вольно разделяет подобного рода взгляды*);
- указание на единственно возможный путь выхода, максимально суженный до одной простой идеи (*один и только один путь упорного, целеустремленного труда*).

Ведь как рассуждают некоторые из студентов: вот, мол, отмучаемся с этими экзаменами и зачетами, распрощаемся с учебниками, получим диплом и настанет пора собирать «урожай» в виде различного рода благ и последовательного продвижения по службе; скажу откровенно: такое потребительское отношение к учебе и к жизни - неправильно и опасно.

Как мудро сказано: «Всегда желай мочь то, что ты должен»; как отмечал выдающийся русский критик, публицист и педагог Д. И. Писарев: «Настоящее образование есть только самообразование».

П. Машеров иронизирует. Ирония достигается соседством разговорного и делового стилей. Он точен, конкретен, последователен в выражении мысли (*во-первых,,, во-вторых...*), стремится быть понятным (*другими словами...*), логичным (*следовательно...*).

Оценка для П. Машерова – это способ расставить все «по полочкам». Для этого он использует также интертекстуальность, но прежде чем произнести цитату, пословицу, мудрое изречение, стремится сказать значимое об авторе, показать, насколько весом источник. Его оценки органично вплетаются в лексическое значение слов, в образы, которые он использует (*потребительское отношение к учебе и к жизни; на ниве служения народу*).

П. Машеров стремится быть максимально действенным оратором и добивается этого разными путями. Например, часто использует повторы (*один и только один путь; каждый день, каждый час учебы*). С этой же целью применяет технику «наращивание смысла», перечисляя что-то, как например: *годы становления характера, выработки убеждений, приобщения к неизведанным тайнам природы и общества, к секретам будущего профессионального мас-*

терства и высокой компетентности; настоящего специалиста, подлинного знатока своего дела, интеллигента коммунистического типа. Как видим, наращивание смысла порой приобретает характер порождения так называемого «новояза» (интеллигент коммунистического типа). В его речи всегда есть место метафоре (которую иногда он стремится расшифровать): собирать «урожай» в виде различного рода благ; завораживает магия диплома. Речь Машерова богата эпитетами, они уточняют содержание его мыслей, делают их экспрессивными (путь упорного, целеустремленного труда, творческого горения и истинного подвижничества). Для анализа проблемы широко использует противопоставления (не только ...но; у нас много; и все-таки...; не пожелание..., а требование...). Часто связывает предложения, употребляя одно и то же слово в конце и в начале звеньев лексической связки, что делает его речь ритмичной, даже завораживающей, облегчает следование за ходом его мыслей (...неправильно и опасно. И опасно, прежде всего...; ...студенческие годы; годы становления...).

В своем аналитическом дискурсе П. Машеров стремится уходить от мифологичности, стереотипов и, по возможности, разрушать их. Критикует бытующие в студенческой среде иллюзии о том, как им видится их профессиональное будущее, и делает это с помощью воображаемого диалога:

...ведь как рассуждают некоторые из студентов: вот мол, отмучаемся с этими экзаменами и зачетами, распрощаемся с учебниками, получим диплом и настанет пора собирать «урожай» в виде различного рода благ и последовательного продвижения по службе.

Таким образом, в жанре «аналитика» образ П. Машерова сравним с образом наставника и морализатора – мудрого старшего товарища.

4.1.3. Политик обращается к целевой аудитории

(Выступление П.М. Машерова перед участниками VIII конгресса Международной федерации борцов Сопротивления // Советская Белоруссия. 1978. 25 мая.

Выступление П.М. Машерова на республиканском слёте студентов в Минске 16 февраля 1973 г.: «Знания, творческую энергию – великому делу коммунистического созидания» // Машеров П. М. Избранные речи и статьи. Мн.: Беларусь, 1982. С. 149-163.)

Славные ветераны! Уважаемые друзья! ...к славным ветеранам героической борьбы...; ...восхищение вашим преисполненным душевной красоты, огромного гуманистического обаяния подвигом ради спасения цивилизации...; столь авторитетного международного форума....

Столь представительный форум студенчества республики - событие волнующее и знаменательное, событие, которому все мы придаем большое значение.

Общение П. Машерова на массовом уровне, представленное в жанре «выступление перед целевой аудиторией», максимально активно и носит «прорывной» характер - достучаться до аудитории и дойти до каждого. Аудитория, перед которой выступает П. Машеров, – не просто значимый структурный элемент коммуникации, но первостепенно значимый. П. Машерову недостаточно просто прямо обратиться к слушателям. Это делается на эмоциональной волне с выходом за рамки клишированных образцов. Он говорит не *ветераны или уважаемые ветераны*, а *славные ветераны!* Его *уважаемые участники конгресса* быстро переходит в *уважаемые друзья!* Он и дальше продолжает искать активные языковые формы, чтобы максимально приподнять аудиторию над миром обыденности. Для него важны слова, способные повысить самооценку аудитории.

Отношение политика к слушателям всегда лично: *Я безмерно рад счастливой возможности... горячо, от всей души...* На трибуне Машеров представляет и себя, и свой народ, и партийное руководство: *от имени трудящихся республики, от имени ЦК КПБ мне выпала честь передать* и т.п. Эмоциональность политика реализуется в особенностях лексики, подборе эпитетов, использовании прилагательных в превосходной степени, метафорическом языке: *исключительная актуальность и значимость борьбы с темными силами реакции и агрессии в современных условиях...; огромными жертвами, неслыханными бедствиями, обильно пролитой кровью, война оставила свой страшный след, кровоточащие раны; душой прикоснуться, неодолимую веру, алгебра революции*). В каких-то случаях наблюдается явный перехлест смыслов (*воочию увидите и осязаемо ощутите*).

Текстовое пространство заполняется элементами многих жанров, например, актерского монолога, лозунга или декларации;

...скорбный перезвон колоколов Хатыни; преисполненный подлинной душевной красоты; подвиг ради спасения цивилизации; земля горела, содрогнулось сердце, но не опускаются руки; сменили винтовки на мастерок строителя и плуг пахаря; пепел погибших стучится в сердце каждого; никто не забыт, ничто не забыто; народу нужен мир, как воздух, мир, как первейшая потребность; потребительское отношение к учёбе и жизни - неправильно и опасно; нам нужен не конденсатор, а генератор идей; не горящий сам, другого не зажигает.

Интересен тот факт, что эти по своей природе монологические жанры не мешают строить тексты диалогического характера, в чем политику помогают

риторические вопросы и условное наклонение (*если бы меня спросили..., я бы ответил:...*).

Текст выступления П. Машерова «населен» людьми и различными институтами. Это и вполне реальные, знаковые фигуры (*Л.И. Брежнев, В.И. Ленин, К. Маркс, писатель Ю. Фучек, философ ДЖ Писарев*), и абстрактные знаковые конструкции (*наши недруги, кухня империалистической пропаганды*), и международные организации (СОН). Текстовое пространство расширяется также за счет ссылок на другие тексты, как правило, документы, относящиеся к деятельности КПСС и её лидеров:

Программа мира XXV съезда КПСС, Постановление ЦК КПСС «О завершении перехода ко всеобщему среднему образованию»; решения XXIV съезда КПСС; книга Л.И.Брежнева «Малая земля»; ленинский «Декрет о мире»; речь Брежнева на Всесоюзном слёте студентов; почётные грамоты Верховного Совета БССР.

Время (ретроспектива, сегодняшний день, перспектива) нередко становится центральным элементом структуры выступления. Так, в речи на конгрессе борцов Сопротивления повествование строится по принципу «из прошлого – через настоящее – в будущее». Это позволяет вписать все события в естественный ход истории (так называемой суггестивный прием). Понятно, что в речи, обращённой к студентам, основной упор сделан на будущее время. Таким образом, мы опять возвращаемся к мысли о том, что тексты выступлений П. Машерова максимально позиционированы на аудиторию.

Особенностью дискурса П. Машерова, характерной только для публичных выступлений, являются длинные предложения с многочисленными перечислениями: *все свои ..., свои ..., свои ...; во имя ..., во имя ...; кто ..., кто ...; служить революции сегодня, это ..., это ..., это ....* Как известно, подобные конструкции (как, впрочем, и уже упоминавшаяся выше эмоциональность и образность) обладают достаточно большой суггестивной способностью, в силу чего часто используются в различных психотерапевтических методиках.

Говоря о линейном развитии текста, следует отметить, что он строится по принципу «слоёного пирога», когда яркие, эмоционально насыщенные «поэтичные» фрагменты перемежаются сухими статистическими выкладками, характерными для аналитического доклада.

Таким образом, выступая перед целевой аудиторией, П. Машеров актуализирует ее в своем дискурсе, максимально сосредоточен на ней и стремится всячески воздействовать на нее как логикой, так и эмоциональным строем речи.

4.1.4. Невербальное поведение политика

(Составлено по видеоматериалам, характеризующим различные ситуации общения: обращение к народу, на трибуне во время праздничной демонстрации, выход в народ.)

П. Машеров высок, подтянут, обращает на себя внимание, выгодно выделяется из своего окружения. Неизменно в официальном костюме, ведь костюм и галстук - это единственно возможная одежда советского лидера. У него прямой взгляд. Он чувствует ситуацию общения и корректирует поведение в зависимости от обстановки. Но всегда естественен, спокоен.

Выступая с докладом, Машеров собран, сдержан. Говорит неспешно, давая время осмыслить его слова. Дикция четкая и ясная. В голосе слышна сила, энергия, сдержанность. Усиливая громкость и замедляя речь, он акцентирует внимание на важных мыслях. Ключевые слова получают еще большую значимость благодаря жестам: поднимает руку с указательным пальцем вверх.

Легко контактирует с разной аудиторией и показывает, что искренне этому рад: улыбается людям, приветствует, пожимает руки, нарушая соответствующую его статусу социальную дистанцию и сокращая ее до личной, неформальной (что нетипично для советского лидера). В кадре дана и позитивная реакция аудитории: улыбки, приветственные взмахи рук, движение навстречу П. Машерову.

Лидер не строит барьеров между собой и аудиторией: не складывает рук, не опускает вниз голову. Наоборот, голова у него поднята, взглядом, скользящим по горизонтали, он охватывает всю аудиторию, помахивает народу открытой ладонью. У него нет лишних жестов, жестикуляция естественна и ситуативно обусловлена.

В ситуации «встреча с народом» П. Машеров проявляет себя как народный лидер: он приветлив, часто улыбается, излучает энергию и уверенность в себе, его голос приобретает задушевные интонации, он демонстрирует искренность, теплоту.

4.1.5. Типологические карты

Карта 1 выявляет актуализацию у политического лидера качеств **коллективиста** (лидер, широко использующий самоидентификацию «мы», но при этом сохраняет свое лицо, свое «я»), **индивидуалиста** (лидер с сильным личностным началом, широко использующий самоидентификацию «я», но при этом сохраняет свою причастность к сообществу – «мы») или **институцио-**

налиста (лидер, сфокусированный исключительно на том институте, которому служит, который возглавляет, и коммуницирующий все от его имени). Основаниями для выбора являются различные способы наполнения категорий *самоидентификация*, *время* и *пространство*. Наполнение категорий *время* и *пространство* обнаруживает черты пяти возможных подтипов, а именно: трех временных: (а) *виртуальный* – апеллирующий к будущему; (б) *ретроспективный* – апеллирующий к прошлому; (в) *реальный* – актуальный сегодня; и двух пространственных: (1) *локальный* – проецирующий себя на ограниченное пространство; (2) *глобальный* – проецирующий себя на мировое сообщество.

Заполнение данной карты на основании всей проанализированной выборки текстов П. Машерова позволяет сделать следующий вывод. П. Машеров – коллективист, с элементами индивидуалиста, позиционированный на «здесь и сейчас». Для него характерно сильное «мы» и достаточно ярко подаваемое «я». В каких-то ситуациях можно было бы также констатировать наличие качеств институционалиста, особенно в тех, когда «мы» уступает «я», хотя «я» напрямую и не вербализируется. У «я» много других, «косвенных» возможностей проявить себя, например через нарратив и модальность. «Я» Машерова действительно значимо, хотя это меньше всего ожидалось в том социальном контексте, в котором он действовал. Дискурс политика актуализирует все пространственные подтипы и все временные (с особым акцентом на позицию «здесь и сейчас»). Мы полагаем, что такое сочетание дискурс-типов в одном лидере для того времени не было типичным. Может быть, именно поэтому П. Машеров до сих пор остается признанным, глубоко уважаемым политическим деятелем (см. *карту 1*).

Л и д е р	Способы презентации себя							Уточ нение типа
	Мы + Я	Я+ Мы	Мы без Я	Мы + слабое Я	Я + сла- бое Мы	Слабое Я и слабое Мы	Ни Мы ни Я	
М А Ш Е Р О В	«Мы» – сильное, разнообразное (мы – народ, правительство). Ретроспективное или с проекцией в будущее в зависимости от ситуации, но всегда «здесь и сейчас». «Я» сильное, осведомленное, но скромное	«я» – разнообразное: честное, справедливое, разъясняющее, призывающее						Все подтипы актуализируются, но всегда сохраняется позиция «здесь и сейчас»
Тип ли- дера	Коллективист	Индивидуалист	Институционалист	Не актуализирующий черты лидера				

Карта 2. Изучение дискурса политика с учетом того, что для него важнее – качества или действия субъектов, позволяет понять специфику его восприятия мира. Также мы видим и степень манипулятивности лидера. Карта 2 выявляет актуализацию у политического лидера качеств **созерцателя** (в фокусе внимания свои качества и других), **деятеля** (в фокусе внимания деятельность своя и других), **сбалансированного** типа. А также трех оценочных подтипов: (1) *позитивный* – акцент на положительные качества свои и других и/или положительную оценку деятельности своей и других; (2) *критикующий* – критика качеств своих и других или деятельности своей и других; (3) *манипулятивный* – все, что связано с собой позитивно; а то, что имеет отношение к другим, негативно; и трех подтипов с учетом фокуса внимания: (а) на себе; (б) на других; (в) на себе и других. Основаниями для выбора яв-

ляются различные способы наполнения категорий *атрибутивность* и *деятельность*.

Заполнение данной карты с учетом проанализированной выборки текстов П. Машерова позволяет сделать следующий вывод: П. Машеров по отношению к другим в большей степени созерцатель. Для него важны качества других людей: были бы нужные, позитивные качества, тогда и нужные действия будут. Впрочем, он называет и нежелательные качества других, но не персонифицирует. Дискурс содержит деятельность характеристики лидера, и (имплицитно), его качества. Могут звучать и критические нотки, но только по отношению к «мы», но не к «я». Таким образом, для П. Машерова характерны и два других дискурс-типа – деятель и сбалансированный тип (см. карту 2).

Карта 2

Л и д е р	Способы презентации себя в соотношении с другими и других в соотношении с собой				Тип лидера
	Качества свои	Качества других	Деятельность своя (оценка, направление деятельности)	Оценка деятель- ности других	
М А Ш Е Р О В	Имплицитны широкие знания, точен, конкретен, стремится быть понятным, логичным, конструктивен, в общении с людьми внимателен, уважителен, слышит собеседника, присутствует теплота в общении	Высоко оценивает фундаментальные знания, моральные качества, организаторские умения, способность воспользоваться советом, находить кратчайший путь решения проблем. Оценивает свои кадры и тем самым конструирует их	Деятельность аналитическая, руководящая, оценочная (позитивная оценка конкретна, негативная – абстрактна), оценочность не черно-белая – есть оттенки, есть смешанные оценки. Фокусирует внимание, критикует, указывает выход. Отсеивает все лишнее, сводит все к тому, что важно и нужно обсуждать с данной аудиторией. Оценка – это средство воздействия, расставить все по полочкам – стать понятным	Деятельность реальных людей оценивает позитивно. Деятельность виртуальных или обобщенных субъектов оценивает негативно, критикует	Деятель (по отношению к себе), созерцатель (по отношению к другим), <i>позитивный</i> , <i>критичный</i> , сфокусирован в равной степени <i>на себе и других</i> , на социально значимых проблемах людей и поисках путей их решения

Карта 3. Выбор типа осуществляется в зависимости от приоритетов политика в выборе способов удержания аудитории и, в конечном итоге, в выборе коммуникативных средств, фокусирующих внимание либо на опредмеченном мире (конструирование проблем), либо на мире людей (конструирование сообщества или расщепление мира на «своих» и «чужих», конструирование «вра-

гов»). Карта 3 выявляет актуализацию у политического лидера качеств популиста (стремится максимально удерживать аудиторию, даже за счет нарушения логических связей, целостности текста, за счет отказа раскрыть глубоко тему выступления и пр.), рационалиста (говорит по существу, опирается на общепонятную терминологию в изложении своих взглядов и предмета дискурса в целом, помнит, кому он говорит и для чего), борца (у него всегда есть объект борьбы (проблемы или субъекты, группы, институты), он критичен по отношению к миру и социуму, он борется, максимально используя арсенал пропагандистских приемов и риторических практик). Основаниями для выбора являются различные способы наполнения категорий *риторические* и *дискурсные практики*. Заполнение данной карты с учетом проанализированной нами выборки текстов Машерова позволяет сделать вывод, что политику присущи все три дискурс-типа: популист, рационалист и борец (см. карту 3).

Карта 3

Л и д е р	Способы конструирования мира для аудитории и удержания аудитории			Тип лидера
	Через предметную информацию	Через субъектную информацию		
	Образность или конкретность речи, эмоциональность или рациональность	Использование риторических приемов	Приемы пропаганды	
М А Ш Е Р О В	Метафоричность, выразительность, эмоциональность и в то же время четкость. Речь строится по принципу «слоеного пирога» (эмоциональность, экспрессивность перемежается сухими статистическими выкладками, логическим анализом)	«Я» с аудиторией в постоянной «сцепке». Использует заявления, лозунги, декларации. Нарративен. В речи много параллельных конструкций, повторов, осуществляет наращивание смысла. Использует иронию при помощи смешения стилей (разговорный и официально-деловой). Метафоры, повторы, речь богата эпитетами, в ходе анализа широко использует противопоставления. Осуществляет «сцепку» предложений (начальные слова предложения повторяют последние слова предыдущего предложения)	Апелляция к моральным ценностям	Рационалист, но также борец (за конструктивное) и популист (но не за счет нарушения логических связей, а за счет их упрощения и отсеивания лишнего)

Карта 4 выявляет актуализацию у политического лидера качеств **общенационального** лидера (проецирует себя на всю страну, поэтому неизбежно использует дискурс консолидации, готов принять в свой кортеж «заблудших чужих»), **регионального** (для него всегда будут «свои» и «чужие»), **партийного** (для него характерна корпоративность, на первом месте партия и ее интересы, он озвучивает ее идеи, он – лидер в своей команде, но при этом и один из них). Основаниями для выбора являются различные способы наполнения категорий *аудитория* и *интерсубъектность*.

Заполнение данной карты на основании всей проанализированной нами выборки текстов П. Машерова позволяет сделать следующие выводы: П. Машеров здесь предстает как лидер общенациональный, но и характеристика партийный также приложима с учетом того, что партия и страна выступали в его время как безусловное единство (см. *карту 4*).

Карта 4

Л и д е р	Аудитория		Интерсубъектность		Тип лидера
	Аудитория (целевая): тен- денции к расши- рению, сужению или сохранению	Дифференциа- ция аудитории	Дифференциация «чужих» и своего отношения к ним	Дифферен- циация «своих» (кортеж)	
М А Ш Е Р О В	Непосредственная аудитория для него не просто значима, а значима абсолютно. Приоритеты зависят от аудитории (студенты – будущее, ветераны – прошлое)	«Свои» – страна; «чужие» – империалисты; среди «своих» есть дифференциация по интересам, областям деятельности, возрасту	«Чужие» – бюрократы, карьеристы или ретрограды, но они не враги, он над ними иронизирует. Настоящие враги – обобщенные субъекты или институты (империалисты «наши недруги, кухня империалистической пропаганды»)	Кортеж – страна, правительство, люди, ведущие марксисты современности, авторы цитируемых книг	Общенациональный и партийный (в смысле одна партия – одна страна)

Карта 5 выявляет приоритеты в выборе типичных коммуникативных действий, то есть актуализацию у политического лидера качеств **тактика** (политик, который использует максимально возможное количество коммуникативных средств, постоянно решает возникающие коммуникативные задачи, из-за чего может казаться менее значительным по сравнению со «стратегом», широко использует лингвистические навыки (демонстрация владением престижной формой национального языка и других языков и диалектов, широкий стилистический диапазон) и навыки интеракции (владеет как вербальными, так и невербальными средствами эффективного взаимодействия) и **стратега** (поли-

тик, который использует ограниченное число коммуникативных средств, не очень активен в коммуникации, делегирует решение возникающих коммуникативных задач исполнителям, участвует в коммуникации только в значимых ситуациях. В основном применяет энциклопедические знания и навыки интеракции).

Основаниями для выбора между данными дискурс-типами являются различные способы наполнения категорий *энциклопедичность*, *лингвистический статус*, *интерактивность*. Заполнение данной карты позволяет нам выявить в дискурсе П. Машерова актуализацию обоих дискурс-типов: стратег и тактик (см. карту 5).

Карта 5

Л и д е р	Энциклопедичность (демонстрация знаний по различным направлениям)			Лингвистический статус			Интеракция, невербальное поведение			Тип лидера
	Интер-текстуальность	Интер-событийность	Специальная терминология	Правильность речи	Вариант языка	Широта стилистического диапазона	Открыт / закрыт	Контакт с аудиторией	Степень активности в коммуникации	
М А Ш Е Р О В	Богатая, энциклопедичность, цитаты, пословицы, мудрые изречения, партийные документы, речи политических лидеров	Значимые события современности, практически все события связаны с деятельностью коммунистической партии	Политическая терминология, советизмы («интеллигент коммунистического типа»)	Четкая артикуляция; речь правильная, без акцента	Русский язык, престижный вариант языка	Очень широкий стилистический диапазон, включающий официально-деловой стиль, художественный, возвышенный, бытовой, разговорный	Динамичен и открыт; часто улыбается, нет барьеров	Общается с аудиторией, живо реагирует на аудиторию, вовлекает ее в ситуацию позитивного общения	Уверен в себе, гибкий коммуникант (в официально-деловой ситуации строг, с простыми людьми – проще, теплее). Активен, сам определяет условия коммуникации (расставляет точки над «и»)	Тактик. Стратег

Карта 6 представляет изучение дискурса политика с позиций того, как упакована информация и дает возможность определить, каким предстает мир лидера, насколько он реален либо прожективен. Данная карта выявляет актуализацию у политического лидера качеств **прагматика** (для него реальность – как предметная, так и субъектная – и есть идея: он из реальности исходит и к ней ведет аудиторию), **идеолога** (для него идея в основе мироздания, он под нее строит реальность и конструирует социум), **идеалиста** (для него важно не то, что есть на самом деле, а то, как к этому относится, важна не сама идея или факт, а ее вербализация, и тогда вербализация становится и идеей и фак-

том). При активном использовании коммуникативных стратегий типов прагматик и идеолог мы, исходя из сугубо речевых характеристик дискурса, можем ввести дополнительный тип – **эффективный коммуникант (пропагандист)**.

Основаниями для выбора являются различные способы наполнения категорий *направленная информация* и *коммуникативные стратегии*.

Заполнение данной карты с учетом проанализированной выборки текстов П. Машерова позволяет сделать следующий вывод: П. Машеров прагматик, ибо он живет в мире реальном, и идеолог, ибо его мир помимо материальной имеет также и «идейную» организацию. К тому же П. Машеров – пропагандист – эффективный коммуникант, ибо для него также оптимально полон и мир текста, сохраняющий двойную фокусировку как на предмете разговора, так и на субъектной ситуации общения (см. карту 6).

Карта 6

Л и д е р	Фокус на предмете дискурса	Предметно ориентированные коммуникативные стратегии	Фокус на коммуникативной ситуации общения:	Реляционные коммуникативные стратегии	Тип лидера
М А Ш Е Р О В	Логичен, аналитичен, оперирует фактами, событиями, статистикой; при этом эмоционален и экспрессивен; всегда адресно упакован (ориентирован на конкретную группу). Не монополизирует взгляд на проблему	Анализ и последовательное упрощение проблемы (отсев второстепенного от главного), нахождение пути решения – «совместное конструирование результата», «жесткая атака» на проблему, «конструирование позитивного мира» (конкретизирует проблему, ориентирует на деятельность). Расстановка прагматических ориентиров при анализе проблемы. «Создание событий» с помощью автодиалога, интерпретации. Избегает плоского, черно-белого освещения событий	Максимально сфокусирован на аудитории; уважает аудиторию, поднимает ее над повседневностью. Дифференцированность в отношении к аудитории (строг с чиновниками, прост с другими)	Стратегии: «мобилизация», делает аудиторию действующим лицом коммуникации. Защита интересов народа, групп. «Мягкая атака» (через иронию; адресат размыт). Кооперация, равное с адресатом участие в решении проблемы. Забота быть понятым	Прагматик (важны реальность и отношение). Идеолог (конструирование позитивного мира). Пропагандист

Карта 7 выявляет актуализацию у политического лидера качеств **демократа** (привержен демократическим ценностям, признает свое «я» и «я» других), **мессии** (несет аудитории идеи, поднимаясь на ней, «я» редкое, но сильное, закрытое для аудитории), **народника** (одновременно и «один из всех» и «над всеми», у него есть особая миссия, он открыт, но его открытость условна, ибо он открыт институционально, а не личностно, вокруг института, который он репрезентирует, возможна некая мифичность).

Основаниями для выбора являются различные способы наполнения категорий *самоидентификация* и ее проекции на аудиторию, и категории *миссия*.

Заполнение данной карты с учетом проанализированной выборки текстов П. Машерова позволяет констатировать, что этот политик максимально широк, изобретателен и избирателен. Он, безусловно, демократ: (его «я» полнокровно, но и «я» других значимо, он их слушает, к ним обращается). Однако в его дискурс удивительным образом вкрапливаются качества мессии (поднимая аудиторию над собой, он сам становится выше, чище, значимее) и народника (он идет к людям, условно открыт, несет им свою особую миссию) (см. *карту 7*).

Карта 7

Л и д е р	Я	Мы	Он	Над аудитори- ей	Один из нас	Миссия	Тип ли- дера
М А Ш Е Р О В	«Я» реальное, интеллигентное, несколько преуменьшающее свою роль, признающее «я» других, слушающее других; в настоящем времени; деятельностьное (анализирует, критикует, оценивает, находит пути решения, мобилизует, иронизирует); «Я» как представитель интересов (народа, учителей, страны, партии («генеральная линия руководства КПБ»), как выразитель души народа	Сильное, позитивное; деятельностное; с элементами самокритики. Включает непосредственную аудиторию. «Мы» это правительство и народ в равной степени	На поверхности отсутствует, однако анализ проблем подает как бы от имени аудитории, тем самым объективируя себя	Наоборот: поднимает аудиторию над собой, не умаляя себя, а наоборот, имплицитно, поднимая себя высоко, держа свои статусные характеристики, сохраняя за собой право быть душой народа (миссия, честь, совесть, помощь) и в то же время нести аудитории идеи; его «Я» не доминирующее и остается закрытым для аудитории	<u>Да</u> , ибо выступает от нашего имени. <u>Нет</u> , ибо руководит нами (от нашего имени), подводит к решению (сужает, упрощает проблему), мобилизует, проявляет волю	Конструирует позитивное окружение и позитивное будущее. Вербализует: а) интересы своего народа в целом и отдельных групп в частности; б) проблемы и пути их решения	Демократ с элементом мессии и народника

Карта 8. Изучение дискурса политика с позиции того, какова динамика соотношения и перехода друг в друга мифа и реальности в его сознании и какие реляционные (субъект-субъектные) коммуникативные стратегии он использует, дает возможность определить механизм воздействия лидера на аудиторию и содержательные приоритеты лидера по отношению к своей аудитории. Карта 8 выявляет актуализацию у политического лидера качеств **менеджера** (человек реальности, опирается на факты, руководит аудиторией), **сказителя** (поддерживает виртуальность, опирается на мифы (идеи) и ведет аудиторию в мир идей), **(полит)технолога** (уводит в виртуальность, опирается на факты, возможно, в сочетании с идеями: их преобразует в идеи и мифы так, чтобы аудитория этого не заметила), **учителя** (возвращает в реальность, опирается на мифы, функционирующие в обществе, стремится их развенчать, приземлить, объяснить аудитории, то есть возвращает аудиторию в реальность). Основаниями для выбора являются различные способы наполнения категорий *соотношение мифа и реальности, кортежные коммуникативные стратегии*.

Заполнение данной карты с учетом всей проанализированной нами выборки текстов политика позволяет сделать вывод что П. Машеров актуализирует дискурс-тип менеджер: для него важен реальный мир, он опирается на факты и руководит аудиторией. Он также учитель, ибо опирается на современные мифы, понимает, что они бытуют в аудитории, мешая эффективной работе, и развенчивает их, возвращая аудиторию на путь реальности. И черты еще одного типа проявляются в дискурсе П. Машерова. Он сказитель, ибо «проповедь» моральных ценностей – постоянная составляющая его текстов (см. карту 8).

Карта 8

Л и д е р	От реальности в реальность	От реальности к мифу	От мифа к мифу	От мифа к реальности	Кортежные коммуникативные стратегии	Тип лидера
М А Ш Е Р О В	Приоритет реальности	Моральные ценности (честь, совесть, забота) занимают место мифа. Он от них идет и к ним возвращается	—	Стремится разрушить расхожие стереотипы, мифы; он работает с конкретной проблемой	Кортежные стратегии очень важны. Стратегии «кооперация» (с аудиторией) и «равное участие»	Менеджер. Учитель. Сказитель (только в значении проповедник моральных ценностей)

4.1.6. Общие выводы

Таким образом, в своем дискурсе П. Машеров манифестирует следующие дискурс-типы (из набора возможных):

Набор возможных дискурс-типов	Дискурс-типы, манифестируемые в дискурсе П. Машерова
Коллективист. Индивидуалист.	Коллективист. Индивидуалист.
Институционалист	
Созерцатель. Деятель.	Созерцатель. Деятель
Сбалансированный	
Популист. Рационалист. Борец	Рационалист. Борец. Популист
Общенациональный. Региональный.	Общенациональный. Партийный
Партийный	
Тактик. Стратег	Тактик. Стратег
Прагматик. Идеолог. Идеалист.	Прагматик. Идеолог. Пропагандист
Пропагандист	
Демократ. Мессия. Народник	Демократ. Мессия. Народник
Менеджер. Учитель. Сказитель	Менеджер. Учитель. Сказитель

Дискурс-портрет П. Машерова открывает нам личность, в которой органически сочетаются качества взаимоисключающих дискурс-типов. Так, он, безусловно, коллективист, но мы прочитываем в его дискурсе также черты, присущие индивидуалисту. Практически в равной степени в нем представлены такие дискурс-типы лидерства, как народник, мессия и демократ (с акцентом на последний тип). Проявляя себя ярким пропагандистом, он остается прагматиком и идеологом. Это одновременно технолог, менеджер и учитель. Он предстает как созерцатель, но в то же время и как деятель. Он популист, рационалист и борец в одном лице. Главным образом, тактик, но и черты стратега ему не чужды.

Иными словами, П. Машеров – это лидер, широко использующий самоидентификацию «мы», но при этом он не растворяется в группе, ибо его «мы» вариативно. Он проецирует себя и на ограниченное пространство и на мировое сообщество. Его «мы» сильное, позитивное, деятельностное, самокритичное. Он органично оперирует в своих текстах временем, оставаясь всегда актуальным. Он – здесь и сейчас, со своей аудиторией, со своим народом. Но при этом

всегда проявляет гибкость. Его временные приоритеты зависят от состава аудитории, перед которой он выступает: если это ветераны, то разговор повернут в прошлое, если студенты – в будущее.

Адресность – постоянно присущее качество текстов П. Машерова, а значит, всегда остается значимым его «я» – реальное, интеллигентное, как бы приглушенное, внимательное к другим, слушающее их, но и ответственное за них (руководящее). Отсюда другая яркая характеристика его «я»: он действует: анализирует, критикует, оценивает, находит пути решения, мобилизует, но не претендует на монопольное видение проблемы, не «давит» на аудиторию. Его цель – объяснить, подвести других к пониманию и осознанному действию. При этом он человечен – эмоционален, экспрессивен, ироничен. Его язык выразителен, богат метафорами, повторами, противопоставлениями, эпитетами, он широко использует риторические приемы, как например, единоначатие, риторические вопросы и др.

П. Машеров – искусный оратор. Его речь строится по принципу «слоеного пирога»: эмоциональность, экспрессивность сменяется четкими логическими построениями. Для него характерны строгая последовательность, выявление причинно-следственных связей, оперирование фактами, статистикой, богатая интертекстуальность. Иллюстративность его речи строится не только на фактологии, но и цитатах, пословицах, мудрых изречениях. Для него характерны интерсобытийность и интересубъектность (ссылки на значимые события современности, опора на авторитетные высказывания). П. Машеров не усложняет, а, наоборот, упрощает для аудитории задачу понимания сложных проблем. Он стремится отсеять главное от второстепенного, конкретизировать и субъективировать проблемы, то есть максимально расставить, где возможно, прагматические ориентиры. Вербализация проблемы для него включает совместное с аудиторией конструирование результата и, в конечном итоге, конструирование позитивного мира. Жесткая атака на проблему – не помеха позитивному отношению. Его критика благожелательна, но не благодушна. Он нарративен, но жанр рассказа не исключает заявлений, лозунгов, деклараций. Его риторика противоречива: официально-деловой тон соседствует с разговорным.

Разграничения мира на «свой» и «чужой» является для него органичным и, по существу, носит диалектический характер. Это как деление на то, что такое хорошо и что такое плохо. Оно не приводит к черно-белому освещению событий. В его тексте много красок и эмоций, что демонстрирует различные оттенки отношения. Но это не касается врагов – «империалистов», отношение к ним од-

нозначно и полностью совпадает с коммунистической риторикой того времени.

В центре его мира – сообщество людей. В эти рамки включается страна, правительство, марксисты, писатели, рядовые труженики. В своих текстах П. Машеров полон уважения к людям и стремится приподнять аудиторию над повседневностью, увести ее к свету, добру, взаимопониманию. Фиксирует внимание не столько на деятельности других, сколько на их качествах. Он ценит фундаментальные знания, высокую мораль, организаторские способности, умение советоваться, находить кратчайший путь к решению проблем.

П. Машеров как заботливый родитель: избирателен к членам своей семьи, своего народа – одних похвалит, других пожурит, третьих поругает. Но стремится, чтобы все «члены семьи» были объединены едиными моральными ценностями. Честь, совесть, забота – это его опора и, в конечном счете, мифология. Он от этого отталкивается и к этому возвращается. Расхожие мифы и стереотипы его не прельщают: наоборот, он их стремится развенчать. Для него характерен приоритет реальности.

П. Машеров динамичен и открыт, часто улыбается, не устанавливает барьеры между собой и собеседником, уверен в себе, гибкий коммуникант, но ход и условия коммуникации определяет сам. Читая его тексты и просматривая видеозаписи создается впечатление, что для него важно дело, а не то, «кто в доме хозяин», хотя бразды правления не отпускает.

Остается добавить, что все эти качества П. Машерова мы реконструировали исключительно из его текстов. Он един во всех ипостасях: П. Машеров узнаваем и тогда, когда выступает перед массовой или целевой аудиторией, и когда анализирует проблему или дает интервью журналисту.

4.2. С. Шушкевич: дискурс-портрет

4.2.1. Политик беседует с журналистом

(«Я сделал больше, чем мог, но меньше, чем хотел...». – Интервью с С. Шушкевичем, подготовленное журналистами Белинформа и Интерфакса В. Голодом и В. Зеньковичем.)

Журналист: Скажите, Станислав Станиславович, там, в Вискулях, таким ли видели вы дитя, каким оно предстает перед публикой в годовалом возрасте?

Шушкевич: Я не астролог и не провидец, но должен сказать, ...что многое из задуманного осуществляется. Хотя становится более модным на первый план выставлять негативные процессы в СНГ. ... Но как бы ни критиковали Содружество, сколько бы ни говорили об отрицательных последствиях его создания, я убежден, что его значение, несомненно, положительно.

Начало интервью позволяет судить о том, как будет строиться диалог. Со стороны журналиста – спокойное, уважительное, с элементами юмора или интриги отношение к собеседнику, и очень серьезная, но с ожиданием подвоха реакция на первые слова журналиста у председателя Верховного Совета Республики Беларусь. С. Шушкевич насторожен, но готов говорить, доказывать, убеждать. Для него очень важен предмет разговора, но не собеседник. Он его никак не называет, никак к нему не обращается, а ведет свою линию. Косвенно критикует отрицательное отношение к СНГ (*становится модным*), встает на защиту того, что ему дорого (*я убежден*).

Политик говорит исключительно от своего имени, ему важно, чтобы люди узнали его позицию. Создается впечатление, что он убеждает не аудиторию, а себя (*я убежден...; как мне представляется; думаю...; могу только сказать...; я согласен с тем, что...*). Он осторожен, не берет на себя радикальных решений, для него важнее высказать свое мнение и услышать мнение других и одобрение его возможных действий (*поэтому, хотя у меня есть на то конституционное право, я не могу его подписать без согласия Верховного Совета*). Его «я» в каком-то смысле гипотетично, как и сама реальность: виртуальная ситуация помогает оправдываться (*нам, как мне представляется, удалось упредить многие негативные процессы...; я убежден, что все оказалось бы значительно хуже*). Здесь ключевую мысль можно сформулировать следующим образом: «да, все плохо, но могло быть еще хуже».

Кортеж политика несколько размыт. Вокруг него много тех, кто его критикует. Актуализируя этот факт, С. Шушкевич не называет своих критиков по именам, а представляет обобщенно, что с точки зрения дискурса, как бы увеличивает «влияние» этого анонимного субъекта дискурса. Другой сегмент его кортежа – это те, кому он симпатизирует. Так, он положительно отзываясь о тех, с кем ему пришлось работать, и именно эти люди составляют его «мы» –

коллеги, сотрудники, однако в его дискурсе они выступают не как команда, а просто как ситуативное окружение:

Слева и справа раздаются стенания об ухудшающемся положении дел; Содружество, сколько бы ни говорили об отрицательных последствиях...

...Высказанная кем-то из нас мысль тут же облекалась в точные, юридически выверенные положения; ...когда мы год назад ехали в Вискули, то интуитивно верили в душе, что депутаты одобряют наши действия; ...думаю, что наше печальное прошлое, продолжает влиять на то, что мы рождаем красивые договоры... .

Мы за широкую координацию, и в первую очередь в экономической сфере; ...без координации наших действий, особенно на мировом рынке, мы будем нести колоссальные потери; ...если мы не согласуем свои усилия, нас будут беззастенчиво грабить и впредь... .

В интервью «мы» – это также страны-партнеры Беларуси, страны СНГ. И в этом случае «мы» – активное, нацеленное на будущее, стремящееся предвидеть последствия и избегать проблемы в будущем.

В интервью превалирует недавнее прошлое. Причем это прошлое для С. Шушкевича, безусловно, реально и является источником тяжелого настоящего, а будущее условно (*если нам удастся сохранить спокойствие и взаимопонимание, будущий год станет для граждан государств СНГ годом осуществления многих надежд и чаяний*).

В поле зрения С. Шушкевича предметная реальность – институты, проблемы, трудности с их решением, неудачи. Для него важны документы – Устав Содружества, проект КЭСа – именно они определяют реальность в его дискурсе, реализацию планов, успех или неуспех. Мир ограничен странами СНГ. С. Шушкевич захвачен событиями, в которых он принимал участие, – распад СССР, соглашение в Вискулях, «парад суверенитетов». Дезинтеграция СССР – ключевая тема, которую развивает политик в интервью. Он актуализирует ее значимость обилием метафор, которые вводятся для развития темы:

...время, когда старое здание еще можно было реставрировать и перестроить, безвозвратно ушло; сохранить прежнюю «братскую семью народов» было уже невозможно. Оставался шанс «развестись», без вселенских разборок, полюбовно договорившись о разделе и нажитого скарба и нажитых долгов.

На протяжении всего интервью С. Шушкевич стремится быть сдержанным, рациональным. Однако эта линия не выдержана до конца. Так, оперируя понятиями «истина» и «абсолютная истина», он неизбежно уводит аудиторию в поле софизмов, пустых дискуссий:

Приведенный вами пример еще не свидетельство того, что это абсолютная истина; ...Отсутствие связи, вертолет и прочее – все это плод чьей-то фантазии.

Дискурс политика монологичен, много вводных фраз (*я хотел бы отметить два обстоятельства; хочу заметить*). Но иногда выходит на прямой диалог. Это происходит тогда, когда Шушкевич воспринимает вопросы журналиста в штыки, как атаку лично на него. Тогда он как бы слегка защищается, высказывает свое несогласие, задает встречные вопросы (*судите сами; можно, я вам отвечу вопросом на вопрос; скажите, а в брежневской конституции все позиции работали?*).

В целом, в ситуации межличностного общения С. Шушкевич насторожен, ждет подвоха, защищается, оправдывается, но полон терпения и готов вновь и вновь объяснять свою точку зрения. Собеседник (журналист) для него лишь раздражитель, на которого он реагирует, но не тот, с кем он общается, беседует. Он говорит для других, для массовой аудитории, но и ее не актуализирует. Для него абсолютно важен предмет разговора.

4.2.2. Политик выступает перед массовой аудиторией

Начало речи: *Уважаемые сограждане! Ежегодно весенним днем мы встречаем праздник, величие которого неподвластно времени. Приходят на землю новые поколения, меняются черты нашей жизни, но никогда не угаснет народная память – и светлая, и трагическая одновременно – о годах жестоких испытаний, увенчанных Великой Победой.*

Завершение речи: *Накануне великого праздника Победы искренне желаю уважаемым ветеранам, всем соотечественникам, светлого неба, здоровья и счастья.*

Эти жанровые рамки характеризуют публичное выступление человека, облеченного высшей властью в стране. С. Шушкевич обращается к «согражданам», и это обращение должно звучать совершенно по-новому для аудитории, ведь оно заменяет обращение «товарищи», более полувека звучавшее с правительственных трибун. Однако следующее предложение возвращает слушателя в русло привычной праздничной риторики. Побыв демократом, перенеся аудиторию из БССР в Республику Беларусь, он как бы вновь становится советским лидером, лидером из прошлого.

В начале речи он патетичен и официален, но в конце прост и человечен и все равно официален. Так, его завершающее пожелание (*искренне желаю ... светлого неба, здоровья и счастья*) говорит о том, что «он один из нас», он стремится быть ближе к своей аудитории, но официальность обращения к ветеранам в конце речи (*уважаемые, а не, например, «дорогие»*) сохраняет определенную отстраненность. Как видим, человечность и официальность – две крайности, которые удивительным образом смыкаются в дискурсе С. Шушкевича.

Руководство республики, несмотря на большие экономические трудности, осуществляет ряд мер с этой целью. Соответствующие меры предусмотрены, в частности, недавними постановлениями президиума Верховного Совета Беларуси о подготовке к празднованию 50-летия освобождения республики от немецко-фашистских захватчиков и об объявлении 1993 года Годом пожилых людей и солидарности поколений. Государственная поддержка людей, чья судьба опалена войной, будет усиливаться по мере выхода из сегодняшнего кризиса, успехов в реформировании белорусского общества.

С. Шушкевич свое обращение к народу облекает в жанр отчета. Это предполагает ситуацию подотчетности лидера, его зависимости (реальной или формальной) перед ветеранами и всей аудиторией. С. Шушкевич не доминирует в коммуникации, не за ним первое слово, а как бы полемизирует с оппонентами и находит возможный объект нападков на него и отводит эти возможные обвинения.

Политик не ищет новых форм общения с аудиторией как и способов нового наполнения старых форм. Используются традиционные стереотипы советского времени (*Благородная цель возрождения отечества призвана объединить представителей разных поколений и политических взглядов, как когда-то объединила миллионы белорусов борьба против вражеского нашествия. Ведь нам снова жизненно необходима победа, одна на всех – победа на непростом пути к действительно свободной, богатой и цветущей Беларуси*)

Речь событийно встроена в «календарь» советских праздников (*ежегодно весенним днем мы встречаем праздник*). Таким образом, в ситуации обращения к массовой аудитории С. Шушкевич предстает как лидер, видящий будущее, но продолжающий жить в прошлом. Его дискурс в целом хорошо структурирован, официален и монологичен.

Таким образом, в ситуации обращения к массовой аудитории С. Шушкевич предстает как лидер, видящий будущее, но продолжающий жить в прошлом. Несмотря на то, что он лидер, – он оправдывается, то есть находится в позиции защищающегося коммуниканта. Это лидер, выполняющий свои обязанности, своего рода работу, но не изменяющий реальность.

4.2.3. Политик анализирует проблему

(Станислав Шушкевич. Поддерживаете ли вы нейтралитет Беларуси, предусматривающий отказ от вступления республики в военные и военно-политические союзы? // Советская Белоруссия. 1993. 14 мая.)

Давайте...поработаем о судьбе нашего Отечества...; ситуация диктует необходимость обратиться к вам...; Россия была, есть и, я убежден, будет

оставаться главным экономическим партнером Беларуси...

Выбирая между суверенитетом и дешевой нефтью и отдавая предпочтение нефти, мы легко можем потерять первое и не получить второго...; свою независимость белорусский народ тесно связывает с миротворческими устремлениями; что несет народу гонка вооружений наш народ знает не по слухам...; большинство сегодня понимает, что жить по-новому тяжело, но можно, и что другого пути нет...

Проблему нейтралитета – нужен ли нейтралитет Беларуси и каким он должен быть – С. Шушкевич представляет аудитории как (1) то, что необходимо обсудить, и как (2) то, что необходимо решать вместе с народом, а также (3) то, что затрагивает интересы других стран и взаимоотношения с ними.

Позиция политика – нейтральный статус республики не скажется непосредственно на жизненном уровне населения, но политик не хочет «кормить людей иллюзиями». Он беседует и анализирует. Дискурс в жанре «аналитика» четко структурирован: введение, рассмотрение аргументов «за» и «против» (включая даже цитату, противоречащую его точке зрения, как например: *«Вхождение в систему коллективной безопасности поможет промышленности Беларуси выйти из экономического кризиса»*, – которую он потом разбивает своими контраргументами), развернутое высказывание своей позиции и заключение. На протяжении всего дискурса он следует модели анализа от общего к частному.

В дискурсе С. Шушкевича редко звучит «мы», которое, тем не менее, есть и те, «кто принимает решения», но несколько размыто, а значит, аудитория также может причислить себя к этому «мы» в каких-то случаях (...*социально-ориентированной экономики, которую мы еще только стремимся создать*). Только однажды за «мы» в тексте стоит понятие страна/народ, стремящийся в цивилизованную Европу.

В тексте почти нет «я», только в редких прогностических ситуациях, как например: *Россия была, есть и, я убежден, будет оставаться главным экономическим партнером Беларуси*. Он говорит о народе, но несколько абстрактно, отстраненно. Это скорее стереотип (*свою независимость белорусский народ тесно связывает с миротворческими устремлениями; Что несет народу гонка вооружений... наш народ знает не по слухам*).

Редкое появление местоимений «мы» и «я» не означает, что в тексте не представлены субъекты политики. Интерсубъектное поле широко открыто, в первых, институциональным субъектам: страны СНГ, государства мира, международные организации (*Швеция понимает под нейтральным статусом политику «неприсоединения»*; *Швейцария даже не подписала первого соглаше-*

ния; Австрия и без ЕС выживет; Беларусь пойдет к нейтральности путем Финляндии), а также представителей генералитета и дипломатического корпуса, руководителей государств (удивительно, что... со стороны ответственных армейских чинов звучат обвинения в адрес Польши; представители Министерства обороны Республики Беларусь; Министерство иностранных дел России; наш парламент; в Москве считают; руководители стран – создателей Содружества; руководство РФ; представители ВПК; Ельцин; Кравчук, выдвинувший свою концепцию создания зоны безопасности в Центральной Европе). Интерсубъектность представлена как в противопоставлении «мы – они», так и интегративно в группах «оппоненты», «нейтральные лица», «свои». Оппоненты называются по именам, причем все сразу, как бы выступая единым фронтом (по мнению партии большинства в парламенте, целесообразность участия Беларуси в системе коллективной безопасности Содружества обуславливается рядом политических и экономических обстоятельств. Они сформулированы в выступлениях председателя Совета Министров В. Кебича, министров иностранных дел и обороны П. Кравченко и П. Козловского, народных депутатов А. Лукашенко, М. Гриба, Л. Привалова, Д. Булахова...), или называются размыто, обобщенно (ответственные армейские чины; представители ВПК; представители Министерства иностранных дел республики). Максимально расширяя поле противостоящих субъектов, С. Шушкевич как бы остается один, и тогда он обращается к народу за поддержкой. Нейтральные субъекты используются в высказываниях, работающих на его точку зрения (Ельцин? Вот Его слова: «Россия не вмешивается во внутренние дела Беларуси...»; министр юстиции Республики Беларусь Л. Дашук однозначно заявил), но их численно намного меньше. «Свои» это только те, кто стремится в Европу и объединены в «мы» (Мы – часть той Европы, которая собственным опытом выстрадала достойные цивилизованного человека представления о таком обустройстве собственного дома, когда, чтобы быть уверенным в соседях, не превращают этот дом в артиллерийский склад, а находят с соседями общий язык). Неопределенность группы «свои» приводит к тому, что он словно один выступает против «ретроградов», апеллируя к большинству (большинство сегодня понимает, что жить по-новому тяжело, но можно, и что другого пути нет). И это большинство также не называется, не уточняется и поэтому скорее виртуально, чем реально.

Ссылки на договоры, соглашения, международные документы (Декларация о государственном суверенитете Республики Беларусь; Договор о коллективной безопасности СНГ; Договор о координации действий в военной области

(между Беларусью и Россией); *военная доктрина Республики Беларусь*; ... *«Республика Беларусь... не участвует в военных конфликтах между другими государствами»* (из военной доктрины), обращения к крупным событиям в жизни Беларуси, тематически связанные с обсуждаемыми вопросами (*документу в августе 1991 года был придан статус закона; встреча глав правительств СНГ 28 апреля...; война в Афганистане; вторая мировая война*), должны работать на образ крупного и сильного политика.

Однако этот образ сильного лидера не поддерживается другими дискурскими категориями по ходу развертывания дискурса. Ставятся цели, но при этом отсутствует описание реальных шагов для их достижения. Жанр «аналитики» уступает место лозунгам и призывам (*нам нужно искать не военные союзы, а интенсивно и решительно проводить военные реформы; необходима кооперация*). Не менее противоречивы прогнозы. С одной стороны, они прагматичны (*Не будет больше и дешевой нефти и другого сырья*), нацеливают на реальные задачи (*создание нейтрального безъядерного государства*), а с другой – расхолаживают аудиторию, пугают трудностями (*Выход из него – проведение самостоятельной политики – задача значительно более трудная и ответственная*). Будущее представляется полным возможных опасностей, которые все же можно обойти, но не говорится, как это сделать:

...сторонники военного блока убеждают, что обставят подписание договора ... рядом оговорок...наивные утверждения; если вопрос... о присоединении к системе коллективной безопасности будет поставлен конкретным образом... – ... люди выскажутся за нейтральную Беларусь; Россия не обещает значительных субсидий в экономику.

Политик не уверен в том, куда же идти стране. В дискурсе много ссылок на опыт других стран и прошлые ошибки, но нет реальных предложений, рекомендаций:

...Швеция все это время не входила ни в один военный союз; только начиная с 1991 года на территории бывшего СССР в межнациональных конфликтах погибло людей в одиннадцать раз больше, чем за 10 лет войны в Афганистане.

С точки зрения владения риторическими практиками, С. Шушкевич представляет свою речь красочно, эмоционально. Здесь и риторические вопросы, и метафоры, и сарказм, и использование просторечий, разговорной лексики, пословиц. Атакуя незримых оппонентов, политик использует, восклицания, обвинения, разоблачения, наклеивает на оппонентов слова-ярлыки, использует эмоционально-нагруженную лексику:

...Кто же из руководителей стран ... Содружества заявляет, что... Беларусь теряет политическое доверие?; как могли забыть инициаторы присоединения к договору..., что основные принципы этого документа... отражены в соглашении... по вопросам обороны?

Сохранить за Беларусью статус форпоста одной системы и стратегического плацдарма другой; будущее Беларуси... связанное одним бикфордовым шнуром с Россией и центральной Азией; и «вперед в прошлое» – на разваленной имперской колеснице.

Заклинания типа «верните колбасу союзного «разлива»; наивные утверждения на подобие того устава, с которым суются в чужой монастырь.

Криводушие нельзя возводить в ранг государственной политики! Нет такой практики в мире! Это приемы той же пропаганды, которая много лет «эффективно» вводила в заблуждение и привела в тупик; игра в дефиниции – один из приемов прежней пропаганды; политическое доверие; зависимость и несамостоятельность становились постоянными причинами нашей трагедии; собственным опытом выстрадала; без казуистики и запутывания; рвать их было бы огромнейшей ошибкой.

Как видим, в жанре аналитики С. Шушкевич противоречив, и эта противоречивость возникает из рассогласованности предметно-ориентированного и субъектно-ориентированного содержания. Он выступает как одиночка, у которого нет своей команды и опоры на массовую аудиторию.

4.2.4. Программа политика

(«Превратим Беларусь в процветающую страну. Демократия, рынок, государственность – путь к благополучию» (тезисы предвыборной программы Станислава Шушкевича) – Советская Белоруссия. 1994. 15 июня.)

Наша рэспубліка трапіла ў глыбокі крызіс.... Мы маглi б хутка рушыць да дэмакратычнага грамадства, цывілізаваных рыначных адносін ...; Мы заклалі падмурак дзяржаўнасці... мы выступілі ініцыятарамі стварэння Садружнасці незалежных дзяржаў

Мы праз два гады забяспечым эканамічны рост; неадкладна спыняем інфляцыю і ствараем працаздольную фінансавую сістэму; змяняем падатковую палітыку; спыняем наменклатурную «прыхватызацыю»...

Программа С. Шушкевича обращена к народу: мы с вами, мы ваше правительство, мы – народ. Представляет группу, которая выступает, во-первых, от имени правительства, а во-вторых, от имени народа Беларуси. Именно таким видится наполнение «мы» в программе. Используются выигрышные доводы – позитивные результаты деятельности нынешнего правительства. В то же время С. Шушкевич признает, что ситуация остается сложной. «Мы» обещает экономиче-

ский рост, выход из кризиса и процветание.

Выступая как кандидат на пост президента, С. Шушкевич характеризует положение в стране. Однако составляющие антикризисного плана подаются несколько монотонно и однопланово. Это, скорее, лозунги, чем реальная платформа действий. Они придают дискурсу динамичность, но в тоже время опустошают его. Политик уделяет внимание также тому, что говорит о том, что нужно было бы сделать, и что будет сделано для преодоления кризиса и построения гражданского общества.

Программа манипулирует временными рамками, что играет в каком-то смысле против нее. Активное использование настоящего времени (*змняем; пачынаем; накіроўваем*) создает впечатление, будто победа уже «в кармане», и президент как бы уже действует. Эту иллюзию, однако, разрушает обилие будущего времени, которое переносит дискурс в план виртуального:

... створым спрыяльныя ўмовы станаўлення; завершым канстытуцыйныя пераўтварэнні; забяспечым усталяванне грамадскага міру; прадоўжым шлях да сапраўднай незалежнасці Беларусі.

Программа изобилует обещаниями, похожими на саморекламу:

... Неадкладна спыняем інфляцыю і ствараем працаздольную фінансавую сістэму на базе канверсоўнай грашовай адзінкі; прымем закон аб мясцовых уладах, які б дазваляў грамадзянам ажыццяўляць сапраўднае самакіраванне.

Таким образом, в программе С. Шушкевич предстает как лидер с командой, но не лидер команды, лидер с народом, но не лидер народа.

4.2.5. Невербальное поведение политика

(Составлено по материалам телетекстов, характеризующим такие ситуации общения, как выступление перед большой группой людей на митинге, выход к народу, обращение к массовой аудитории.)

С. Шушкевич – невысокий, полноватый человек, с лысиной, широко открытыми, несколько навывкате глазами, часто моргает.

Всегда в официальном костюме. Для него характерна поза думающего человека: руки в карманах, голова склонена, взгляд направлен вниз. Он морщит лоб, хмурит брови.

Характерный жест – ладонь к груди, демонстрация своей искренности. Речь выразительна: выделяя ключевую мысль, он варьирует громкостью голоса, поднимает брови, вскидывает вверх руку и указательный палец.

Невербальное поведение С. Шушкевича зависит от того, насколько регламентирована ситуация общения. Так, он более естествен, уверен, спокоен в официальной обстановке – за столом, на трибуне. Видно, что это привычная для него ситуация. Сидя за столом, он демонстрирует готовность к общению: ладони лежат на столе, взгляд направлен на аудиторию. Он быстро выражает свои мысли, живо реагирует на реплики из аудитории.

В ситуации непосредственного общения с массовой аудиторией создается впечатление, что толпа давит на него. С. Шушкевич закрывается: руки опущены, ладони сцеплены. Его голос подрагивает, в речи оговорки, что указывает на напряжение и, возможно, некоторую неуверенность. Однако он преодолевает скованность: поднимает голову, смотрит прямо, взглядом охватывая всю аудиторию по горизонту.

У С. Шушкевича «неспешная динамика», он не статичен и устанавливает контакт с аудиторией, но быстро его теряет, закрывается при непосредственном общении. Создается впечатление, что его внутреннее пространство хрупко, и поэтому он «замывается в скорлупе».

4.2.6. Типологические карты

Карта 1 выявляет актуализацию у политического лидера качеств **коллективиста** (лидер, широко использующий самоидентификацию «мы», но при этом сохраняет свое лицо, свое «я»), **индивидуалиста** (лидер с сильным личностным началом, широко использующий самоидентификацию «я», но при этом сохраняет свою причастность к сообществу – «мы») или **институционалиста** (лидер, сфокусированный исключительно на том институте, которому служит, который возглавляет и коммуницирующий все от его имени). Основаниями для выбора являются различные способы наполнения категорий *самоидентификация*, *время* и *пространство*. Наполнение категорий *время* и *пространство* обнаруживает черты пяти возможных подтипов, а именно: трех временных: (а) *виртуальный* – апеллирующий к будущему; (б) *ретроспективный* – апеллирующий к прошлому; (в) *реальный* – актуальный сегодня; и двух пространственных: (1) *локальный* – проецирующий себя на ограниченное пространство; (2) *глобальный* – проецирующий себя на мировое общество.

Заполнение данной карты на основании проанализированной выборки текстов С. Шушкевича позволяет сделать следующий вывод. В дискурсе С. Шушкевича нет ни сильного «я», ни сильного «мы» и поэтому он не может

быть соотнесен ни с одним из дискурс-типов данной карты, а относится к лидеру случайному, оказавшемуся у власти благодаря стечению обстоятельств, а не личным качествам. У него нет сильной позиции «здесь и сейчас», как нет и особой привязанности к прошлому или будущему, поэтому в его дискурсе могут раскрываться разные временные позиции. Пространственная проекция четко определена и является *локальной*: четкая проекция на Беларусь (см. *карту 1*).

Карта 1

Л и д е р	Способы презентации себя							Уточнение типа
	«мы» + «я»	«я» + «мы»	«мы» без «я»	«мы» + слабое «я»	«я» + слабое «мы»	Слабое «я» и слабое «мы»	Ни «мы» ни «я»	
Ш У Ш К Е В И Ч				Зависит от обстоятельств, от жанра, формата			Также встречается	Виртуальный. Ретроспективный. Локальный
Тип ли- дера	Кол- лекти- ти- вист	Инди- видуа- лист	Инсти- туцио- налист	Не актуализирует черты лидера				

Карта 2. Изучение дискурса политика с учетом того, что для него важнее – качества или действия субъектов, позволяет понять специфику его восприятия мира. Также мы видим и степень манипулятивности лидера. Карта 2 выявляет актуализацию у политического лидера качеств **созерцателя** (в фокусе внимания качества свои и других), **деятеля** (в фокусе внимания деятельность своя и других), **сбалансированного** типа. Помимо этого выявляются оценочные подтипы: *позитивный* – акцент на положительные качества и/или положительную оценку деятельности своей и других; *критикующий* – критика качеств (своих и других) или деятельности (своей и других); *манипулятивный* – все, что связано с собой, позитивно, с другими, – негативно. И наконец, выявляются подтипы с учетом фокуса внимания: (а) на себе; (б) на других; (в) на себе и других. Основаниями для выбора являются различные способы наполнения категорий *атрибутивность* и *деятельность*.

Заполнение данной карты с учетом проанализированной выборки текстов

С. Шушкевича позволяет сделать вывод что, С. Шушкевич реализует сбалансированный дискурс-тип лидера. В его дискурсе есть место и качествам (своим и других), и деятельности (своей и других) как в позитивном, так и в критическом ключе. Однако он не актуализирует отношение к качествам и деятельности других, только констатирует их наличие. В то же время мы наблюдаем, что он очень чуток к тому, как другие относятся к нему самому и к его окружению. И это обстоятельство (с учетом пассивности его ближнего окружения) заставляет политика оправдываться и искать поддержки. Сбалансированный дискурс-тип, таким образом, реализуется вместе с такими подтипами, как *сфокусирован на себе*, и, во вторую очередь, *на себе и других*. Что касается другой группы подтипов, то они в его дискурсе не актуализируются вовсе (см. карту 2).

Карта 2

Л и д е р	Качества свои	Качества других	Деятельность своя (оценка, направления деятельности)	Деятельность других (оценка, направ- ления деятельно- сти)	Тип лидера
Ш У Ш К Е В И Ч	Скромнен; оправдывает себя; само- критичен; проявляет неуверен- ность; обес- покоен тем, чтобы его уважали	Те, кто ему ближе по духу, пас- сивны и нерезуль- тативны, их время еще не пришло	Прогнозирует, но ос- торожен в прогнозах; сравнивает; ставит це- ли; действует в зави- симости от обстоя- тельств. Размышляет вслух, приглашает других к размысле- нию. Раскрывает моти- вы своей деятельности	Критикуют, раз- мышляют вместе с ним. Те, кто от- носится к ближ- нему полю, не активны	Созерца- тель. Дея- тель. Сфокуси- рован на себе. На себе и дру- гих

Карта 3. Выбор типа осуществляется в зависимости от приоритетов политика в выборе способов удержания аудитории и, в конечном итоге, в выборе коммуникативных средств, фокусирующих внимание либо на определенном мире (конструирование проблем), либо на мире людей (конструирование общности или расщепление мира на «своих» и «чужих», конструирование «врагов»). Карта 3 выявляет актуализацию у политического лидера качеств **популиста** (стремится максимально удерживать аудиторию, даже за счет нарушения логических связей, целостности текста, за счет отказа раскрыть глубоко тему выступления и пр.), **рационалиста** (говорит по существу, опирается на общепонятную терминологию в изложении своих взглядов и предмета дискурса в целом, помнит, кому он говорит и для чего), **борца** (у него всегда есть объ-

ект борьбы (проблемы или субъекты, группы, институты), он критичен по отношению к миру и социуму, он борется, максимально используя арсенал пропагандистских приемов и риторических практик). Основаниями для выбора являются различные способы наполнения категорий *риторические* и *дискурсные практики*. Заполнение данной карты с учетом проанализированной выборки текстов С. Шушкевича позволяет утверждать, что: С. Шушкевич скорее рационалист, ибо ему свойственно говорить по существу, опираться на общепринятую терминологию в изложении своих взглядов, он не учитывает фактора аудитории, не стремится ее удержать (см. карту 3).

Карта 3

Л и д е р	Способы конструирования мира для аудитории и удержания аудитории			Тип лидера
	Через предметную информацию	Через субъектную информацию		
	Образность или конкретность речи, эмоциональность или рациональность	Использование риторических приемов	Приемы ценностной, фактологической, манипулятивной пропаганды	
ШУШКЕВИЧ	Оперирует цифрами; не выделяет приоритетов, не всегда четко структурирует дискурс. Выделяет ключевые слова (однако это, скорее, для оживления речи). Эмоционален	Апеллирует к жизненному опыту аудитории. Метафоры, эпитеты, ирония, сарказм, восклицания, риторические вопросы. Сегодняшнюю критическую ситуацию сравнивает с ситуацией фашистского нашествия	Фактологичность не до конца проработана (отсутствие источников). Навешивание ярлыков, мифы	Скорее, рационалист

Карта 4 выявляет актуализацию у политического лидера качеств **общенационального** лидера (проецирует себя на всю страну, поэтому неизбежно использует дискурс консолидации, готов принять в свой кортеж «заблудших чужих»), **регионального** (для него всегда будут «свои» и «чужие»), **партийного** (для него характерна корпоративность, на первом месте партия и ее интересы, он озвучивает ее идеи, он – лидер в своей команде, но при этом и один из них). Основаниями для выбора являются различные способы наполнения категорий *аудитория* и *интерсубъектность*.

Заполнение данной карты с учетом проанализированной выборки текстов С. Шушкевича позволяет сделать следующие выводы. С. Шушкевич, общенациональный лидер, но этот дискурс-тип слабо реализуется. Он относительно

ровен с людьми, но в его дискурсе эта ровность приравнивается к определенной отстраненности (очень мало реальных «своих»). Отсюда слабо выражен дискурс консолидации, хотя и есть обращение ко всей стране, готовность принять другие точки зрения, но его дискурс не мобилизует, неэффективен, следовательно, не консолидирует. Все это дает нам некоторые сомнения к отнесению его к дискурс-типу общенациональный. Поэтому мы и сопровождаем название дискурс-типа словом «скорее» (см. карту 4).

Карта 4

Л и д е р	Аудитория		Интерсубъектность		Тип ли- дера
	Аудитория (целевая): тен- денции к рас- ширению, суже- нию или сохра- нению	Дифференциация «чужих» и своего отношения к ним	Дифференци- ция «своих» (кортеж)	Дифферен- циация аудитории	
Ш У Ш К Е В И Ч	Информация упакована с уче- том аудитории, но не для воздей- ствия на нее. Он не стремится удержать ауди- торию, а пригла- шает ее размыш- лять с ним. Его адресат это те, кто хочет при- соединиться и слушать его	«Чужие» – это те, к кому он нейтрален, собственно, врагов у него нет (кроме «исторических» врагов широкой аудитории, как на- пример, <i>немецко- фашистские за- хватчики</i> , но ней- тральных «чужих» (те, кто его не под- держивает) очень много. Он их всех называет, но избе- гает давать оценки	«Свои» – это се- мья, и в какой-то степени коллеги и граждане. Он их называет, вы- ражает свое по- зитивное отно- шение. «Свои» это также те, кто работал с ним в какой-то кон- кретной ситуа- ции, где он был достаточно ус- пешен	Его дискурс рассчитан на аудиторию, способную к глубокому, вдумчивому восприятию. Видит и непо- средственную и массовую аудиторию, не стремится к контакту	Скорее общена- цио- нальный

Карта 5 выявляет приоритеты в выборе типичных коммуникативных действий, то есть актуализацию у политического лидера качеств **тактика** (политик, который использует максимально возможное количество коммуникативных средств, постоянно решает возникающие коммуникативные задачи, из-за чего может казаться менее значительным по сравнению со «стратегом», широко использует лингвистические и навыки интеракции и **стратега** (политик, который использует ограниченное число коммуникативных средств, не очень активен в коммуникации, делегирует решение возникающих коммуникативных задач исполнителям, участвует в коммуникации только в значимых ситуациях; в основном применяет энциклопедические знания и навыки интеракции).

Основаниями для выбора являются различные способы наполнения кате-

горий *энциклопедичность, лингвистический статус, интерактивность*. Заполнение данной карты с учетом проанализированной выборки текстов С. Шушкевича позволяет нам сделать выводы, что политик ближе к реализации дискурс-типа стратег. Полагаясь на знания, обладая высоким энциклопедическим и лингвистическим статусом, он не делегирует решение возникающих коммуникативных задач исполнителям, обсуждение всех вопросов берет на себя, скорее интерактивен, хотя и не стремится к достижению контакта с аудиторией, что говорит об отсутствии последовательности в реализации дискурс-типа (см. карту 5).

Карта 5

Л и д е р	Энциклопедичность (демонстрация знаний по различным направлениям)			Лингвистический статус			Интеракция, невербальное поведение			Тип лидера
	Интер-текстуальность	Интер-событийность	Специальная терминология	Правильность речи	Вариант языка	Широта стилистического диапазона	Открыт /закрыт	Контакт с аудиторией	Степень активности в коммуникации	
Ш У Ш К Е В И Ч	Договоры, соглашения, международные документы, цитаты из них, цитаты из речей политиков, песен, пословицы	Крупные события в жизни страны, связанные с тематикой	Политическая лексика	Речь правильная	Русский, белорусский	Нейтральный; просторечия; возвышенный, официальный стиль	Искренен, но закрыт от аудитории	Номинально идет на контакт, но не стремится удержать аудиторию (как бы дает ей выбор: поддерживать или не поддерживать его)	Он абсолютно следует ситуации, не берет инициативы в изменения ситуации. невербальное поведение:	Скорее, стратег

Карта 6 представляет изучение дискурса политика с позиций того, как упакована информация и дает возможность определить, каким предстает мир лидера, насколько он реален либо прожективен. Данная карта выявляет актуализацию у политического лидера качеств **прагматика** (для него реальность – как предметная, так и субъектная – и есть идея: он из реальности исходит и к ней ведет аудиторию), **идеолога** (для него идея в основе мироздания, он под нее строит реальность и конструирует социум), **идеалиста** (для него важно не то, что есть на самом деле, а то, как к этому относится, важна не сама идея или факт, а ее вербализация, и тогда вербализация становится и идеей и фактом). При активном использовании коммуникативных стратегий типов прагматик и идеолог мы, исходя из сугубо речевых характеристик дискур-

са, можем ввести дополнительный тип – **эффективный коммуникант (пропагандист)** .

Основаниями для выбора являются различные способы наполнения категорий *направленная информация* и *коммуникативные стратегии*. Заполнение данной карты с учетом проанализированной выборки текстов С. Шушкевича позволяет сделать следующие выводы. С. Шушкевич в каком-то смысле идеалист, а в каком-то – прагматик. Дискурс-типы реализует не полностью. Так, для него, безусловно, важно отношение аудитории к нему, но в каких-то определенных ситуациях, а в других важен предмет разговора, и он его прорабатывает, соотносит с аудиторией, но не выходит на воздействие, мобилизацию аудитории. Ему мешает некоторая отстраненность от аудитории, и слабая реализация реляционных стратегий (см. *карту 6*).

Карта 6

Л и д е р	Фокус на предмете дискурса	Предметно ориентированные коммуникативные стратегии	Фокус на субъектах дискурса, и коммуникативной ситуации общения	Реляционные коммуникативные стратегии	Тип лидера
Ш У Ш К Е В И Ч	Не просто говорит о теме / проблеме, но формулирует свое видение; предметная информация упакована с фокусом на адресата, но не с целью воздействия на аудиторию, ее вовлечения в интеракцию	Нарратив	Интерсубъектное поле широко, привязано к событию; дихотомично, но дихотомия не «свои» и «чужие», а те, «кто ближе (по духу)» и те, «кто дальше»	Отстраненность от всех; разделение ответственности с аудиторией; «реклама», непрямая защита, отказ от защиты, стратегия «я лучше, чем вы говорите»	Идеалист. Псевдо-эффективный коммуникант (вовлекает аудиторию, но не реализует цель воздействия). Есть черты прагматика

Карта 7 выявляет актуализацию у политического лидера качеств **демократа** (привержен демократическим ценностям, признает свое «я» и «я» других), **мессии** (несет аудитории идеи, поднимаясь на ней, «я» редкое, но сильное, закрытое для аудитории), **народника** (одновременно и «один из всех» и «над всеми», у него есть особая миссия, он открыт, но его открытость условна, ибо он открыт институционально, а не личностно, вокруг института, который он репрезентирует, возможна некая мифичность). Основаниями для выбора яв-

ляются различные способы наполнения категории *самоидентификация* и ее проекции на категории *аудитория* и *миссия*.

Заполнение данной карты на основании всей проанализированной нами выборки текстов политик позволяет сделать следующие вывод, что С. Шушкевич демократ, ибо в его дискурсе есть место и своему «я» и «я» других. И это один из немногих дискурс-типов, который выражен в дискурсе политика в полной мере (см. карту 7).

Карта 7

Л и д е р	Я	Мы	Он	Над ауди- тори- ей	Один из нас	Миссия	Тип ли- дера
Ш У Ш К Е В И Ч	«Я» активно в обращении к массам, в интервью – «я» – образованный, «скромный» человек – с одной стороны, с другой стороны, защищая, хвалит себя, оправдывает; просто человек; объект оценки другими; искренен, но закрыт; обращается за помощью к аудитории, размышляет с ней; в межличностной коммуникации «я» нарративно. От имени кого-то (от имени народа, от своего лица – к массам «я» активно; интервью – только «я»	В программе: «мы» максимально широкое (<i>наши граждане, республика, правительство</i>); В аналитике: «мы» – редкое, «мы» это те, кто принимают решения; в единичных случаях «мы» – <i>страна, народ</i> . В обращении к массам: «мы» активное, анализирующее, прогнозирующее, сравнивающее здесь «мы» – <i>республика, граждане, правительство</i>	Шушкевич; президент	Нет	Нет. На равных с аудиторией, приглашая ее быть на одном уровне с ним	Слабое чувство миссии: лидер гражданского общества, которого нет; цель: реформирование Беларуси, но он говорит о реформах, как о чем-то не существующем	Демократ

Карта 8. Изучение дискурса политика с позиции того, какова динамика соотношения и перехода друг в друга мифа и реальности в его сознании и какие реляционные (субъект-субъектные) коммуникативные стратегии он использует, дает возможность определить механизм воздействия лидера на аудиторию и содержательные приоритеты лидера по отношению к своей аудитории. Карта 8

выявляет актуализацию у политического лидера качеств **менеджера** (человек реальности, опирается на факты, руководит аудиторией), **сказителя** (поддерживает виртуальность, опирается на мифы (идеи) и ведет аудиторию в мир идей), **(полит) –технолога** (уводит в виртуальность, опирается на факты, возможно, в сочетании с идеями) их преобразует в идеи и мифы так, чтобы аудитория этого не заметила), **учителя** (возвращает в реальность, опирается на мифы, функционирующие в обществе, и стремится их развенчать, приземлить, объяснить аудитории, то есть возвращает аудиторию в реальность).

Основаниями для выбора являются различные способы наполнения категорий *соотношение мифа и реальности, кортежные коммуникативные стратегии*.

Заполнение данной карты на основании всей проанализированной нами выборки текстов С. Шушкевича позволяет сделать следующие выводы: С. Шушкевич в большей степени сказитель. Его дискурс опирается на миф «реформирование Беларуси», который никак не прорабатывается: не интерпретируется, не обростает фактологией, не развенчивается и не укрепляется. В то же время в его дискурсе есть место реальности. Несмотря на то, что в дискурсе упомянуты трудности, кризис, реальность сравнивается с ситуацией фашистского нашествия, нельзя сказать, что план реальности интерпретируется и используется для достижения целей воздействия. В данном случае мы наблюдаем констатацию реальности, повтор общепринятых фраз, не более того (см. карту 8).

Карта 8

Л и д е р	От реальности к реальности	От реальности к мифу	От мифа к мифу	От мифа к реальности	Кортежные коммуникативные стратегии	Тип лидера
Ш У Ш К Е В И Ч	—	—	От мифа (реформированная Беларусь) к мифу (реформированная Беларусь)	—	Кортеж среди политиков не очевиден, он, (в большей степени), как бы сам с собой; реально репрезентирован в дискурсе кортеж – семья, близкие	Сказитель

4.2.7. Общие выводы

Таким образом, в своем дискурсе С. Шушкевич манифестирует следующие из возможных дискурс-типов:

Набор возможных дискурс-типов	Дискурс-типы, манифестируемые в дискурсе Шушкевича
Коллективист. Индивидуалист. Институционалист	Черты лидера не манифестируются
Созерцатель. Деятель. Сбалансированный	Созерцатель. Деятель
Популист. Рационалист. Борец	Рационалист
Общенациональный. Региональный. Партийный	Общенациональный
Тактик. Стратег	Стратег
Прагматик. Идеолог. Идеалист. Пропагандист	Идеалист
Демократ. Мессия. Народник	Демократ
Менеджер. Учитель. Сказитель	Сказитель

Анализ дискурса С. Шушкевича позволяет сделать вывод, что этот политик не актуализирует черты лидера. Практически ни один из характерных для него дискурс-типов не представлен в сильной позиции. Так, С. Шушкевич, демократ, но без качеств эффективного коммуниканта. При этом он идеалист, то есть пребывает скорее в поле слов, чем в поле реальности. Он стремится вовлекать аудиторию в свой дискурс, ибо на нее ориентирован, но не реализует цель воздействия. Он сказитель, который опирается на миф в своем дискурсе (например, миф «гражданское общество») и держит в плену этого мифа аудиторию. Он предстает как созерцатель и деятель, но и действия, и качества, не то, чтобы виртуальны, но как бы не имеют материальной привязки, чувственной осязаемости. С. Шушкевич – общенациональный лидер, проецирующий себя на все общество, обращающийся ко всем гражданам государства. Он рационалист, стремящийся опираться на факты и цифры, но они часто оторваны от реального ряда. В своем дискурсе он также воспроизводит характеристики стратега.

Дискурс политика демонстрирует тот факт, что С. Шушкевич, в первую очередь, интеллигентный человек, а уже затем политический лидер. Для него

важно, соответствуют ли его действия в политике представлениям о воспитанном, порядочном человеке. Это приглушает его «я», усиливает внимание к собеседнику, к темам, которые интересны партнеру. Он скромнен, не сосредотачивает внимание на своих заслугах, хотя при случае напоминает о них. Никким образом не замалчивает промахи, склонен признавать неудачи, рассказывать о нереализованных целях.

Шушкевич идентифицирует себя со страной, но его «мы» как бы затухает и размыто. Это обусловлено в том числе и тем, что он соотносит себя и аудиторию с еще не сформировавшимся в Беларуси гражданским обществом, т. е. с реальностью-призраком.

У С. Шушкевича в дискурсе нет явных сторонников, но нет и врагов. Есть, однако, так называемые «чужие» (для него это те, кто перешагнул через моральные принципы). И очень узок круг «своих», это практически только его семья. А остальные субъекты «дрейфуют» от одного к другому. Он подстраивается к непосредственной аудитории, адаптируется к ситуации, не стремится наживать себе врагов, адаптирует дискурс консенсуса и бесконфликтности. Пассивен в приобретении сторонников. Умеет привлечь аудиторию, но не стремится навязать свое мнение, предпочитает, чтобы слушатели сами оценили ситуацию и приняли решение. Он общается с аудиторией на равных, уважает ее, но за собой не ведет. Очень осторожно ставит цели и делает прогнозы.

Для С. Шушкевича безразлично отношение других к нему. Он старается поддерживать позитивные отношения с публикой. Объясняет мотивы своих действий, размышляет вслух, приглашает аудиторию задуматься над проблемой.

Тексты фактологичны, но их структура расплывчата, и это ослабляет связь слов с реальностью. С. Шушкевич ссылается на общественно-политические документы, вводит в текст пословицы и поговорки.

Ему соответствует образ «просвещенного гражданина Европы», ценности которого – воспитанность, гражданственность, плюрализм, толерантность, бесконфликтность, отказ от манипулирования.

Для С. Шушкевича характерна устойчивость и неизменность ситуаций общения. Если «мы» – то это всегда правительство и народ. Его публичные выступления напоминают самоотчет даже в предвыборной программе. Если в межличностной коммуникации он выступает как человек с простыми человеческими чувствами, включая обиду и желание признания его заслуг, то и в выступлении перед массами он руководствуется теми же установками. Во всех текстах монологичен, повсюду ощущается слабая связь с адресатом, он только об-

ращается к нему, но не конструирует свое единение с народом. Он пассивный коммуникант – отвечает на вопросы, но не проявляет инициативу. Другие качества — человек самокритичный, реалистичный, с чувством самоуважения; это не новатор, способный подчинить себе события, а политик, которого «создали» и вынесли на подиум не его качества, а обстоятельства.

4.3. А. Лукашенко: дискурс-портрет

4.3.1. Политик беседует с журналистом

(Александр Лукашенко: «К середине сентября будет готов окончательный вариант антикризисной программы. Она будет конкретная: кто, в какие сроки и что должен делать. Критерий один: ниже планки нельзя...»: «Момент истины» с Андреем Карауловым // Советская Белоруссия. 1994. 31 августа. С. 1-3.)

Журналист: Миллионы людей, господин Президент, смотрящие российский телевизионный канал, и мои коллеги, работающие на РТВ, поздравляют вас, Александр Григорьевич, с избранием первым Президентом Беларуси, с сорокалетием.

Лукашенко: Спасибо. Я в таком случае, Андрей Викторович, обычно говорю: с чем вы меня поздравляете? Наверное, не каждый поздравляющий понимает, что такое быть Президентом. Я, конечно, очень рад, что вы к нам приехали, и тем более в канун моего сорокалетия. Но, поверьте, вы просто не представляете, с чем вы меня поздравляете...

А. Лукашенко в ситуации межличностного общения демонстрирует свою абсолютную включенность в диалог. Он исключительно прост, моментально реагирует на слова журналиста, обращенные к нему лично (*спасибо*, отвечая на поздравление с сорокалетием), шутит (*...с чем Вы меня поздравляете?*), называет журналиста по имени-отчеству, но при этом может пользоваться местоимением «ты». При этом помнит и о большой аудитории – зрителе/читателе (в данном случае россиянах). Не скрывает, что в межгосударственных отношениях бывает всякое, но говорит об этом обыденно, как бы намекая: «в какой семье не бывает ссор» (*к сожалению или к счастью*).

А. Лукашенко не только максимально личностен в интервью (говорит от первого лица), но и вариативен в использовании местоимения «я». Это видно из того, как он интерпретирует местоимение «я» в тексте интервью. Его «я» это – председатель, мужчина, президент, демократ, представитель власти, человек с достатком, человек компромиссов:

Я, председатель комиссии Верховного Совета по борьбе с коррупцией; мне просто как мужчине стыдно говорить о том, какая была реакция; он долго объяснялся передо мной как президентом; это я вам говорю как президент, изучивший эти процессы; я наверное (особенно сейчас), – демократ; я представляю власть, получив от народа 82-мя процентами участвовавших в голосовании; я – президент, человек не бедный...; я действительно человек компромиссов.

Все многообразие своего «я» он склонен интерпретировать, вербализируя положительные качества. Он – человек с корнями, доводит начатое до конца, радушный хозяин, труженик, человек ответственный, взваливший на себя тяжкую ношу, видящий не только парадную сторону власти, живой человек, страдающий, которого ранят чужие слова, честный, держащий слово:

Как человек, вышедший из крестьянской семьи; Я, конечно, очень рад, что вы к нам приехали...; наверное, не каждый поздравляющий понимает, что такое быть президентом; поверьте, вы просто не представляете, с чем вы меня поздравляете; подобные удары я страшно болезненно переношу, а чувства тогда были самые страшные; ...я всегда людям обещал: не буду вам врать, а буду действовать исходя из той ситуации, как она складывается на данный момент, и действовать буду оптимально; я никогда не возьму чужого; народ ждет: что же будет дальше, неужели он нас обманет? Нет, никогда.

На образ хозяина, ответственного, строгого, но справедливого, работают вербализируемые им цели (*Я просто хочу навести порядок, хочу, чтобы был один хозяин*). Он обещает и твердо намерен быть хозяином (*Я буду хозяином, поскольку меня народ избрал*), строгим, следящим за порядком (*но, извините, хаоса не потерплю... Я просто хочу навести порядок, хочу, чтобы был один хозяин*).

Он подает себя как человека, обладающего всей полнотой карающей, но справедливой власти, власти, которая имеет своих исполнителей, – честных, порядочных людей, и он – человек справедливый, следующий только букве закона, и знающий, как себя вести, не позволяющий себе ничего недостойного:

Он, видимо, был прав, он долго объяснялся передо мной как президентом и заявил: «Александр Григорьевич, я восприму как должное, если вы меня даже в тюрьму посадите». Меня это насторожило, ведь и мы могли ошибиться. И я ему пообещал: «Павел Павлович, давай так, сейчас у меня власти достаточно, раздавить тебя как генерал-полковника тоже немного надо ума...; я жесткий человек, а не жестокий; я как человек и президент, обладающий определенной властью – и немалой властью; я, имея в руках власть, поручаю группе честных и порядочных людей, изучить все материалы, связанные с генерал-полковником Козловским; законным путем; с гражданином Кебичем будет все по закону; у

нас уже достаточно времени для того, чтобы спокойно изучить любую проблему и принять меры; мы эти материалы начали рассматривать по новой, чтобы, не дай Бог, с головы человека незаконно не упал ни один волос; вы резко сказали, я так сказать не могу как президент.

Его «я» – это также «я» человека, способного к действиям и переменам. Он спрашивает с других, подает пример и не боится быть нескромным:

В Беларуси – страшная засуха... они ждут в растерянности приезда президента; если ты претендуешь на роль, как я, простите за нескромность, на роль прагматичного, трезвомыслящего политика; за все надо отвечать, причем железно отвечать.

Деятельностная характеристика «я» получает свою актуализацию благодаря обилию разнообразных глаголов в дискурсе. Причем это разнообразие касается как глаголов реального действия, так и вербального, но преобладают глагольные формы, характеризующие А. Лукашенко как «работника-хозяина»:

Недавно я по примеру россиян и вашего президента всю государственную собственность взял и объединил, подчинил ее Управлению делами президента; ...сейчас мы разрабатываем программу чрезвычайных мер.

Свою сильную позицию политик актуализирует через выражение сочувствия к проигравшим: *(Их трагедия состоит в том, что они этого не поняли)*. При этом выигрыш не приписывает себе, а списывает на реальные факты, которые вербально конструирует. «Кивает» на оппонентов – они сами повинны в своих неудачах *(Но они не хотели и не умели работать)*. Свой образ сильного человека строит с помощью модальных глаголов *(Надо было попытаться честно и порядочно отработать хотя бы полгода...)*, но не только сильного, но и волевого: модальный глагол «должен» часто применяет по отношению к себе:

...Должен этого избежать; я не должен даже при самом неудачном стечении обстоятельств скатиться до того, чтобы компенсировать свои неудачи в экономике, политике борьбой на ниве коррупции.

При этом он готов высказать и свое сомнение в каких-то ситуациях *(Он, видимо, был прав о Козловском; поэтому я не могу сказать, что такого нет и быть не может)*.

Свои положительные качества вербализует в оппозиции к отрицательным качествам других *(А Верховный совет обязал нас исследовать лишь то, что под землей, то есть назвать коммерческие структуры, их количество, и все; мы проинформировали Верховный Совет, что такое горе есть в обществе. Мы, так сказать, перевыполнили поручение Верховного Совета)*.

Среди других вербализованных качеств А. Лукашенко – справедливость и следование букве закона *(мы эти материалы начали рассматривать по-*

новому, чтобы, не дай Бог, с головы человека незаконно не упал ни один волос). Он борец, а предвыборная кампания для него – это война (*это из тех, кто воевали против Лукашенко на выборах*).

Наконец, его «я» принимает мифологические очертания как инструмент провидения (*я волею судеб стал представителем демократии...*).

Несмотря на огромный список интерпретаций «я», само местоимение употребляется не чаще, чем другие возможные формы – *мы, он, ты*. Различие в том, что эти местоимения не столь вариативны. Его «мы» – это команда, коллеги-единомышленники (*мы выстояли, компромат ... хранился у нас в трех экземплярах; люди в правительстве и администрации президента*).

Объективизация самого себя встречается, главным образом, в форме нарратива. А. Лукашенко говорит о себе в третьем лице, когда рассказывает о конфликтных ситуациях. Номинативная последовательность «они-я-им-он» позволяет ему одержать вербальную победу в поединке:

Лукашенко; президент; группа социологов... попробовала быстренько отследить рейтинг Лукашенко. Это из тех, которые воевали против Лукашенко на выборах; хвали Лукашенко – вредно, дай Лукашенко прямо с народом пообщаться – вредно; а если еще ломануть, то и Лукашенко сломается. Они попытались стать в стороночке, понаблюдать... А я им сказал: ребята, мне ваших предложений не надо... и приходите к президенту с программой. Он утвердит и тем самым возьмет на себя ответственность.

Иногда он подает себя во втором лице, что порождает такие оттенки модальности, как завуалированное сожаление, но одновременно ироничную усмешку, терпимость, даже некий фатализм (*попробуй тут управлять государством и шевельнуться где-то, обязательно зацепишь закон...*).

А. Лукашенко эмоционален. В тексте очень много глаголов, выражающих чувства и отношения. Они разнообразны и употребляются как в настоящем, так и в прошлом времени. Но одно чувство – чувство страха присутствует в его дискурсе только в прошлом времени и никогда в настоящем (*я ...говорю, я ... не могу сказать; сейчас об этом можно говорить; и я говорю; я предложил комиссии; я тогда боялся, чтобы не вспыхнуло у нас в стране что-то страшное*).

Эмоционально окрашены не только глаголы, но и существительные и прилагательные. Эмоция выводит А. Лукашенко за рамки литературной нормы, в область вульгаризмов и просторечий (*лажа, сволочь, гадость, зажрались; если еще ломануть; гадюшник; бичевать Горбачева; а вообще демократией здесь не пахнет*). Эмоция А. Лукашенко определена и жанровым своеобразием его интервью, включившем в свою палитру и жанр клятвы (*...клянусь, что этого никогда не будет; я просто не буду диктатором, понимаете?*)

Беседуя с журналистом, А. Лукашенко постоянно держит в поле зрения свою аудиторию – слушателя/читателя. Он старается как бы подыгрывать народу, легко ставит себя в его ряды, говорит его языком. При этом суров с функционерами, чем также подыгрывает широкой аудитории (*хватит теоретических трактатов. Они были в России, других республиках, наелись мы этих программ...; я знал, что люди мне поверят и поймут; нам нельзя делать ошибки; мы не та республика, нам это будет больнее и тяжелее*).

Разделение субъектов на «свой» и «чужие» многообразно и подвижно. «Свой» – это сын (семья), журналист, каждый, кто поздравляет, вся аудитория, вся республика. Этот список он пополняет обычно фамилиями, которые с годами могут меняться (*Юрий Малумов, майор милиции, ныне работающий в администрации президента, те люди, которые всегда были со мной, – Сазонов, Малумов*). «Чужие» присутствуют в дискурсе неявно, а как-то подспудно, не разрушая такой целостности, как народ. О них говорится именно для того, чтобы народ знал, кто его защищает (*ты пришел к власти, наворочал такого...; позволяют на глазах у обнищавшего народа, то, что не должны позволять*). А. Лукашенко обвиняет «прихватизацию», тех, кто откровенно барствует и составляет по его подсчету 10-13 процентов населения. А. Лукашенко не заостряет оппозицию «свой-чужие». «Чужие» для него где-то за кадром. Это снижает накал борьбы, делает противников слабыми, «несущественными». Он помещает противника не в реальный, а игровой, придуманный мир (*мы даже отказались от игр, которые нам пытаются навязать предприниматели, профсоюзы и так далее*).

Когда А. Лукашенко говорит о субъектах в негативном ключе, в его дискурсе появляются неопределенные местоимения (*некоторые пособники из близкого окружения альтернативного кандидата; с их стороны (первых лиц государства) было сделано все для того, чтобы исказить то, чем занималась комиссия, что она наработала*).

Народ – максимально активный субъект в дискурсе А. Лукашенко. Он подчеркивает, что мнение людей для него очень важно, и ради них готов жертвовать всем (*даже треть своей зарплаты не получаю, оставляю в бюджете, чтобы люди, не дай Бог, меня не упрекнули, что на этой беде наживаюсь*). Народ понимает его, а он – народ (*люди сами понимали: хлеб и молоко должны стоить столько, сколько они стоят*). С народом у него доверительные отношения (*и народ это видит и спрашивает Лукашенко: «Когда же ты порядок*

наведешь? Мы же тебя выбрали»), и никто не должен сомневаться, что он защищает народ (жизненный уровень, который у белорусского народа по разным причинам ниже колена, еще ниже быть не может).

В дискурсе А. Лукашенко много знаковых фигур:

Помните последний шаг Горбачева? Когда он с президентом США говорил, а на завтра ушел. ...Давайте не будем сильно бичевать Горбачева. ...Поскольку Егор Тимурович привел такой пример (о Гайдаре)...Я сказал об этом Мишелю Камдессю, руководителю Международного валютного фонда).

Время он четко делит по этапам своего восхождения к власти и персонафицирует его (время Горбачева; время при С. Шушкевиче). Прошрое нарративно – полно образных рассказов о реальных событиях (мы выстояли; это тоже был большой риск ... он его на своем автомобиле всегда вывозил и прятал ... третий экземпляр находился у меня дома на Шкловщине. Вот так приходилось иногда действовать). Пересказ историй – его излюбленный жанр. Нарративы часто выступают в форме автодиалога:

... они попытались стать в стороночке, понаблюдать... а потом предлагать... А я им сказал: ребята мне ваших предложений не надо... и приходите к президенту с программой. Он утвердит и тем самым возьмет на себя ответственность... Почему? Потому что все, что было до этого сделано, не позволяло больше им ... находиться у власти; почему там, а не в суде, допустим, вы можете спросить?; Есть альтернатива? Нет ее.

А. Лукашенко стремится использовать самые разные средства убеждения. Это и виртуальность, предложение другим представить себя на его месте (Представьте, Андрей Викторович, как бы вы реагировали на это? Представьте, что вы хирург). Это также «закавычивание» лексики, которая не соответствует его представлениям. Он разъясняет ее, выявляя денотат – предмет разговора, и тем самым подчиняя ее своим коммуникативным целям, например, актуализируя коммуникативную стратегию «атака» (у нас «демократы» те, которые пекутся о национальном суверенитете и «незалежнасці» вплоть до самоизоляции, те, которые напрочь отвергают всякие контакты, прежде всего с Россией). Образы он стремится расшифровывать (Верховный Совет обязал нас исследовать лишь то, что под землей, то есть назвать коммерческие структуры, их количество и все). Метафоры (коммерческие структуры – это корни, питающие крону, на которой росли коррупция, экономические преступления, организованная преступность и т. д.) применяются для описания чего-то отрицательного – позитивные метафоры отсутствуют. А. Лукашенко прибегает к самоцитатам, чтобы представить себя сильным человеком, государственным мужем, умеющим давать и держать слово (Я сказал: «Если ты виноват,

будешь сидеть в тюрьме. Согласен?), хочет быть максимально понятным (Компромат, как вы говорите, хотя это не совсем точное определение, точнее документ), предвосхищает вопрос или расширяет тему:

...но если следовать тому, как я понимаю «демократию» и как многие у нас в Беларуси, да и в России, ее понимают, то конечно: какой же я демократ? У нас «демократы» те, которые пекутся о национальном суверенитете и «незалежнасці» вплоть до самоизоляции...если это демократия, если это народовластие, то власть должна была действовать в интересах народа, осуществляя те или иные реформы, в том числе и приватизацию. Давайте возьмем приватизацию. Она стала народной? Нет. В Республике Беларусь нет.

Широко применяются средства интенсификации, нагнетания эмоций, апелляция к страху через сопоставление; простые номинативные предложения; активно используются риторические вопросы и повторы, риторические вопросы особенно часты в тех случаях, когда возможна атака со стороны собеседника. Тогда они идут чередой один за другим:

...прагматики, порядочные и честные люди могут потерять власть, и к власти придут даже не националисты и не Лукашенко... Придут оголтелые люди с улицы, и тогда уже не о реформах будет идти речь; страшная засуха; отсутствие средств в бюджете; над республикой нависли страшные черные тучи;

..она, повторю, не стала народной. Она была востребована обществом в целом? Нет. Так о какой здесь демократии можно говорить?.

...значит предприятие мое? Ваше? Значит, оно не принадлежит уже ни Лукашенко, ни государству?

Политик не избегает цифр и легко оперирует статистическими данными о состоянии промышленности, об экономическом состоянии отдельных заводов, знает цену на хлеб и комбикорма (если комбикорма стоят три тысячи рублей в Беларуси, а хлеб – триста рублей), следит за ходом реформ, за тем, как пострадали люди в экстремальной ситуации, знает точную сумму компенсации (Мы пообещали почти пяти миллионам человек по нормам 350 граммов в день...).

Таким образом, в ситуации интервью А. Лукашенко многогранен и динамичен, фактологичен и эмоционален. Он служит не идее, а людям. Его дискурс перформативен. Он конструирует мир, где все непросто, за все нужно платить ценой труда. Подает себя как лидера, который может почти все, и который обладает исключительно положительными качествами. Но он находится с людьми на земле, в реальной ситуации, он действует, чтобы было лучше, хотя не все быстро меняется, потому что такова жизнь.

4.3.2. Политик выступает перед массовой аудиторией

(Мы надеемся на конструктивное сотрудничество со всеми политическими силами. Выступление Президента Республики Беларусь А. Лукашенко на торжественном заседании, посвященном Дню независимости // Советская Белоруссия. 1994. 29 июля. С. 1-2.)

Уважаемые участники торжественного собрания! Уважаемые гости, соотечественники! Дорогие соотечественники! Уважаемые гости!

А. Лукашенко верен традиции: начало каждой новой структурной единицы речи дает нам представление о политике как о лидере, не стремящемся чем-то поразить аудиторию или как-то особо привлечь внимание к себе или предмету разговора. Никаких сверхожиданий со стороны аудитории. Почти рабочая обстановка, хотя идет торжественное собрание.

В дискурсе, обращенном к массам, А. Лукашенко подает себя нейтрально – скорее как должность, а не личность. Здесь местоимение «я» встречается всего дважды, но «я» появляется также имплицитно, когда используется глагол в первом лице единственного числа без местоимения:

Я прагматик, и понимаю, что политика – это искусство возможного...; я понимаю, что победа досталась нынешнему политическому руководству Беларуси вместе со сложнейшими экономическими проблемами...; убежден в том, что положение дел в нашей экономике тяжелое, но не без надежное.

При этом мы наблюдаем в этом жанре максимально широкое наполнение местоимения «мы». За ним стоят: *новое политическое руководство республики; Президент и правительство; нынешнее политическое руководство Беларуси; поколение белорусов, которые «жили и трудились, создавая свою историю».* «Мы» А. Лукашенко спроецировано на весь временной континуум. В прошлом это мирная жизнь и разногласия, а теперь, несмотря на обилие партий, национальностей и религиозных конфессий, «мы» вербально объединяет всех, без исключения (*мы все разные, но у нас одна земля одно государство*). «Мы», связанное с будущим, полно ответственности и долга (*мы все должны понять, что государственность и независимость – это не только благо, но и тяжелый повседневный труд*). Включая себя в «мы», А. Лукашенко не забывает о своей миссии, своем статусе, своем долге (*все мы, в том числе и Президент; но это не пугает ни меня лично, ни мою молодую команду – мы готовы работать...*). «Мы» может обладать и другой динамикой – не вычленения, а, наоборот, накопления (эффект «снежного кома»). Это наблюдается в случае, когда «мы» соотносимо с *новым политическим руководством республики, местом Беларуси в мире, с консолидацией общества:*

Определяя главный внешнеполитический вектор Беларуси как российский, мы считаем вместе с тем, что наше государство не должно отгораживаться стеной от остального мира;

Вот почему мы надеемся на конструктивное сотрудничество со всеми политическими силами, искренне желающими добра своему народу; нам предстоит сложнейшая работа по наведению порядка, по борьбе с преступностью...).

Рассмотрим качества, представленные политиком в дискурсе. А. Лукашенко подает себя как человека с историческим мышлением, стремящегося к гражданскому согласию и выработке объединяющей национальной идеи. Но все эти качества он строит на словах-мифах, являющихся, по существу, «блестящей неопределенностью»:

Несомненно важным событием в истории любого народа ... является возникновение и развитие государственности.

Сегодня, как никогда, необходимо единство государства и общества. Необходимо подумать над разработкой механизма согласования позиций разных социальных сил и выражающих их интересы партий и общественных организаций, механизма реальной консолидации общества.

Единственная идеология, способная всех нас объединить, – это идеология гражданского согласия и народного благосостояния.

Атрибут «человек с историческим мышлением» не только получает неоднократную поддержку в его обращении к народу, но и уточняется. Для А. Лукашенко важна связь истории с настоящим. Он ее драматизирует, эмоционально-оценочно раскрашивает. Она для него живая, благодаря образам, оценочной лексике, метафорам (*это героическая и трагическая страница; трагедия Вискулевских соглашений*), но в нем говорит не историк, а политик. Его поле – «здесь и сейчас». День ушедший – это всего лишь интерсобытийность или интертекстуальность. Нынешняя реальность подается с позиции «достижений», в которых (пресуппозиционно) присутствует он сам:

Очень многие пугали наш народ: "Если сменится власть, если уйдут те, кто давно уже правит Беларусью, то с новым руководством никто не захочет иметь дело". Подобные пророчества оказались напрасными и беспочвенными.

Выиграв в настоящем (то есть перейдя из многозначного прошлого в однозначное настоящее), Лукашенко обращается к будущему, которое сулит всем, кто встанет в его ряды, лавры победителей:

Нам предстоит сложнейшая работа по наведению порядка...; у власти есть кредит доверия, она обязана использовать его во имя Беларуси и на благо белорусского народа; мы готовы работать не жалея сил, для того чтобы нашему народу стало жить легче...; хотелось бы, чтобы у всех нас

хватило сил и мужества идти до конца путем строительства белорусской государственности, путем гражданского согласия...

Выступление имеет тематически определенный фрейм – строительство государственности. Это призвано подчеркнуть его главное качество: он – политик государственного масштаба, политик с будущим, политик, отвечающий требованиям объективного хода истории.

Особую значимость в этом жанре имеют категории *деятельности* и *роли*. В речи полно ментальных глаголов и атрибутов (*понимаю, убежден, верю*), а также ситуативных (*поздравляю вас с национальным праздником...; благодарю за внимание*). Но деятельность правительства отмечена безличными глаголами (*в настоящее время Президентом и правительством разрабатывается программа чрезвычайных мер по выводу экономики из кризиса...; ведется большая работа по анализу ситуации на конкретных, наиболее крупных предприятиях...; решаются кадровые вопросы*).

Обезличенность, некоторую анонимность исполнителя действия можно оценить как попытку уйти от ответственности, но А. Лукашенко всегда вербализует идею своего долга и готов ответить за все, что делается в стране. Поэтому ближе к истине другая интерпретация: употребление безличных предложений объективирует реальность, подает ее как данность, как то, что само собой разумеется. Будущее имеет имя «мы», что говорит о том, что А. Лукашенко видит себя в роли руководителя государства в будущем:

...мы надеемся; мы готовы работать; мы должны понять, что никакая международная поддержка не заменит нам собственного кропотливого, повседневного труда.

Модальность представлена категориями долженствования и необходимости:

... гражданское согласие должно касаться не только партий, но и национальностей...; настоящий политик ... должен суметь подняться над личными идеологическими пристрастиями; мы все должны понять, что государственность и независимость – это не только благо; мы должны понять, что никакая международная поддержка не заменит нам собственного кропотливого труда.

Пространство интерсубъектности заполняется в дискурсе А. Лукашенко знаковыми фигурами белорусской истории: Всеслав Полоцкий, Кастусь Калиновский, Евфросинья Полоцкая, Франциск Скорина, Константин Острожский, Тадеуш Костюшко, Максим Богданович, Сергей Притыцкий, Петр Машеров. Здесь А. Лукашенко широко пользуется институциональным субъектом, в качестве которого выступает белорусский народ, Беларусь:

После Всеслава Полоцкого Беларусь не бралась за оружие с иной целью, кроме самозащиты; несколько поколений белорусов жили и трудились, создавая свою историю (в период БССР); белорусская земля помнит многое; белорусское государство вступило в новый этап своего развития; Беларусь была одной из сторон, участвующих в 160 международных договорах; Беларусь в качестве суверенного государства получила официальное признание...

Политик включает в свой кортеж политические партии, конфессии, национальности, в конечном счете, всех и каждого гражданина Беларуси:

Участники торжественного собрания, гости, соотечественники, молодежь, отцы и деды; новое политическое руководство республики; международные организации; деловые круги; структуры государственной власти всех уровней; руководители всех предприятий и организаций.

Ироничен по отношению к творческой интеллигенции (*может быть, если бы меньше выступали наши мастера культуры на митингах, было бы больше прекрасных повестей и романов...*).

Широк диапазон интересности дискурса. Включены ключевые события истории Беларуси: жизнь Полоцкой земли X – XII веков; агрессия крестоносцев; Грюнвальдская битва 1410 года; первая мировая и вторая мировая войны, Вискулевские соглашения; принятие белорусской Конституции 15 марта 1994 года.

Конституция Республики Беларусь – это ключевой элемент наполнения категории *интертекстуальность*. Политик на нее активно ссылается, и не только формально, но и с позиций ее содержания.

Речь перед массовой аудиторией политика богата пропагандистскими приемами («блестящая неопределенность», «общий вагон»), широко применяется экспрессивная лексика, часты повторы. Политик охотно использует параллелизмы, единоначатие, обращается к расхожим мифам. Но здесь нет риторических вопросов, так характерных для политика в жанре интервью:

В составе Киевской Руси – колыбели братского русского, белорусского и украинского народов; на заре белорусской государственности; главное здесь – не дать вбить клин между поколениями, не расколоть отцов и детей... страницы этой истории запечатлели героические картины; государственность невозможна без активного труда белорусской интеллигенции; государственность невозможна без единства всех поколений...; государственность невозможна без уважения к историческому прошлому страны...

Воздействие на аудиторию осуществляется с помощью реляционных коммуникативных стратегий, и в первую очередь это – «реклама»:

...Беларусь в качестве суверенного государства получила официальное признание со стороны 123 государств. Дипломатические отношения сегодня установлены с 97 странами. В столице Беларуси открыло свои посольства и представительства 21 государство... открыто 14 посольств и 7 генеральных консульств.

Поскольку при перечислении позитивных результатов используется притяжательное местоимение «нас» (*самые добрые отношения связывают нас с ближайшими соседями – Россией, Украиной и Литвой, Латвией и Польшей...*), то возникает эффект причастности оратора ко всем результатам деятельности.

4.3.3. Политик анализирует проблему

(Реформа системы государственного управления и роль местных органов власти в преодолении кризиса. Речь Президента Республики Беларусь Александра Лукашенко. // Советская Белоруссия. 1994. № 200. С. 1 – 3).

В своей речи на рабочем совещании, где анализ ситуации естествен и ожидаем, А. Лукашенко, говоря о реформе системы государственного управления и роли местных органов власти в преодолении кризиса, анализирует ситуацию в республике и предлагает пути выхода из кризиса.

А. Лукашенко традиционен как в выборе темы, так и в структурировании материала. Так, для него важно вписать проблему в контекст, ввести аудиторию в проблему и дать ее развитие:

Нынешнее совещание проходит во время переломное, критическое для республики; смена политического руководства страны совпала с доставшимся ему по наследству развалом экономической системы; ...возрождение экономики невозможно без хорошо продуманной и проводимой с чувством ответственности перед народом реформы системы государственного управления.

Параллельно он подтверждает необходимость реформы ссылкой на Конституцию, делает заявление-предположение (*необходимо создать принципиально новую – президентскую – вертикаль власти*), дает целевую установку (*жду от вас серьезного, откровенного разговора*).

За введением следуют такие структурные блоки, как определение целей, разъяснение понятий, информация о сделанном (с включением информации о том, что сделал он сам), а в завершении он спрашивает с подчиненных, что же сделали они. Анализируя проблему, политик дает развернутые примеры, называет конкретных людей, даты, предприятия, отрасли. Оценивает, критикует. Развѣртывает программу действий, говорит о тяжелом наследстве (*разрушилась система государственного управления*). С помощью риторического приема отделяет

то, что есть, от того, что должно быть. Демонстрирует политическую волю (*каким же образом намерен президент строить систему государственной власти?*). Помимо этого политик утверждает, констатирует, провозглашает, что и как следует осуществить (*создать подобную вертикаль совсем непросто*). Далее останавливается на этапах реформирования (*она будет осуществляться в несколько этапов...*). В заключение возвращается к первому этапу и рассматривает его в деталях (*говоря о первом этапе хочу еще раз подчеркнуть...*).

Возвращение к, казалось бы, уже проработанным темам характерно для его аналитики. Так, дважды он затрагивает вопрос негативной презентации в СМИ образа А. Лукашенко. Развивая основную тему, А. Лукашенко рассматривает условия осуществления программы реформ, перечисляет и объясняет их:

Есть два необходимых условия, при которых имеет смысл проводить какие-либо реформы. Первое – замедление, а затем и снижение жизненного уровня населения... Второе – нельзя допустить, чтобы в результате экономических реформ Беларусь утратила свою государственность, превратившись в колонию какого то ни было другого государства.

В данной коммуникативной ситуации А. Лукашенко полностью сконцентрирован (1) на проблеме, которая подается как всесторонняя и всеобъемлющая: на ее этапах и деталях, условиях и причинах, подготовке и результатах, но также и (2) на субъектах, их сильных и слабых сторонах, способности мобилизовать силы и выполнить целевые установки.

Текст построен так, что становится очевидно, как велика в решении поставленных задач личная роль политика. Делается это как прямо (от первого лица), так и косвенно. Так, в начале речи А. Лукашенко закрепляет свои властные позиции, идентифицируя не столько себя, сколько свой высокий статус, уходя от местоимения «я» и называя себя максимально объективированно – *политическое руководство страны; всенародно избранный лидер государства*. Затем возвращается к «я» и представляет себя радетелем за судьбу страны (*как я мог оставаться в стороне, будучи верховным главнокомандующим*), нетерпимым к любым нарушениям и разгильдяйству (в армии). Говорит о себе как о прагматичном человеке, дело для которого превыше всего (*для меня главный критерий в оценке кадров – умение делать дело; я прагматик и хорошо понимаю, что очень трудно приватизированным предприятиям сразу нарастить объемы производства и услуг*). И опять подчеркивает значимость своего поста (*исполнительная власть, главой которой, как и главой государства является президент*). Должность и статус идентифицируются с «я» и призваны показать его качества:

Для президента эти полтора месяца ушли на формирование своего рабочего аппарата...; второй главной задачей, которую пытался решить в

этот период президент, было наведение дисциплины и порядка... ; но скажите, как можно было президенту бездействовать, когда на глазах всего народа теперь уже бывший министр обороны использовал свое служебное положение для решения семейных проблем?

Несколько иное назначение у идентификации «мы» – показать деятельность. Свою деятельность он не любит предварять местоимением «я» (*жду от вас...; предлагаю вначале*).

«Мы» для А. Лукашенко – это «я и моя команда»:

Цель, которую мы ставили перед собой, приглашая вас на сегодняшнюю встречу...проверить правильность избранного нами курса; думаю, что формирование нового корпуса руководящих работников республиканского уровня мы в ближайшее время завершим; мы строим открытую национальную экономику; нам не нужны реформы ради реформ; нас интересует....

Сейчас мы ставим вопрос о восстановлении системного подхода к государственному управлению; причем решающую роль в этом сложном процессе должна сыграть исполнительная власть, главой которой, как и главой государства, является президент; перечень вопросов, отнесенных к компетенции депутатов местного Совета, мы предлагаем обозначить конкретно.

Целеполагание – одна из значимых содержательных характеристик дискурса А. Лукашенко. В своей речи политик неоднократно возвращается к этому содержательному звену и по-разному его подает: эксплицитно и имплицитно, развивая предметную (что делать) и субъектную (кому делать) направленность целевой установки, строя иерархии целей и задач, объединяя целевой и тематический планы дискурса. Так, ключевую тему-цель он задает уже во втором абзаце текста, усиливая ее модальностью долженствования (*необходимо создать принципиально новую – президентскую вертикаль власти*), но собственно целью не называя. Политик также формирует цели, которые являются более конкретными, частными, понятными аудитории и которые подведут аудиторию к главному:

И цель, которую мы ставили перед собой, приглашая вас на сегодняшнюю встречу, в том и заключается, чтобы проверить правильность избранного нами курса, уточнить, что именно не получается и почему, какие звенья государственной машины дают сбой и почему.

Как видно из примера, цель номинированная политиком, максимально субъектно ориентирована: для политика важно осознанное отношение аудитории к предмету разговора. Параллельно он конкретизирует аудиторию, готовит ее к тому, чтобы она была способна решить стоящую перед ней цель, а значит, была монолитной, целевой общностью (*рабочее совещание, в результате ко-*

того необходимо выработать единую позицию).

И в эту единую, монолитную общность входят и (1) его целевая аудитория (именно к ней он обращается с использованием характерной для него формы обращения с маркированной модальностью: *...все представители власти должны работать на одно общее дело – на стабилизацию обстановки*); и (2) он сам (однако включая самого себя, политик вербализует свой уровень иначе – используя слово «задачи»: *второй главной задачей, которую пытался решать в этот период президент, было наведение дисциплины и порядка, повышение чувства ответственности руководящих кадров всех уровней*); и (3) то, что можно назвать совокупным субъектом, то есть единство (1) и (2) с народом (который является первопричиной и смыслом существования политика: *Народ свое слово уже сказал... и сейчас мы с вами должны обеспечить исполнение воли народа*).

Дальше по иерархической прямой происходит конкретизация целей (предметная направленность содержания): *целями преобразований станет создание необходимой законодательной базы и построение исполнительной вертикали; становление новых законодательных органов; первая и главная задача, которую мы ставим, – не допустить обвального падения объемов производства. Спускаясь «по ступенькам» целеполагания, Лукашенко всякий раз возвращается к высшей цели (с учетом ее субъектной направленности): возрождение экономики невозможно без хорошо продуманной и проводимой с чувством ответственности перед народом реформы системы государственного управления.*

Цели в дискурсе А. Лукашенко перемежаются позитивными прогнозами: *думаю, что формирование нового корпуса руководящих работников республиканского уровня мы в ближайшее время завершим.*

Нуждаясь в единомышленниках и союзниках, А. Лукашенко «смягчает» критические выпады, делает аудиторию своим «соавтором»: *Я думаю, Верховному совету необходимо подтвердить верховенство Конституции как Основного Закона Республики Беларусь над остальными законами, предоставив президенту право принимать указы по первоочередной реализации конституционных норм; смею уверить всех, что с подобным подходом президент и правительство намерены бороться беспощадно; извините, сам с этим я не смирюсь, и другим не позволю!*

Модальность дискурса А. Лукашенко заслуживает особого разговора. Во-первых, самая предпочтительная для него модальность – долженствование, причем это характерно и для так называемого безадресного пространства дискурса (обращение как бы ко всем), и при обращении к конкретным лицам (кад-

рам) и к себе как представителю власти. Все выполняют волю народа, и этот факт объективирует идею долженствования:

...необходимо создать принципиально новую – президентскую – вертикаль власти; вновь пришедшие люди должны пользоваться безоговорочной поддержкой у народа, быть компетентными и честными; все представители власти должны работать на одно общее дело – на стабилизацию обстановки; и сейчас мы с вами должны обеспечить исполнение воли народа.

Объективация достигается также с помощью модальных слов (несомненно, *разумеется*), пассивного залога:

Начало реформы было положено принятием новой Конституции Республики Беларусь и введением поста президента; обесценивались денежные сбережения населения... снижалась покупательная способность пенсий... подрывались стимулы производительного труда...так зарождались теневая экономика, взяточничество, коррупция и прихватизация...

На этом фоне коммуникативная стратегия «атака» смягчается до вынужденного нападения:

Однако, если нынешний состав Верховного Совета откажется принять соответствующее решение, президент будет вынужден искать иные пути создания вертикальной структуры, что представляется нам вполне реальным и не противоречащим Конституции...

Те же изменения претерпевает коммуникативная стратегия «продажа/реклама»: вертикаль исполнительной власти презентруется как необходимое введение для наведения порядка в государстве. Причем, резкий переход от прошлого времени к настоящему (*уже сегодня мы хотели бы услышать от вас...*), а также актуализация пространственно-временной характеристики дискурса «здесь и сейчас» (*нет смысла, да и не место здесь анализировать эти ошибки*), максимально поднимают значимость предмета разговора, а значит, и усиливают воздействующий потенциал речи.

Говоря о непосредственных исполнителях, политик актуализирует как их деятельностные характеристики, так и качества, подавая их в том же ключе модальности долженствования:

Но скажите, как можно было президенту бездействовать, когда на глазах всего народа теперь уже бывший министр обороны использовал свое служебное положение для решения семейных проблем?

Оценочная деятельность политика действительно разнообразна. Уже в начале речи А. Лукашенко высказывает свою отрицательную оценку деятельности Совета Министров, фактически предыдущей власти (*популистские шаги, в особенности характерные для последнего периода правления Совета Министров*), негативно относится к тем, кто не делает дело (*к сожалению, деятелей, ра-*

ботавших по принципу «ломать не строить», хватало и в Верховном Совете, и в прежнем правительстве, и в оппозиции всех мастей), критикует руководителей республиканского звена и низовых органов власти, причем даже «в кредит», за те действия, которых еще нет, но политик их предвидит (*бывшего министра обороны, директора льнокомбината, депутата Г. Кокореко; но теперь многие представители Верховного Совета обзавелись собственными партиями, вот почему следует ожидать мощного лоббирования с их стороны*). Немало примеров и так называемой витиеватой оценки, когда вбрасывается негатив или позитив, который слушатели должны сами дополнить и развить (*как это назвать? Параличом власти?*). Так же витиевато он может оценивать и свои качества: *в этой связи хочу подчеркнуть, что президент, что бы о нем ни писала пресса, не рубит по чьей-либо зря*). Нередко витиеватость рождается на острие иронии. Так, он высмеивает отдельных руководителей, не называя их имен:

...возможно, кто-то до сих пор опасается за свое кресло и не может прийти в себя? ...Не исключаю, что отдельные руководители на местах успели уже прийти в себя и заняли выжидательную позицию: авось, недолго продержится новая команда, меня пронесет, а там глядишь, и прежняя власть вернется.

Во всех случаях А. Лукашенко выбирает сильную позицию. Он не оправдывается, но выражает озабоченность не по поводу своей персоны, а по поводу курса, которым идет страна (*меня как президента беспокоит, что в республиканских и некоторых зарубежных средствах массовой информации создают образ Лукашенко начисто отрицающего саму идею приватизации*). Себя он защищает от критики не голословно, а ищет логические аргументы (*уважаемы товарищи! В период избирательной кампании белорусские средства массовой информации упорно стремились создать Александру Лукашенко имидж политика-разрушителя. ...Хотелось бы убедить вас в обратном*).

Основной источник интертекстуальности данного дискурса – новая редакция Конституции, если Лукашенко обращается к старой, то только в контексте ее недостатков и ошибок: *видим причину этого (ситуация двоевластия) в действовавшей ранее Конституции, предполагавшей всесилие и всевластие Советов; по вновь принятой Конституции, представительная власть заняла подобающее ей место. Ссылки на статьи Конституции должны обосновывать свободу действий президента (основной свод остальных законов, которые не учитывают существования президентского поста и потому вяжут президента по рукам и ногам)*.

Язык жанра аналитика характеризуется метафоричностью, частым использованием сравнений. Здесь метафоризируются такие понятия, как «государство», «власть» (*какие звенья государственной машины дают сбой и почему; не*

должно быть так, чтобы вверху шумела буря, а у корней дерева царили тишь и покой! Любая властная вертикаль в государстве имеет «голову» – центральные государственные органы власти – и опору – местные органы....; не буду гадать, кто и как попытается теперь торпедировать уже одобренного парламентом законопроекта; локомотивы развития производства). Примерами сравнений могут быть государство под флагом решения острейших социально-экономических задач выбрасывало в обращение, как расщедрившийся купец, огромные суммы бестоварных денег.

В дискурсе А. Лукашенко присутствует ряд логических и психологических приемов: (1) расширение поля значения (*любая властная вертикаль в государстве имеет...*); (2) толкование (*исполнительная власть как самостоятельная ветвь государственной власти должна представлять собой четкую вертикальную структуру, включающую в себя исполнительные и распорядительные органы как в центре, так и на местах*); (3) позиционирование, противопоставление, например, деятелей, работавших по принципу «ломать не строить» и создателей; (4) экстраполяция (*такой порядок назначения и освобождения от должности руководителей позволит осуществлять эффективную государственную политику*); (5) автодиалог (*мы рассчитывали на вашу поддержку и понимание; что же было ответом? Полнейшее молчание, граничащее с равнодушием!*).

Активно используется прием «опережение». Так, А. Лукашенко предвидит возможные упреки и заранее берет под защиту проблемные пункты программы (*в предлагаемом нами варианте уже скрывается повод для возможного упрека: мы, мол, уже проходили на местах через ситуацию двоевластия...*)

Эмоциональность, напряжение дискурса поддерживается риторическими вопросами (*как я мог оставаться в стороне...? Наконец, что делать, если целая лесная отрасль...?! Как это назвать? Параличом власти? Если да, то в чем именно причина этого паралича?*), официальная лексика сменяется экспрессией (*деньги, гуляющие где-то за границей; спад экономики приблизился к предельным границам; избежать катастрофы возможно только при следующих условиях...*), в ход идут просторечья (*чего греха таить; не рубит по чем зря*).

«Лозунговость» дискурса А. Лукашенко особенно проявляется в конце речи, что, безусловно, не случайно и служит мобилизации сил участников совещания (*мы пришли к власти не для того, чтобы разрушать, а чтобы строить, – строить наш общий дом и обеспечить нормальную жизнь каждому проживающему на этом клочке земли, имя которому – Беларусь!*).

Таким образом, аналитический материал политика четко структурирован. В нем выделены цели, задачи, подцели, пути и условия их реализации. Критикуя создавшуюся ситуацию, А. Лукашенко становится более экспрессивным, использует эмоционально-окрашенную лексику, приводит конкретные негативные примеры, возмущается. Неизменно подчеркивает, что стоит за интересы народа, подчиняется его воле и Конституции. Себя видит руководителем и организатором. Подчеркивает, что его интересуют конкретная работа и результат.

4.3.4. Политик выступает с предвыборной программой

(Отвести народ от пропасти: Тезисы программы кандидата в Президенты Республики Беларусь Александра Лукашенко // Советская Белоруссия. 1994. 15 июня.)

Программа начинается с использования коммуникативной стратегии «атака». В разделе *Ситуация* дается описание кризисной обстановки в стране (*мы стоим над пропастью системного кризиса государства: общий спад производства составил 40%; растет безработица; процветают спекуляция, насилие, размываются общие устои общества*).

Затем следуют разделы «Цели»; «Почему именно эти цели?»; «Как достичь этих целей?». Здесь преобладает модальная лексика (*обновленная государственная власть должна обеспечить...; это можно сделать, основываясь на новых принципах деятельности власти, которая должна стать...*), реконструкция деятельности осуществляется в будущем времени (*весь прирост прибыли... будет изыматься в бюджет, будет значительно повышена самостоятельность Национального банка*), используются многократные перечисления (*1. Приоритетное решение проблем...; 2. Борьба с коррупцией...; во-первых, потому что..., во-вторых...*), выделяются приоритеты (*приоритетное решение проблем экономики и социальной сферы*), выстраивается последовательность шагов программы (*стабилизация цен будет осуществляться последовательным проведением следующих мероприятий*).

Последующие блоки носят специализированный характер и посвящены особо важным направлениям деятельности обновленной власти. В заголовках указаны структуры, которые подлежат реформированию (например, *армия и военно-промышленный комплекс*), или ставятся конкретные задачи (*оживление инвестиционной политики; усиление функций государственного валютного регулирования; законность, борьба с коррупцией, разгром мафиозных кланов*). Переход от номинации к интерпретации делает программу нацеленной и дина-

мичной. Такой способ «называния» упрощает ознакомление с текстом, позволяет уже по заголовкам сформировать представление о направлении политической деятельности кандидата в президенты. Текст не рассчитан на особо подготовленную аудиторию – он адресован любому избирателю.

Рисуя кризисную ситуацию, политик конкретен, оперирует цифрами (*инфляция в 1993 году составила 1700% и возрастает на 50% ежемесячно*) без указания источника информации. Но количественные параметры отсутствуют в остальных пунктах программы и не оговариваются сроки. Среди субъектов, несущих ответственность за реализацию предлагаемых реформ, называются *президент, обновленная власть, государство*. В дискурсе «мы» идентифицируется с государством (*мы стоим над пропастью системного кризиса государства*). Там, где заходит речь о целях и задачах, все замыкается на слове «власть». Этот субъект характеризуется через деятельность и маркированную модальность (*обновленная государственная власть должна обеспечить; это можно сделать, основываясь на новых принципах деятельности власти, которая должна стать: высокоответственной, народной, а не партийной, компетентной, а не клановой*). Несколько раз используется номинация «президент» (*президент инициирует и будет развивать процессы объединения государств, ранее входивших в состав СССР*).

В заключение программы политик максимально кортежен. Он все сказал и теперь для него важно привлечь на свою сторону электорат. Это реализуется за счет прямого обращения (*люди Беларуси!*) и путем персонификации. Если в начале политик представляет себя в качестве официального кандидата, то в заключении его дискурс становится личностным (*я верю в мудрость и трудолюбие белорусского народа; убежден, что решение этой задачи нам по плечу*). Возникает вербальное взаимодействие между «президентом»/«я» и «белорусским народом»/«вы».

Интерсубъектность – нехарактерное качество данного текста. А. Лукашенко клеймит «других», но не персонифицирует их, использует номинации *коррупция, преступность*. Среди субъектов, чье взаимодействие реконструируется «в отношении», присутствуют Россия, Украина, страны бывшего СССР (*восстановление на равноправной и взаимовыгодной основе бездарно уничтоженных связей с государствами, ранее входившими в СССР, прежде всего Россией и Украиной*). Политик при помощи интерсобытийности сравнивает разразившийся кризис с послевоенным периодом (*даже после Великой Отечественной войны такого не было*). В качестве вспомогательных текстов используются его собственные высказывания. Они подаются броско, с указанием имени автора,

но отсутствует источник (*«Почему мы так живем? Почему нет согласия в обществе, веры в людях, надежды в народе? ...» Александр Лукашенко*). Логические пустоты заполняет «блестящая неопределенность» (*равноправное ...сотрудничество... с Россией и Украиной не нуждается в особом обосновании. Этого требует не столько экономика, сколько сама жизнь*).

4.3.5. Невербальное поведение политика

(Составлено на материале телетекстов, характеризующих четыре ситуации общения: интервью, выступление перед целевой аудиторией, обращение к массовой аудитории, встреча с народом.)

Невербальное поведение А. Лукашенко характеризуется динамичностью и естественностью. Воспринимается сразу в двух ипостасях: это политик, наделенный властью, и просто человек, как вы и я. Его невербальное поведение разнообразно. Он появляется на экране телевизора в самых разных ситуациях: интервью с журналистом, официальное выступление перед госчиновниками, встреча с народом, на производстве, в поле, на учениях, на стадионе. Возможны ситуации, когда он один в кадре, но также обязательны ситуации с непосредственной аудиторией: он легко входит в контакт и общается.

А. Лукашенко хорошо сложен, высок, крепок. Его динамика проявляется в движении рук и головы. Жестами сопровождает речь, стараясь быть более убедительным, руками как бы очерчивает контуры проблемы. Говоря, держит голову прямо, смотрит на аудиторию «глаза в глаза», демонстрируя уверенность. Слушая, склоняет голову вниз, кивает, посматривает на говорящего, сохраняет личное пространство, сложив ладони впереди. Он слушает и одновременно анализирует. Показывает, что обдумывает свои слова, движениями заполняет паузы: вздыхает, дотрагивается до носа, потирает глаз, моргает, смотрит в сторону, морщит лоб.

Ему есть, что сказать людям, и он это охотно демонстрирует: выходя на трибуну, наклоняется вперед, ладони лежат на краях, он как бы преодолевает ее границы. Сидя за столом, он показывает свою готовность к коммуникации: ладони на столе, временами он их открывает аудитории. В ситуации выступления перед массовой аудиторией, он немного волнуется – поправляет лацкан пиджака, чтобы избежать излишней жестикуляции, закладывает руку за борт пиджака.

Жестами он выделяет ключевые слова, идеи: поднимет руку с указательным пальцем вверх. Подчеркивать важное помогают и брови, он их поднимает, при этом громкость голоса увеличивается.

Голос у него не очень сильный, может быть сиплым. Артикуляция достаточно четкая. Скорость речи средняя.

Аудитория – важнейший элемент его дискурса. Ее позитивное отношение сопровождает А. Лукашенко в кадре. На экране самая разнообразная публика: так, это может быть смешанная аудитория, аудитория среднего возраста, женская аудитория, журналисты.

Когда присутствующих много, А. Лукашенко взглядом охватывает всю аудиторию, может выделить одного или двух человек и обратиться, задать вопрос, пожать руку. В этот момент они в центре его внимания, к ним он проявляет дружелюбие, максимальное внимание и сохраняет дистанцию неформального общения. Так, общаясь с ребенком, А. Лукашенко гладит его по голове, берет на руки, в данный момент ребенок в центре внимания лидера.

А. Лукашенко – политик взаимодействия. Для него важна непосредственная аудитория, он вовлекает ее в свой дискурс, она же и помогает ему формировать имидж успешного политика.

4.3.6. Типологические карты

Карта 1 выявляет актуализацию у политического лидера качеств **коллективиста** (лидер, широко использующий самоидентификацию «мы», но при этом сохраняет свое лицо, свое «я»), **индивидуалиста** (лидер с сильным личностным началом, широко использующий самоидентификацию «я», но при этом сохраняет свою причастность к сообществу – «мы») или **институционалиста** (лидер, сфокусированный исключительно на том институте, которому служит, который возглавляет и коммуницирующий все от его имени). Основаниями для выбора являются различные способы наполнения категорий *самоидентификация*, *время* и *пространство*. Наполнение категорий *время* и *пространство* обнаруживает черты пяти возможных подтипов, а именно: трех временных: а) *виртуальный* – апеллирующий к будущему; б) *ретроспективный* – апеллирующий к прошлому; в) *реальный* – актуальный сегодня; и двух пространственных: 1) *локальный* – проецирующий себя на ограниченное пространство; 2) *глобальный* – проецирующий себя на мировое сообщество.

Заполнение данной карты на основании проанализированной нами выборки текстов политика позволяет сделать следующий вывод: А. Лукашенко одновременно и коллективист и индивидуалист, не ограничивающий себя во временном измерении. Впрочем, развитие типа с позиций времени имеет

некоторые особенности. Так, он – коллективист главным образом, в будущем, а индивидуалист во всех измерениях (но меньше всего в будущем): в «здесь и сейчас» особенно сильное «я», в прошлом – несколько сентиментальное. В отношении пространственной характеристики он как бы вездесущ, но его дискурс все же ограничен локальными содержательными характеристиками. Сочетание черт коллективиста и индивидуалиста с большим перевесом последнего подтверждается контекстуально. А. Лукашенко – это лидер без команды, без партии, что в современных условиях для Беларуси факт скорее позитивный (как известно, только 11 % населения РБ, согласно социологическим опросам, партийно ангажировано) (см. карту 1).

Карта 1

Л и д е р	Способы презентации себя							Уточнение типа
	Мы + Я	Я + Мы	Мы без Я	Мы + сла- бое Я	Я + слабое Мы	Слабое Я и сла- бое Мы	Ни Мы ни Я	
Л У К А Ш Е Н К О	«Мы» + «Я» в буду- щем	«Я» - силь- ное во всех позициях и особенно в позиции «здесь и сей- час»; «я» - сильное, раз- нообразное, вездесущее; в стране, в СНГ. В про- шлом сенти- ментальное	—	—	—	—	—	Виртуаль- ный. Рет- роспектив- ный, ре- альный. Локальный
Тип ли- дера	Кол- лекти- ти- вист	Индиви- дуалист	Инсти- туцио- налист	Не актуализирующий черты лидера				

Карта 2. Изучение дискурса политика с учетом того, что для него важнее – качества или действия субъектов, позволяет понять специфику его восприятия мира. Также мы видим и степень манипулятивности лидера. Карта 2 выявляет актуализацию у политического лидера качеств **созерцателя** (в фокусе внимания качества свои и других), **деятеля** (в фокусе внимания деятельность своя и других), **сбалансированного** типа. А также трех оценочных под-типов: (1) **ПОЗИТИВНЫЙ** – акцент на положительные качества и/или положи-

тельную оценку деятельности своих и других; (2) *критикующий* – критика качеств или деятельности своих и чужих; (3) *манипулятивный* – все, что связано со своими, – позитивно, с чужими – негативно; и трех подтипов с учетом фокуса внимания: (а) на себе; (б) на других; (в) себе и других. Основаниями для выбора являются различные способы наполнения категорий *атрибутивность* и *деятельность*.

Заполнение данной карты на основании проанализированной выборки текстов А. Лукашенко позволяет сделать следующий вывод. С позиции данной группы дискурс-типов А. Лукашенко по отношению к другим деятель и созерцатель, причем он может быть и негативен, и позитивен. Только о позитивных качествах других он говорит в аспекте долженствования – какими должны быть качества других. А называя их реальные качества, он критичен. Деятельность как характеристика других окрашена в положительные тона. Если говорить о качествах и деятельности самого политика, то его дискурс воспроизводит множество положительно окрашенных разнообразных, многогранных характеристик, данных с учетом ретроспективы/последовательности. Представлены и положительные качества совокупного субъекта – народа. Можно сказать, что в дискурсе А. Лукашенко отражен также и сбалансированный дискурс-тип (см. карту 2).

Л и д е р	Способы презентации себя в соотношении с другими и других в соотношении с собой				Тип лидера
	Качества свои	Качества других	Деятельность своя	Деятель- ность других	
Л У К А Ш Е Н К О	Доводит начатое до конца, волевой человек, взваливший на себя тяжелую ношу; прагматичный, деловой; чувствительный: его ранят слова других; строгий; справедливый, великодушный; следует за кону, доскональный; честный; человек с корнями; знающий как должен себя вести президент и что он должен делать; жесткий, а не жестокий; в прошлом преодолел трудности. Знает какими должны быть качества других	<u>В модальности долженствования:</u> они должны быть честными, работающими, понимающими его. <u>В реальности:</u> отрицательные (поэтому он критичен к исполнителям/чиновникам). Народ – последняя инстанция, к которой он апеллирует; всегда справедлив	Воздействует, манипулирует; для него речевая деятельность – перформативна (она такая же деятельность, как и реальная). Он знает, что должен делать; интерпретирует свои положительные качества, берет на себя обязательства, прогнозирует, дает обещания, декларирует знание путей достижения решения проблем	Реальная, но не речевая, осуществляется всеми вместе («мы»)	Деятель. Созерцатель. Сбалансированный. Сфокусирован на себе и других. Критикующий и позитивный

Карта 3 выявляет актуализацию у политического лидера качеств **популиста** (стремится максимально удерживать аудиторию, даже за счет нарушения логических связей, целостности текста, за счет отказа раскрыть глубоко тему выступления и пр.), **рационалиста** (говорит по существу, опирается на общепонятную терминологию в изложении своих взглядов и предмета дискурса в целом, помнит, кому он говорит и для чего), **борца** (у него всегда есть объект борьбы (проблемы или субъекты, группы, институты), он критичен по отношению к миру и социуму, он борется, максимально используя арсенал пропагандистских приемов и риторических практик). Основаниями для выбора являются различные способы наполнения категорий *риторические* и *дискурсные практики*. В частности выбор дискурс-типа осуществляется в зависимости от приоритетов политика в выборе способов удержания аудитории и, в конечном итоге, в выборе коммуникативных средств, фокусирующих внимание либо на опредмеченном мире (конструирование проблем), либо на мире людей (конст-

руирование общности), либо конструирование напряжения в социуме (расщепление мира на «своих» и «чужих», конструирование «врагов») и создания тем самым своей нужности, полезности, незаменимости.

Заполнение данной карты на основании проанализированной выборки текстов А. Лукашенко позволяет сделать вывод что А. Лукашенко максимально ориентирован на аудиторию, и поэтому актуализирует все возможные способы ее удержания. Как результат он демонстрирует в своем дискурсе все дискурсы данной группы. Он популист, рационалист и борец (см. карту 3).

Карта 3

Л и д е р	Способы конструирования мира для аудитории с целью удержания аудитории			Тип лидера
	Через предметную информацию	Через субъектную информацию		
	Образность или конкретность речи, эмоциональность или рациональность	Использование риторических приемов	Приемы ценностной, фактологической, манипулятивной пропаганды	
Л У К А Ш Е Н К О	Конкретность, фактологичность, образность речи (метафоризируются понятия государства, власти, врага)	Использует все приемы в зависимости от ситуации; набор приемов может меняться, оставаясь постоянным для типа ситуации; риторические вопросы (при ответной «атаке»); смена темы, повторы, наращивание напряжения; оперирование цифрами; метафора («дерево», «организм», «борьба»); много сравнений; позиционирование субъектов; автодиалог; повторы	Ценностная: «общий вагон», «блестящая неопределенность», апелляция к высшим ценностям, «наешивание ярлыков»; фактологическая – отбор и иерархия фактов; манипулятивная – направленная интерпретация фактов	Популист. Рационалист. Борец

Карта 4 выявляет актуализацию у политического лидера качеств **общенационального** лидера (проецирует себя на всю страну, поэтому неизбежно использует дискурс консолидации, готов принять в свой кортеж «заблудших чужих»), **регионального** (для него всегда будут «свои» и «чужие»), **партийного** (для него характерна корпоративность, на первом месте партия и ее интересы, он озвучивает ее идеи, он – лидер в своей команде, но при этом и один из них). Основаниями для выбора являются различные способы наполнения категорий *аудитория* и *интерсубъектность*.

Заполнение данной карты на основании всей проанализированной нами

выборки текстов А. Лукашенко позволяет сделать следующие выводы. Изучение дискурса политика с позиции его отношения к аудитории, дифференциации аудитории, а также позиционирование социума (деление на «своих» и «чужих»), позволяет определить масштаб лидера. Так, А. Лукашенко в своем дискурсе предстает исключительно как лидер общенациональный, всех объединяющий, дающий шанс всем присоединиться. А других он просто «выносит за скобки». Потому и прямых врагов как бы нет (см. карту 4).

Карта 4

Л и д е р	Аудитория		Интерсубъектность		Тип лидера
	Аудитория (целевая): тенденции к расширению или сужению или сохранению	Дифференциация «чужих» и своего отношения к ним	Дифференциация «своих» (кортеж)	Дифференциация аудитории	
Л У К А Ш Е Н К О	Весь народ (максимальное расширение), а также непосредственная аудитория	И «свои» и «чужие» имплицитны, предполагается, что их домысливает аудитория. «Чужие» могут стать «своими», а те, кто не сможет, те – не граждане. «Чужие» – те, кто не относится к государственной системе	«Свои» это народ и институты. Много знаковых фигур	Нет четкой дифференциации, субъекты могут переходить из «своих» в «чужие» и наоборот	Общенациональный

Карта 5 выявляет приоритеты в выборе типичных коммуникативных действий, то есть актуализацию у политического лидера качеств **тактика** (политик, который использует максимально возможное количество коммуникативных средств, постоянно решает возникающие коммуникативные задачи, из-за чего может казаться менее значительным по сравнению со «стратегом», широко использует лингвистические навыки (демонстрация владением престижной формой национального языка и других языков и диалектов, широкий стилистический диапазон) и навыки интеракции (владеет как вербальными, так и невербальными средствами эффективного взаимодействия) и **стратега** (политик, который использует ограниченное число коммуникативных средств, не очень активен в коммуникации, делегирует решение возникающих коммуникативных задач исполнителям, участвует в коммуникации только в значимых ситуациях. В основном применяет энциклопедические знания и навыки интеракции).

Основаниями для выбора являются различные способы наполнения категорий *энциклопедичность, лингвистический статус, интерактивность*. Выбор типа осуществляется в зависимости от приоритетов политика в выборе коммуникативных ситуаций общения (речевого поведения, языковых и речевых средств общения), которые обнаруживают социальную группу политика и демонстрируют ценности социума, которые он впитал. Заполнение данной карты с учетом проанализированной выборки текстов политика позволяет нам сделать вывод, что А. Лукашенко репрезентировал дискурс-тип тактик (см. карту 5).

Карта 5

Л и д е р	Энциклопедичность (демонстрация знаний по различным направлениям)			Лингвистический статус			Интеракция, невербальное поведение			Тип лидера
	Интертекстуальность	Интерсобытийность	Специальная терминология	Правильность речи	Вариант языка	Широта стилистического диапазона	Открыт / закрыт	Контакт с аудиторией	Степень активности в коммуникации	
Л У К А Ш Е Н К О	Пословицы, передача БТ «Панорама». Конституция (очень важна), законы (незначительно), ссылки на свои слова	Знание исторических событий из древней и ближайшей истории своей страны	Политическая терминология, а также экономическая, банковская и др.	Речь не академична во всех случаях, когда он отходит от письменного текста	Использует как литературный язык, так и «трасянку» - не престижный, но часто встречаемый вариант языка (среди функционеров и в народе)	Широкий стилистический диапазон, включающий диалектизмы, просторечия. От официального, до бытового, разговорного	Динамичен и чаще открыт	Видит собеседника, быстро реагирует, стремится установить контакт с непосредственной аудиторией	Активен, определяет условия коммуникации (расставляет точки над «и»). В ситуациях атаки может быть агрессивен, нов большинстве случаев подчеркнуто вежлив и официален.	Тактик

Карта 6 представляет изучение дискурса политика с позиций того, как упакована информация и дает возможность определить, каким предстает мир лидера, насколько он реален либо прожективен. Данная карта выявляет актуализацию у политического лидера качеств **прагматика** (для него реальность – как предметная, так и субъектная – и есть идея: он из реальности исходит и к ней ведет аудиторию), **идеолога** (для него идея в основе мироздания, он под нее строит реальность и конструирует социум), **идеалиста** (для него важно не то, что есть на самом деле, а то, как к этому относиться, важна не сама идея или факт, а ее вербализация, и тогда вербализация становится и идеей и фак-

том). При активном использовании коммуникативных стратегий типов прагматик и идеологов мы, исходя из сугубо речевых характеристик дискурса, можем ввести дополнительный тип – **эффективный коммуникант (пропагандист)**.

Основаниями для выбора являются различные способы наполнения категорий *направленная информация* и *коммуникативные стратегии*. В частности, изучение дискурса с позиций того, как политик упаковывает информацию, и какие коммуникативные стратегии использует и насколько полно, дает возможность определить, каким предстает мир лидера, насколько он реален либо прожективен.

Заполнение данной карты с учетом проанализированной нами выборки текстов А. Лукашенко позволяет сделать вывод, что А. Лукашенко – прагматик, ибо живет в мире реальном. К тому же он пропагандист – эффективный коммуникант, ибо для него также значим мир текста, сохраняющий двойную фокусировку – на предмете разговора и на субъектной ситуации общения (см. карту 6).

Карта 6

Л и д е р	Фокус на предмете дискурса	Предметно ориентированные коммуникативные стратегии	Фокус на субъектах дискурса, и коммуникативной ситуации общения	Реляционные коммуникативные стратегии	Тип лидера
Л У К А Ш Е Н К О	Предметная информация конкретна, сезонна, привязана к месту, связана с «мы»; включает много проблем и их интерпретацию; персонификация предметной информации; широко пользуется фактами и цифрами	Конструирование мира; выделение главного и второстепенного; создание псевдопроблем и их решение; знание того, что должно быть сделано, и какими средствами	Фокус на субъектах чрезвычайно важен; опорные элементы структуры дискурса: «я – мы вместе – я»; Апеллирует к мнению народа	Конструирование аудитории, «атака» на конкретных субъектов, «защита» институтов, «реклама» себя	Прагматик. Пропагандист

Карта 7 выявляет актуализацию у политического лидера качеств **демократа** (привержен демократическим ценностям, признает свое «я» и «я» других), **мессии** (несет аудитории идеи, поднимаясь на ней, «я» редкое, но сильное, закрытое для аудитории), **на-родника** (одновременно, и «один из всех» и «над всеми», у него есть особая миссия, он открыт, но его открытость условна, ибо он открыт институционально, а не личностно, во-

круг института, который он репрезентирует возможна некая мифичность). Основаниями для выбора являются различные способы наполнения категории *самоидентификация* и ее проекции на категории *аудитория*, и *миссия*. Изучение дискурса политика с позиций его коммуникативного кортежа и его миссии по отношению к своему кортежу позволяет увидеть, каков политик по отношению к людям, чем их «держит» около себя.

Заполнение данной карты на основании всей проанализированной нами выборки текстов А. Лукашенко позволяет сделать вывод. В дискурсе А. Лукашенко как бы всего понемногу – он и демократ, и мессия, и народник. Все типы он реализует не в полной мере. Он и декларирует демократические ценности, и несет идею аудитории, народу (хотя эта идея и формулируется как отрицание «не допустить развал страны»). Он одновременно и «такой, как все» и «над всеми», но для него президентский статус не сам по себе высок, а потому, что его выбор – это воля народа. Все эти противоречивые черты дискурса могут иметь различное воздействие на аудиторию, электорат – дать ощущение естественности общения и позволить внимать тому, о чем говорит политик. Причем такое двойное, противоречивое отношение к его дискурсу может быть со стороны одних и тех же людей. Многоликость, как известно, завораживает. Он выступает во всех лицах, везде, со всеми в зависимости от ситуации (см. карту 7).

Карта 7

Л и д е р	Я	Мы	Он	«Над ауди- торией»	«Один из нас»	Мис- сия	Тип ли- дера
Л У К А Ш Е Н К О	Ответственное, знающее, анализирующее, активное, динамичное, разнообразное, интерактивное, открытое. Он «прост», за ним право выбора, отстаивает свой выбор. Сильное «я» в настоящем, может быть слабым (чувствительным) в прошлом. «Я» - политик, мужчина, человек, демократ, представитель власти, президент	Объем «мы» меняется, конструируется (страна, народ, группа, институт, пост). В будущем времени «мы» доминирует над «я»	Президент, Лукашенко; возможна идентификация себя во 2 л. ед.ч. – «ты»	Поднимает над аудиторией, идентифицируя себя с должностью	Скорее он «такой, как все», но не «один из всех»	Не допустит развала страны	Народник. Мессия. Демократ. Но реализует все типы не в полной мере

Карта 8. Изучение дискурса политика с позиции того, какова динамика соотношения и перехода друг в друга мифа и реальности в его сознании и какие реляционные (субъект-субъектные) коммуникативные стратегии он использует, дает возможность определить механизм воздействия лидера на аудиторию и содержательные приоритеты лидера по отношению к своей аудитории. Карта 8 выявляет актуализацию у политического лидера качеств **менеджера** (человек реальности, опирается на факты, руководит аудиторией), **сказителя** (поддерживает виртуальность, опирается на мифы (идеи) и ведет аудиторию в мир идей), **(полит) –технолога** (уводит в виртуальность, опирается на факты, возможно, в сочетании с идеями) их преобразует в идеи и мифы так, чтобы аудитория этого не заметила), **учителя** (возвращает в реальность, опирается на мифы, функционирующие в обществе, и стремится их развенчать, приземлить, объяснить аудитории, то есть возвращает аудиторию в реальность).

Основаниями для выбора являются различные способы наполнения категорий *соотношение мифа и реальности, кортежные коммуникативные стратегии*. Изучение дискурса политика с позиций того, какова динамика соотношения и перехода друг в друга мифа и реальности в сознании политика и какие реляционные (субъект-субъектные) коммуникативные стратегии он использует, дает возможность определить механизм воздействия лидера на аудиторию и содержательные приоритеты лидера по отношению к своей аудитории.

Заполнение данной карты с учетом проанализированной нами выборки текстов политика позволяет сделать вывод, что, репрезентирует, во-первых, черты двух дискурс-типов, А. Лукашенко технолога и менеджера. Для него важен реальный мир, он опирается на факты, отбирает то, что есть, и что надо сделать. Но он конструирует мир и тем самым мифологичен. Он конструирует и кортеж и «меняя температуру общения», руководит аудиторией. А. Лукашенко также учитель, он опирается на бытующие мифы, но держит аудиторию и себя в их плену. Его переход из виртуального в реальное основан на модальности долженствования. Нет, но должен, значит, будет (или, иначе: нет, но есть воля, значит, будет), то есть реальность конструирует воля (см. *карту 8*).

Л и д е р	От реальности в реальность	От реальности к мифу	От мифа к мифу	От мифа к реальности	Кортежные коммуникативные стратегии	Тип лидера
Л У К А Ш Е Н К О	От постановки проблем к возможности их решения, и далее к результатам на сегодняшний момент; разделяет то, что есть и то, что надо сделать	Опираясь на отобранные факты, конструирует мир и тем самым мифологичен	Создает виртуальную реальность, но она как бы конкретна, не мифологична и такой (конкретной, не мифологичной) остается. Он акцентирует внимание на том, что не строит идей, его виртуальность воспринимается как реальность, а не как миф	Через модальность дальность долженствования (волю) виртуальное превращает в реальное	Постоянное конструирование кортежа: смена «температуры» общения («тепло - холодно»). Для демонстрации отношения к коммуникантам обращается прямо к аудитории, ее представителям, может пожаловаться аудитории (тем самым приближая ее к себе), максимально расширяет кортеж до народа и в то же время максимально сужает – только он и собеседник, либо только он	Технолог. Менеджер. Учитель

4.3.7. Общие выводы

Таким образом, в своем дискурсе А. Лукашенко манифестирует следующие дискурс-типы из набора возможного:

Набор возможных дискурс-типов	Дискурс-типы, манифестируемые в дискурсе Лукашенко
Коллективист. Индивидуалист. Институционалист	Индивидуалист. Коллективист
Созерцатель. Деятель. Сбалансированный	Созерцатель. Деятель
Популист. Рационалист. Борец	Популист. Рационалист. Борец
Общенациональный. Региональный. Партийный	Общенациональный
Тактик. Стратег	Тактик
Прагматик. Идеолог. Идеалист. Пропагандист	Пропагандист. Прагматик
Демократ. Мессия. Народник	Народник. Мессия. Демократ
Менеджер. Учитель. Сказитель Технолог.	Технолог. Менеджер. Учитель

Дискурс-портрет А. Лукашенко рисует его как лидера, в котором органически сочетаются качества взаимоисключающих типов. Так, он и *индивидуалист*, и коллективист. Практически в равной степени в нем представлены такие дискурс-типы лидерства, как народник, мессия и демократ, но все эти типы как бы немного размыты, реализованы не в полную меру. Проявляет качества и пропагандиста, и прагматика. Он одновременно технолог, менеджер и учитель. Он предстает одновременно и как созерцатель, и как деятель, смотря по обстоятельствам. Он популист, рационалист и борец в одном лице. Он также тактик.

Иными словами, А. Лукашенко – это лидер, широко использующий все способы самоидентификации – «я», «мы», «он», «власть», но очень избирателен. Той или иной самоидентификации отдает предпочтение в зависимости от ситуации, и предпочтение его ориентировано на уместность способа самоидентификации, а значит на формирование позитивного имиджа у аудитории. Так, вариативность «я» и «мы» приемлема для Лукашенко в межличностном общении и сужается до максимально узкого в программе и выступлении перед массами. А в тексте, где анализируется проблема, он использует еще и динамику перехода местоимений друг в друга, что делает его аналитический материал максимально включенным в субъектную ситуацию общения.

Политик проецирует себя в своем дискурсе на современное и на исторически актуальное пространство и, вместе с народом, в будущее.

Адресность – постоянно присущее качество его текстов, а значит всегда остается значимым его «я» – руководящее, думающее о судьбе народа, защищающее и направляющее людей, внимательное к ним, ответственное за них. Отсюда и другая яркая характеристика его «я», он действует: анализирует, критикует, оценивает, находит пути решения, спрашивает с подчиненных, мобилизует.

Его цель, репрезентируемая в дискурсе, – спасти народ, отвести от пропасти, предостеречь, быть вместе с ним, способствовать интеграции, единению. Его способ общения – драматизация, эмоциональное означивание. Для него характерны оперирование фактами, иллюстративность, стремление быть понятным. Для него также характерно конструирование интегрированной аудитории и, в конечном итоге, мира, в котором много трудностей, но он их решает во имя страны и людей и сообщает об этом миру. В своих текстах А. Лукашенко демонстрирует внимание к людям. Он ценит умение делать дело и честность (*игра в открытую*). Если выбирать из того, что для него важнее — дело или «кто в доме хозяин», то однозначно можно сказать, что дело, ибо он в доме хозяин.

Часть пятая

ЛИДЕРЫ БЕЛАРУСИ: ДИСКУРС ОППОЗИЦИИ

5.1. 3. Позняк: дискурс-портрет

5.1.1. Политик отвечает на вопросы журналиста

(«Народность, терпимость, христианство...». — Интервью журналистки Ирины Гуринович с 3. Позняком по поводу его регистрации кандидатом в президенты Республики Беларусь // Советская Белоруссия. 1994. 9 июня.)

Но мы добились того, что наши братья и сыновья уже не погибают за чужие интересы в чужих землях, только за это наша борьба стоила усилий.

Надеюсь, вы не станете возражать против точности социально-экономических прогнозов Фронта.

Народный Фронт всегда стоял и будет стоять за белорусский народ, за независимое богатое государство, за порядок и справедливость. Народный Фронт — это не демократия «вообще». Это — демократия-оппозиция.

Россия .... Была, есть и будет врагом нашей белорусской независимости и нашей свободы. Из этой и только из этой бесспорной истины необходимо исходить...

Интервью — это беседа двух, но она адресована всем читателям газеты. И этот факт осознается Зеноном Позняком в полной мере. В жанре интервью 3. Позняк отводит себе роль не ведомого, а ведущего. Он перехватывает инициативу, раскладывает все по полочкам, оценивает, демонстрирует свою силу, выступает в образе политика, возглавляющего команду профессионалов:

В вашем вопросе сразу несколько вопросов, причем на некоторые из них вы вместо меня даете и ответы, к тому же неверные. Во-первых, Народным фронтом я руководжу не один, а вместе с членами Сойма, Правления и политкомиссии (это совещательный орган БНФ). В них входят доктора и кандидаты наук, профессора, народные депутаты, экономисты, финансисты, политологи, рабочие, историки, юристы и т.д. Решения принимаются так...

Он лаконичен, отрывист, дидактичен. Своего собеседника как бы и не видит, легко через него перешагивает, обращается к читателям газеты «поверх головы» интервьюера. Это его ситуация, здесь он хозяин.

3. Позняк избегает использовать местоимение «я», предпочитая «мы», где «мы» это — депутаты Фронта, Народный фронт, оппозиция Народного фронта, белорусы. «Я» пробивается лишь единожды. В начале ответа на второй вопрос он говорит: *Я не вижу стратегических ошибок в деятельности оппозиции*

БНФ. В остальных случаях представляет себя со стороны, отождествляя себя с ролями *руководителя Фронта; кандидата в президенты; автора статьи о русском империализме.*

Деятельные характеристики многообразны: З. Позняк (1) депутат Верховного Совета, не просто депутат, а *депутат Фронта*, ведущий *постоянный прием избирателей*, выезжающий *по их просьбам в другие города*. Характерно, что деятельность в рамках данного направления часто подается в пассиве: *решения принимаются, идеи отбираются, итог показывается*, и тем самым подчеркивается организованность, естественность, неизбежность всего, что делается депутатами Фронта; (2) аналитик (*отбор и анализ важных для страны идей*); (3) историк (*расследование сталинских преступлений в Куропатах; удалось сделать открытия*). С этими видами деятельности он связывает определенные качества как свои, так и своей команды: (1) коллегиальность (*обсуждение проектов, их реализации, с избирателями; ...люди просят у нас помощи и советуют, что делать*); (2) деловитость (*показывается итог анализа идей, перечисляются пять проектов, вынесенные на обсуждение*); (3) последовательность (*неоднократно говорил и писал о...*); (4) легитимность (*мою кандидатуру выдвинул Народный фронт*).

Когда журналистка ставит под сомнение тезис о том, что он последователен в действиях, З. Позняк резко ее обрывает (*Ваш взгляд ошибочный*). Безапелляционно, отстраненно, безличностно отрицает, приписываемые ему высказывания (*Никто не собирается изгонять русских из Беларуси, расстреливать..., отбирать..., вводить..., присоединяться...*).

Политику свойственно деление субъектов на «своих» и «чужих». «Своими» подаются БНФ, депутаты Фронта, избиратели, кандидаты и доктора наук, профессора, экономисты, ... структуры Фронта, а также христианская демократия, народные консервативные партии Европы, М. Ганди, я и ученые России, Народный фронт и весь белорусский народ, белорусские и русские пенсионеры, и даже русские в Беларуси, бывшие коммунисты, ветераны – все одним списком. По другую сторону баррикад: коммунистическая мафия, правительство номенклатуры, коррумпированная номенклатура; те, кто продаются другому государству, кто готовы сдать, продать и перепродать Беларусь; комруководство, которое запрещало правду, русские «капитал-коммунисты» и ельцинские «номенклатурные демократы», которые ограбили свой народ и задурили не хуже наших. Эта оценочная волна толкает З. Позняка на произнесение лозунгов:

Россия – враг нашей свободы. От суда истории не спрячешься.

Для дискурса З. Позняка обязательны противопоставления:

БНФ – большинство в Верховном Совете; некоторые коммунисты – Горбачев; мы – «общие демократы»; оппозиция БНФ – Шушкевич; Народный фронт – все остальные, начиная с правительства; Беларусь – Россия; Восток – Запад; Народный фронт – государственный коррупционер; российская мафия – Беларусь; русские капиталкоммунисты, ельцинские номенклатурные демократы – русский народ; Черномырдин, Кебич – Беларусь.

З. Позняк оценивает все и всех. Причем его оценки имеют четко выраженную «черно (они) – белую (мы)» окраску. Так, команда З. Позняка – это лучшие специалисты Беларуси, отбирающие и анализирующие важные для страны идеи. Это те, кто на практике реализовали..., предвидят ход политических событий...и у кого, соответственно, точность прогнозов в политике и социально-экономической сфере, они вскрыли..., добились... Такая насыщенность оценками также неизбежно выводит З. Позняка на произнесение лозунгов:

Только Народный фронт может гарантировать национальную будущность и благосостояние. ...На сегодняшний день Народный Фронт единственная политически организованная конструктивная сила в обществе, которая видит выход из кризиса. ...Все остальные, начиная с правительства, готовы сдать, продать и перепродать Беларусь.

З. Позняк и Народный фронт предстают как единственный гарант будущего Беларуси: морально безупречная политическая сила, способная правильно оценить ситуацию, умеющая работать. Иных альтернатив нет. Эта категоричность показывает, что у З. Позняка преобладает не демократический, а тоталитарный дискурс.

Доминирование оценочной лексики уводит от обсуждения фактов на обсуждение отношений. В этом контексте мифологизируется целый ряд абстрактных терминов или обычных (без оценочных, нейтральных) слов, которыми З. Позняк жонглирует, превращая их в «блестящую неопределенность» или «слова-ярлыки», «слова-пугала», причем вторых гораздо больше, как например: *интеграция, политика восстановления связей, демагогия, объединение денежных систем, мафиозный сговор.*

События служат негативным фоном дискурса: *авария на Чернобыльской АЭС, сталинские преступления в Куропатах, факт растоптания 29 октября 1992 года решения о проведении референдума, переговоры Черномырдина и Кебича, которые ведут к потере Беларусью независимости.*

Дискурс политика имеет свои приоритеты во временном континууме. Преимущественное внимание уделяется прошлому, имеет место «размытое» время (*Народный фронт всегда стоял и будет стоять за белорусский народ*).

В дискурсе З. Позняка встречаются обращения типа: *Это уголовщина господа. И не надо истерики*, которые невольно отсылают нас к риторике главного героя «Двенадцати стульев».

В рамках интервью на З. Позняка никто не нападает, но он всегда готов к бою, признает, что настроен воинственно, непримиримо. Данный дискурс можно охарактеризовать как дискурс оппозиции в прямом и переносном смыслах слова, оппозиции всех и всему. Этот вывод подтверждается словами самого же лидера: *Народный фронт – это демократия-оппозиция*.

Хотя З. Позняк и определяет свою позицию как христианско-демократическую, «черно-белый» дискурс репрезентирует его как политика тоталитарного: *Никто, кроме БНФ, не может это (народное благосостояние и национальную будущность) гарантировать*.

5.1.2. Политик обращается к массовой аудитории

(«Заява» З. Позняка // Пагоня. 1995. 15-21 снежня)

Поводом для «Заявы» явилось высказывание А. Лукашенко, который в беседе с немецким журналистом опрометчиво высказывается:

Не все только плохое связано в Германии и с известным Адольфом Гитлером... Ведь немецкий порядок формировался веками. При Гитлере это формирование достигло наивысшей точки. Это то, что соответствует нашему пониманию президентской республики и роли в ней президента...

З. Позняк воспринимает это заявление как национальный позор:

Перыяд нацыянальнай ганьбы перажывалі ня толькі беларусы. Нейкі паранаідальны абсурд запоўніў усю нашу дзяржаўную палітыку і грамадзянскія дычынненні. Аднак у кожнага народа, як і ў кожнага чалавека, свая мяжа цярпеньня. Мая мяжа цярпеньня прайдзена даўно.

З. Позняк переходит в атаку на чалавека, якога выбралі за прэзідэнта, ставит его в один ряд со Сталиным и Гитлером, обвиняет его в надругательстве над памятью погибших на войне (*Вы, спадар Лукашэнка, ... ня варты аднаго валаса з галавы майго бацькі, які загінуў пад Катавіцамі ў барацьбе з гітлераўцамі*). Это начало, где пока нет аудитории. Только автор, его враг и абстрактная *шматпакутная Беларусь*. Стилиевые характеристики приближают текст к митинговой речи. Вскоре появляется и адресат:

Я зьвяртаюся да адукаваных людзей Беларусі, да тых, хто здольны нешта зразумець, рабіць высновы з нацыянальнай і сусветнай гісторыі... Адукаваныя людзі, інтэлігенцыя, інтэлектуалы есць лепшыя прадстаўнікі народу. Ствараючы будучыню народ жыве ня ў люмпене, ня ў хаме, а ў сваіх лепшых прадстаўніках.

Мы, сучасьнікі, павінны перш за ўсё думаць пра будучыню Беларусі, асабліва тады, калі яна ў небясьпецы.

3. Позняк ідэнтыфіцуе сваю аўдыторыю як *образованных людей* і супрапастаўляе ім *люмпенов*, у лік якіх залічвае сваіх супрацьнікоў. Ён печэцца аб судзьбе Беларусі, але ў беларускім народзе для яго важны толькі лепшыя прадстаўнікі, а ўсе астатнія не ўваходзяць у сфэру яго інтэрэсаў і фактычна ўдаляюцца з аўдыторыі. Ён абащаецца толькі з тымі, хто пазітыўна да яго адносіцца, а на нейтральную аўдыторыю ці тым большь негатыўна настроенную ён не тратыць часу.

...Беларусь пад пагрозай усталяваньня дыктатуры, прытым надзвычай дурной дыктатуры, якая маральна зганьбіць нас на цэлыя пакаленьні, прынізіць нашу нацыянальную супольнасьць, адкіне даўка назад у эканамічным, грамадзкім і палітычным разьвіцьці.

Срэдам арганізацыі аўдыторыі зьяўляецца апісаньне магчымай пагрозы (адзін з любімых яго прыёмаў): *Неабходна стварэньне антыфашысцкай антыдыктатарскай кааліцыі ўсіх здаровых сілаў беларускага грамадства...* Аднак няясна, якім палітычным рэсурсам абадае палітык.

Тэкст «Заявы» выгядна адрозьняецца невялікім памерам і дастаткова чёткай структураванасьцю: праблема – атака на ворага – абаццаеньне да аўдыторыі. Палітык прыводзіць распаўсюджаныя цытаты супрацьніка, абаццаецца да яго (*вы, спадар Лукашэнка...*), прыбегает да сарказму, іспользуе «слова-ярлыкі» (*камуна-фашызм; імперыялістычная квазіславянская ідэалогія*), нагужае тэкст ацэночна-экспрэсіўнай лэксыкай з негатыўнай каннотатэіяй (*паранаідальны абсурд; ілжывы; нізка паклёпнічаць; хлусліва; напляваць на памяць*), прагнозіруе беды і пагражае (*калі б яны ўсталі, яны б вам паказалі*). Для прыданьня абазьноўнасьці свайго гаворку іспользуе мэтафору (*мяжа цярэньня; жыве дух; імампакутная Беларусь*), дэлае свай тэкст рытмічным з дапамогай паралельных канструкцыяў і паўтараў (*вы ня варты аднаго воласа..., вы ня варты аднаго уздыху...; жыве ня у люмпене, ня у хаме...*).

У тэксце 3. Позняка няма паказаньняў на тое, што ён прадстаўляе арганізаваную сілу – партыю ці групу. Гэта яго думка, яго адношэньне. Ён паугае, але не мабілізуе. Ёго тэкст не перфарматыўны – не канструіруе рэальнасьць, а вярпапрадзівае толькі аўтара, заабацяючага аб судзьбе краіны. Ён абаццаецца да

широкой аудитории, иначе зачем публиковать это заявление в массовой газете? Однако массовой аудитории в его тексте нет.

5.1.3. Программа политика

(Народны Фронт за незалежнасць, дэмакратыю і рынак. Асноўныя кірункі рэформаў для выхаду з крызісу // Пагоня. 1995. 12 – 18 траўня.)

Программа предполагает поэтапное изложение проблемной ситуации, целей, задач и методов их достижения. В программе 3. Позняка структура нарушена. Проблемная ситуация излагается в разделе «Крытычны стан эканомікі», но полного его описания нет. Цели, задачи и методы их реализации отдельно не оговорены и не структурированы. Не названы субъекты, ответственные за выполнение задач, не указаны и сроки.

В тексте отсутствует номинация «я». В соответствии с требованиями жанра он безличностен, но зато эмоционально насыщен, что улучшает его риторические характеристики.

Текст программы рисует черно-белый мир: *развіцце недзяржаўнага сектара эканомікі, падтрымка малога і сярэдняга бізнесу* – это хорошо, а государственное регулирование – это плохо. Его курс резок: *Хуткі пераход на свабодную куплю і продаж усіх тавараў і рэсурсаў – ключавыя ўмовы правядзення рэформ, поўная самастойнасць прадпрыемстваў, камерцыйныя прынцыпы дзейнасці*. Полутонов нет.

Программа – официальный документ, который используется лидером также как повод для критики «врагов». Он разбивает оппонентов обвинениями, аргументами, цифрами: *свядомае нежаданне ўрада праводзіць незалежную эканамічную палітыку, адсутнасць у большасці Вярхоўнага Савета палітычнай волі, анархія, захаванне дзяржаўнай уласнасці*. И подразумевается, что у него воля есть, умение бороться, идти вперед, а также есть сдержанность и принципиальность в следовании своим взглядам (положительная самооценка). Номинация и интерпретация других субъектов, вводимых в текст программы, носит отрицательный оценочный характер:

...ліміт часу, дадзены нам гісторыяй, бяздарна згублены ўрадай Кебіча і адміністрацыяй Лукашэнкі; адсутнасць рэформаў, імкненне захаваць загадна-адміністрацыйную сістэму кіравання як пры папярэдняй адміністрацыі Кебіча, так і пры сучасным кіраўніцтве Лукашэнкі абумоўліваюць паглыбленне і пашырэнне эканамічнага крызісу...

Исходя из данных дискурса, аудитория 3. Позняка – это, прежде всего, активные люди, бизнесмены, предприниматели. Именно их интересы он пред-

ставляет. Что касается интересов не столь экономически активных людей, зато активных избирателей, то их он только упоминает в перечислении, называя обобщенно граждане, конкретный человек, женщины, дети, молодые семьи, люди, рабочие коллективы, малообеспеченные:

...реформи пенсійнай справи, аховы здороўя, сярэдняй, спецыяльнай і вышэйшай адукацыі, скіраваныя на персаніфікацыю інтарэсаў канкрэтнага чалавека і змяніэнне ўплыву на яго з боку бюракратыі; ...міграцыйная палітыка будзе весціся выключна ў інтарэсах грамадзян нашай дзяржавы; ...у інтарэсах усіх грамадзян нашай дзяржавы; ...дзяржава будзе праводзіць дзейсную дэмаграфічную палітыку, скіраваную на падтрымку жанчын, дзяцей, маладых сем'яў; дзейнасць дзяржаўных органаў будзе будавацца з ўлікам неабходнасці аховы здороўя людзей; ...належыць дазволіць, па жаданню працоўнага калектыву, прыватызацыю любога структурнага падраздзялення прадпрыемства; нельга адмаўляцца ад будавання дзяржаўнага сацыяльнага жылля для малазабеспечаных.

Естественным для программы является использование числовых данных. Они представлены в абсолютных числах, в процентном соотношении, в сравнении с предыдущим годом, кварталом, другими странами, но при этом только в отрицательной динамике:

Зьніжэнне... збожжавых з 36 да 23 ц/га; так, у 1994 г., аб'ём вытворчасці грузавых аўтамабіляў скараціўся на 31%...; у чацвертым квартале 1994 года доля аплаты працы ў сямейных бюджэтаў складала 37%, што значна ніжэй, чым у нашых суседзяў.

Источник данных указан не везде. Это официальная информация, либо информация экспертов, без уточнения имен экспертов (*паводле прагнозу экспертаў, спад вытворчасці селета дасягне 15-20%; на канец 1994 года лік афіцыйна зарэгістраваных беспрацоўных перасягнуў 102 тыс. чалавек*). Такое обилие фактической информации создает портрет человека, хорошо знакомого со статистикой страны, тенденциями ее развития, но, как следствие чрезмерного использования отрицательной формы подачи информации, остается негативное впечатление.

Таким образом, в рамках жанра «программа» З. Позняк воспроизводит базовые черты своего дискурса: черно-белый мир, негативизм, актуализация оппозиции «свои» – «чужие». Экспрессия оживляет текст. З. Позняк умеет субъективизировать объективное – превратить общественно значимую информацию в личностно значимую.

5.1.4. Политик анализирует проблему

(З. Позняк. О русском империализме и его опасности // Народная газета. 1994. 15-17 января)

...Я спешил дать оценку событиям в Вискулях, суть которых для БНФ была совершенно ясна; никаких содружеств с Россией не должно быть; ...имперское государство... не может быть демократическим; не будет демократической России, пока будет эта старая Россия; имперское общество антидемократично...

З. Позняк анализирует отношения Беларуси и России. Он предстает перед аудиторией как личность (*я; мою речь*), лидер партии, работающей в масштабах страны, политик, уважающий демократические ценности, обвинитель и судья.

Местоимение «я» встретилось в тексте единожды. В остальных случаях, даже при употреблении глагола в первом лице единственного числа (*отмечу ниже*) местоимение «я» опускается. Это должно способствовать актуализации коллективного начала в дискурсе данного лидера. З. Позняк предстает в единстве с партией (*БНФ, Народный фронт*), народ для него – это белорусы (*наш белорусский*).

Оценка занимает ведущее место в дискурсе политика. З. Позняк экспрессивен и категоричен (*враждебная Беларуси имперская политика России; грубейшее всполошившее всю Европу заявление о поволжских немцах; грязные имперские войны*). Для защиты своей позиции широко использует противопоставления. Его картина мира поделена на «своих» и «чужих», он противопоставляет Беларусь и Россию, их интересы, народы (*никаких содружеств с Россией не должно быть; это гибель белорусской экономики и белорусского независимого государства (содружество с Россией)*). Именно Россия является основным враждебным институциональным субъектом, ведущим подрывную деятельность на территории суверенной страны:

...на Беларуси укрепились российские спецслужбы; созданы их структуры в правительстве, в армии, в бизнесе, лобби в ВС; на базе коммунистических организаций создан российский интерфронт; существующее правительство Беларуси проводит фактически оккупационную пророссийскую политику.

К «своим» З. Позняк относит БНФ, интерпретируя его как *движение возрожденческо-народническое, близкое к христианской демократии и идеологии консервативных партий центра*, и констатируя его, БНФ, незаменимость, активность, наступательность и непризнанность (*кроме БНФ этого выхода (для Беларуси) не предлагает, не предлагал и не видит никто; эти странные госпо-*

да, находящиеся у власти; почти все наши (БНФ) подходы были отвергнуты этим Верховным Советом и правительством).

Белорусский народ также отнесен к «своим», вернее, та его часть, которая готова порвать путы языковой, культурной, политической и экономической зависимости (*...народ должен рассчитывать на свои силы. В этом деле не может помочь никто; они (русские правители) собираются «защищать» права даже не русских, а «русскоязычных», то есть советской популяции в других странах*). З. Позняк прибегает к запугиванию, рисует ужасное будущее:

...и прозвучало в конце августа со стороны России... заявление о границах. То ли еще будет. То ли уже произошло... вплоть до стрельбы друг в друга. Но и это еще не все, чего следует ожидать; еще усилие, и, когда наша страна будет окончательно экономически разрушена, останется только «добровольно» загнать ее снова в российскую империю.

Дискурс З. Позняка существует в рамках концепта «война». Во враждебное, негативное интересубъектное поле З. Позняка попадают многие российские политики, включая: *Ельцина..., Козырева, Гайдара, Черномырдина, Шумейко, Лобова, Собчака и прочих*. Значимое место в его дискурсе занимает Жириновский. Для З. Позняка – это безусловный враг (*В России на выборах победил Жириновский? Что будет делать БНФ?; Жириновский в юродивой форме говорит то же самое, что говорят и делают его номенклатурно-демократические оппоненты*).

Любой политик не существует в сознании масс без СМИ. Актуализация этого сегмента дискурса З. Позняка также происходит в негативном ключе. Журналисты, газеты, журналы присутствуют в его дискурсе как активные, враждебные субъекты (*журналисты, усердно поливающие грязью тот же БНФ; Народный Фронт сделал сообщение о результатах выборов в России и разослал во все газеты*).

А вот поле интертекстуальности политика крайне ограничено. З. Позняк преимущественно ссылается на свои тексты, программу БНФ (*11 декабря 1991 года газета «Звезда» поместила мою статью: «Снежань. Палітычнае становішча на Беларусі»; 13 декабря 1991 года «Советская Белоруссия» опубликовала мое интервью; программа БНФ в сфере взаимоотношений с Россией*), либо цитирует врагов (*высказывания Жириновского и министра иностранных дел России*).

Свои цели политик вербализирует очень четко и однозначно (*Беларусь выйдет из СНГ; наш путь – это путь балтийских стран, путь возвращения в европейскую цивилизацию*). Он намерен кардинально изменить политический курс страны и говорит это прямо, без всякой оглядки на аудиторию:

...первой задачей нового нормального парламента и правительства, если его сформирует БНФ, будет наведение элементарного порядка; будут приняты особые законы; в процессе реформ будут приняты необходимые политические шаги и решения; Беларусь выйдет из СНГ; будет поставлен вопрос о быстрейшем выводе с нашей территории российских войск.

3. Позняк владеет риторическими техниками. Задает риторические вопросы (*Как скорректировать свою политику? Как события отразятся на Беларуси? Какие шаги сделает оппозиция БНФ?*), использует клишированные метафоры (*события отразятся на Беларуси; БНФ молчит; в упор отказываться видеть; потоплена в крови; выезжать на спинах*), широко вводит экспрессивную лексику (*грязные имперские войны; растерзана, искромсана, потоплена в крови; демагогически мерзко и фальшиво; совершенно пустым безразличным взором*), саркастичен по отношению к российским чиновникам (*не сотрудник рейхсканцелярии, а зам. министра иностранных дел; давайте посмотрим, как ведет себя русский «демократический» интеллект*); господин Козырев ... *начинает эдак тихо-тихо, вяло-вяло цедить в час по чайной ложке..., да еще и пересыпая нудную речь трудными для народа словечками... понять его сложно*). Силу речевого воздействия усиливают повторы (*какой голубь, какой демократ; было грубейшее ...заявление о поволжских немцах, были кровавые провокации, были развязаны с участием русских войск грязные имперские войны*). 3. Позняк «пришивает» слова-ярлыки, атакуя противника – *лоскутный народ* (о русских); *«демократический» интеллект...*

Стержневой коммуникативной стратегией программы политика является «атака»; и ведет он ее жестко, предметно, персонифицировано, без оглядки на массовую аудиторию, которой предназначена роль зрителя, свидетеля, но не соучастника.

5.1.5. Невербальное поведение политика

(Составлено по материалам, характеризующим ситуации общения с большой группой людей /митинг/ и малой группой /встреча с журналистами/)

3. Позняк статичен: неподвижны тело, голова, речь не сопровождается жестикуляцией рук. Он закрыт. Характерная поза – голова склонена вниз, ни на кого не смотрит. Он не улыбочив, создается впечатление, что он смотрит исподлобья – все это знаки враждебности.

В поведении Позняка нет признаков волнения, но в голосе проскальзывает сдерживаемое напряжение. На фоне общей сдержанности проявления экспрессии особенно заметны. Если он хочет подчеркнуть какую-то мысль, то подни-

мает брови или же увеличивает громкость голоса и скорость речи. На одном из митингов он демонстративно рвет документ, и это действие запоминается, поражает экспрессивностью.

3. Позняка можно увидеть как в аудитории «своих», поддерживающих его людей (по ходу телерепортажа слышны аплодисменты, одобрительные крики, свист), так и в негативно относящейся к нему аудитории «чужих». В любой ситуации старается быть сдержанным, только с враждебной аудиторией он более напряжен: сжаты губы, ниже опущена голова, но неуклонно следует своей линии, продолжает говорить, не обращая внимания на окружающих.

3. Позняк не стремится контактировать с аудиторией как с «чужой», так и со «своей». На демонстрации вместе со своими сторонниками он идет, однако, в стороне от всех, занимая позицию наблюдателя. Шагает один, руки в карманах, поднят воротник пальто, голова опущена. Он как бы вместе с демонстрантами и не с ними – сам по себе, идущий своим путем.

5.1.6. Типологические карты

Карта 1 выявляет актуализацию у политического лидера качеств **коллективиста** (лидер, широко использующий самоидентификацию «мы», но при этом сохраняет свое лицо, свое «я»), **индивидуалиста** (лидер с сильным личностным началом, широко использующий самоидентификацию «я», но при этом сохраняет свою причастность к сообществу – «мы») или **институционалиста** (лидер, сфокусированный исключительно на том институте, которому служит, который возглавляет, и коммуницирующий все от его имени). Основаниями для выбора являются различные способы наполнения категорий *самоидентификация*, *время* и *пространство*. Наполнение категорий *время* и *пространство* обнаруживает черты пяти возможных подтипов, а именно: трех временных: (а) *виртуальный* – апеллирующий к будущему; (б) *ретроспективный* – апеллирующий к прошлому; (в) *реальный* – актуальный сегодня; и двух пространственных: (1) *локальный* – проецирующий себя на ограниченное пространство; (2) *глобальный* – проецирующий себя на мировое сообщество.

Заполнение данной карты на основании всей проанализированной нами выборки текстов 3. Позняка позволяет сделать следующие выводы: 3. Позняк институционалист, то есть лидер, «я» которого редкое и скрытое, ибо подчинено интересам своей организации. Себя он видит исключительно с соратниками («мы»). Его сообщество хоть и представлено в настоящем (реальном и

виртуальном), но не мыслимо без прошлого: отсюда приходит и туда смотрится, как в зеркало, проекция в будущее всегда условна. Поэтому, определяя принадлежность к подтипам, можно сказать, что это, в целом, лидер *ретроспективный*. Актуализируя только внутренние проблемы, манифестирует черты *локального* лидера (см. *карту 1*).

Карта 1

Л и д е р	Способы презентации себя							Уточнение типа
	Мы + Я	Я + Мы	Мы без Я	Мы + слабое Я	Я + слабое Мы	Слабое Я и слабое Мы	Ни Мы ни Я	
П О З Н Я К	—	—	«Мы» - в настоящем, реальном и виртуальном. Постоянным фоном и центром притяжения служит Беларусь (пространственная характеристика), прошлое Беларуси. Будущее связано с прошлым и строится на его основе	—	—	—	—	Ретроспективный, реальный. Локальный
Тип ли- дера	Коллективист	Индивидуалист	Институционалист	Не актуализирует черты лидера				

Карта 2 выявляет актуализацию у политического лидера качеств **созерцателя** (в фокусе внимания качества свои и других), **деятеля** (в фокусе внимания деятельность своя и других), **сбалансированного** типа. А также трех оценочных подтипов: (1) *позитивный* – акцент на положительные качества и/или положительную оценку деятельности своей и других; (2) *критикующий* – критика качеств своих и других или деятельности (своей и других); (3) *манипулятивный* – все, что связано с собой и «своими», – позитивно, с «чужими» – негативно; и трех подтипов с учетом смещения фокуса внимания (а) на себе; (б) на других; (в) на себе и других. Основаниями для выбора являются различные способы наполнения категорий *атрибутивность*, *деятельность*.

Заполнение данной карты с учетом выборки текстов 3. Позняка позволяет сделать следующий вывод. Мы определили 3. Позняка как сбалансированный дискурс-тип, так как для него характерна акцентуация внимания как на ка-

чествах, так и на деятельности. Но при этом, однозначно, он лидер манипулятивный. Он более сфокусирован на других, а так как эти другие – враги, то он актуализирует, таким образом, *критикующий* подтип. Оценочность качеств и действий соответствует его видению мира. Свои качества и своя деятельность в его дискурсе всегда положительны (те, кто с ним, – честные люди); качества и деятельность «чужих» (всех, кто не с ним) подаются им в негативе (см. *карту 2*).

Карта 2

Л и д е р	Способы презентации себя в соотношении с другими и других в соотношении с собой				Тип лидера
	Качества свои	Качества других	Деятельность своя (оценка, на- правления дея- тельности)	Деятельность других (ее оценка)	
П О З Н Я К	Уважает демократические ценности; категоричен, лаконичен, дидактичен. Свои – честные	Чужие – бездарны, опасны, разрушительны для Беларуси	Главным образом вербальная. Запрещает, отрицает, прогнозирует (черные прогнозы), угрожает	Чужие вредят стране, оценка только отрицательная	Сбалансированный с переходом к манипулятивному Критичный и потому сфокусирован на других

Карта 3. Выбор типа осуществляется в зависимости от приоритетов политика в выборе способов удержания аудитории и, в конечном итоге, в выборе коммуникативных средств, фокусирующих внимание либо на опредмеченном мире (конструирование проблем), либо на мире людей (конструирование общности или расщепление мира на «своих» и «чужих», конструирование «врагов»). Карта 3 выявляет актуализацию у политического лидера качеств **популиста** (стремится максимально удерживать аудиторию, даже за счет нарушения логических связей, целостности текста, за счет отказа раскрыть глубоко тему выступления и пр.), **рационалиста** (говорит по существу, опирается на общепонятную терминологию в изложении своих взглядов и предмета дискурса в целом, помнит, кому он говорит и для чего); **борца** (у него всегда есть объект борьбы, он критичен по отношению к миру и социуму, он борется, максимально используя арсенал пропагандистских приемов и риторических практик). Основаниями для выбора являются различные способы наполнения категорий *риторические* и *дискурсные практики*.

Заполнение данной карты с учетом проанализированной выборки текстов политика позволяет сделать вывод, 3. Позняк актуализирует дискус-тип борец. Его мир сконструирован по принципу «черное – белое» или «добро – зло». О необходимости борьбы со злом он постоянно говорит. Об этом свидетельствует исполь-

зуемая метафорика: «угроза», «опасность», «оружие», «борьба». Его дискурс «накаляется» в ходе борьбы: перегружен негативной эмоциональной лексикой. 3. Позняк наращивает эмоциональное напряжение аудитории. Используемые пропагандистские приемы и метафорика подтверждают агрессивный характер его дискурса (см. карту 3).

Карта 3

Л и д е р	Способы конструирования мира для аудитории и удержания аудитории			Тип лидера
	Через предметную информацию	Через субъектную информацию		
	Образность или конкретность речи, эмоциональность или рациональность	Использование риторических приемов	Приемы ценностной, фактологической, манипулятивной пропаганды	
П О З Н Я К	Перегруженность не- гативной эмоциональ- но-оценочной лекси- кой; подкрепляет эмоциональность фактами. Наращивает эмоциональное на- пряжение	Конструирование «черно- белого мира». Типичная метафора «борьба», рас- пространенные цитаты, клише, повторы, аллюзии, ирония, экспрессивная лексика. Эксплицирование виртуальной ситуации	Конструирование уг- розы; «навешивание ярлыков»; отбор и ие- рархия фактов; на- правленная интерпре- тация фактов	Борец

Карта 4 выявляет актуализацию у политического лидера качеств **общенационального** лидера (проецирует себя на всю страну, поэтому неизбежно использует дискурс консолидации, готов принять в свой кортеж «заблудших чужих»); **регионального** (для него всегда будут «свои» и «чужие»); **партийного** (для него характерна корпоративность, на первом месте партия и ее интересы, он озвучивает ее идеи, он – лидер в своей команде, но при этом и один из них).

Основаниями для выбора являются различные способы наполнения категорий *аудитория и интерсубъектность*.

Заполнение данной карты на основании проанализированной выборки текстов 3. Позняка позволяет сделать следующий вывод: Позняк – партийный лидер. Именно партия составляет его кортеж, без нее невозможен его дискурс, одновременно он проецирует себя на всю страну, но это не все граждане, а те белорусы, которые его поддерживают. Это также и те, кто боролся за независимую Беларусь (Беларусь в ретроспективе). Эти два обстоятельства позволяют, хотя и с определенной натяжкой, сказать, что в его дискурсе актуализирован и дискурс-тип общенациональный.

Аудитория для Позняка не имеет большого значения: он говорит всем, но для тех, кто готов встать в его ряды, хотя аудиторию не агитирует и не мобилизует, а конструирует. Враги – составляющая часть его кортежа. 3. Позняк «работает» только с позитивно настроенной (по отношению к нему) аудиторией, не стремясь привлечь другие сегменты электората, в том числе нейтрально настроенный. Он не меняет ни оценок, ни стиля в зависимости от жанра или собеседника/читателя (см. *карту 4*).

Карта 4

Л и д е р	Аудитория		Интерсубъектность		Тип лидера
	Аудитория (целевая): тенденции к расширению, сужению, сохранению	Дифференциация аудитории	Дифференциация «чужих» и своего отношения к ним	Дифференциация «своих» (кортеж)	
П О З Н Я К	Разумные люди; интеллигенция; малообеспеченные, все страдающие; белорусскоговорящее население. Нет тенденции ни к сужению, ни к расширению, ибо число врагов не уменьшается, а число своих не расширяется. «Аудитория» – это не всегда свои. Он обращается в зал, к читателям, а как поймут его текст, – политику не важно	Четкое деление на «своих» и «чужих»; «чужих» очень много: среди них русские политики, все русскоязычное население, представители власти	Его кортеж – как бы имплицитно включает и врагов	БНФ, белорусы, враги	Партийный

Карта 5 выявляет приоритеты в выборе типичных коммуникативных действий, то есть актуализацию у политического лидера качеств **тактика** (политик, который использует максимально возможное количество коммуникативных средств, постоянно решает возникающие коммуникативные задачи, из-за чего может казаться менее значительным по сравнению со «стратегом», широко использует лингвистический статус и навыки интеракции и **стратега** (политик, который использует ограниченное число коммуникативных средств, не очень активен в коммуникации, делегирует решение возникающих коммуникативных задач исполнителям, участвует в коммуникации только в значимых ситуациях. Применяет энциклопедические знания и навыки интеракции).

Основаниями для выбора являются различные способы наполнения категорий *энциклопедичность, лингвистический статус, интерактивность*.

Заполнение данной карты с учетом проанализированной нами выборки текстов 3. Позняка позволяет определить дискурс-тип 3. Позняка как стратег с элементами тактика. Он демонстрирует высокий лингвистический, энциклопедический статус. Активен в общении (диктует свои условия, определяет характер коммуникации), но не интерактивен, и это ослабляет качества тактика, которые проявляются в том, что он не делегирует выполнение задач исполнителям (см. карту 5).

Карта 5

Л и д е р	Энциклопедичность (демонстрация знаний по различным направлениям)			Лингвистический статус			Интеракция, невербальное поведение			Тип лидера
	Интер-текстуальность	Интер-событийность	Специальная терминология	Правильность речи	Вариант языка	Широта стилистического диапазона	Открыт /закрыт	Контакт с аудиторией	Степень активности в коммуникации	
П О З Н Я К	Ссылка на свои научные труды: из дискурса его врагов; цитаты из Библии; расхожие фразы	Знает историю своей страны, раскрывает свое видение исторических событий	Политическая, историческая	Речь правильная, в рамках литературной нормы	Хорошо владеет и использует литературный белорусский язык (престижный) и вариант белорусского языка «тарашкевицу» (престижный среди узкой группы белорускоязычного населения). Минимально использует русский язык – язык своих оппонентов	Широкий стилистический диапазон в рамках нормативного языка, выразителен, точен. Ярок. использует низкий стиль	Открыт, статичен	Не ищет контакт с аудиторией	Активен, диктует условия коммуникации	Стратег с элементами тактика

Карта 6 представляет изучение дискурса политика с позиций того, как упакована информация и дает возможность определить, каким предстает мир лидера, насколько он реален либо прожективен. Данная карта выявляет актуализацию у политического лидера качеств **прагматика** (для него реальность – как предметная, так и субъектная – и есть идея: он из реальности исходит и к ней ведет аудиторию) ; **идеолога** (для него идея в основе мироздания, он под нее строит реальность и конструирует социум); **идеалиста** (для него важно не то, что есть на самом деле, а то, как к этому относиться, важна не сама идея или факт, а ее вербализация, и тогда вербализация становится и идеей и фактом). При активном использовании коммуникативных стратегий типов прагматик и идеолог мы, исходя из сугубо речевых характеристик дискурса, мо-

жем ввести дополнительный тип – **эффективный коммуникант (пропагандист)** .

Основаниями для выбора являются различные способы наполнения категорий *направленная информация* и *коммуникативные стратегии*.

Заполнение данной карты на основании всей проанализированной нами выборки текстов З. Позняка позволяет утверждать, что З. Позняк демонстрирует качества дискурс-типа идеолог. То есть для него первостепенно важным является мировоззрение, идея. Исходя из них, он конструирует реальность: делит субъектов социума на «своих» и «чужих», строит свое отношение к событиям, видит мир. Ему важнее предмет разговора, чем реальные участники. Используемые коммуникативные стратегии «реклама» и «атака» характеризуют его мир как противостояние сил добра и зла (см. *карту 6*).

Карта 6

Л и д е р	Фокус на предмете дискурса	Предметно-ориентированные коммуникативные стратегии	Фокус на субъектах дискурса, и ситуации общения	Реляционные коммуникативные стратегии	Тип лидера
П О З Н Я К	Фокус на предметной информации, которая предстает как идея. Факты используются исключительно во имя и для идеи	Конструирование «черного» мира. Создание псевдособытий в отрицательной динамике (нагнетание негатива); сужение числа вариантов до одного; использование чисел, сравнений	Субъектно-ориентированная информация подается исключительно в дихотомии	Конструирование аудитории (в противопоставлении). Конструирование угрозы. Атака на институты власти, реклама БНФ. Конструирование напряжения за счет отрицательной динамики предметно-ориентированной информации	Идеолог

Карта 7 выявляет актуализацию у политического лидера качеств **демократа** (привержен демократическим ценностям, признает свое «я» и «я» других), **мессии** (несет аудитории идеи, поднимаясь на ней, «я» редкое, но сильное, закрытое для аудитории), **народника** (одновременно и «один из всех» и «над всеми», у него есть особая миссия, он открыт, но его открытость условна, ибо он открыт институционально, а не личностно, вокруг института, который он репрезентирует, возможна некая мифичность). Основаниями для выбора являются различные способы наполнения категории *самоидентификация* и ее проекции на категории *аудиторию* и *миссия*.

Заполнение данной карты с учетом проанализированной нами выборки текстов политика позволяет сделать вывод, что З. Позняк обретает качества дискурс-типа мессия благодаря резкому и однозначно «закрытому» для широкой аудитории сильному «я», он несет ей идею и видит в этом свою миссию (см. карту 7).

Карта 7

Ли-дер	Я	Мы	Он	Над аудито-рией	Один из нас	Миссия	Тип лидера
По-зняк	«Я» - поли-тик, чело-век, (импли-цитно)	Мы – оп-позиция, БНФ, де-путаты; безлично-стно; кон-структ	Руководи-тель фронта, депутат, кандидат в президенты, автор ста-тьи, прези-дент	Идентифи-цирует себя с миссией, ко-торую он не-сет – над ау-диторией	–	Освобож-дение Бе-ларуси от России	Мессия

Карта 8. Изучение дискурса политика с позиции того, какова динамика соотношения и перехода друг в друга мифа и реальности и какие реляционные (субъект-субъектные) коммуникативные стратегии он использует, дает возможность определить механизм воздействия лидера на аудиторию и содержательные приоритеты лидера по отношению к своей аудитории. Соответственно, карта 8 выявляет актуализацию у политического лидера качеств **менеджера** (человек реальности, опирается на факты, руководит аудиторией); **сказите-ля** (поддерживает виртуальность, опирается на мифы (идеи) и ведет аудиторию в мир идей); **технолога** (уводит в виртуальность, опирается на факты, возможно, в сочетании с идеями, преобразует факты в идеи и мифы незаметно для аудитории); **учителя** (возвращает в реальность, опирается на мифы, функционирующие в обществе, и стремится их развенчать, приземлить, объяснить аудитории, то есть возвращает аудиторию в реальность).

Основаниями для выбора являются различные способы наполнения категорий *соотношение мифа и реальности, кортежные коммуникативные стра-тегии*.

Заполнение данной карты с учетом выборки текстов политика позволяет сделать вывод, что З. Позняк воспроизводит тип сказитель, ибо его мир строится на мифе и идее: из них он исходит, под их знаменем ведет последователей, к мифу, в конечном итоге, возвращает (см. карту 8).

Л и д е р	От ре- альности в реаль- ность	От реальности к мифу	От мифа к мифу	От мифа к реаль- ности	Кортежные ком- муникативные стратегии	Тип лидера
П О З Н Я К	—	Идет от идеи, опи- рающейся на факты и их интерпрета- цию, к актуализации виртуальной ситуа- ции в возможном будущем	—	—	Льстит своей ауди- тории; поддержание своего кортежа по- стоянной атакой на врагов	Сказитель

5.1.7. Общие выводы

Таким образом, в своем дискурсе 3. Позняк манифестирует следующие дискурс-типы (из набора возможных):

Набор возможных дискурс-типов	Дискурс-типы, манифестируемые в дис- курсе Позняка
Коллективист. Индивидуалист. Институционалист	Институционалист
Созерцатель. Деятель. Сбалансированный	Сбалансированный
Популист. Рационалист. Борец	Борец
Общенациональный. Региональный. Партийный	Партийный
Тактик. Стратег	Тактик
Прагматик. Идеолог. Идеалист. Пропагандист	Идеолог
Демократ. Мессия. Народник	Мессия
Менеджер. Учитель. Сказитель	Сказитель

Особенности дискурса 3. Позняка в том, что он лидер оппозиционной партии и говорит от ее имени. Его «мы» – это не все белорусы, а гораздо более узкая группа людей – оппозиция и, прежде всего, БНФ. Он избегает давать какую-либо информацию о себе, но это не означает, что он безличностен. Его тексты говорят за него, и через них читатель или слушатель должен открыть для себя масштаб лидера.

Имплицитно он подает себя как политика общенационального уровня. 3. Позняк проецирует себя на пространство Беларуси, апеллирует к трагическому и героическому прошлому, негативно оценивает нынешнее положение

вещей. Настоящее часто подается в условном наклонении, поскольку отсутствуют условия для его реализации. Он открывается аудитории не как личность, а как носитель идеи. Его сверхзадача – освобождение Беларуси от влияния России, на ее основе он конструирует реальность, подбирая факты, цифры, события. Под знаменем этой идеи он борется с врагами (представителями власти). В его дискурсе много негатива и эмоционального надрыва.

3. Позняк делит субъектный мир на «своих» и «чужих». Последние наравне со «своими» становятся, по существу, его кортежем, ибо постоянно присутствуют в его риторике. Для него одновременно ценны качества и важна деятельность субъектов, но в разных ситуациях в разной степени. Так, в связи с тем, что основная коммуникативная стратегия в отношении «своих» – «реклама», а в отношении «чужих» – «атака», в первом случае актуализированы в основном качества, а во втором – деятельность. Его ключевая метафора – «оружие».

Мир 3. Позняка не гармоничен и разорван. Его набор риторических практик далеко не так широк. Типичным для него является сужение предмета дискурса, исключение всех вариантов кроме одного. Он использует приемы всех видов пропаганды (ценностной, фактологической, манипулятивной). Его нельзя отнести к категории интерактивных лидеров, скорее наоборот – он избегает прямого контакта с аудиторией. В его активе энциклопедичность и высокий лингвистический статус, что позволяет ему слыть сильным коммуникантом.

Для своих сторонников Зенон Позняк – пророк, мученик, борец с режимом, носитель белорусской идеи. Для оппонентов – экстремальный националист, очернитель всего, что было хорошего в СССР, апологет капиталистического строя и яростный враг России.

Дискурс-портрет 3. Позняка реконструирован из его текстов, опубликованных в период активной политической деятельности. Описанные качества практики коммуникативного поведения и стратегические решения четко просматриваются во всех, без исключения, жанрах (выступление перед массовой аудиторией, анализ проблемы, интервью, предвыборная программа).

5.2. В. Гончарик: дискурс-портрет

В 2001 году оппозиционные партии посчитали возможным выдвинуть в качестве Единого Кандидата в Президенты Республики Беларусь – Владимира Гончарика (написание слов Единый Кандидат с прописной буквы взято из его программы-брошюры).

Превращение профсоюзного функционера национального уровня в политика, вышедшего на политическую сцену страны, – результат работы гражданской коалиции политических партий и общественных объединений в течение года. Правда они посчитали возможным номинировать данную фигуру как единого кандидата на пост президента всего лишь за неделю до дня выборов. Но все равно это акт осознанный и политически выверенный. На этом основании мы и будем считать дискурс В. Гончарика дискурсом, венчавшим оппозиционный дискурс первого срока правления А. Лукашенко в качестве Президента Республики Беларусь.

Понятно, что для создания дискурс-портрета В. Гончарика были использованы его тексты, появившиеся в период последнего этапа предвыборной кампании, когда он и был номинирован на пост кандидата в Президенты страны.

5.2.1. Политик отвечает на вопросы избирателей

(Выбаршчыкі задаюць пытанні Ёладзіміру Ганчарыку // Народная воля. 2001 г. 18 жніўня.)

Вопрос: *Паважаны Ёладзімір Іванавіч, які будзе далейшы лёс «бацькі» пасля Вашага выбарання на пасаду прэзідэнта Рэспублікі Беларусь?*

Ответ: *За памылкі ў эканоміцы ніякай адказнасці быць не можа. І калі на дзеючым кіраўніку дзяржавы няма крыві – што ж, лепшым бачыцца расійскі варыянт. Былы прэзідэнт будзе атрымліваць пенсію, карыстацца ўсімі прывілеямі, якія гарантуюцца былому прэзідэнту.*

Данный газетный материал содержит пять вопросов, адресованных кандидату в президенты, и В. Гончарик дает на них краткие ответы. Но если, как мы видим, вопросы адресные, адресат называется по имени-отчеству, то отвечающий как бы не замечает человека, задавшего ему вопрос: нет ни прямых, ни косвенных обращений к избирателю. Вопрос для него лишь стимул поговорить, высказаться. Впрочем, в одном из ответов проскальзывает фраза «мы з вамі ведаем прыклады», где политик идет навстречу читателю, беря его в союзники, строя кортеж, заручаясь поддержкой его и в том, о чем он говорит в данный момент и во всех других случаях.

Текст ответов политика характеризуется поверхностностью суждений. Когда В. Гончарика спрашивают о владении белорусским языком (*Як у Вас з беларускай мовай?*), он дает минимум информации (*Кали да мяне звяртаюцца, размаляю*). Строит свои ответы, просто называя, но не развивая ключевые темы избирательной программы, «патриот, народ, язык, объединение», ограничиваясь дежурными фразами:

...я нарадзіўся, жыву і працую ў Беларусі. Для развіцця нашай мовы неабходна стварыць усе неабходныя ўмовы. І я буду сур'ёзна займацца гэтым. Галоўнае ж аб'яднаць людзей, аб'яднаць нацыю.

Пояснений, что именно стоит за словами «условия» и «объединение», и чем именно он собирается заниматься, нет. В ответах В. Гончарика слабо просматривается его миссия политика – то ли объединить людей, то ли помешать переизбрать А. Лукашенко. И о первом, и о втором он говорит вскользь, чисто формально.

Другая особенность дискурса – гипотетичность, неопределенность (*Мару больш чытаць ці нешта пісаць, ці займацца любімай справай. Неяк імкнуся падтрымліваць спартыўную форму*).

Самоидентификация политика представлена местоимением «я» в прошлом или будущем времени в тех ситуациях, когда он чувствует ответственность (*Я буду сур'ёзна займацца гэтым; я выказаў свае адносіны; я прагаласаваў супраць*). «Я» в его дискурсе – это, в первую очередь, белорус, живущий и работающий в Беларуси. Остальную информацию о себе он дает сжато, чуть ли не телеграфным стилем, опуская местоимение и используя лишь глагол в первом лице единственного числа: *займаюся, люблю, імкнуся, мару*. О качествах своих или других субъектах он не говорит.

Его модальность дидактична, он исходит из обстоятельств, им подчиняется и предлагает подчиняться другим:

...перад гэтымі фактам усе спрэчкі адыходзяць на другі план; не трэба кідацца з адной крайнасці ў іншую; трэба ведаць і наважаць гісторыю сваёй страны; неабходна будзе правесці.

Риторика интегративности, присутствующая размытым фоном его дискурса (но не являющаяся самоцелью), также основана на подчиненности обстоятельствам и носит скорее созерцательный, чем деятельностный характер (*дзеля яе (страны) росквіту*). Мы говорим о фоне, ибо в его дискурсе нет гармонии между предметно-ориентированной и субъектно-ориентированной видами информации: призывая к объединению конкретных людей, читательскую аудиторию, он как бы не замечает, что в его дискурсе она не отражена. Он не ведет народ к объединению, а просто ставит перед ними задачи: *абмежаваць*

асабістую ўладу прэзідэнта; даць паўнамоцтвы парламенту; аднавіць меснае самакіраванне.

Ключевой оппозицией дискурса является оппозиция: «Гончарик – Лукашенко». Противостояние А. Лукашенко настолько значимо, что он готов снять все другие противостояния, как например, противопоставление Конституций 1994 и 1996 годов. Соответственно не важны для него и другие соперники избирательной кампании (Гайдукевич и Домаш, который почти до последнего дня был его соперником). Другое проявление кортежной тенденции дискурса В. Гончарика – включение в интерсубъектное поле таких субъектов, как *замежныя суседзі; нашы суседзі палякі; унукі; маці; сваякі; суайчыннікі*. Они и декодируются из слов *мы з вамі* и *суайчыннікі*. Отсутствие других (кроме выше-названных) субъектов, даже других соседей, которые живут на севере, юге и востоке страны, манифестирует избирательность и узость взгляда политика. Его ориентация на запад усиливается интертекстуальной характеристикой его дискурса: он цитирует на польском языке известную в Беларуси пословицу: *«Цо занадта, то не здраве»*.

Подбор ссылок, которые мы обнаружили в тексте интервью, не характерен для белорусской оппозиции, он не апеллирует к событиям XI-XVI веков, периоду Великого княжества литовского, а апеллирует к *Гісторыі фашысцкай Германіі* и так званаму *першаму ўсебеларускаму сходу*.

В дискурсе В. Гончарика актуализируется человек, у которого есть определенный опыт, и, актуализируя это, он большую часть текстового пространства заполняет прошлым, пусть это и недавнее прошлое. Остановливаясь на настоящем, он опять возвращается в прошлое – такова временная иерархия в его дискурсе.

В. Гончарик не активный коммуникант, он не берет на себя инициативу, не меняет роли, не идентифицирует своего адресата.

Анализ знакового ряда указывает на склонности к фактологичности, пользованию базовых политических, юридических лексических единиц (*абмяжаваць ўладу, даць паўнамоцтвы парламенту, меснае самакіраванне*), встречаются также канцеляризмы. Наблюдается смешение стилей: официального, бюрократического, научного, разговорного; использование вводных фраз (*акрамя таго, неабходна дадаць*); фразеологизмов.

Если мы посмотрим на дискурсные практики В. Гончарика, то увидим, что в тексте его интервью пересекается несколько таких практик, а именно: дискурс интеграции, дискурс борьбы (не риторика борьбы, а именно дискурс борьбы, то есть актуализируется тема необходимости бороться, но нет призыва к борьбе,

нет активного противостояния: *не даць магчымасць Лукашэнку застацца ва ўладзе*) и дискурс повседневности (дискурс-простого человека: *час ад часу атрымліваецца згуляць з унукамі ў футбол; лепшы адпачынак для мяне – гэта прагулкі па лесе; у юнацтве захапляўся*).

5.2.2. Политик отвечает на вопросы газеты

(Владимир Гончарик: «Мы вместе!». Единый кандидат отвечает на вопросы «Рабочага» // Рабочы)

Заголовки из предыдущего и данного интервью меняют форму межличностной коммуникации, задаваемую жанром интервью, на митинговую, то есть на массовый уровень коммуникации. Ответы на вопросы газеты воспринимается как разговор одного института с другим, а именно: газеты с кандидатом, и тут уже нет ничего личного. Посмотрим, как реализует себя в этом дискурсе В. Гончарик.

Начало дискурса (ответ на первый вопрос) – это исключительно «Мы-текст». Ни одного «я», только в конце глагол в первом лице единственного числа, но без местоимения «я». Вот все глаголы с учетом их последовательности:

...«пятерка» демократических кандидатов приняла решение о движении единого кандидата; сам факт свидетельствует; мы обязаны делать; многое зависит; действия согласованы; все претенденты работают вместе; работаем одной командой; идет работа по объединению штабов; договорились, что будет после победы; знаю, что участники будут в одной команде.

Как видим, здесь «мы» – это не народ, это – команда, группа из пяти человек, которую политику хотелось бы расширить: *я думаю привлечь на нашу сторону всех, кто согласен с этим; давайте делать вместе*. Политик не конструирует новый расширенный кортеж, не борется за него, а лишь предлагает и предполагает. Ограничение кортежа В. Гончарика понятно в данной ситуации, но оно однозначно проигрышно в контексте другого адресата – электората страны. Электорат в дискурс кандидата в президенты просто не вписан. Здесь мы также наблюдаем актуализацию ситуации в зависимости от обстоятельств и от группы, равно как и объективизацию себя. Скорее такой текст можно отнести к жанру «боевая сводка», который формирует динамику события, но не придает динамики дискурсу кандидата. Его «Я-текст», представленный в ответе на второй вопрос, об этом свидетельствует (*Я всегда говорил, со мной изначально работали, мы всегда находили общий язык, я с радостью приму любые предложения о сотрудничестве*).

Изобилие прошедшего времени, совмещенное со словом «всегда» характеризует время как обычное, повторяющееся и не несет никакой актуальности и динамизма автору такого дискурса. С другой стороны, редкий выход на неопределенное будущее убеждает в том, что динамичность текста и динамичность субъекта коммуникации (адресанта) не одно и то же. Можно добавить, что «я» в этом тексте – это В. Гончарик и ничего больше. Это – не единый кандидат, не действующий, активный, сильный политик, проецирующий себя в пространство «здесь и сейчас» или что-то другое. Он не раскручивает ни свои статусные характеристики, ни тот новый путь, на который он встал. Наоборот, он возвращается в «безопасное» или, быть может, воспринимаемое им скромное, не выпячивающее себя «мы». Но он уже назначен единым кандидатом! Где же личность и ее действия? Вместо этого простая риторика или, так называемое, общее место – *нам нечего делить, у нас общая цель, общая мечта о возрождении Беларуси*. Мечта – это что-то, что далеко и не обязательно реализуется. Ничего, кроме статичности адресанта, в таком дискурсе не представлено.

В следующем ответе В. Гончарика на вопрос «Рабочего» появляется слово «люди». Но это не расширение кортежа и не привлечение народа Беларуси за стол переговоров или в команду «пятерки». Это для В. Гончарика – источник информации: *Люди, рискуя, передали*. И далее безрезультатные действия политика, который не хочет признавать, что результата нет: *я обратился с письмом, я написал, я сделаю все*. Но признать надо, и он относит безрезультативность на счет обстоятельств, находя в этом не только оправдание, но и повод для обвинения:

Вы правы, пока власть игнорирует документ, Президент отмалчивается, власть сама себе роет могилу. Единственным алиби для нее могут быть прямые ответы на вопросы: где пропавшие. Все. Другого варианта нет.

Он всего лишь заострил проблему, а это уже подается как результат деятельности. Ну а затем политик опять уходит в «мы», в котором черпает силу, и далее разворачивает коммуникативную стратегию «атака». Но это не риторика борьбы, а лишь возврат к теме «борьба» (*То, что мы собрались в одной команде, свидетельствует – для власти начинаются не лучшие времена*).

И, наконец, ключевой момент дискурса В. Гончарика – вот она долгожданная интересубъектность! – *Ситуация сложилась так, что правый-левый, рабочий-предприниматель – уже не главное. Главное – за что ты выступаешь: за свободную страну с развитой экономикой, стоящую в одном ряду с ведущими странами мира, или за отстойник командно административной системы в центре Европы*. Какая разница, кто ты, электорат, В. Гончарику это не важно, а

важно, чтобы ты пошел за ним в мифическую свободную страну, ведущую страну мира. Мифологичность, переплетающаяся с пропагандистскими приемами «блестящая неопределенность» и «навешивание ярлыков», выводят плоский текст В. Гончарика совершенно в другое пространство, но не меняют сути дискурса кандидата в президенты.

5.2.3. Политик обращается к электорату

(Кандидат в Президенты Республики Беларусь. Выступление В. Гончарика по БТ 21 августа 2001 г. в программе «Выборы-2001»)

Выступление начинается с кратких насыщенных фраз:

Добры вечар. У нас с вами 30 минут. Надо уложиться. Тем, кто доволен жизнью, я предлагаю выключить телевизор. Коротко о себе.

И далее, говоря о себе, своей семье, о том, что ему нравится и что не нравится, очень краток (почти телеграфный стиль: *дочь, сын. Экономист, кандидат экономических наук. Брат и сестра – рабочие*), делает четкие акценты на том, что он патриот, типичный белорус, семьянин, отец, экономист, предан стране, семье, последователен в своих действиях (*я еще 5 лет назад проголосовал...*), не приемлет крайностей, сожалеет, что *мужчина, трудолюбивый, умный, толковый, не может прокормить семью, страшно не нравится хамство..., ...что не уверен в завтрашнем дне...*. Все эти перечисления, на первый взгляд, носят вроде бы личный характер, но это, однако, далеко не так. Говоря о хамстве, он сразу же переносит факт его наличия на уровень государства, констатируя, что это есть. И так практически по каждому пункту. Перечисляя все, что не нравится, В. Гончарик говорит, что он – как все: то, что ему не нравится, никому не понравится. А далее как бы подменяется референт (не о каждодневных делах речь, а о президентском правлении), и аудитория должна уже согласиться с говорящим и в этом.

Монолог В. Гончарика постоянно выходит на диалог с аудиторией. Он максимально использует вопросы избирателей, демонстрирует внимание свое к людям и людей к себе, зачитывает отрывки из писем, комментирует, отвечает на вопросы, обещает ответить на все письма через газету. Авторы писем называет, отвечает на том же языке, на каком написано письмо. Переходит на белорусский язык именно тогда, когда появляется тема национальной символики (зеркальная ситуация с Домашем, кандидатом в президенты отказавшемся в пользу Гончарика: при переходе на эту проблему Домаш использует русский язык).

Отвечая на письма, Гончарик постепенно сбивается на четко дидактичный тон. Говорит как старший, как тот, кто поучает, кто, безусловно, знает ответ.

В основном говорит от себя, от первого лица, избегая прямого «я», но в ситуациях обещаний встречается и номинация себя через группу (*Я и моя команда, мы это гарантируем*).

«Другие» в дискурсе В. Гончарика – это в первую очередь его основной оппонент – А. Лукашенко, которого он не называет напрямую, но постоянно цитирует, используя такие слова и выражения, которые для него не просто характерны, а, можно сказать, стали его визитной карточкой, как например *честные-нечестные* или слова, которые обозначают узнаваемые реалии, как например, *селекторные совещания*. «Атаку» В. Гончарик ведет не «в лоб», а как бы обходя противника с тыла (*Мне противно, когда восхищаются политикой гитлеровской Германии*). В каких-то случаях, цитируя (все так же без уточнения источника цитаты), ловит оппонента на лексических пометках (*паршивые, пусть меня извинят за это слово, предприниматели*). Когда политик решается на «прямую атаку», то она безличностна (*порочная система власти*).

Во-вторых, «другие» в дискурсе В. Гончарика – это также институт президентства и пост президента, на который он претендует. В. Гончарик здесь не говорит ни о себе, ни о А. Лукашенко как о президенте, а о том, каким должен быть президент.

«Другие» – это также и все авторы писем, которых он цитирует, иногда комментируя (*профессор, он же фермер*). Подборка писем, безусловно, была, хотя выступающий и говорит, что она случайна. В выступлении представлены типичные вопросы, и они ни разу не повторились: зарплата в 100 долларов, экономика, национальная символика, политика, пенсии, чернобыльцы. Наконец, это случайные знакомые, с которыми что-то происходит, или родственники (*Я в Бобруйске столкнулся с тем, что ...; мой дальний родственник - председатель колхоза...*).

Широко используются такие риторические приемы, как просторечия (*выяснять отношения, беря себя за грудки*), единоначатие или усиление эмоционального воздействия за счет повтора отдельных слов (*я проголосовал против; против ..., против...; да, Беларусь должна быть демократической. Да, дружеской*); риторический вопрос, усиленный повтором (*Почему столько врагов? Я тоже задаю себе такой вопрос: почему?*); параллельные синтаксические конструкции (*ваших детей, ваших внуков, моих детей, моих внуков*); смысловой контраст (*выбор между добром и злом*); концентрация однокоренных слов (*не только и не столько*); просторечия (*не дело это*); штампы, в частности штампы

ведущего передачу «По письмам читателей» (*Интересные предложения прислал ...; первое, что интересует автора письма...*).

Случаются алогизмы: на вопрос «*Что Вы обещаете?*», – отвечает: «*Где гарантия, что я могу...*», – но далее: «*Будут в Белоруссии инвестиции*», или «*Мы не разгоним колхозы, пусть не надеются на это*».

Следует также добавить, что в тексте В. Гончарика наблюдается смешение лексики разных стилей – профессионализмов, разговорной лексики, специальной лексики, жаргонных слов, канцеляризмов:

Технари прекрасно знают: нужна защита от дурака: баланс властей. Пожалуй, сегодня можно определиться еще по одному вопросу: не надо бояться, что в хорошем смысле слова, появится собственник. Просил бы внимательно прочитать программу.

Таким образом, для телевизионного выступления кандидата в президенты характерным оказалось: отсечение части аудитории, а по существу, заведомая потеря значительного сегмента электората. Разговор с «авторами писем», презентация себя как человека простого, как все, имеющего семью, что-то любящего, а что-то нет, имеющего родственников, знакомых, у которых не все хорошо, говорящего на двух языках, временами поучающего, слегка нападающего, призывающего, имеющего команду, которая гарантирует и т.д. Но где же политик? Лидер коалиции? Будущий президент?

5.2.4. Программа политика

(Гончарик Владимир Иванович: «Добро Вашему дому!». Единный кандидат в Президенты Республики Беларусь. Программа)

Тезисы программы В. Гончарика как кандидата в президенты – это лист бумаги формата А4, сложенный втрое, с текстом, набранным крупным шрифтом и фотографиями. Одна сторона содержит биографию кандидата и семь фотографий на 40% ее площади. Это – «домашняя страничка», где он с матерью на скамейке на фоне деревенского дома и свежеекрашенного забора. Дальше другие фотографии с подписями: «Родной дом» и «В семье». Тут же краткое жизнеописание В. Гончарика – биография, написанная от третьего лица с элементами художественного текста. Так же нарративно неизвестный автор от третьего лица информирует о роде В. Гончариков, подкрепляя текст фотографическим рядом из юности кандидата: «Бабушка», «С женой», «С мамой и братом», «Отец». Все это накрыто шапкой «Один из нас», что должно автоматически относить политика к дискурс-типу *народник*. Но мы не вправе это сде-

лать, ибо открытость политика при актуализации данного типа должна быть условной, а он тут весь на виду. Нет никакой мифичности вокруг такого института, как федерация профсоюзов, никак не представлена миссия В. Гончарика-политика, есть только совсем не привязанная к тексту, выделенная крупным жирным шрифтом, фраза:

Владимира Гончарика поддержала широкая гражданская коалиция политических партий и общественных объединений всей страны. Он стал Единным Кандидатом на пост Президента Республики Беларусь.

Комментируя далее «домашнюю страничку» (хотя это и не дискурс В. Гончарика, но, ведь этот материал находится в листовке-программе ему приписываемой), следует обратить внимание на такие аспекты дискурса, как:

- безадресность, по крайней мере, нет актуальной адресности: жанры «биография» и «история рода» являются закрытыми и не включают аудиторию;
- доминирование прошлого времени, даже в ситуации актуального настоящего (*Гончарика поддержала коалиция*). Редкое настоящее время не является актуальным (*Возглавляя федерацию профсоюзов, Гончарик делает все, чтобы она стала реальной, действенной силой, способной защитить людей труда*). Возглавляет он уже давно. Что сегодня по этому поводу можно сказать? И что он делает сейчас как кандидат в президенты – вот оно актуальное настоящее;
- называемые качества: *полон творческих сил, оптимизма, надежды на лучшее будущее* не подкреплены вербально (нет никакой дополнительной информации), равно как и невербально (ведь вряд ли оптимистична фотография, где на фоне солнца и слов «В единстве сила» за барьером из стола и стула стоят, взявшись за руки и подняв их вверх, представители коалиции, лица которых почти не видны, как не видна и особая радость на их лицах. Да и дата подписания соглашения в углу фотографии – 13 августа – тоже энтузиазма не вызывает);
- другие качества (*способен точно определить главные направления экономического и культурного развития Беларуси, знает пути достижения успеха, уверен в себе и в своем народе*) без интерпретации превращаются в «блестящую неопределенность» и ничего не стоят. Ведь нельзя серьезно отнестись к *Семи пунктам программы Владимира Гончарика*, представленной рядом с фотографией с солнцем и содержащей такие общие места, как например, *честный труд всегда будет выгоднее воровства или дела вместо обещаний* или, наконец, *создавать условия для возрождения белорусской деревни*, замыкающихся фразой-лозунгом «*Честность – лучшая политика!*».

5.2.5. Невербальное поведение политика

(Составлено на основе телевыступления политика по Белорусскому национальному каналу 21 августа 2001 г. в программе «Выборы-2001».)

В. Гончарик одет официально (костюм, галстук). Спокоен, говорит глядя на телезрителей, иногда читает, но значительную часть выступления вовсе не смотрит в текст. Иногда отводит взгляд вниз-влево.

Голос негромкий, но и не тихий, в целом ровный, но не монотонный. Темп речи средний, делает значимые паузы. Не суетится. Лицо подвижно за счет бровей и частого моргания глаз. Губы сомкнуты, ни них иногда полуулыбка.

Руки и ладони практически в постоянном движении: он перекладывает листы своего текста, демонстрирует ценники 1996 года, берет в правую руку очередное письмо, цитату из которого зачитывает, левой рукой откладывает уже использованные письма. Указывает на символику своих часов.

Гончарик стремится быть открытым аудитории. Позитивен, намеренно интерактивен.

5. 2. 6. Типологические карты

Карта 1 выявляет актуализацию у политического лидера качеств **коллективиста** (лидер, широко использующий самоидентификацию «мы», но при этом сохраняет свое лицо, свое «я»), **индивидуалиста** (лидер с сильным личностным началом, широко использующий самоидентификацию «я», но при этом сохраняет свою причастность к сообществу – «мы») или **институционалиста** (лидер, сфокусированный исключительно на том институте, которому служит, который возглавляет и коммуницирующий все от этого института). Основаниями для выбора являются различные способы наполнения категорий *самоидентификация*, *время* и *пространство*. Наполнение категорий *время* и *пространство* обнаруживает черты пяти возможных подтипов. Это, во-первых, три подтипа с фокусом внимания на категорию *время*: трех временных: (а) *виртуальный* – апеллирующий к будущему; (б) *ретроспективный* – апеллирующий к прошлому; (в) *реальный* – актуальный сегодня. Это также два пространственных подтипа: (1) *локальный* – проецирующий себя на ограниченное пространство; (2) *глобальный* – проецирующий себя на мировое сообщество.

Заполнение данной карты с учетом проанализированной нами выборки текстов В. Гончарика позволяет сделать следующий вывод. В дискурсе В. Гончарика слабо просматривается дискурс-тип институционалист. Так, в од-

ном фрагменте дискурса мы обнаруживаем последовательный «мы-текст», где «мы» – это «пятерка» демократических кандидатов. Однако дальнейшего развития это «мы» не получает. Как нет развития и у местоимения «я», за которым стоит буквально следующее: *В. Гончарик – семьянин, белорус*.

В дискурсе В. Гончарика также слабо просматривается дискурс-тип *индивидуалист*, но и к этому дискурс-типу мы не можем его безоговорочно отнести, так как лишь одна позиция «я» получает развитие («я» – Гончарик, представитель рода Гончариков). Второе наполнение «я» («я» – белорус) получает развитие только как «я говорю по-белорусски», что также недостаточно для реализации данного дискурс-типа.

Другие номинации «я» практически остаются пустыми: ни одна из них не получает своего развития. Таким образом, В. Гончарик отнесен нами к дискурс-типу «не актуализирующий черты лидера» (т.е «ни мы, ни я»). Политик много говорит о себе, но о себе в семейном кругу, о себе как о человеке. Он как бы замыкается в своем узком «мирке». Его самоидентификация проецируется в ближайшее прошлое и концентрируется на территории Беларуси. По данным показателям он относится к подтипу *ретроспективный, локальный* (см. карту 1).

Карта 1

Л и д е р	Способы презентации себя						Уточне- ние типа
	Мы + Я	Я + Мы	Мы без Я	Мы + слабое Я	Я + слабое Мы	Слабое Я и слабое Мы	
Г О Н Ч А Р И К	—	—	—	«Мы» – пятерка демокра- тических кандида- тов	«Я» – Гончарик	—	Ретро- спектив- ный, ло- кальный
Тип ли- дера	Коллек- тивист	Инди- видуа- лист	Институ- ционалист	Не актуализирующий черты лидера			

Карта 2. Изучение дискурса политика с учетом того, что для него важнее, – качества или действия субъектов – позволяет понять специфику его восприятия мира. Также мы видим и степень манипулятивности лидера. Карта 2 выявляет актуализацию у политического лидера качеств **созерцателя** (в фокусе внимания качества свои и других), **деятеля** (в фокусе внимания деятель-

ность своя и других), либо **сбалансированного** дискурс-типа. С помощью данной карты мы выявляем также наличие трех оценочных подтипов: (1) *позитивный* – акцент на положительные качества и/или положительную оценку деятельности (своей и других); (2) *критикующий* – критика качеств (своих и других) или деятельности (своей и других); (3) *манипулятивный* – все, что связано с собой и «своими», – позитивно, с «чужими» – негативно; и трех подтипов согласно фокуса внимания: (а) *на себе*; (б) *на других*; (в) *на себе и других*. Основаниями для выбора являются различные способы наполнения категорий *атрибутивность*, *деятельность*.

Заполнение данной карты с учетом проанализированной нами выборки текстов В. Гончарика позволяет сделать следующий вывод. Согласно данным категориям В. Гончарик скорее **созерцатель** (приходится говорить только о слабой репрезентации данного дискурс-типа). Он называет очень много качеств (главным образом своих), есть и номинация деятельности своей и «своих», но она не интерпретируется. Деятельность других представлена имплицитно. В дискурсе актуализирован подтип *сфокусирован на себе* (на себе и на том, что плохо у других, а следовательно в государстве) (см. карту 2).

Л и д е р	Способы презентации себя в соотношении с другими и других в соотношении с собой				Тип лидера
	Качества свои	Качества других	Деятельность своя (оценка, направле- ние деятельности)	Деятель- ность других (ее оцен- ка)	
Г О Н Ч А Р И К	Называются, но не по- лучают развития такие качества, как: полон творческих сил, опти- мизма и надежд на лучшее будущее стра- ны; способен точно определять главное направление экономи- ческого и культурного развития; знает пути достижения успеха; уверен в себе и своем народе; предан стра- не, семье, последова- телям, размерен, не бросается в крайности	Честные – нечестные; трудолюбивый, умный, толковый, не может про- кормить се- мью, не уве- рен в зав- трашнем дне	Возглавляет федера- цию профсоюзов; делает все, чтобы федерация профсою- зов стала реальной действенной силой (что именно входит в понятие «все» не яс- но); <i>защищал рабо- тящих да честных</i> . Высказывает свое мнение; вербализует главные цели; жела- ет людям добра. Планирует ввести изменения в Консти- туцию	Сожалеет, что дру- гие («свои») не дейст- вуют, а «чужие» импли- цитно оценива- ются от- рицатель- но	Скорее, созерца- тель. <i>Сфокуси- рован на себе</i> , и на том, что плохо у других

Карта 3. Выбор типа осуществляется в зависимости от приоритетов политика в выборе способов удержания аудитории и, в конечном итоге, в выборе коммуникативных средств, фокусирующих внимание либо на опредмеченном мире (конструирование проблем), либо на мире людей (конструирование общности или расщепление мира на «своих» и «чужих», конструирование «врагов»). Карта 3 выявляет актуализацию у политического лидера качеств **популиста** – стремится максимально удерживать аудиторию, даже за счет нарушения логических связей, целостности текста, за счет отказа раскрыть глубоко тему выступления и пр.; **рационалиста** – говорит по существу, опирается на общепонятную терминологию в изложении своих взглядов и предмета дискурса в целом, помнит, кому он говорит и для чего; **борца** – у него всегда есть объект борьбы (проблемы или субъекты, группы, институты), он критичен по отношению к миру и социуму, он борется, максимально используя арсенал пропагандистских приемов и риторических практик.

Основаниями для выбора являются различные способы наполнения категорий риторические и дискурсные практики.

Заполнение данной карты с учетом проанализированной нами выборки текстов В. Гончарика позволяет сделать следующий вывод. Дискурс-типы популист, рационалист, борец не реализованы в дискурсе данного политика. Использование риторических практик, скорее всего, дань следования традиции. Он хочет быть понятным и доступным, этим объясним некоторый «примитивизм» в подаче информации. Практически не используется актуализация субъектной информации для удержания внимания аудитории, при этом политик не фактологичен (см. карту 3).

Карта 3

Л и д е р	Способы конструирования мира для аудитории и удержания аудитории			Тип лидера
	Через предметную информацию	Через субъектную информацию		
	Образность или конкретность речи, эмоциональность или рациональность	Использование риторических приемов	Приемы ценностной, фактологической, манипулятивной пропаганды	
Г О Н Ч А Р И К	Краткость (телеграфный стиль), безличные предложения; метафорика клиширована (<i>порочная система власти, не уверен в завтрашнем дне, жить по часам «Беларусь», выбор между добром и злом</i>)	Риторические вопросы, просторечия (<i>беря себя за грудки</i>); повтор (<i>против, да, белорусы, да</i>); параллельные конструкции (<i>ваших детей, ваших внуков; моих детей моих внуков</i>); контраст (<i>добро и зло</i>)	Алогизмы. Пропагандистских приемов практически нет	Ни один из типовых вариантов

Карта 4 выявляет актуализацию у политического лидера качеств **общенационального** лидера (проецирует себя на всю страну, поэтому неизбежно использует дискурс консолидации, готов принять в свой кортеж «заблудших чужих»), **регионального** (для него всегда будут «свои» и «чужие»), **партийного** (для него характерна корпоративность, на первом месте партия и ее интересы, он озвучивает ее идеи, он – лидер в своей команде, но при этом и «один из них»). Основаниями для выбора являются различные способы наполнения категорий *аудитория* и *интерсубъектность*.

Заполнение данной карты с учетом проанализированной нами выборки текстов В. Гончарика позволяет сделать следующие выводы. Дифференцированный подход к аудитории, а также позиционирование социума (деление на «своих» и «чужих») позволяют определить масштаб лидера. В. Гончарик предстает как лидер ближнего поля, в его дискурсе много «своих» – это соседи, зна-

комые, семья, а широкая аудитория не получает значимой, последовательной актуализации (см. карту 4).

Карта 4

Л и д е р	Аудитория		Интерсубъектность		Тип лидера
	Аудитория (целевая): тенденции к расширению, сужению или сохранению	Дифференциация аудитории	Дифференциация «чужих» и своего отношения к ним	Дифференциация «своих» (кортеж)	
Г О Н Ч А Р И К	Псевдоаудитория – письма читателей	Не дифференцирована: его аудитория это те, кто его уже давно знают – семья, свояки, это также – иностранцы	«Чужие» – Лукашенко; негативное отношение	Сваяки, соседи, мать, заграничные соседи, дальний родственник, профессор, фермер, автор письма, техники	Ни одни из типовых вариантов. Актуализирована семья

Карта 5 выявляет приоритеты в выборе типичных коммуникативных действий, то есть актуализацию у политического лидера качеств **тактика** (политик, который использует максимально возможное количество коммуникативных средств, постоянно решает возникающие коммуникативные задачи, из-за чего может казаться менее значительным по сравнению со «стратегом», широко использует лингвистические навыки и навыки интеракции) и **стратега** (политик, который использует ограниченное число коммуникативных средств, не очень активен в коммуникации, делегирует решение возникающих коммуникативных задач исполнителям, участвует в коммуникации только в значимых ситуациях). В основном применяет энциклопедические знания и навыки интеракции.

Основаниями для выбора соответствующего дискурс-типа являются различные способы наполнения категорий *энциклопедичность*, *лингвистический статус*, *интерактивность*.

Смешение стилей, вербальная открытость являются предпосылкой отнесения В. Гончарика к типу *тактик*, но невербальная закрытость, пассивность в коммуникации не позволяют нам этого сделать. В то же время он все делает сам, не делегирует выполнение коммуникативных задач другим. Это обстоятельство, равно как и интерсобытийность его дискурса (которая актуализирует политика как «простого человека»), не позволяют нам отнести его и к типу *стратег* (см. карту 5).

Карта 5

Л и	Энциклопедичность (демонстрация знаний по различ-	Лингвистический статус	Интеракция, невербальное поведение	Ти
--------	---	------------------------	------------------------------------	----

д е р	ным направлениям)									
	Интер- тексту- аль- ность	Интер- событий- ность	Специ- аль- ная тер- мино- логия	Пра- виль- ность речи	Вариант языка	Широта стилисти- ческого диапазона	Открыт /закрит	Кон- такт с ауди- торией	Степень актив- ности в комму- ника- ции	
Г О Н Ч А Р И К	Консти- туция 1994г. и 1996г.; поль- ские посло- вицы	Детство, юность, всебело- русский съезд	Канце- ляриз- мы, жар- гонные слова, профес- сiona- лизмы	руси- цизмы в белорус- ском языке	Литера- турный белорус- ский и русский	Разговор- ный, сме- шение сти- лей, эзопов язык (ино- сказатель- ность, осто- рожное формулиро- вание мыс- лей)	Вербально открыт, невербаль- но открыт только фак- тологией, а представле- ния о нем, как о чело- веке и ра- ботнике, не складывает- ся	Нет ника- кого	Пасси- вен	Ни один из типов

Карта 6 представляет изучение дискурса политика с позиций того, как «упакована» информация, и дает возможность определить, каким предстает мир лидера, насколько он реален либо прожективен. Данная карта выявляет актуализацию у политического лидера качеств **прагматика** (для него реальность – как предметная, так и субъектная – и есть идея: он из реальности исходит и к ней ведет аудиторию), **идеолога** (для него идея в основе мироздания, он под нее строит реальность и конструирует социум), **идеалиста** (для него важно не то, что есть на самом деле, а то, как к этому относиться, важна не сама идея или факт, а ее вербализация, и тогда вербализация становится и идеей и фактом). При активном использовании коммуникативных стратегий типов прагматик и идеолог мы, исходя из сугубо речевых характеристик дискурса, можем ввести дополнительный тип – **эффективный коммуникант (пропагандист)**.

Основаниями для выбора являются различные способы наполнения категорий *направленная информация* и *коммуникативные стратегии*.

Заполнение данной карты с учетом проанализированной нами выборки текстов политика позволяет сделать вывод, что дискурс В. Гончарика не ориентирован на аудиторию, практически отсутствуют реляционные коммуникативные стратегии, если не считать наличия отдельных элементов «атаки», которая в любом случае косвенна и до конца не развита. Активно реализована стратегия «презентация», но она (в отсутствие адресата) из реляционной превращается в предметно-ориентированную стратегию. Но и в таком качестве она не реализуется в полной мере, ибо дискурс политика в целом номинативен, а не интерпретативен.

Таким образом, мы не можем отнести В. Гончарика ни к одному из этой группы дискурс-типов (см. *карту 6*).

Карта 6

Л и д е р	Фокус на предмете дискурса	Предметно-ориентированные коммуникативные стратегии	Фокус на субъектах дискурса, и коммуникативной ситуации общения: адресант-адресат и их взаимодействие	Реляционные коммуникативные стратегии	Тип лидера
Г О Н Ч А Р И К	Фактологичен	Предмет разговора – презентация себя; нет интерпретации фактов	Фокус на себе и своем близком окружении.	Встречаются элементы «атаки» – не напрямую, а обходя противника с тыла, только косвенно ссылаясь на сказанное кем-то другим. «Презентация» характерна для дискурса в целом, но ее элементы разрознены и не подчинены общей целевой установке дискурса. Отсутствие реляционных стратегий закономерно, ибо в дискурсе политика нет адресата. Дискурс монологичен, построен вне реляционного пространства	Ни одни из типовых вариантов

Карта 7 выявляет актуализацию у политического лидера качеств **демократа** (привержен демократическим ценностям, признает свое «я» и «я» других), **мессии** (несет аудитории идеи, поднимаясь на ней, «я» редкое, но сильное, закрытое для аудитории), **народника** (одновременно и «один из всех» и «над всеми», у него есть особая миссия, он открыт, но его открытость условна, ибо он открыт институционально, а не личностно, вокруг института, который он репрезентирует, возможна некая мифичность).

Основаниями для выбора являются различные способы наполнения категорий *самоидентификация* и ее проекции на аудиторию, и категории *миссия*.

Заполнение данной карты с учетом проанализированной нами выборки текстов В. Гончарика позволяет сделать следующие выводы. Изучение дискурса с позиции того, как политик упаковывает информацию, каким предстает его мир, насколько он реален либо прожективен, показывает, что В. Гончарик не может быть отнесен к типу демократ, ибо в его дискурсе не актуализировано

«я» других. Его «я» открыто. Миссия нечетко выражена, скорее, подразумевается и не получает развития. Гончарик претендует на тип народник, подчеркивая свою роль – «простой человек», «один из нас», однако этот тип не манифестируется в его дискурсе, ибо он несет противоречивую миссию: роль «объединителя нации» и роль «осторожного человека» не совместимы, а их объединение в миссии превращает миссию в пустой слоган. Соответственно, в его дискурсе нет позиции «над аудиторией», ибо ничто его не может поднять над ней. Таким образом, он не может быть отнесен ни к одному из типов данной группы (см. карту 7).

Карта 7

Ли-дер	Я	Мы	Он	Над аудиторией	Один из нас	Миссия	Тип лидера
Г О Н Ч А Р И К	Сын, брат, отец, дед, экономист, кандидат экономических наук, депутат СССР, Верховного совета 13 созыва, председатель координационного совета профсоюзов Беларуси и России. Патриот, типичный белорус, семьянин	Я и моя команда; гаранты. Я и аудитория	Нет	Нет	Да, спокойный человек	Не бросаться в крайности; объединить нацию, объединить людей	Ни один из типов

Карта 8. Изучение дискурса политика с позиции того, какова динамика соотношения и перехода друг в друга мифа и реальности в его сознании и какие реляционные (субъект-субъектные) коммуникативные стратегии он использует, дает возможность определить механизм воздействия лидера на аудиторию и содержательные приоритеты лидера по отношению к своей аудитории. Карта 8 выявляет актуализацию у политического лидера качеств **менеджера** (человек реальности, опирается на факты, руководит аудиторией), **сказителя** (поддерживает виртуальность, опирается на мифы (идеи) и ведет аудиторию в мир идей), **(полит) –технолога** (уводит в виртуальность, опирается на факты, возможно, в сочетании с идеями, их преобразует в идеи и мифы так, чтобы аудитория этого не заметила), **учителя** (возвращает в реальность, опирается на мифы, функционирующие в обществе, и стремится их развенчать, приземлить, объяснить аудитории, то есть возвращает аудиторию в реальность).

Основаниями для выбора являются различные способы наполнения категорий *соотношение мифа и реальности, кортежные коммуникативные стратегии.*

Заполнение данной карты с учетом проанализированной нами выборки текстов В. Гончарика позволяет сделать следующие выводы. Политик конструирует реальность, которая основывается на опыте отдельных граждан страны, но эту реальность он использует для поддержания своей идеи-мифа: «я спокойный человек, такой, как вы, и я вхожу в группу «мы», которая является единством и она объединит вас». Презентируя ближний круг, он реализует слабые попытки «атаки» и опять возвращается в свой миф. Такая позиция соотносима с дискурс-типом сказитель. Однако данный дискурс-тип реализован недостаточно, ибо нет его второй составляющей: политик не ведет аудиторию в мир идей, ибо не вписывает их в свой дискурс (см. карту 8).

Карта 8

Л и д е р	От реальности в реальность	От реальности к мифу	От мифа к мифу	От мифа к реальности	Кортежные коммуникативные стратегии	Тип лидера
Г О Н Ч А Р И К	—	—	Находится в мифологическом поле «спокойный человек-объединитель»	—	«Презентация» ближнего круга, косвенная «атака»	Скорее, сказитель

5.2.7. Общие выводы

Таким образом, в своем дискурсе В. Гончарик манифестирует следующие дискурс-типы (из набора возможных):

Таблица 1

Набор возможных дискурс-типов	Дискурс-типы, манифестируемые в дискурсе Гончарика
Коллективист. Индивидуалист. Институционалист	Не актуализирующий черты лидера
Созерцатель. Деятель. Сбалансированный	Созерцатель
Популист. Рационалист. Борец	Ни один из типов
Общенациональный. Региональный. Партийный	Ни один из типов
Тактик. Стратег	Ни один из типов
Прагматик. Идеолог. Идеалист. Пропагандист	Ни один из типов
Демократ. Мессия. Народник	Ни один из типов
Менеджер. Учитель. Сказитель	Сказитель

Дискурс-портрет В. Гончарика построить трудно, дискурс-категории в его текстах реализуются весьма условно. Его нельзя отнести ни к одному из лидеро-описательных дискурс-типов: он ни *коллективист*, ни *индивидуалист*, ни *институционалист*. Равно как он и не *созерцатель* или *деятель*. Его визитной карточкой стала простота – обычный человек, консервативного склада (*пам'яркоунась, не трэба кідання з адной крайнасці ў другу*), горожанин с деревенскими корнями, добрый семьянин (фото с женой и внуками).

Он «говорит» о себе, называет свои действия, качества, равно как и высказывает свое отношение к качествам и действиям других. Показывает свое отношение к электорату. Номинативный план содержания дискурса оказался ведущим, но «слепым», ничего не говорящим, пустым, ибо в нем нет интерпретации, развития введенных в дискурс фактов.

Если обратиться к лидер-формирующим дискурс-типам, то и здесь все размыто. Так, нет завершенности в реализации дискурс-типов *популист*, *рационалист*, *борец*. Он не умеет и не стремится удержать аудиторию. Плохой оратор, не осознает, с какой аудиторией разговаривает. В его дискурсе не актуализированы бойцовские качества, хотя есть объект борьбы. Он использует в своем дискурсе риторические практики, но не пользуется пропагандистскими приемами.

В. Гончарика трудно отнести к какой-то группе. Это заведомо не *партийный* и не *региональный* лидер, равно как он не может претендовать на фигуру *общенационального* политического лидера.

В. Гончарик не вписывается в кортеж-формирующие типы *стратега* или *тактика*. Использование разговорной лексики наряду с канцеляризмами, профессионализмами, жаргонными словами ведет к смешению стилей, и это обстоятельство приближает его к типу *тактик*. Но он не активно работает с непосредственной аудиторией. В его дискурсе нет живого контакта с телезрителями и читателями. Он пассивен в коммуникации. Не похож он и на *стратега*, ибо все берет на себя, не опирается на других субъектов коммуникации, цитирует только разве «чужого» и себя (узость интерсубъектной характеристики дискурса).

Он как будто *прагматик* ибо фактологичен, но не «работает» с фактом, не интерпретирует его. Поэтому нет никакого импульса, а значит и оснований для соотнесенности с этим дискурс-типом. Он и не *идеолог*, ибо миф не прорабатывается, а лишь называется. Скорее, он соотносим с типом *идеалист*, однако и здесь возникает сомнение: у него реляционные стратегии работают как предметно-ориентированные, то есть он не видит адресата, в том смысле, что адресат не вписан в его дискурс и, следовательно, не отражается в нем, а *идеалист* в любом случае вписывает адресата в свой дискурс.

Он ни *народник*, ни *мессия*, ни *демократ*, ибо нет в его дискурсе четко сформулированной миссии; нет места ни своему «я», ни «я» других, он и не «один из всех» и не «над всеми». Он просто функционер и этим все сказано. Он ни *идеалист*, ни *прагматик*, ни *идеолог*, ибо не взаимодействует с прямой аудиторией, не совсем четко представляет себе предмет общения, не интерпретирует и не развивает темы, а только обозначает, перечисляет и иллюстрирует их. И уж точно он ни *технолог*, ни *менеджер*, ни *учитель* – ведь в его дискурсе не реализована категория «аудитория». Кем же тогда манипулировать, кого учить, кем руководить?

Получается, что В. Гончарик не совсем осознал, что он стал политическим лидером национального уровня и не просто лидером, а кандидатом в президенты. По крайней мере, такое осознание не получило отражения в дискурсе политика. Быть может, этого не осознала и к новому статусу еще не готова и сама оппозиция. Не осознала, что президентом, равно как и просто политическим лидером, не рождаются, а становятся, что актуализация лидера происходит не столько на уровне качеств, сколько на деятельностном уровне, в том числе вербальном.

КРАТКИЕ ВЫВОДЫ ПО ДИСКУРСУ БЕЛОРУССКИХ ПОЛИТИКОВ

Мы сделали попытку проследить, какие изменения претерпел дискурс власти в республике за последние три десятилетия, вплоть до 2001 года. Это было время кардинальной переоценки ценностей и ломки политических традиций. Вехами нашего исторического пути явились знаковые фигуры: Первый секретарь Коммунистической партии Белоруссии Петр Машеров, председатель «перестроечного» Верховного Совета Станислав Шушкевич, первый Президент независимой Беларуси Александр Лукашенко и лидеры оппозиционных сил Зенон Позняк и Владимир Гончарик. Их дискурс-портреты позволяют приоткрыть «секреты» современных политтехнологий, вскрыть причины успехов и провалов публичных политиков, выявить закономерности электоральных предпочтений, и наконец, извлечь уроки на будущее.

Дискурс власти. При всех идеологических и личностных различиях П. Машерова, С. Шушкевича и А. Лукашенко их следует отнести к единому дискурс-типу общенациональных политиков. Они проецируют себя на всю страну, стремятся объединить и повести за собой народ.

Выбирая своего лидера, электорату небезразлично, какие качества ценит, вербализует и демонстрирует их лидер, но также будут значимы и деятельностные характеристики лидера: на что способен и что он совершает. Судя по результатам исследования дискурса власти, лидер, репрезентирующий власть, должен быть одновременно и коллективистом, и демократом. Его сильное «я» принимается только в том случае, если есть сильное «мы», это, видимо, присуще белорусскому менталитету. Лидер должен активизировать аудиторию, формировать и конструировать и себя, и ее. Но, будучи реалистом, он не вправе терять перспективу. Он также должен быть борцом и отстаивать свою идею. Он обязан осуществлять эффективную коммуникацию, общаться и быть понятым аудиторией. Все эти характеристики актуализированы в дискурсе П. Машерова и А. Лукашенко, и в меньшей степени С. Шушкевича. На основании этого мы и отнесли их к таким дискурс-типам, как: сбалансированный (созерцатель + деятель), коллективист, индивидуалист, рационалист, борец, популист. Судя по всему, это и есть оптимальный набор дискурсных характеристик для политического лидера в Беларуси. К этому списку востребованных белорусским обществом дискурс-типов политиков можно добавить также и кортеж-формирующий дискурс-тип тактик. Как показал анализ, качества тактика воспринимаются лучше в белорусской

среде, чем качества стратега: важнее быть интерактивным и больше демонстрировать свою связь с аудиторией, чем делегировать свои обязанности другим; политик должен быть на виду и оставаться активным коммуникантом. Помимо этого, репрезентация в дискурсе власти аудитория-ориентированных дискурс-типов демонстрирует жесткое требование для успешного лидера – реализовывать все типовые варианты: легко ориентироваться и в мифологии и реалиях страны, нести миссию понятную и близкую аудитории, не преувеличивать значимость голой информации, а упаковывать ее «под аудиторию», четко выверять и реализовывать в своем дискурсе все виды коммуникативных стратегий (см. *Сводную таблицу 1*).

Тем, кто хочет оказаться у власти, белорусы предъявляют максимальные требования. Дискурс-модель успешного лидера, поднявшегося на высшую ступень власти, состоит из следующих компонентов: национальный, внутренне гармоничный, сильный лидер, стоящий прочно на земле и преданный своему народу, способный контактировать с массовой аудиторией.

Дискурс оппозиции принципиально иной. К типу общенационального лидера в полной мере не принадлежат ни З. Позняк, ни В. Гончарик. З. Позняк в большей степени лидер партийный, а В. Гончарик вообще выпадает из дискурс-типов: они номинированы, но не реализованы в полной мере ни в одном случае. То, что Гончарик не нашел массовой аудитории и не воспринял ее, вычеркивает его из числа политиков одномоментно, что, впрочем, и сделал электорат Беларуси в сентябре 2001 года. Можно сказать, что он так и остался функционером. В актуализации целевой аудитории не преуспел и З. Позняк. Оба политика так и не смогли преодолеть неприязнь к электорату А. Лукашенко, не боролись за него, не видели в этих людях равных себе, достойных внимания и уважения. Как ни парадоксально, другими недостатками З. Позняка, не позволившими ему подняться вверх по политической лестнице, явились его прямые достоинства. Так, большинство дискурс-типов, присущих З. Позняку, проявляются в полную меру и максимально интенсивно. Особенно такие, как наличие миссии, способности прогнозировать, ораторского дара. Однако очевидны недостаточный учет социального контекста, отсутствие гибкости и умения «породниться с аудиторией», равно как не хватает умения и готовности находить в себе качества противостоящих дискурс-типов, чего так ждет, судя по всему, аудитория (см. *Сводную таблицу 2*).

Сводная таблица 1

		Набор возможных дискурсов типов	<i>Машеров</i>	<i>Шушкевич</i>	<i>Лукашенко</i>
Лидер-ориентированные дискурсы-типы	Лидер-описательные	коллективист индивидуалист институционалист	коллективист индивидуалист	— — —	коллективист индивидуалист —
		созерцатель деятель сбалансированный	созерцатель деятель —	созерцатель деятель —	созерцатель деятель сбалансированный
	Лидер-формирующие	популист рационалист борец	популист рационалист борец	— рационалист —	популист рационалист борец
Кортеж-ориентированные дискурсы-типы	Кортеж-описательные	общенациональный региональный партийный	общенациональный — партийный	общенациональный	общенациональный — —
	Кортеж-формирующие	тактик стратег	тактик стратег	стратег	тактик — —
Аудитория-ориентированные дискурсы-типы	Аудитория-формирующие и описательные	прагматик идеолог идеалист пропагандист	прагматик идеолог — пропагандист	прагматик — идеалист —	прагматик — — пропагандист
		демократ мессия народник	демократ мессия народник	демократ — —	демократ мессия народник
		менеджер сказитель технолог учитель	менеджер сказитель — учитель	— сказитель — —	менеджер — технолог учитель

Сводная таблица 2

		Набор возможных дискурс-типов	<i>Позняк</i>	<i>Гончарик</i>
Лидер ориентированные дискурс-типы	Лидер-описательные	коллективист индивидуалист институционалист	— — институционалист	не актуализирующий черты лидера
		созерцатель деятель сбалансированный	— — сбалансированный	скорее, созерцатель
	Лидер-формирующие	популист рационалист борец	— — борец	ни один из типовых вариантов
Кортеж ориентированные дискурс-типы	Кортеж-описательные	общенациональный региональный партийный	— — партийный	ни один из типовых вариантов
	Кортеж-формирующие	тактик стратег	элементы стратег	ни один из типовых вариантов
Аудитория ориентированные дискурс-типы	Аудитория-формирующие и описательные	прагматик идеолог идеалист	— идеолог —	ни один из типовых вариантов
		демократ мессия народник	— мессия —	ни один из типовых вариантов
		менеджер сказитель технолог учитель	— сказитель — —	скорее, сказитель

Часть шестая

ЛИДЕРЫ РОССИИ: ДИСКУРС-ВЛАСТИ

6.1. Б. Ельцин: дискурс-портрет

6.1.1. Политик беседует с журналистом

(Борис Ельцин. На выборы мне не идти // Известия. 1999. 6 июля)

Дискурс Б. Ельцина в ситуации межличностного общения в самой малой степени представляет собой равное речевое взаимодействие двух субъектов (политика и журналиста). Журналист задает вопросы и многократно лично обращается к президенту, называя его по имени-отчеству. Президент, хотя и слушает внимательно, сам определяет, какой будет последовательность ответов (*начну со второго*) и каким быть содержанию (*не только об этом*). Говорит объективированно, расставляет акценты, выстраивает иерархии значимостей. Причем делает это сразу же, с первой строки своего дискурса:

...Главная задача, конечно, выборы.

Базовая задача власти... Другая важная задача...

«Я» и «мы» равнозначны в его дискурсе. Его «я» вполне реальное, человеческое (*я знаю, что у меня низкий рейтинг и мне это, конечно, неприятно*). Б. Ельцин прочно стоит на ногах, ибо он реалист: *только для повышения рейтинга ничего специально делать не буду, поскольку на выборы мне не идти*. Репрезентирует свою позицию как сильную, подробно описывая линию поведения, предлагая характеристику своей деятельности, намечая задачи, утверждая свою волю через напутствие, модальность, сослагательное и условное наклонения, прогнозируя:

Я дал свою оценку проведенным реформам.

Базовая задача власти обеспечить всем участникам выборов абсолютно равные условия.

Надо, чтобы они (выборы) прошли достойно; главную «партию» здесь должно сыграть общество.

Если речь идет о человеке, который продолжит курс на цивилизованное развитие России, то можете считать его моим политическим наследником.

До осени сложится еще не один избирательный блок.

Сильная позиция политика проявляется также и в том, что он держит слово, не меняет своих мнений:

Журналист: – *Изменилась ли сегодня Ваша позиция по этому вопросу?*

Ельцин: – *Не изменилась и измениться не может.*

Он репрезентирует себя как политика не только сильного, но и хитрого (если надо), и имеющего рычаги власти:

... не дать себя обмануть. Убежден... Наша линия ясна – провести чистые и честные выборы; если кто-то его нарушит – будем наказывать.

В этом жанре его «мы» – это избиратели (*мы с вами, как избиратели*). Также естественна для него репрезентация феномена через обладание, свое ли или своей группы (*моя администрация; наш кадровый запас*).

Приоритетность номинаций зависит от контекста. Он более склонен использовать местоимение «я» в случае актуализации коммуникативной стратегии «реклама», а «мы» – в стратегии «защита»:

Я очень подробно ответил на этот вопрос в своем послании. Мы одновременно были и плохими либералами, и плохими социал-демократами.

Он может легко варьировать ситуацией, переводя поражение в «рекламу»: *... у меня низкий рейтинг.... Это плата за то, что людям тяжело даются реформы.*

То, как политик вписывается во временное пространство, особенно хорошо раскрывается в жанре интервью. Даже тогда, когда журналист задает ему жесткий временной фрейм беседы, Б. Ельцин его легко обходит, не спешит предстать перед читателем как новоиспеченный экс-президент. Репрезентируя свою деятельность в ситуации прошлых выборов, он подает себя в ситуации влияния на предстоящие выборы. Его роль в новом контексте – создание условий для работы *новой власти*, которую он сам строил и строить продолжает, а неудобные ему факты не актуализирует.

В дискурсе Б. Ельцина много лиц, и он всем им определяет место номинативно, называя их политическую нишу или партию, указывая на их деятельность и качества, или одновременно оценивая и то и другое:

Степашин; региональные лидеры; все они (Черномырдин, Гайдар, Кириенко, Примаков); Юрий Михайлович Лужков; коммунисты; все они – достойные люди. Сильные политики и управленцы; что касается «Отечества», то, думаю, оно сможет преодолеть 5-процентный барьер; сегодня их (КПРФ) шансы победить на выборах падают.

Источник силы Б. Ельцина – поддержка народа. Он это неоднократно подчеркивает в самых разных контекстах:

Главную «партию» здесь должно сыграть общество. Почему бы ему не поставить выборы под свой гражданский контроль?

Поэтому не случайно его объединение с народом, избирателями. В своем дискурсе политик не упускает шанса выступить с ними единым фронтом:

...Мы с вами, как избиратели в первую очередь, заинтересованы в том, чтобы не дать себя обмануть.

Б. Ельцин манипулятивен практически во всех ситуациях. Особенно ярко это видно в выборе самоидентификации. Только что он был представителем власти, и вот уже – представитель всего общества.

Его речь может быть и лаконичной, и образной. Так, ситуацию выборов он описывает, пользуясь метафорой «карточная игра», основные партии в которой будут вести власть и общество.

Таким образом, Б. Ельцин постоянно воспроизводит дискурс власти, характеризующийся сильной интерактивной позицией – инициативу общения полностью берет на себя, диктует условия общения, рекламирует себя. Свою последовательность и реалистичность, даже недостатки превращает в достоинства. Его дискурс экспрессивен, образен, целостен, ориентирован на адресата.

6.1.2. Политик обращается к народу

(Обращение Президента Российской Федерации Б. Н. Ельцина. Москва, Кремль, 31 декабря 1999 г.).

Мы все примеряли эту дату на себя. Прикидывали, сначала в детстве, потом повзрослев, сколько нам будет в 2000 году...Мы продирались вперед через ошибки, через неудачи. Многие люди в это сложное время испытали потрясение: ... а мы, те кто стоит у власти уже многие годы, мы должны уйти. Сегодня я последний раз обращаюсь к вам как Президент России. Я понял: главное дело своей жизни я сделал.

Обращение Б. Ельцина начинается с местоимения «мы». «Мы» – это каждый из нас, обычные люди с их ошибками и неудачами, и в то же время – это те, кто у власти. Набор его «мы» максимально интегративен, но при этом «мы» Б. Ельцина остается человеческим и даже личностным.

Я прошу прощения за то, что не оправдал некоторых надежд тех людей, которые верили, что мы одним рывком, одним махом сможем перепрыгнуть из серого, застойного, тоталитарного прошлого в светлое, богатое, цивилизованное будущее... Я много раз слышал – Ельцин любыми путями будет держаться за власть, он никому ее не отдаст... Я не должен мешать этому естественному ходу истории: ... долго и мучительно над ним размышлял. Я понял, что мне необходимо это сделать... Я хочу, чтобы вы знали... Я подписал Указ о возложении обязанностей Президента России на Председателя Правительства Владимира Владимировича Путина.

Как видим, «я» политика – характерное, особенное, единичное. Он репрезентирует себя как успешного президента, которого не могут дискредитиро-

вать недоброжелатели, он уважает закон, но это и человек с большой буквы, готовый к покаянию, открытый терзаниям, но сохраняющий уверенность и силу. Он льстит россиянам и косвенно своему преемнику В. Путину. Вся речь строится на дихотомии «мы – я». «Я» и «мы» буквально в каждом предложении, и только один раз отстраненно он говорит о себе в третьем лице – Б. Ельцин.

Знаковый ряд дискурса тщательно выверен и служит тому, чтобы не столько репрезентировать свою деятельность, сколько высказать чувства и отношение, и Ельцин делает это, используя в дискурсе оценочность, модальность долженствования и необходимости, ссылаясь на то, что мир таков.

Дискурс отношения и оценки связан, в первую очередь, с теми субъектами, которых Ельцин вводит в свой текст. Это – россияне, Россия нового тысячелетия, новые политики, реальные люди: умные, сильные, энергичные.

Новое тысячелетие с новыми политиками, с новыми лицами, с новыми, умными, сильными, энергичными людьми.

Б. Ельцин всегда остается политиком, что подтверждает интертекстуальность и интерсобытийность его дискурса. Это исключительно события политической значимости (выборы в Думу, президентские выборы) и тексты, без которых немислим ни один политик – конституция, указы, законы.

Речь Б. Ельцина насыщена экспрессивными элементами. Он стремится в ней максимально воздействовать на аудиторию, причем его воздействие направлено на телезрителя и сегодняшнего, и завтрашнего дня. Он буквально внушает россиянам сделать нужный выбор:

Не сомневаюсь, какой выбор вы сделаете в марте 2000 года.

Для реализации воздействия политик использует восклицания, вопросительные высказывания и вопросительно-восклицательные предложения.

Полгода еще держаться за власть, когда у страны есть сильный человек, достойный быть Президентом, и с которым сегодня практически каждый россиянин связывает свои надежды на будущее!? Почему я должен ему мешать? Зачем ждать еще полгода? Нет, это не по мне! Не по моему характеру!

Аудитория, телезрители являются важным компонентом содержания дискурса Б. Ельцина. Это прочитывается, например, в огромном количестве прямых обращений к аудитории (*Дорогие мои! Дорогие россияне! Дорогие друзья!*).

6.1.3. Программа политика

(Россия: человек, семья, общество, государство. Из предвыборной программы Б. Ельцина // Строительная газета. 1996. 7 июня)

Дискурс программы Б. Ельцина поражает четко выверенной кортежной направленностью:

Когда-нибудь, может быть, уже через четыре года, мы будем горды тем, что живем в такое удивительное время. Что наладили в России замечательную жизнь... Что добились беспрецедентного – превратили страну с тоталитарной политической системой и обреченной экономикой в процветающую демократическую державу.

Традиционное введение в проблемную ситуацию начинается как моделирование будущей России, в которой главное место отводится сегодняшнему электорату. После четырех лет пребывания у власти политик предлагает избирателям посмотреть на сегодняшний день, как бы поворачивая вспять временную ось: будущее еще не настало, но аудитория уже в нем побывала и все увидела. Однако он понимает, что его аудитория живет реальными заботами, и поэтому считает своим долгом не только вербализовать это трудное настоящее, но и привнести в него свое соучастие, сопереживание. Это непосредственно «работает» на формирование и укрепление кортежа – на его единение с народом:

...Как Президент я лучше знаю, как вам сейчас тяжело, я чувствую вашу боль, всю боль страны... Свобода стала главным обретением России... однако естественный ход жизни таков, что одна свобода не может гарантировать ни порядок, ни справедливость, ни процветание.

Создаваемая политиком картина реальности в линейном плане выглядит следующим образом: сегодня-вчера-ранее (замечательная жизнь» (2000 год) ← «сейчас тяжело», но «различаю первые успехи» ← страна с «тоталитарной политической системой и обреченной экономикой» (1992 год)).

Сегодняшние проблемы Б. Ельцин репрезентирует на фоне задач, уже решенных за последние годы его правления, заставляя читателя продолжить аналогию: «Ельцин решит проблемы, назревшие и сегодня». Именно себя политик подает как гаранта преодоления трудностей (я лучше многих знаю, как вам сейчас тяжело). Это он обосновывает такими своими качествами, как четкое видение ситуации, предвидение последствий реализации тех или иных шагов, оптимизм:

Я отчетливо вижу симптомы выздоровления, различаю первые успехи, «точки роста», признаки нашего будущего процветания.

С временной координатой дискурса политик «работает» и далее, создавая параллель между сроком президентского правления и достижением этого *удивительного времени*. Постоянное балансирование в рамках «сегодня плохо – завтра хорошо» сопровождается эксплуатацией эмоционально-экспрессивной лексики (*нынешнюю ситуацию с налогами считаю неудовлетворительной; беспрецедентная для России налоговая реформа уже началась*), а также манипулятивными приемами фактологического характера. Так, в цепочке «проблема – что нужно делать» политик опускает элемент «как решить проблему» (ибо что делать и как решать, – не одно и то же). В программе нет путей решения правовых, экономических, экологических проблем. Фактически, только одна из обозначенных четырех проблем – налоговое обложение – получает развитие в дискурсе.

Существенное сокращение общего уровня налоговых изъятий и уменьшение налогов... Дело предприятий – использовать высвобождающиеся финансовые ресурсы в инвестиционных целях. Дело государства – создать для этого благоприятные условия.

Другие элементы фактологической пропаганды – иерархизация фактов с помощью многочисленных фраз типа *приоритетные направления*, которые создают некоторую упорядоченность дискурса, манипулируя, тем не менее, восприятием аудитории. Сохраняя характерный для политика отбор информации, он переходит на интерпретацию методов налоговой политики, на уровень деятельности предприятий, четко расписывая роли.

Задачи выстраиваются по приоритетным направлениям деятельности:

Приоритетными направлениями деятельности по обеспечению экологической безопасности в Российской Федерации будут: обеспечение экологически безопасного устойчивого развития в условиях рыночной экономики.

При этом задачи абстрактны (*участие в решении глобальных экологических проблем*), несмотря на детализацию (перечисления из четырех-пяти пунктов). Б. Ельцин интерпретирует методы налоговой политики на уровне деятельности предприятий, упоминает сроки и оперирует цифрами, но уходит в виртуальность:

...Буду стремиться, чтобы Налоговый кодекс заработал уже в 1997 году... В 1998 году экономика начнет получать первые плоды налоговой реформы.

Самоидентификация политика в данном жанре имеет следующие тенденции: при всей значимости «я», «мы» является, безусловно, приоритетным в его дискурсе. «Мы» – это граждане России, избиратели, весь электорат России:

Мы будем горды тем, что живем в такое удивительное время..., что не искали выхода в поиске врагов. Тяготы сегодняшнего дня не должны застилать нам глаза сейчас, чтобы завтра мы могли отвечать за свое решение.

«Я-текст», вписанный в программу политика, актуализирует такие характеристики дискурса, как деятельность и активность. Также как и «мы», «я» Б. Ельцина немногословно. За ним стоит *президент* и *избиратель*. Таким образом, реализуется интегративный дискурс политика, формирующий его многомиллионный кортеж – Россию:

...Моя задача на предстоящий срок президентских полномочий.... Как Президент я лучше знаю, как вам сейчас тяжело, я чувствую вашу боль, всю боль страны.

Политик не обращается к электорату, ему не надо привлекать внимание аудитории. Аудиторию он вписывает в текст. «Мы-текст» актуализируется политиком в ситуации будущего успеха, в то время как актуализация «я-текста» репрезентирует способы достижения цели – *процветающая экономическая держава*. Б. Ельцин не ищет тех, кто стоит на пути реализации реформ. Это не его стиль, он все берет на себя. В том числе и вину за ошибки, которые он не идентифицирует, а превращает в предпосылки будущей продуктивной деятельности:

...У меня были ошибки, но я знаю, как их исправить.

Дихотомия «ошибки – движение вперед» подается в контексте «естественный ход жизни», и этим он пользуется для формирования своего кортежа. В его дискурсе наблюдается еще много таких диалектических противоречий, в частности, смешение слов «свобода» и «порядок», принадлежащих разным идеологическим парадигмам. Совмещая их, политик объединяет различные сегменты российского электората, что опять свидетельствует об актуализации дискурса интеграции.

...Одна только свобода не может гарантировать ни порядок, ни справедливость, ни процветание.

Категории интертекстуальности и интерсобытийности характеризуют Б. Ельцина исключительно как последовательного политика. Он ссылается исключительно на юридические документы и политические события. Другие субъекты не характерны для его дискурса, если не считать институциональных субъектов.

Моя программа – это путь, на котором Человек, Семья, Общество и Государство обретут Свободу, Духовность, Здоровье, Процветание, Справедливость, Порядок и Защиту.

Таким образом, программа политика концентрирует фокус внимания на «я + мы»: *мы сделаем это и многое другое*. Значимая риторическая характеристика политика – использование метафоры «путь».

6.1.4. Невербальное поведение политика

(Составлено по телевизионным текстам, характеризующим две ситуации общения: обращение к массовой аудитории и интервью.)

Б. Ельцин – в центре кадра, в центре внимания всей страны, один на один с аудиторией телезрителей. Только он и страна. У него прямой взгляд, он полон значимости, спокойствия, силы, даже величественности. Его важнейшая характеристика – голос: громкий, уверенный, сиповато-низкий. Он расставляет смысловые акценты редкими эмоциональными жестами: поднимает указательный палец, стучит кулаком или ладонью по столу. Создается впечатление, что он как бы всматривается сам в себя («зрит в корень»), не распыляется на мелочи. Он статичен, лишь изредка незначительные движения рук, пальцев, покачивания головой вверх-вниз.

Непосредственной аудитории в кадре нет: ничто не должно отвлекать внимание. Даже журналист, берущий интервью. И это еще больше создает иллюзию того, что Б. Ельцин находится в каждом доме и говорит одновременно с каждым и со всем народом России.

Паузы – красноречивые, длинные и значимые – удерживают внимание аудитории. Предполагается, что аудитория в ожидании. И вот следует новая мысль.

Б. Ельцин степенен, в то же время в его невербальном дискурсе возможны эмоциональные жесты, и тогда видна его мощь. Он, как «сжатая пружина», стремится к «выстрелу». И аудитория не всегда знает, когда этот «выстрел» произойдет. И находится в напряжении и ожидании..

Слабое место – нечеткая дикция, но лидер старательно преодолевает этот недостаток.

6.1.5. Типологические карты

Карта 1 выявляет актуализацию у политического лидера качеств **коллективиста** (лидер, широко использующий самоидентификацию «мы», но при этом сохраняет свое лицо, свое «я»), **индивидуалиста** (лидер с сильным личностным началом, широко использующий самоидентификацию «я», но при

этом сохраняет свою причастность к сообществу – «мы») или **институционалиста** (лидер, сфокусированный исключительно на том институте, которому служит, который возглавляет и коммуницирующий все от его имени). Основаниями для выбора являются различные способы наполнения категорий *самоидентификация*, *время* и *пространство*. Наполнение категорий *время* и *пространство* обнаруживает черты пяти возможных подтипов, а именно: трех временных: (а) *виртуальный* – апеллирующий к будущему; (б) *ретроспективный* – апеллирующий к прошлому; (в) *реальный* – актуальный сегодня; и двух пространственных: (1) *локальный* – проецирующий себя на ограниченное пространство; (2) *глобальный* – проецирующий себя на мировое сообщество.

Заполнение данной карты на основании всей проанализированной нами выборки текстов Б. Ельцина позволяет сделать вывод, что Б. Ельцин реконструирует в своем дискурсе одновременно три дискурса типа: коллективист, индивидуалист, институционалист. Однако третий дискурс-тип можно принять лишь с оговоркой, что его институт – это своего рода «партия власти». Его «мы» постоянно и не разнообразно, равно как и его «я». Для него важны статусные характеристики (президент, власть) и реляционные (избиратели, россияне). Политик актуализирует в своем дискурсе себя как субъекта властного и умеющего власть реализовывать. А институт власти делает его еще сильнее (см. карту 1).

Л и д е р	Способы презентации себя							Уточнение типа
	Мы + Я	Я + Мы	Мы без Я	Мы + сла- бое Я	Я + слабое Мы	Сла- бое Я и сла- бое Мы	Ни Мы ни Я	
Е Л Ь Ц И Н	«Мы» – избиратели, россияне, народ; администрация президента; «мы» интегративно	Рекламирующее себя, кающееся, критикующее, но использующее критику во благо себе; моя администрация; «я» оценивающее, деятельностное, уверенное	Власть; партия власти	—				Реальный. Виртуальный. Ретроспективный. Глобальный
Т и п л и д е р а	Коллективист	Индивидуалист	Институционалист	Не актуализированы качества лидера				

Карта 2. Изучение дискурса политика с учетом того, что для него важнее, – качества или действия субъектов, позволяет понять специфику его восприятия мира. Также мы видим и степень манипулятивности лидера. Карта 2 выявляет актуализацию у политического лидера качеств **созерцателя** (в фокусе внимания качества свои и других), **деятеля** (в фокусе внимания деятельность своя и других), **сбалансированного** типа (в фокусе внимания и качества свои и других, и деятельность своя и других). Паралельно мы можем констатировать актуализацию в дискурсе политика таких оценочных подтипов как: (1) *позитивный* – акцент на положительные качества (свои и других) и/или положительную оценку деятельности (своей и других); (2) *критикующий* – критика качеств (своих и других) или деятельности (своей и других); (3) *манипулятивный* – все, что связано со своими, – позитивно, с «чужими» – негативно. И еще три подтипа с фокусом внимания: (а) на себе, (б) на других, (в) на себе и других.

Основаниями для выбора являются различные способы наполнения кате-

горий *атрибутивность* и *деятельность*.

Заполнение данной карты с учетом проанализированной нами выборки текстов Б. Ельцина позволяет сделать вывод, что дискурс Б. Ельцина характеризуется тремя дискурс-типами: созерцатель и одновременно деятель. При этом для него характерна актуализация двух подтипов. Так он безусловно, *позитивен*, но в то же время и *критичен*. Впрочем, это скорее самокритика, которая не делает его дискурс более слабым, ибо, признавая ошибки, он говорит и о результатах своей деятельности: ошибок (и благодаря ошибкам) идет вперед к лучшим результатам. Негативное отношение к деятельности других он подает виртуально. Позитивную деятельность других не эксплицирует. Имплицитно, она не столько присутствует, сколько конструируется им, как бы предписывается аудитории. Все эти обстоятельства позволяют говорить о возможности соотнесения Б. Ельцина также и со сбалансированным дискурс-типом. Если говорить о подтипе с учетом фокуса внимания, то следует отметить, что для политика характерен фокус внимания как на *себе*, так и на *других* (см. *карту 2*).

Л и д е р	Способы презентации себя в соотношении с другими и других в соотношении с собой				Тип лиде- ра
	Качества свои	Качества других	Деятельность своя (оценка, направления деятельности)	Деятель- ность других (ее оценка)	
Е Л Б Ц И Н	Говорит о своей последовательности, стоит на своем, хитрый, имеющий рычаги власти, ясность мысли, лучше других, самый лучший, ответственный, рассудительный, активный и влиятельный в будущем и настоящем; демонстрирует волю, характер, декларирует внутреннюю потребность делать то, что делает	Те, кто ответственны, достойные люди, сильные противники. Важны их статусные характеристики. Распределяет их по роду деятельности	Оценивает, высказывает волю, прогнозирует, ставит задачи, признает свои ошибки, говорит о плодах деятельности, предупреждает, прогнозирует и подтверждает правильность своих прогнозов	Предписывается. Они выбирают, говорят о нем. От них ожидается благодарность. Деятельность других внимать и исполнять. Негативная деятельность других представлена виртуально (в условном наклонении)	Созерцатель. Деятель. Сбалансированный. Позитивный. Критикующий. Сфокусирован на себе и других

Карта 3. Выбор типа осуществляется в зависимости от приоритетов политика в выборе способов удержания аудитории и, в конечном итоге, в выборе коммуникативных средств, фокусирующих внимание либо на определенном мире (конструирование проблем), либо на мире людей (конструирование сообщества или расщепление мира на «своих» и «чужих», конструирование «врагов»).

Карта 3 выявляет актуализацию у политического лидера качеств **популиста** (стремится максимально удерживать аудиторию, даже за счет нарушения логических связей, целостности текста, за счет отказа раскрыть глубоко тему выступления и пр.), **рационалиста** (говорит по существу, опирается на общепонятную терминологию в изложении своих взглядов и предмета дискурса в целом, помнит, кому он говорит и для чего), **борца** (у него всегда есть объект борьбы (проблемы или субъекты, группы, институты), он критичен по отношению к миру и социуму, он борется, максимально используя арсенал пропагандистских приемов и риторических практик).

Основаниями для выбора являются различные способы наполнения категорий *риторические* и *дискурсные практики*.

Заполнение данной карты с учетом проанализированной выборки текстов Б. Ельцина позволяет сделать вывод, что для Б. Ельцина характерна манифестация дискурс-типа популист. Актуализация субъектно-ориентированной информации – главная особенность его дискурса. Для него характерно использование и риторических приемов и приемов пропагандистского воздействия из чего следует, что он стремится воздействовать на свою аудиторию. Что касается предметно-актуализированной информации, то она также находится в центре его внимания, на основании наполнения которой мы относим данного политика к дискурс-типу рационалист.

Отсутствие объекта борьбы означает, что, третий типовой вариант данной группы дискурс типов не актуализирован (см. карту 3).

Карта 3

Лидер	Способы конструирования мира для аудитории и удержания аудитории			Тип лидера
	Через предметную информацию	Через субъектную информацию		
	Образность или конкретность речи, эмоциональность или рациональность	Использование риторических приемов	Приемы пропаганды	
Ельцин	Лаконичность, образность речи	Восклицания, риторические вопросы, сравнения. Ключевые метафоры «карточная игра», «путь»	Наклеивание ярлыков, блестящая неопределенность	Популист. Рационалист

Карта 4 выявляет актуализацию у политического лидера качеств **общенационального** лидера (проецирует себя на всю страну, поэтому неизбежно использует дискурс консолидации, готов принять в свой кортеж «заблудших чужих»), **регионального** (для него всегда будут «свои» и «чужие»), **партийного** (для него характерна корпоративность, на первом месте партия и ее интересы, он озвучивает ее идеи, он – лидер в своей команде, но при этом и один из них).

Основаниями для выбора являются различные способы наполнения категорий *аудитория* и *интерсубъектность*.

Заполнение данной карты на основании выборки текстов Б. Ельцина позволяет сделать вывод, что данный лидер актуализирует черты дискурс-типа общенациональный. Политик проецирует себя на всю страну, не ищет врагов

и предупреждает, что их быть не должно, а то таковым будет плохо. Он конструирует единое сообщество (см. карту 4).

Карта 4

Л и д е р	Аудитория		Интерсубъектность		Тип лидера
	Аудитория (целевая): тенденции к расширению/ сужению/ сохранению	Дифференциация «чужих» и своего отношения к ним	Дифферен- циация «своих» (кортеж)	Диффе- ренциация аудитории	
Е Л Б Ц И Н	Россияне, электорат, часть которого он сам	Нет врагов, нет оппонентов	Есть полити- ческий на- следник, но не его оппо- нент. Он будет делать его дело. Кортеж – вся страна	В основном «свои», а «чужие» вир- туальны (если появятся, то им спуску не будет)	Общенацио- нальный

Карта 5 выявляет приоритеты в выборе типичных коммуникативных действий, то есть актуализацию у политического лидера качеств **тактика** (политик, который использует максимально возможное количество коммуникативных средств, постоянно решает возникающие коммуникативные задачи, из-за чего может казаться менее значительным по сравнению со «стратегом», широко использует лингвистические навыки и навыки интеракции и **стратега** (политик, который использует ограниченное число коммуникативных средств, не очень активен в коммуникации, делегирует решение возникающих коммуникативных задач исполнителям, участвует в коммуникации только в значимых ситуациях. В основном применяет энциклопедические знания и навыки интеракции).

Основаниями для выбора являются различные способы наполнения категорий *энциклопедичность, лингвистический статус, интерактивность*.

Заполнение данной карты с учетом выборки текстов Б. Ельцина позволяет сделать вывод, что Б. Ельцин активен в коммуникации, сам определяет направленность общения с аудиторией, решает коммуникативные задачи, но при этом не становится менее значимым, ибо актуализирует соответствующие интеркатегории дискурса, а значит, обладает необходимым энциклопедическим и лингвистическим статусом. Это дает нам основание для отнесения его к типу тактик с элементами стратега (см. карту 5).

Л и д е р	Энциклопедичность (демонстрация знаний по различным направлениям)			Лингвистический статус			Интеракция, невербальное поведение			Тип лидера
	Интертекстуальность	Интерсобытийность	Специальная терминология	Правильность речи	Вариант языка	Широта стилистического диапазона	Открыт / закрыт	Контакт с аудиторией	Степень активности в коммуникации	
Е Л Б Ц И Н	Официальные документы; законы, Конституция	События, связанные с Россией, ее прошлым и будущим; президентские выборы 2000 года	Политическая, социологическая	Правильна	Русский литературный язык	Официально-деловой стиль с вкраплениями эмоционально-оценочной лексики	Открыт, так как включает аудиторию в дискурс	Да	Активен, определяет ход общения и темы общения	Тактик с элементами стратега

Карта 6 представляет изучение дискурса политика с позиций того, как упакована информация и дает возможность определить, каким предстает мир лидера, насколько он реален либо прожективен. Данная карта выявляет актуализацию у политического лидера качеств **прагматика** (для него реальность – как предметная, так и субъектная – и есть идея: он из реальности исходит и к ней ведет аудиторию), **идеолога** (для него идея в основе мироздания, он под нее строит реальность и конструирует социум), **идеалиста** (для него важно не то, что есть на самом деле, а то, как к этому относиться, важна не сама идея или факт, а ее вербализация, и тогда вербализация становится и идеей и фактом). При активном использовании коммуникативных стратегий типов прагматик и идеолог мы, исходя из сугубо речевых характеристик дискурса, можем ввести дополнительный тип – **эффективный коммуникант (пропагандист)**.

Основаниями для выбора являются различные способы наполнения категорий *направленная информация* и *коммуникативные стратегии*.

Заполнение данной карты на основании всей выборки текстов Б. Ельцина позволяет сделать вывод, что для Б. Ельцин характерен дискурс-тип прагматик, ибо предметная реальность и предметно-ориентированные коммуникативные стратегии актуальны и получают свое развитие в дискурсе политика. Но в то же время он актуализирует идею светлого будущего, и тогда фокус внимания перемещается на субъектов коммуникации и реализацию реляционных коммуника-

тивных стратегий. Таким образом, в нем актуализируются оба дискурс-типа: прагматик и идеолог (см. карту 6).

Карта 6

Л и д е р	Фокус на предмете дискурса	Предметно ориентированные коммуникативные стратегии	Фокус на субъектах дискурса и коммуникативной ситуации общения:	Реляционные коммуникативные стратегии	Тип лидера
Е Л Ь Ц И Н	Предметная реальность связана с тем, что он решает и будет решать проблемы, причем лучше всех	Сейчас тяжело, но есть успехи. Замечательная жизнь в будущем. Реконструирует проблемы	Фокус на субъектах, берет аудиторию с собой в великодушное будущее. Фокус на себе. В субъектах не ищет виновных, берет все на себя	«Реклама», «защита»; гибок в использовании стратегий в свою пользу, может «защиту» превратить в «рекламу»; «реклама» продвигает его миссию. Расписывает деятельность	Прагматик. Идеолог

Карта 7 выявляет актуализацию у политического лидера качеств **демократа** (привержен демократическим ценностям, признает свое «я» и «я» других), **мессии** (несет аудитории идеи, поднимаясь на ней, «я» редкое, но сильное, закрытое для аудитории), **народника** (одновременно и «один из всех» и «над всеми», у него есть особая миссия, он открыт, но его открытость условна, ибо он открыт институционально, а не личностно, вокруг института, который он репрезентирует, возможна некая мифичность).

Основаниями для выбора являются различные способы наполнения категории *самоидентификация* и ее проекции на категории *аудитория* и *миссия*.

Заполнение данной карты с учетом проанализированной нами выборки текстов Б. Ельцина позволяет утверждать, что Б. Ельцин воспроизводит дискурс-тип мессия, ибо поднимает себя над своей аудиторией. Его «я» сильное, закрытое, но сострадающее; он – тот, кто может дать лучшую жизнь россиянам (см. карту 7).

Л и д е р	Я	Мы	Он	«Над аудиторией»	«Один из нас»	Миссия	Тип лидера
Е Л Б Ц И Н	Всегда играет в свою игру; президент, решивший ряд проблем; власть; оценивает себя положительно	Электорат, россияне, администрация президента	—	Над аудиторией благодаря своим качествам	—	Дал людям лучшую жизнь и никто другой не сделал бы этого лучше. Берет на себя боль других	Мессия

Карта 8. Изучение дискурса политика с позиции того, какова динамика соотношения и перехода друг в друга мифа и реальности в его сознании и какие реляционные (субъект-субъектные) коммуникативные стратегии он использует, дает возможность определить механизм воздействия лидера на аудиторию и содержательные приоритеты лидера по отношению к своей аудитории.

Карта 8 выявляет актуализацию у политического лидера качеств **менеджера** (человек реальности, опирается на факты, руководит аудиторией), **сказителя** (поддерживает виртуальность, опирается на мифы (идеи) и ведет аудиторию в мир идей), **(полит) –технолога** (уводит в виртуальность, опирается на факты, возможно, в сочетании с идеями, их преобразует в идеи и мифы так, чтобы аудитория этого не заметила), **учителя** (возвращает в реальность, опирается на мифы, функционирующие в обществе, и стремится их развенчать, приземлить, объяснить аудитории, то есть возвращает аудиторию в реальность).

Основаниями для выбора являются различные способы наполнения категорий *соотношение мифа и реальности, кортежные коммуникативные стратегии*.

Заполнение данной карты на основании всей выборки текстов Б. Ельцина позволяет сделать вывод, что Б. Ельцин актуализирует такие два дискурс-типа, как менеджер и сказитель. Так, с одной стороны, он человек дела, оперирует фактами, осмысливает реальность, а с другой стороны, ведет аудиторию в мир идей, озвучивая миф о светлом будущем (см. карту 8).

Л и д е р	От реальности к реальности	От реаль- ности к мифу	От ми- фа к мифу	От мифа к ре- ально- сти	Кортежные ком- муникативные стратегии (взаи- модействие адре- сант-адресат)	Тип ли- дера
Е Л Б Ц И Н	Он осмысливает реальность как она есть, он ее констатирует, но не объясняет от- ношения к ней. Вводит в нее ау- диторию – ведет за собой	От рефор- мирующей- ся России под его ру- ководством в миф «светлое будущее»	От мифа «я» де- лаю лучше всех в миф «светлое буду- щее»	—	Ведет аудиторию в свою реаль- ность. Моделиру- ет будущее Рос- сии	Менед- жер. Ска- зитель

6.1.6. Общие выводы

Таким образом, в своем дискурсе Б. Ельцин манифестирует следующие дискурс-типы (из набора возможных):

Набор возможных дискурс-типов	Дискурс-типы, манифестируемые в дискурсе Ельцина
Коллективист. Индивидуалист. Институционалист	Коллективист. Индивидуалист. Институционалист
Созерцатель. Деятель. Сбалансированный	Созерцатель. Деятель. Сбалансированный
Популист. Рационалист. Борец	Рационалист. Популист
Общенациональный. Региональный. Партийный	Общенациональный
Тактик. Стратег	Тактик. Стратег
Прагматик. Идеолог. Идеалист. Пропагандист	Прагматик. Идеолог
Демократ. Мессия. Народник	Мессия. Народник
Менеджер. Учитель. Сказитель	Менеджер. Сказитель

Борис Ельцин мастерски владеет ситуацией и приемами логики. Всегда играет в свою игру. Сам решает, о чем говорить, когда и для чего. Не следует сценарию, заданному другими. Реалист с четким видением будущего, включающий себя в эту временную перспективу: без него будущее не состоится.

Дискурс Б. Ельцина репрезентирует его посредством номинаций – власть, президент, тот, кто выше всех. Его единственная роль – быть президентом. Основная атрибутивная характеристика политика – лучше других, самый лучший. Он достойно признает свои ошибки, убеждая при этом аудиторию в том, что только он может их исправить. Саморепрезентация местоимением «мы» включает две составляющие – россияне и электорат. Но в случае нападок политик подключает еще одно значение «мы» – команда. Он ответственный, рассудителен, уверен в себе, репрезентирует себя как человека, знающего современную историю.

Его дискурс наполнен реальными и институциональными субъектами. В нем значимы россияне, электорат, администрация, знаковые политические фигуры, партии, и он находится «над ними». У него нет оппонентов, нет врагов. Он уделяет внимание институциональным субъектам – России, обществу. Своего политического наследника номинирует как человека, который будет его продолжением, и, в частности, завершит реформы. Характерная для него интертекстуальность – ссылки на Конституцию и законы, а также его собственные тексты и указы.

Интерсобытийность представлена реструктурированными политическими событиями будущего и прошлого, в сравнении с настоящим, чтобы продемонстрировать свои успехи.

И в настоящем, и в будущем Б. Ельцин видит себя активным и влиятельным вне зависимости от поста президента. В настоящем для него важнее факты, чем отношение к ним, и он осуществляет их жесткий отбор. Однако по отношению к прошлому и будущему он ведет себя иначе: оценочное отношение понижает его дискурс и даже предопределяет его структуру.

Его излюбленный фрейм – «до меня было плохо, но скоро с моей помощью будет лучше, несмотря на мои ошибки, которые я признаю; поэтому я необходим в будущем». Его кредо можно сформулировать так: «Я дал людям лучшую жизнь, и никто другой не сделал бы этого лучше».

Риторические практики Б. Ельцина включают восклицания, риторические вопросы, сравнения, метафоры. Его ключевые метафоры – «карточная игра» и «путь». Его ключевые пропагандистские приемы – «наклеивание ярлыков» и «блестящая неопределенность».

Дискурс Бориса Ельцина можно в целом охарактеризовать как эгоцентричный, авторитарный, официальный.

6.2. В. Путин: дискурс-портрет

6.2.1. Политик беседует с журналистом

(Путин: «Было бы идеально, если бы все другие развитые страны мира относились к России не хуже, чем к другим своим партнерам» // *РИА Новости*. 2000. 12 июля.)

Для дискурса В. Путина в ситуации межличностного общения характерна включенность аудитории в общение (*Вы верно назвали это клубом...; вы знаете; определенные меры принимаются; Я уверен, вы знаете о них...*). Здесь «вы» может декодироваться широко: каждый читатель вправе принять это «вы» на себя.

В. Путин четко различает местоимения «я» и «мы» (*Я, например, считаю, что определенные меры принимаются; мы с удовольствием принимали... президента*). «Я» он употребляет, когда говорит о своем мнении, взгляде на проблему, о своих действиях. В то время как «мы» в дискурсе В. Путина многозначно. Это и Россия, ее позиция на международной арене, ее симпатии, антипатии, планы на будущее, это и страны мирового сообщества (*мы будем обсуждать так же, как и все другие участники этого клуба...; наши общие подходы с нашими американскими партнерами; КНДР - наш сосед; мы должны хотя бы теоретически исходить из того, что...*). Интересно, что в его дискурсе «мы» и «Россия» могут меняться местами: *Россия* (то есть в конечном итоге «мы») *не хочет оставаться в стороне от этих возможностей*.

В том единственном случае, когда оппонент указан явно, дискурс все равно сохраняет тенденцию непротивостояния. В. Путин говорит только о *разнице в наших подходах* (с американскими партнерами).

В дискурсе В. Путина просматривается и противостояние «правительство-парламент». Направленность этой оппозиции – от правительства к парламенту. Здесь парламент предстает, скорее, как объект воздействия со стороны правительства. И все-таки важно то, что они работают ради одного дела:

Если бы правительство проводило работу с депутатами... более последовательно... могли бы убедить, наверное, многих депутатов.: Правительство и администрация президента активно работают в парламенте... мы уходим от такого формата общения.

Политик заполняет дискурсное пространство знаковыми фигурами:

...президент США, лидеры стран, лидер Северной Кореи, президент Республики Корея, правительство и администрация Президента, депутаты Государственной думы.

Выбор косвенных средств для выражения упрека (сослагательное наклонение плюс модальность) говорит о желании политика сглаживать противоречия (*могло бы действовать более энергично; могли бы быть более радикальными*), но В. Путин умеет отстаивать свою позицию (*при невыполнении каких-либо условий со стороны потенциальных партнеров Россия может изменить свою внешнюю политику*).

Модальность в дискурсе В. Путина проявляется в форме «возможно-невозможно» (*в Послании не могут быть изложены все меры структурного характера*) либо «должно» (*... должно быть конкретизировано правительством; должны исходить из того...; мы должны... оценить ясно*). Он исходит из реального положения дела и реализует свою волю, выстраивая некую гипотетическую ситуацию и вербально конструируя реальность, которую Россия готова принять (*Россия... хочет пользоваться этими возможностями; это было бы для России идеально*). Здесь виден переход от актуализации волевого начала в дискурсе власти к актуализации пассивного начала, а именно мифа «социальной справедливости», перенесенного в международный контекст, где все субъекты, введенные в текст, что-то должны России (*если бы все другие развитые страны мира относились к России не хуже...*).

В дискурсе В. Путина всего понемногу: немного абстрактности (*в принципе, теоретически*), немного уверенности (*уверен; я уверен, что вы знаете о них...; вселяет надежду*), немного желания (*мы хотим обсудить...*), немного сомнения (*если мне не изменяет память; по-моему*), много неопределенности, что придает дискурсу размытость (*какие-то льготы вообще; некоторое время назад; в перспективе; должен сказать, что определенные меры принимаются; некоторые достижения человечества в различных областях науки; некоторые международные вопросы*).

В. Путин склонен напоминать о значимых для России позитивных событиях (*в 99-м году мы с удовольствием принимали здесь президента Республики Корея*). Среди текстов-ссылок – официальные документы, как например, Договор 1972 года или Послание к Федеральному собранию (*тот баланс, который был создан в результате Договора 1972 года; то, что концептуально изложено в Послании*), научные извлечения (*геном человека*).

Среди излюбленных коммуникативных стратегий В. Путина – «реклама» (страны, правительства или личных достижений), которая может подаваться с использованием сравнения (*ни один лидер из бывшего Советского Союза и России не был в Северной Корее с официальным визитом; что может быть лучше?*).

Мифологичность у В. Путина сопряжена с приемом «блестящая неопределенность», оценочно окрашивающим деятельность власти (*мы выступаем за нормализацию отношений на Корейском полуострове; мы предлагаем идти по этому пути*). Впрочем, это можно назвать и определенной «лозунговостью». Среди других психологических приемов пропаганды – «общий вагон» (*являются актуальными сегодня для всего человечества; он понятен и ясен каждому*).

Встречаются такие риторические приемы, как повторы (*Северная Корея - наш сосед; КНДР - наш сосед*), метафоры, в основном общеупотребительные, активизирующие все органы чувств (*масштаб этих угроз, идти по этому пути, шла речь; не пустой звук*). Но ключевые метафоры – «импульс» и «путь». Значимость их такова, что они становятся даже фрейм-формулирующими всего интервью:

Начало: *Лидеры стран имеют возможность... договориться о каких-то принципиальных вещах, после чего передается определенный импульс..;*

Конец: *Без всяких сомнений, рассчитываем на то, что это будет хорошим импульсом.*

Слово «импульс» окружено коннотацией «действие», «движение», а отсюда и «путь». Для В. Путина дальнейший путь: от России сегодняшней – к новой России вместе (*дальше идти вместе...*).

6.2.2. Политик обращается к массам

(Новогоднее обращение В. Путина. Владимир Путин: «Все доброе обязательно сбудется» // Российская Газета. 2000. 1-5 января.)

В самом начале речи «я» В. Путина – это «я» обычного человека, такого же, как все (*я, как и вы, с родными и друзьями собирался*). Но далее он обозначает свой приход в политику как судьбу, как миссию, которую на него возложили другие, и актуализирует он эту идею также и с помощью глаголов в пассивном залоге (*сегодня на меня возложена обязанность главы государства*). Однако последующие предложения идентифицируют его как человека активного, обладающего властью, к словам которого должны относиться и относиться с вниманием и уважением (*обращаю внимание на*). Он выступает как равный Б. Ельцину (*хочу пожелать первому президенту России... здоровья и счастья*). Постепенно В. Путин становится все более авторитарным, показывая, что может пользоваться властью (*Я хочу предупредить, что любые попытки выйти за рамки российских законов...будут решительно пресекаться*). В конце речи его

«я» носит интегративный характер. Он – вместе со всеми и предлагает народу своей страны вместе с ним отметить замечательный праздник:

Давайте улыбнемся нашим родным и близким; пожелаем друг другу тепла, счастья, любви и поднимем бокалы за новый век России...

Таким образом, его «я» в речи вернулось на круги своя, но преображенным: В. Путин начал речь как обычный человек, и закончил ее как человек, но уже не обычный, а наделенный властью.

Другое наполнение «я» – поборник свободы и демократических ценностей, но вместе с тем государственный:

Свобода слова, свобода совести...будут надежно защищены государством; Государство стояло и будет стоять на страже безопасности каждого нашего человека... Россия пошла по пути демократии и реформ, не свернула с этого пути.

В. Путин не ставит целей и задач, он просто говорит, что и как будет, он это даже не прогнозирует, а знает:

Все доброе и хорошее, задуманное Вами, обязательно сбудется; вакуума власти в стране не было и не будет.

Его кортеж – это весь народ, государство, Борис Ельцин и страна (он (президент России) *просил меня обратиться к стране*). Это также россияне, соотечественники, Вооруженные Силы, Федеральная пограничная служба, органы правопорядка; демократическая Россия. Для актуализации кортежного содержания политик использует обращения, которыми варьирует (*Дорогие россияне! Дорогие соотечественники! Дорогие друзья!*). В. Путин не делит свою аудиторию на «своих» и «чужих», но, тем не менее, обрисовывает круг тех, кто может стать «чужим» (*любые попытки выйти за рамки российских законов...будут решительно пресекаться*). Стремится актуализировать позитивное отношение к своему предшественнику (*оценить... то, что сделал этот человек, можно только через некоторое время*).

Конституция и право – ключевые элементы его дискурса. Это подтверждается ссылками на положения Конституции, законы, официальные документы. Политик усиливает значимость этих событий риторическим приемом «повтор». Среди других риторических практик В. Путина, актуализированных в данном жанре, следует назвать такие характерные для него приемы, как использование метафор (*вакуум власти*), экспрессивности (*огромная заслуга*), наряду с клишированной лексикой (*будут решительно пресекаться*). Он также внимателен к цифрам и датам (*сегодня, 31 декабря 1999 года*).

В обращении к массам для В. Путина первостепенное значение имеет проекция на «здесь и сейчас», хотя он не ограничивается актуальным настоящим, а обращается к прошлому и из него идёт в будущее вместе со своей аудиторией.

6.2.3. Политик анализирует проблему

(В. В. Путин. Десять лет «Большому договору» (заметки на полях) // Франкфуртер Альгемайне. 2000. 9 ноября. //<<http://president.kremlin.ru/events/>>).

Здесь (в Германии) я прожил не один год; Я видел и чувствовал, как болезненно люди переживают разделение своей страны. «Большой договор» нацеливает нас на объединение усилий в строительстве новой Европы; Сегодня мы не должны забывать и такие ключевые положения «Большого договора», как обязательства сторон по предотвращению войны...

В аналитическом материале В. Путин репрезентирует себя как человека, обладающего необходимым опытом и стремлением поделиться своими знаниями с аудиторией. Анализирует проблему укрепления и реализации потенциала российско-германских отношений, подходя к ней исподволь. Представляет ее через канву событий своей жизни, делая ее личностно значимой.

В материале красной нитью проходит позиция автора, его индивидуальный опыт. Его «я» решительное, вежливое, но жесткое, уверенное в себе (*считаю, не сомневаюсь, хотел бы подробнее, убежден, хочу особо отметить*).

Далее набирает силу местоимение «мы», за которым стоит Россия и Германия, «я» и Шредер, русские:

«Большой договор» нацеливает нас на объединение усилий в строительстве новой Европы. Сегодня мы не должны забывать и такие ключевые положения «Большого договора», как обязательства сторон по предотвращению войны...

Действовать в этом направлении мы договорились с Федеральным канцлером Г. Шредером...

В Германии уделяется большое внимание уходу за российскими военными захоронениями и памятниками. Мы это высоко ценим.

Через «я», «мы» и других субъектов (как совокупных, так и реальных) разворачивается тема «отношения между странами»:

Пройденный вместе путь; воля народов; взаимное доверие; партнерское взаимодействие; новый уровень взаимопонимания и доверия; политический диалог; рабочая группа высокого уровня по стратегическим вопросам; сотни тысяч граждан России; более полумиллиона немцев; между россиянами и немцами; сотрудничество молодого поколения политиков.

Дискурс основывается на дихотомии «я»-«мы», реализуемой в стилистических характеристиках «личностность»-«официальность». Единение народов через единения «я» и «мы» является тематическим как на личностном, так и на институциональном уровнях: *Я – Шредер, Россия – Германия*. Будучи индивидуалистическим вначале, дискурс, в конечном счете, интегративен: на основе завершеного настоящего нацелен на движение в будущее.

Сама тема подается в дихотомиях не только временных и пространственных, но и содержательно-прагматической: «потенциал – его реализация». В. Путин говорит о *резервах для наращивания, обязательствах незамедлительно приступить к...*, видах на «*прорывные*» разработки. Категории «свершение» и «продвижение к свершению» становятся ключевыми для В. Путина в данном жанре. Они так или иначе прокручиваются через словарь деятельности субъектов. Если для самого В. Путина это – глаголы ментальной деятельности (*полагаю, думаю, думается*), желания (*хочу, хотел бы*), оценки (*оценивая...*), уверения (*не сомневаюсь*), и собственно действия (*мы договорились*), то для России и Германии как совокупных субъектов это глаголы, обозначающие конкретные шаги и результат деятельности, (*продвинулись; при решающей роли Советского Союза мирное объединение Германии стало реальностью*).

Встречается и ряд предложений с условным наклонением или маркированной модальностью. Иногда такое конструирование ведется с помощью условного наклонения (*если удастся уйти от стереотипов холодной войны ...*).

Встречается также дихотомия «реальность-сегодня-завтра», конструирующая позитивное будущее, актуализирующая ситуацию конфликта и недоработок с учетом перспективы разрешения и исправления:

Нынешнее состояние двусторонних торгово-экономических отношений явно не соответствует их громадному потенциалу.

Аналитика В. Путина интересна своей ритмикой и переплетением с жанром «выступление перед массами»:

Берлинская стена делила не только Германию. Она была символом раскола Европы и мира на два враждующих лагеря. К десятилетию «Большого договора» наши страны подходят с оптимистическим настроением на то, чтобы в самом ближайшем будущем добиться максимальной, ощутимой для всех россиян и немцев практической отдачи от реализации «Программы действий».

С точки зрения проявления в дискурсе интертекстуальных характеристик, следует отметить присутствие политических документов международного значения («*Большой договор*», «*Программа действий*», *Устав ООН*). Здесь В. Пу-

тин использует также, пословицы и поговорки пытаюсь, развить их сообразно заданному жанру:

Говорят: понять – значит простить, скажу больше: понять – значит подружиться, значит научиться работать вместе на благо Мира.

В равных пропорциях в данной статье представлены как оценки, так и факты, что создает впечатление сбалансированного текста. Автор использует логические обороты, охотно оперирует цифрами и датами:

Нельзя недооценивать возможности такого связующего нас звена как сотни тысяч граждан России, реализовавших свое желание уехать на свою историческую родину в Германию, а также более полумиллиона немцев, продолжающих жить и работать в России. По нацистскому закону 1938 года... творцы принятой ОБСЕ в том же ноябре 1990 года Парижской хартии.

Дискурс В. Путина может восприниматься как эмоционально насыщенный, однако использование штампованной эмоции делает текст, скорее, сухим, казенным, программным, нежели живым. Этот эффект усиливает присутствие достаточно большого количества строгой официальной терминологии:

Соблюдение обязательств по выводу войск, активное взаимодействие в рамках программ, контакты российских регионов и федеральных земель, двусторонние торгово-экономические отношения, человеческий потенциал.

Таким образом, анализируя проблему, политик удерживает баланс между предметной стороной дискурса и субъектной ситуацией общения, фактологичностью и эмоциональностью, критичностью и позитивностью. При этом он конструирует позитивную реальность и интегрирует международное сообщество в свой единый кортеж.

6.2.4. Программа политика

(«Открытое письмо Владимира Путина к российским избирателям» // Комсомольская правда. 2000. 25 февраля.)

Свою программу В. Путин представляет в форме обращения к избирателям. Начинает свой текст с констатации факта:

...На прошлой неделе Центризбирком зарегистрировал меня кандидатом на выборах Президента России. Решение идти на выборы – продуманное и мною обнародовано давно.

В. Путин приближается к читателю, как будто непосредственно с ним разговаривает. Но это серьезный разговор, кандидат в президенты «дает отчет» избирателю о своем решении, как бы успокаивает:

...Как и все предыдущие месяцы, буду исполнять свои прямые должностные обязанности.

У В. Путина здесь две роли: исполняющего обязанности президента и кандидата в президенты. Он их различает и воспринимает как естественное сочетание (*то, что я обязан ежедневно делать как руководитель страны; от того, что мне положено делать как участнику избирательной кампании; ... это обязательства кандидата перед российскими избирателями*), он сам задает их иерархию и наполнение. Для него главное – исполнять обязанности президента, то есть фактически им быть:

...Специальных предвыборных мероприятий в моем графике нет. А созданный избирательный штаб выполнит только то, что ему предписано Законом о выборах президента и инструкциями Центризбиркома.

И он это в полной мере осознает (*за прошедшие полгода у людей была возможность рассмотреть, что считаю главным и уже делаю в политике и экономике страны*).

Такая иерархия дает В. Путину возможность избежать неприглядной для российского менталитета роли рекламирующего себя кандидата:

...Решил без посредников – коротко и ясно – рассказать, что думаю про нашу сегодняшнюю жизнь и что надо сделать, чтобы она стала...

Тем не менее В. Путин рекламирует себя и делает это, актуализируя категорию интересубъектности: описывает недостатки предвыборных платформ других кандидатов. Он традиционно структурирует программу и подчеркивает, что следует традиции (*любая программа начинается с обозначения главных целей... без этого невозможно договариваться ни о чем*). Этот контекст помогает придать естественность и органичность поставленным целям. Четкая структура в программе данного политического лидера отсутствует, но это не мешает ему актуализировать все необходимые элементы: названа приоритетная и второстепенные цели, главная и второразрядные проблемы, по этапам расписана деятельность государства, определены ресурсы и методы решения проблем.

Главное, что представляет программа политика, – линия его действий. Поэтому ее элементы подчиняются общей направленности деятельности будущего президента, являются не самостоятельными пунктами, а шагами и сту-

пеньками. В. Путин часто говорит, что *можно, конечно, продолжать этот перечень, но по-моему, картина ясна*. Для него главное – создать общее представление. В программе все подчинено тому, чтобы аудитории было понятно содержание документа:

Во время выборов, обычно, печатается целое море политических платформ кандидатов. Эти объемистые документы редко дочитывают до конца. Я изложил здесь то, что считаю самым важным...считал своим долгом коротко рассказать согражданам о своих принципах и взглядах на государство.

В. Путин не дифференцирует свою аудиторию и не разбивает ее на группы. Иначе говоря, его программа – это дискурс интеграции и консолидации. Это обеспечивает силу его «я» и «мы». «Я» имеет статусные, деятельностные и институциональные характеристики (*я абсолютно уверен: сильное государство заинтересовано в людях состоятельных*). Его «мы» – это *граждане России, Россия и каждый из нас*. Он не разделяет власть и граждан, у них единые приоритеты, цели и проблемы (*о нашей общей цели... Это достойная жизнь*).

Таким образом, в своей программе В. Путин максимально ориентирован на аудиторию, традиционен, иллюстративен, сбалансирован, позитивен, конструктивен, репрезентирует себя как сильного и уверенного политика.

6.2.5. Невербальное поведение политика

(Составлено по телевизионным материалам, характеризующим три ситуации общения: интервью, обращение к массовой аудитории, встреча с народом в производственной обстановке).

Во всех жанровых ситуациях В. Путин – в центре кадра. В нем сочетается официальность, самоконтроль и личностность. Он вежлив и позитивен.

В. Путин формирует свое пространство, создавая барьер сцепленными впереди себя руками. Сохраняет право на потаенные мысли, отводя или же опуская взгляд. И тут он как бы вспоминает, что должен и может быть открыт, и тогда демонстрирует готовность к контакту с непосредственной аудиторией.

Тихий голос и четкая дикция заставляют прислушиваться к тому, что он говорит. Движения рук и бровей помогают расставить смысловые акценты. Несмотря на ровность интонации, отсутствие эмоциональных всплесков в голосе, В. Путин не монотонен. Динамика сохраняется за счет изменений скорости речи, а также мимики и движений рук.

В. Путин знает, что требуется в формальной или неформальной обстановке, и одевается в зависимости от ситуации: он может быть не только в официальном костюме, но и «без галстука»: куртке, одежде для отдыха на природе, спортивном костюме. Он никогда не появляется в военной форме.

В. Путин – внимательный, доброжелательный собеседник. Но телеоператор как бы намеренно создает кортеж «лидер–телеаудитория», показывая В. Путина, а не его слушателей. Непосредственная аудитория, даже интервьюирующий журналист, в кадре не актуализируются, хотя сам В. Путин активно контактирует с журналистом, создавая как бы в противовес оператору, кортеж «я – собеседник»: вежливо реагирует на реплики журналиста, кивает ему, может улыбнуться, продолжить его мысль, проявляет внимание, заинтересованность.

Политик открыт аудитории, показывает стремление наладить с ней контакт.

6.2.6. Типологические карты

Карта 1 выявляет актуализацию у политического лидера качеств **коллективиста** (лидер, широко использующий самоидентификацию «мы», но при этом сохраняет свое лицо, свое «я»), **индивидуалиста** (лидер с сильным личностным началом, широко использующий самоидентификацию «я», но при этом сохраняет свою причастность к сообществу – «мы») или **институционалиста** (лидер, сфокусированный исключительно на том институте, которому служит, который возглавляет и коммуницирующий все от его имени).

Основаниями для выбора являются различные способы наполнения категорий *самоидентификация*, *время* и *пространство*.

Различие в наполнении категории *время* обнаруживает три возможных подтипа, а именно: (а) *виртуальный* – апеллирующий к будущему; (б) *ретроспективный* – апеллирующий к прошлому; (в) *реальный* – актуальный сегодня.

Различие в наполнении категории *пространство* указывает на два возможных подтипа: (1) *локальный* – проецирующий себя на ограниченное пространство; (2) *глобальный* – проецирующий себя на мировое сообщество.

Заполнение данной карты на основании проанализированной нами выборки текстов В. Путина позволяет сделать вывод о том, что В. Путин актуализирует дискурс-тип индивидуалист: его «я» среди значимых политических фи-

гур и событий мирового значения позиционировано на «здесь и сейчас», функционирует в рамках понятия «действующий президент».

«Я» находится в гармонии с «мы». Его «мы» это народ и власть. В. Путин соотносит себя со всей страной и одновременно с теми, кто решает государственные задачи (см. карту 1).

Карта 1

Ли-дер	С п о с о б ы п р е з е н т а ц и и с е б я							Уточне-ние типа
	Мы + Я	Я + Мы	Мы без Я	Мы + слабое Я	Я + сла-бое Мы	Слабое Я и слабое Мы	Ни Мы ни Я	
П У Т И Н	—	Сильное «я» здесь и сейчас; «я» – это всегда действующий президент, «я» - в мировом мас-штабе среди знаковых поли-тических фигур и значимых для мира событий. «Мы» – власть и народ	—	—				Реаль-ный. Глобаль-ный
Тип ли-дера	Кол-лекти-ти-вист	Индивидуалист	Инсти-туцио-налист	Не актуализированы качества лидера				

Карта 2. Изучение дискурса политика с учетом того, что для него важнее – качества или действия субъектов, позволяет понять специфику его восприятия мира. Также мы видим и степень манипулятивности лидера. Карта 2 выявляет актуализацию у политического лидера качеств **созерцателя** (в фокусе внимания качества свои и других), **деятеля** (в фокусе внимания деятельность своя и других), **сбалансированного** типа. А также четырех оценочных подтипов: *позитивный* – акцент на положительные качества и/или положительную оценку деятельности (своей и других); *критикующий* – критика качеств или деятельности (своей и других); *манипулятивный* – все, что связано со «своими», – позитивно, с «чужими», – негативно; трех подтипов фокуса внимания (а) на себе; (б) на других; (в) на себе и других. Основаниями для выбора являются различные способы наполнения категорий *атрибутивность*, *деятельность*.

Заполнение данной карты с учетом проанализированной выборки текстов В. Путина позволяет сделать вывод, что В. Путин актуализирует оба дискурс-типа: деятель и созерцатель. Причем и тот, и другой дискурс-типы сфокусированы главным образом *на себе*. В дискурсе политика актуализируются его качества и деятельность. Что касается качеств других, то для него важны только их статусные характеристики – причастность к значимой деятельности и значимым событиям. В отношении деятельности других значима только та, которую он конструирует в рамках «мы», и тогда такую деятельность других он оценивает положительно. На этом основании мы считаем, что для него характерны такие подтипы, как *манипулятивный* и *сфокусированный на себе* (см. карту 2).

Карта 2

Л и д е р	Способы презентации себя в соотношении с другими и других в соотношении с собой				Тип лидера
	Качества свои	Качества других	Деятельность своя (оценка, направление деятельности)	Деятельность других (ее оценка)	
П У Т И Н	Закрытый, официальный, человек дела, интернационален, спортивен. Актуализировано очень ограниченное число качеств, они не противоречивы, однако то, что названо (человек дела) интенсивно и современно. Жизненная история скупа	Для него важна знаковая субъекта, причастность к деятельности, событиям; качеств других не идентифицирует	Скорее информативен, чем оценочен, оценку смягчает с помощью эпистемической модальности (<i>я думаю</i>), актуализирует возможные направления своей деятельности через условное наклонение и модальность возможности. Гарантирует соблюдение закона, улучшает положение России в мировом сообществе	В чистом виде не представлена. Скорее это желаемая деятельность тех, кто причастен к «мы» (включая его самого). В том числе он сам. Дана оценка такой деятельности (положительная)	Деятель. Манипулятивный. Сфокусирован на себе

Карта 3. Выбор типа осуществляется в зависимости от приоритетов политика в выборе способов удержания аудитории и, в конечном итоге, в выборе коммуникативных средств, фокусирующих внимание либо на опредмеченном мире (конструирование проблем), либо на мире людей (конструирование сообщества или расщепление мира на «своих» и «чужих», конструирование «врагов»). Карта 3 выявляет актуализацию у политического лидера качеств **популиста** (стремится максимально удерживать аудиторию, даже за счет нарушения логических связей, целостности текста, за счет отказа раскрыть глубоко тему выступления и пр.), **рационалиста** (говорит по существу, опирается на

общепонятную терминологию в изложении своих взглядов и предмета дискурса в целом, помнит, кому он говорит и для чего), **борца** (у него всегда есть объект борьбы, он критичен по отношению к миру и социуму, он борется, максимально используя арсенал пропагандистских приемов и риторических практик).

Основаниями для выбора являются различные способы наполнения категорий *риторические* и *дискурсные практики*.

Заполнение данной карты с учетом проанализированной выборки текстов В. Путина позволяет сделать вывод, что для В. Путина характерна манифестация дискурс-типа рационалист. Актуализация предметно-ориентированной информации (которая находится в центре его внимания) – главная характеристика его дискурса. Однако для него также характерно и использование ряда риторических приемов и приемов пропагандистского воздействия, из чего следует, что ему свойственен также и дискурс-тип популист (см. карту 3).

Л и д е р	Способы конструирования мира для аудитории и удержания аудитории			Тип ли- дера
	Через предметную информацию	Через субъектную информацию		
	Образность или конкретность речи, эмоциональность или рациональность	Используй- вание рито- рических приемов	Приемы пропа- ганды	
П У Т И Н	Конкретен, минимум образов, метафор (ключевая – «путь»), образ через не- нормативный словарь (профессио- нальный или криминальный сленг); рационален; наличие некоторого эмо- ционального напряжения, в котором он держит аудиторию за счет сохране- ния официального стиля общения, и проигрывания в настоящем одной роли –президента	Повторы, сравнения, клише, три- виальные ме- тафоры, ав- тодиалог в ограничен- ном количе- стве	«Общий вагон», «блестящая неоп- ределенность», «навешивание ярлыков»; отбор и иерархия фак- тов; направлен- ная интерпрета- ция фактов	Рациона- лист. По- пулист

Карта 4 выявляет актуализацию у политического лидера качеств **общенационального** лидера (проецирует себя на всю страну, поэтому неизбежно использует дискурс консолидации, готов принять в свой кортеж «заблудших чужих»), **регионального** (для него всегда будут «свои» и «чужие»), **партийного** (для него характерна корпоративность, на первом месте партия и ее интересы, он озвучивает ее идеи, он – лидер в своей команде, но при этом и один из них).

Основаниями для выбора являются различные способы наполнения дискурс-категорий *аудитория* и *интерсубъектность*.

Заполнение данной карты с учетом проанализированной нами выборки текстов В. Путина позволяет сделать вывод, что В. Путин лидер общенациональный. В его дискурсе в основном «свои». Виртуальное присутствие «чужих» не разрушает данный дискурс-тип, а, наоборот, способствует консолидации нации (см. карту 4).

Л и д е р	Аудитория		Интерсубъектность		Тип лидера
	Аудитория (целевая): тенденции к расширению/сужению/сохранению	Дифференциация «чужих» и своего отношения к ним	Дифференциация «своих» (кортеж)	Дифференциация аудитории	
П У Т И Н	Вся страна	«Чужие» не вербализованы, но имплицитно присутствуют	Только «свои» вся страна, у него нет врагов, открыт для сотрудничества	В основном «свои»	Общественный

Карта 5 выявляет приоритеты в выборе типичных коммуникативных действий, то есть актуализацию у политического лидера качеств **тактика** (политик, который использует максимально возможное количество коммуникативных средств, постоянно решает возникающие коммуникативные задачи, из-за чего может казаться менее значительным по сравнению со «стратегом», широко использует лингвистические навыки и навыки интеракции и **стратег** (политик, который использует ограниченное число коммуникативных средств, не очень активен в коммуникации, делегирует решение возникающих коммуникативных задач исполнителям, участвует в коммуникации только в значимых ситуациях. В основном применяет энциклопедические знания и навыки интеракции).

Основаниями для выбора являются различные способы наполнения категорий *энциклопедичность, лингвистический статус, интерактивность*.

Заполнение данной карты с учетом проанализированной нами выборки текстов В. Путина позволяет сделать следующий вывод. В. Путин умеренно (осознанно) интерактивен. Он актуализирует соответствующие интеркатегории дискурса, а значит, обладает необходимым энциклопедическим и лингвистическим статусом. Это дает нам основания отнести его к типу стратег с элементами тактика (см. карту 5).

Л и д е р	Энциклопедичность (демонстрация знаний по различным направлениям)			Лингвистический статус			Интеракция, невербальное поведение			Тип лидера
	Интертекстуальность	Интерсобытийность	Специальная терминология	Правильность речи	Вариант языка	Широта стилистического диапазона	Открыт/закрыт	Контакт с аудиторией	Степень активности в коммуникации	
ПУТИН	Важные международные политические документы, Конституция, пословицы	Знание политической ситуации в стране и в мире; знание истории (обращается к не общеизвестным событиям)	Политическая, военная терминология	Речь не академична, может допускать ошибки, подбирает слова	Русский язык, престижный вариант, не пользуется диалектизмами	официален; речь клиширована, однако перемежается слэнгом (молодежным, криминальным, профессиональным)	Демонстрирует открытость, но держит дистанцию	Идет на контакт с непосредственной аудиторией, но сдержанно, не выходя за рамки официального поведения	Следует требованиям своего положения и относит его к ситуации	Стратег с элементами тактика

Карта 6 представляет изучение дискурса политика с позиций того, как упакована информация и дает возможность определить, каким предстает мир лидера, насколько он реален либо прожективен. Данная карта выявляет актуализацию у политического лидера качеств прагматика (для него реальность – как предметная, так и субъектная – и есть идея: он из реальности исходит и к ней ведет аудиторию) идеолога (для него идея в основе мироздания, он под нее строит реальность и конструирует социум), идеалиста (для него важно не то, что есть на самом деле, а то, как к этому он относится, важна не сама идея или факт, а ее вербализация, и тогда вербализация становится и идеей и фактом). При активном использовании коммуникативных стратегий мы помимо дискурс-типов прагматик и идеолог, на основании сугубо речевых характеристик дискурса, можем ввести дополнительный тип – эффективный коммуникант или пропагандист.

Основаниями для выбора являются различные способы наполнения категорий *направленная информация* и *коммуникативные стратегии*.

Заполнение данной карты с учетом проанализированной нами выборки текстов В. Путина позволяет сделать следующий вывод. В. Путин проявляет в себе качества такого дискурс-типа как прагматик, ибо предметная реальность и предметно-ориентированные коммуникативные стратегии для него актуальны и получают свое развитие в его дискурсе. Если мы и говорим о фокусе внима-

ния на субъектах и реляционных коммуникативных стратегиях, то это не влечет за собой идеализацию: аудитория для него реальна и имеет право на свое мнение (см. карту 6).

Карта 6

Л и д е р	Фокус на предмете дискурса	Предметно ориентиро- ванные ком- муникатив- ные стратегии	Фокус на субъек- тах дискурса и коммуникатив- ной ситуации общения:	Реляци- онные ком- муни- кативные страте- гии	Тип лиде- ра
П У Т И Н	Предмет подается в реальном пространстве; характерны рутинность, ровность (монотонность), предсказуемость, опора на детали, фокусировка на главном в предмете дискурса	Дискурс выстраивается от своей реальности к реальности других (дает свободу аудитории строить свою собственную реальность)	Возможен фокус на субъектах, в частности, знаковых субъектах политики; аудитория для него реальна, гомогенна; признает право аудитории на свое мнение	Реклама страны, правительства, личных достижений	Прагматик

Карта 7 выявляет актуализацию у политического лидера качеств демократа (привержен демократическим ценностям, признает свое «я» и «я» других), мессии (несет аудитории идеи, поднимаясь на ней, «я» редкое, но сильное, закрытое для аудитории), народника (одновременно и «один из всех» и «над всеми»; у него есть особая миссия, он открыт, но его открытость условна, ибо он открыт институционально, а не личностно, вокруг института, который он репрезентирует возможна некая мифичность).

Основаниями для выбора являются различные способы наполнения категорий *самоидентификация* и ее проекции на аудиторию, и категории *миссия*.

Заполнение данной карты с учетом проанализированной выборки текстов В. Путина позволяет сделать вывод, что политик актуализирует качества демократа, ибо считает своей миссией внедрение демократических ценностей, имеет свое лицо, и видит других, объединяя их в собирательный субъект «Россия». Этот факт – собирательность «мы», а также актуализация своего высокого статуса – говорит об актуализации в определенной степени также такого дискурса-типа, как мессия, который удивительным образом сочетается в дискурсе политика с дискурс-типом демократ (см. карту 7).

Л и д е р	Я	Мы	Он	Над аудиторией	Один из нас	Миссия	Тип лидера
П У Т И Н	Сильная личность; в прошлом – человек, в настоящем – президент, Личностно открыт, но официально закрыт	Отдельно от «я»; в дихотомии «Россия» (собирательное «мы») – «власть» (институциональное «мы»)	Нет	Статус президента	Только в прошлом	Внедрение демократических ценностей западного образца	Демократ с элементами мессии

Карта 8. Изучение дискурса политика с позиции того, какова динамика соотношения и перехода друг в друга мифа и реальности в его сознании и какие реляционные (субъект-субъектные) коммуникативные стратегии он использует, дает возможность определить механизм воздействия лидера на аудиторию и содержательные приоритеты лидера по отношению к своей аудитории. Карта 8 выявляет актуализацию у политического лидера качеств **менеджера** (человек реальности, опирается на факты, руководит аудиторией), **сказителя** (поддерживает виртуальность, опирается на мифы (идеи) и ведет аудиторию в мир идей), **технолога** (уводит в виртуальность, опирается на факты, возможно, в сочетании с идеями), их преобразует в идеи и мифы так, чтобы аудитория этого не заметила), **учителя** (возвращает в реальность, опирается на мифы, функционирующие в обществе, и стремится их развенчать, приземлить, объяснить аудитории, то есть возвращает аудиторию в реальность).

Основаниями для выбора являются различные способы наполнения категорий *соотношение мифа и реальности*, *кортежные коммуникативные стратегии*.

Заполнение данной карты с учетом проанализированной выборки текстов В. Путина позволяет сделать вывод, что В. Путин репрезентирует дискурс-тип менеджер. Так, с одной стороны, в его дискурсе максимально актуализирована реальность, а, с другой стороны, аудитория, которой он руководит, и от которой требует не только действий, но и их осмысленности (см. карту 8).

Л и д е р	От реальности в реальность	От реальности к мифу	От мифа к мифу	От мифа к реальности	Кортежные коммуникативные стратегии (взаимодействие адресант-адресат)	Тип лидера
П У Т И Н	От своей реальности к реальности других (дает свободу аудитории строить свою реальность)	—	—	—	Направленность на аудиторию; контакт с аудиторией; фрейм «человек – президент – человек»; дает свободу аудитории строить нужную ей реальность	Менеджер

6.2.7. Общие выводы

В своем дискурсе В. Путин манифестирует следующие дискурс-типы (из набора возможных):

Набор возможных дискурс-типов	Дискурс-типы, манифестируемые в дискурсе Путина
Коллективист. Индивидуалист. Институционалист	Индивидуалист
Созерцатель. Деятель. Сбалансированный	Деятель
Популист. Рационалист. Борец	Рационалист, популист
Общенациональный. Региональный. Партийный	Общенациональный
Тактик. Стратег	Стратег, тактик
Прагматик. Идеолог. Идеалист. Пропагандист	Прагматик
Демократ. Мессия. Народник	Демократ, мессия
Менеджер. Учитель. Сказитель	Менеджер

В. Путин не склонен проявлять инициативу, скорее нейтрален. Следует моделям жанра, не изменяя их требованиям. Не использует нетрадиционных интерпретаций различных терминов, а предпочитает общепринятые значения. С этой точки зрения, он легкий собеседник. Во всех текстах он и персонально ориентирован и официален одновременно. Эти характеристики всегда имеют одни и те же фреймы. Он личностен (персонален) в начале и при завершении общения, но официален или нейтрален в основной части текста. В любом слу-

чае сохраняет свой высокий статус. Не акцентирует на нем внимание, но спокойное, выдержанное поведение подразумевает его актуализацию. Он избегает принимать на себя какие бы то ни было роли. Даже роль кандидата не характерна для него. Он ведет себя так, словно уже занимает ту должность, на которую претендует. Он отделяет себя от остальных и делает это, скорее, констатируя факт неизбежности своего высокого положения, а не указывая на какое-то качество или другую возможную причину (сильная позиция).

Основная атрибутивная характеристика – человек дела. Он занимает пост и делает то, что должен делать, потому что это его обязанность, тут нет других вариантов, и все должны это признать.

Дихотомия «я-мы» составляет самоидентификацию Путина. «Я» – это всегда высокий статус, обязанности президента. Если же «я» представляет просто человека, то речь идет о прошлом. «Мы» – это Россия, граждане России, субъекты мирового сообщества (страны), или институциональное «мы» – институты власти и мировое сообщество в целом. Он не репрезентирует команду.

В центре его дискурса – современная история.

Для его дискурса характерна реконструкция кортежа, в который входят Б. Ельцин и граждане России. Он не идентифицирует врагов, в его дискурсе нет места «чужим», а есть лишь прямые оппоненты. Остальные субъекты позиционированы институционально – представляют парламент, правительство России, другие страны, международные организации. В любом случае, все, кто его окружают, имеют высокий статус.

Интертекстуальность дискурса Путина складывается из официальных текстов (Конституция, законы, указы), Устава ООН, соглашений и т.п. В его дискурсе есть место пословицам и поговоркам, при выборе которых он достаточно близок к народной речи. Практически отсутствуют литературные реминисценции. Интерсобытийность включает значимые для страны и мира события, которые он стремится организовать в линейном пространстве.

Необходимость и дихотомия «возможно/невозможно» вместе с сослагательным наклонением – его основная модальность и структуры отношений в пространстве. Настоящее, устремленное в будущее, его основная временная характеристика. Последнее всегда находится в рамках понятия деятельности.

Его «мы» всегда положительно маркировано: он позитивно настроен к партнерам по коммуникации. Резко негативен к нарушителям закона. Эта оценка имеет силу предупреждения. Он не говорит, что у провинившихся нет пути назад, не угрожает. Наоборот, смягчает оценку, говоря: *я думаю*.

Его фрейм скорее кортежен, сфокусирован на аудиторию. Фрейм аналитики включает также момент случайности (повод).

Среди его риторических практик: повторы, сравнения, клише, тривиальные метафоры. Ключевые метафоры «импульс» и «путь»: от России настоящего к России будущего (сравните с Ельцинской метафорой «путь» от недавнего прошлого через переходное настоящее к будущему России). Политик использует манипулятивные приемы «блестящая неопределенность» и «общий вагон». В его дискурсе присутствует строгая официальная терминология, эмоциональные клише наряду с разговорной лексикой, а также с вкраплениями слэнга (молодежного, криминального, профессионального). Ведущая коммуникативная стратегия – «реклама» страны, правительства и личных достижений.

Таким образом, в своем дискурсе В. Путин проявляет себя как законопослушный гражданин, следящий за соблюдением законов; человеком предназначения (он определяет будущее, но не себя в будущем); политик с традиционной по своему фрейму и структуре программой, отличительные черты которой – краткость и четкость и включенность аудитории в конструирование будущего (через деятельность, включая мыслительную). У него нет краткосрочных обещаний, он вообще не склонен обещать – он действует. Говорит понятно и просто. Личностные качества: закрыт, скрывает эмоции; позволяет аудитории самостоятельно строить мир, предлагая лишь рабочие эскизы. Его кортеж – вся страна, он открыт для сотрудничества. Для него важно самоуважение граждан, влияние России на международной арене. Он ценит компетентность и профессионализм, помнит о нуждах людей. Механизм связи между лидером и аудиторией (без прямых последователей и открытых оппонентов) заключается в том, что он ведет аудиторию из настоящего в будущее, позволяя ей самой конструировать виртуальную реальность. Он привлекает потенциальных сторонников тем, что никого не исключает из своего кортежа. Его дискурс можно охарактеризовать как правозащитный.

Часть седьмая

ЛИДЕРЫ РОССИИ:

ДИСКУРС ЛИДЕРОВ ПОЛИТИЧЕСКИХ ПАРТИЙ

7.1. Г. Зюганов: дискурс-портрет

7.1.1. Политик беседует с журналистом

(Геннадий Зюганов. Или мы обеспечим народу выживание, или он возьмется за булыжники и обрезы // Аргументы и факты. 1998. №45.)

В интервью Г. Зюганов не демонстрирует качеств приятного собеседника. Его задача здесь – реконструировать себя как лидера масс. Игнорируя попытки журналиста завязать контакт и перейти на межличностное общение, он тем не менее внимательно вслушивается в вопрос и дает развернутые ответы, подспудно раскрывая свое отношение к предмету разговора. При этом в данном интервью мы наблюдаем зависимость ответов от вопросов: политик не берет инициативу на себя, не уводит аудиторию от вопросов журналиста к тем проблемам, которые ему хотелось бы поднять и о которых бы хотелось поговорить.

Политик официален, формален, отвечает по существу, при этом актуализирует модальность долженствования, репрезентируя себя как политика, который может и должен диктовать условия.

Журналист: - Можете ли Вы назвать конкретные меры, которые бы приняли в первую очередь, став главой государства?

Зюганов: – Надо немедленно ужесточить уголовную ответственность... Надо немедленно пересмотреть тарифную политику... Надо снизить...

Иначе говоря, Зюганов воспринимает общение с журналистом, как общение со всей телеаудиторией, со своим электоратом. Журналисту здесь отводится роль посредника.

Текст политика организован с учетом оппозиции «свои-чужие». «Свои» – это «мы», границы которого определены нечетко, ибо его наполнение работает исключительно на рекламу единства, конструирует, но не отражает его (*за нами поддержка не только старшего поколения*). При этом «мы» самокритично (*мы спотыкаемся о тот же камень, называемый преемственностью власти*). Поле «чужие» также несколько размыто в тексте интервью. Это не конкретные субъекты, а сама реальность, чуждая и враждебная народу. Но встречаются также личностные нападки, которые, тем не менее, рассматриваются как типовые явления (*горбачевы, яковлевы, ельцины, которые пропили и продали страну*).

Иначе говоря «чужие» – это всего лишь объект критики, объект борьбы и в то же время повод для критики и для борьбы, на которой политик строит свой дискурс, конструируя себя как защитника и трибуна.

Г. Зюганов умело работает со временем. «Чужих» он проецирует в прошлое и будущее время, а «своих» – в настоящее. Вместе с этим есть нейтральные субъекты, так называемые ни «свои», ни «чужие», которых он отстраненно называет *граждане*. И это укрепляется пространственной характеристикой, анализом, операциями с цифрами:

...Они выросли...; пропили, продали... Завтра, например, подсунут больному Ельцину бумагу, и в одну ночь правительства не станет. За эти годы большинство граждан доносили то, что было в гардеробах от развитого социализма... У нас более 200 структур, 400 газет, журналов, радиостанций, 45 губернаторов... Я предлагаю, чтобы президиум правительства... обсудили пути выхода из кризиса.

«Я» в тексте интервью – это тот, кто думает, анализирует, нападает, рекламирует, строит прогнозы, предлагает. «Я» институционально, закрыто, во многих случаях имплицитно. В частности, его объективированная манера атаковать – *10 лет разговаривали и только сейчас достали до дна*. Это как бы не он атакует, а сама реальность такова, что ее нужно просто вскрыть и все станет понятно. *Народ, граждане* поймут, кто прав, а кто виноват. Таким образом, он усиливает свою позицию провидца, того, кто все знает, видит и несет народу правду.

Народ в дискурсе Г. Зюганова может быть не только вписан в «мы», но и является самостоятельным субъектом коммуникации (*в противном случае завтра народ возьмется за булыжники и будет прав*).

Излюбленные риторические практики политика: использование метафор (*на дрожжах*), сарказма, приемов «наклеивание ярлыков» (*алилуйщина*) и «свидетельствование» (*попросите ФСБ показать секретный доклад о том, как прошли акции протеста 7 октября. По оценкам, в разных формах там участвовало почти 37 млн. человек*), «объективизация» того, о чем говорит, и презентация своих взглядов как закономерных и единственно верных (*я не вижу другого выхода для страны, кроме создания левоцентристской коалиции*).

7.1.2. Политик выступает перед целевой аудиторией

(Геннадий Зюганов. К пятилетию КПРФ // Советская Россия. 1998. 17 февраля.)

В ситуации обращения к массам Г. Зюганов самоидентифицирует себя только через местоимение «мы», где «мы» исключительно институционально (*коммунисты, Компартия РСФСР, КПРФ*). «Мы» – это те, кто руководит деятельностью коммунистов или является активным коммунистом, в какой бы точке земного шара это не происходило:

...Коммунисты – члены Совета Федерации, депутаты Государственной думы и представительных органов всех уровней, главы администраций регионов, городов и районов. Мы были и остаемся одним из авторитетных отрядов мирового коммунистического движения.

Основную часть дискурса Г. Зюганов отводит рассказу о «мы», делая его объектом нарратива. Здесь «мы» дифференцировано, при этом остается институциональным и стереотипным (*профсоюзные, женские, молодежные организации, ветераны*). «Мы» не имеет не только пространственных, но и временных границ: оно было в прошлом, активно в настоящем, спроецировано в будущее:

Коммунисты... не только проходят школу государственного управления, но и оказывают все более заметное влияние на общий ход дел в стране. Верю, что совместными усилиями мы сумеем найти верное решение.

«Мы» – это в самой малой степени непосредственная аудитория политика: она появляется у Г. Зюганова только в начале выступления, в виде прямого обращения (*Уважаемые товарищи!*), и в конце выступления, но не как субъект, а как объект коммуникации (*Позвольте еще раз поздравить участников Пленума и пожелать им успешной работы*)

Другие субъекты в поле его дискурса практически не появляются, кроме институциональных, как например, *отечество* и *Россия*, которые находятся однако в таком положении, что за них надо бороться. Таким образом, они являются не только субъектами, но и объектами борьбы (*...коммунисты... боролись... за свое поруганное отечество; о нынешнем положении России*). Реализация и интерпретация местоимения «мы» делают дискурс Г. Зюганова максимально интегративным.

В тексте выступления политик ни разу не использовал местоимения «я», есть лишь глаголы в первом лице единственного числа. Таким образом он сохраняет в своих высказываниях личностное отношение (*подчеркиваю; хочу искренне поблагодарить; верю, что ...; позвольте еще раз поздравить*). Г. Зюганов активен в коммуникации и репрезентирует себя как активного политика че-

рез обилие деятельностных характеристик: он ставит перед аудиторией цели и задачи, критикует, держит отчет перед аудиторией, ставит проблемы:

...Важнейшей задачей является актуализация нашего участия в жизни профсоюзов, молодежных, женских, ветеранских...организациях... и наша обязанность сделать все, чтобы и впредь она оставалась истинно народной партией. Наше влияние в молодежной среде явно недостаточно. За пять лет в КПРФ принято 70 тысяч людей моложе 40 лет. Сегодня в наших рядах свыше полумиллиона коммунистов... .

При этом его деятельность модально окрашена:

...Нужно было дать отпор произволу... Однако мы ни в коем случае не можем... Быть может, нам и удалось в какой-то мере затормозить реализацию антинародного курса, но он, тем не менее, продолжается.

Для политика характерно употребление глаголов в отрицательной форме, причем как в ситуации позитивной, так и негативной – характерный баланс двух коммуникативных стратегий «реклама»-«критика» (реклама своих достижений и критика своих недостатков):

...Мы не допустили распродажи земли... Решительного перелома не удалось добиться потому, что мы недорабатываем во многих важных сферах...

Оппозиция «свой-чужие» выражена неотчетливо, ибо чужие не персонализированы, а определены через те качества людей, которые Г. Зюганов проецирует на аудиторию как неприемлемые:

...не допустить появления в нашей среде карьеристов, приспособленцев, двурушников...

В тексте актуализируется интертекстуальность двух типов: отсылки к закону и тексты популярных песен, которые, по его мнению, должна знать аудитория. Так, политик, с одной стороны, обращается к указу Б. Ельцина, а с другой, к словам популярной песни Татьяны Петровой (*Каждый коммунист сказал себе тогда словами песни... «Остаюсь с обманутым народом»*). В обоих случаях введенные тексты не призваны расширить наше представление о знаниях политика. Их задача проиллюстрировать основную идею или иносказательно назвать источник проблем, актуализируя мифы, стереотипы, нужные коннотации.

Риторические практики представлены активным использованием эмоционально-оценочной лексики, метафор, повтора, стереотипов советской эпохи, приемов психологической войны: «навешивание ярлыков», «блестящая неопределенность», «общий вагон»:

В тяжелейших условиях, в обстановке лжи и клеветы, травли и запугивания они (коммунисты) боролись за права трудящихся, за свое поруганное Отечество, за дело всего народа.

7.1.3. Политик анализирует проблему

(Зюганов Г. Где искать корни терроризма // Советская Россия. 1999. 18 сентября.)

Первый абзац: *Российские граждане пожинают чудовищные плоды преступной политики правящего режима. В то время как организаторы этой политики отсиживаются за высокими заборами под защитой вооруженной до зубов охраны, рекой льется кровь ни в чем неповинных людей. Варварские взрывы в Каспийске, Владикавказе, Буйнакске, Москве, Волгодонске унесли уже сотни жизней. Кто на очереди?*

Последний: *Ясно, что для смены курса и восстановления законности и правопорядка страна нуждается в смене власти. Каждый лишний день правления ельцинского режима означает новые страдания, новые потоки крови. К осознанию этого факта приходит сегодня практически все российское общество. И это, надеюсь, поможет ему принять верное решение на предстоящих выборах.*

Г. Зюганов выбирает тему «терроризм» – тему, имеющую национальное и интернациональное прочтение, современное и историческое. Что для Г. Зюганова эта тема? Почему за нее берется? Кому адресует свой анализ? Как воздействует на аудиторию?

Данный текст как бы из другого жанра: трудно представить, что это аналитический материал. В самом начале рисуется страшная картина (образ) реальности, надвигающейся, как смерч, на все пространство России (нагнетание усиливается за счет эпитетов, простого перечисления городов-жертв и риторического вопроса *кто на очереди?*). Это результат преступной деятельности (*пожинают плоды*), названы виновники (*правящий режим*), которые изображены в виде трусливых и бездарных (*отсиживаются за высокими заборами под защитой вооруженной до зубов охраны*). В конце все информативные элементы «лида»/зачина прокручиваются еще раз, но то, что вначале подавалось имплицитно, тут с помощью слова «выборы» эксплицируется (*российское общество должно принять решение на предстоящих выборах по отношению к приносящему страдания ельцинскому режиму*). Благодаря такой рамке текст анализа становится максимально прозрачным, прагматичным, что облегчает его восприятие. Кому нужно, пусть читают сам анализ, а другим и так все должно быть понятно. Этот материал нужен «здесь и сейчас» и адресован всем гражданам России (готовым или неготовым читать анализ), ибо все они могут быть (если еще не стали) жертвами режима.

В аналитическом материале нет прямого «я» политика. Только последнее предложение имеет определенную личностную окраску (*...это, надеюсь, поможет ему принять верное решение на предстоящих выборах*). В тексте один раз используется местоимение «мы», где «мы» – это все российское общество (*но вместо трезвой и реальной оценки обстановки мы слышим лишь лицемерный лепет, видим тайное желание ввести чрезвычайное положение*), а также один раз местоимение «наш», которое лишь усиливает сарказм политика (*...наших поклонников «достижений мировой цивилизации» она, естественно, нисколько не интересуется*).

Проблему терроризма Г. Зюганов рассматривает многопланово – в пространственно-временном и субъект-объектном контекстах. Терроризм для него это, во-первых, явление историческое. Но не столько история здесь в фокусе внимания, сколько ее наследие – что оставила она нам сегодня:

...Это и мафиозный террор — «эскадроны, смерти» латиноамериканского образца... Это и фашистский террор, непосредственно перерастающий в геноцид. Это и государственный терроризм, применяемый «великими» империалистическими державами против целых стран и народов. Это и международный терроризм — угоны самолетов, взрывы и пр.

Терроризм для Г. Зюганова это также конкретные исполнители и организаторы (*Басаев, Радуев, Хаттаб и уже с ними...*) и постановщики (*действующих в России террористов направляют и финансируют из-за рубежа*). Наконец, в этот контекст он помещает существующую власть (правительство), номинация которой во многих случаях маркирована иронично и агрессивно:

...С «миротворцем» Рыбкиным, автором доктрины «неясного статуса» Чечни? кое-кто с радостью ухватился за эту версию, предпочитая сделать ее основной; их (правлящего режима), с позволения сказать, «деятельность» есть крайнее и наиболее полное выражение войны и геноцида).

Для воссоздания образа власти как виновницы появления в России терроризма лидер КПРФ широко оперирует цифрами:

Сегодня в России 50 миллионов человек влачат жалкое существование за чертой бедности. На Северном Кавказе — три четверти безработных.

Анализ проблемы у Г. Зюганова деятельностно маркирован, и это в первую очередь деятельность реальная и субъектно-привязанная (даже если она подается в пассивном залоге), которую он и выносит на суд читателя:

Те же самые лица и фигуры, кто вчера потакал чеченским сепаратистам, кто не давал армии и внутренним войскам добить боевиков, сегодня под предлогом борьбы с терроризмом и сепаратизмом тащат на престол

очередного генерала, доморощенного Пиночета. ... Такие планы прорабатываются, как бы ни открещивались от них кремлевские царедворцы.

В отдельных случаях эта деятельность модально маркирована (*силовики могут подавить отдельных террористов*).

В аналитическом материале четко выписано поле «врага», и сделано это с помощью реконструкции их планов, целей:

...Планируют приостановить деятельность Государственной думы и, следовательно, всей законодательной ветви власти. ЧП готовится ...с одной-единственной целью — уйти от ответственности, заткнуть рот оппонентам, сорвать выборы Госдумы и президента.

Г. Зюганов не стремится обогащать анализ за счет интертекстуальности, но часто обращается к Закону «О борьбе с терроризмом», подчеркивая таким образом успешную деятельность Государственной думы, в которой сам участвует. В качестве цели называет следующую: *внести абсолютно необходимые изменения в Конституцию*. Так появляется в его анализе дихотомия «деконструктивное-конструктивное».

Аналитика Г. Зюганова максимально раскрашена эмоционально-оценочной лексикой:

...Единство общества и власти перед лицом наступления терроризма, о котором вдруг все заговорили, есть сплошное лицемерие. Но вот уже второй раз подряд силовик во главе правительства, а чудовищный вандализм продолжается.

В своем дискурсе Г. Зюганов сочетает две коммуникативные стратегии – «атака» и «реклама», отдавая предпочтение первой. Для эффективности атаки политик использует экстраполяцию (перенос знаний или отношений), приводя в пример Францию, *пережившую в начале 60-х годов массированную атаку политического терроризма, и ее опыт ведения боевых действий в Алжире и Индокитае*. В поле интерсубъектности Г. Зюганов противопоставляет нынешнее правительство России и президента Франции де Голля, достигшего успеха в борьбе с терроризмом даже ценой ухода в отставку. Сравнение ситуаций России и Франции не в пользу первой позволяет Г. Зюганову сделать вывод, *что для смены курса и восстановления законности и правопорядка страна нуждается в смене власти*, имея в виду необходимость ухода в отставку Б. Ельцина.

Дискурс ритмичен и четко организован структурно, богат риторическими приемами. Г. Зюганов выстраивает материал с помощью перечислений (как например, сводит к шести пунктам *пропагандистские, политические и социальные мероприятия президента де Голля*, и к двум – предложения об *устранении социальной базы и причин терроризма*). В тексте много риторических вопросов

(О каком единстве и с кем может идти речь?). Широко используются метафоры (негативного оттенка). Рекламируемая деятельность (программа работы Государственной думы и перечень мероприятий по борьбе с терроризмом) излагается сухим официальным языком, что создает сильный контраст, который сам по себе должен оказывать воздействие на аудиторию.

7.1.4. Политик выступает с программой

(Предвыборная платформа кандидата на пост Президента Российской Федерации Г. Зюганова. <<http://www.nns.ru/elects/president/z-platf.html>>).

В самом начале программы Г. Зюганов использует жанр обращения (*Граждане России! Соотечественники! Пришло время ответственных решений*»), сразу обозначив одновременно и субъект, и объект коммуникации.

В первом смысловом блоке политик идентифицирует себя, говорит о мотивах вступления в борьбу за пост Президента РФ, рассказывает свою биографию, идеологически маркируя свое происхождение и манифестируя свою близость к народу, перечисляет ценности, цели и то, каким он видит смысл жизни:

...Я обязан рассказать вам, что побудило меня к этому шагу. Я родился в конце Великой Отечественной войны на израненной орловской земле. Мои родители – сельские учителя... Весь наш большой род трудился от зари до зари и честно защищал Родину. Высший смысл жизни вижу в служении России, ее народу, идеалам добра и справедливости.

По ходу саморепрезентации возникает тема «нелегкой жизни народа», которую политик формулирует в терминах повседневности, на уровне обыденного сознания.

...Не понаслышке знаю, как нелегко живет крестьянину Нечерноземья, машиностроителю Урала, шахтеру Кузбасса, моряку дальневосточнику...

Смыкание этих тем чрезвычайно важно для дискурса. Тема «нелегкая жизнь народа» придает политике такой значимый атрибут, как *миссия*: на него надеются люди, ему несут свою боль, от него ждут действий.

Отсюда логичен следующий смысловой блок программы, задающий тему словами-лозунгом уже в заголовке: «ОТЕЧЕСТВО В ОПАСНОСТИ!». И уже следующие семь абзацев текста раскручивают тему – «Отечество». Политик манипулирует этим понятием, наделяя его одновременно качествами субъекта и объекта коммуникации:

...Отечество – это страна, государство, народ... Отечество – это семья, дети, продолжение рода; отечество – это традиции, культура, язык. Но идет невиданное наступление на вековые духовные ценности, нравственные идеалы нашей жизни.

Так рождается оппозиция «отечество-существующий режим». Виновников в бедах народа Г. Зюганов не называет. Это некоторая абстракция (*нынешние власти, режим «демократов», продажные чиновники, наследники худших традиций номенклатурной системы, правители...*). «Режим» присутствует как некий фон, мрачная сила, нечто грозное, что нужно всем миром одолеть или, скорее, «снарядить в поход» на него (этот режим) некоего мифического (былинного) героя. Так интенционально политик приписывает себе качества такого героя. Аудитория активизируется с помощью риторических практик, которые широко использует политик. Это – расхожие стереотипы, уточнения, повторы, использование маркированной эмоционально-экспрессивной лексики, нагнетание эмоций, а также пропагандистские приемы: «навешивание ярлыков», «общий вагон». Г. Зюганов прибегает к фактологическим приемам «оперирование цифрами» (манипуляция цифрами без указания источника информации) и «нарушение логики» (включение лозунга, девиза, других подобных элементов в текст без логической привязки к тексту в целом), что делает дискурс политика максимально воздействующим на массовую аудиторию, ибо эксплуатирует не разум, а эмоцию.

...Но унижена женщина-мать, рождение ребенка грозит большинству семей разорением... Но никогда прежде, даже в послевоенные годы, я не видел столько боли, не выслушал столько просьб о помощи, сколько сегодня. У наследников великого народа воспитывают ущербность и второсортность... Отечественное производство обеспечивает только 20 % потребительского спроса. 25 миллионов соотечественников вдруг оказались чужестранцами на своей родной земле. Весь наш большой род трудился от зари до зари и честно защищал Державу. Никогда никому не славословил и никого не предавал. Мой повседневный девиз: знать и действовать...

Значимая конструктивная дихотомия программы политика – «мы-народ» (лидер-аудитория). Ее элементы – это единство и четкая противопоставленность. Забота лидера – собрать аудиторию и повести за собой. В случае победы возможно единение «я» и «народа», что запрограммировано в лозунгах данной программы: *власть будет возвращена народу и воцарится свобода и справедливость*. И тогда «я-власть» и «народ-власть» будут едины и сильны.

Моя забота как гражданина и политика – собрать воедино все народно-патриотические силы в мощный союз.

В тексте программы Г. Зюганова соприкасаются такие дискурсные практики, как дискурс консолидации, дискурс мобилизации и дискурс, который можно назвать – «отдать должное людям труда». Политик видит реальных субъектов в качестве структурных элементов института – общества в целом.

...Наша цель – использовать все силы общества для преодоления национальной катастрофы защиты прав человека. Россия располагает всем необходимым для выхода из кризиса... Это прежде всего люди, наделенные природной сметкой, трудолюбием и редким терпением. Это современные производства... остановить вымирание России.

7.1.5. Невербальное поведение политика

(Составлено по телетекстам, характеризующим две ситуации общения: интервью и брифинг.)

Г. Зюганов спокоен, у него ровное поведение, он неспешен, мы не наблюдаем никаких эмоциональных взрывов, даже во время спора. Он не играет на эмоциях, а говорит о деле, всплески ему не нужны. Все это создает впечатление о нем, как о человеке, уверенном в себе.

Г. Зюганов скуп на жесты, почти статичен. Его корпус неподвижен, но подвижна мимика лица, в меру динамичны руки, плечи, голова.

Внимание притягивает голос: достаточно громкий, низкий, сильный, у него четкая дикция, ровная интонация. Строение черепа, форма и выпуклость надбровных дуг создают впечатление взгляда из-под лба и агрессивности, но наличие агрессивности не подтверждают остальные параметры невербального поведения.

Общаясь с журналистом, Г. Зюганов спокоен: сдерживаемое легкое волнение проявляется только в том, что ручка в его руке находится в движении. Он вежлив и позитивен: кивает головой, чуть-чуть улыбается. Его позитивность не воспринимается как самоцель, а как приглашение к разговору: для него взаимодействие с журналистом – это возможность нести идеи в массы. Он занят, поглощен обсуждаемой проблемой и создает образ политика, занимающегося делом и знающего свое дело.

В ситуации брифинга – в центре Г. Зюганов, но он не один. С ним его окружение, соратники, они молчат, а говорит он. Политик отвечает на вопросы, а соратники как бы укрепляют его тыл, поддерживая морально. Журналисты в кадре, но сидят или стоят в основном спиной или боком к фотообъективу. В

центре кадра Г. Зюганов. Он смотрит на всех, ожидая вопроса, затем выхватывает взглядом журналиста, задающего вопрос, и отвечает лично ему.

7.1.6. Типологические карты

Карта 1 выявляет актуализацию у политического лидера качеств **коллективиста** (лидер, широко использующий самоидентификацию «мы», но при этом сохраняет свое лицо, свое «я»), **индивидуалиста** (лидер с сильным личностным началом, широко использующий самоидентификацию «я», но при этом сохраняет свою причастность к сообществу – «мы») или **институционалиста** (лидер, сфокусированный исключительно на том институте, которому служит, который возглавляет, и коммуницирующий все от его имени). Основаниями для выбора являются различные способы наполнения категорий *самоидентификация*, *время* и *пространство*. Наполнение категорий *время* и *пространство* обнаруживает черты пяти возможных подтипов, а именно: трех временных: (а) *виртуальный* – апеллирующий к будущему; (б) *ретроспективный* – апеллирующий к прошлому; (в) *реальный* – актуальный сегодня; и двух пространственных: (1) *локальный* – проецирующий себя на ограниченное пространство; (2) *глобальный* – проецирующий себя на мировое сообщество.

Заполнение данной карты на основании проанализированной нами выборки текстов Г. Зюганова позволяет сделать следующий вывод. Г. Зюганов – институционалист. Его «мы» – сильное, несущее идею, правду, знающее, действующее, глобальное. Правда с коммунистами. Дискурс проецирован в неопределенное, несколько абстрактное время: вчера, сегодня, завтра с обязательным компонентом вчера (см. *карту 1*).

Лидер	Способы презентации себя							Уточнение типа
	Мы + Я	Я + Мы	Мы без Я	Мы + слабое Я	Я+ слабое Мы	Слабое Я и слабое Мы	Ни Мы ни Я	
З Ю Г А Н О В	—	—	Сильное «мы», смещающееся в прошлое; субъективированная реальность благодаря разделению мира на «своих» и «чужих», гипотетическая реальность благодаря усилению модальности долженствования; «мы» -- это те, у кого идея, с кем правда, кто знает, действует, помогает	—	—	—	—	Ретроспективный, глобальный
Тип лидера	Коллективист	Индивидуалист	Институционалист	Не актуализирующий черты лидера				

Карта 2. Изучение дискурса политика с учетом того, что для него важнее, – качества или действия субъектов, – позволяет понять специфику его восприятия мира. Также мы видим и степень манипулятивности лидера. Карта 2 выявляет актуализацию у политического лидера качеств **созерцателя** (в фокусе внимания качества свои и других субъектов коммуникации), **деятеля** (в фокусе внимания деятельность своя и других субъектов), **сбалансированного** типа. А также четырех оценочных подтипов: (1) *позитивный* – акцент на положительные качества и/или положительную оценку деятельности (своей и других); (2) *критикующий* – критика качеств или деятельности (своей и других); (3) *манипулятивный* – все, что связано с собой и «своими», – позитивно, с «чужими» – негативно; трех подтипов с учетом фокуса внимания: (а) на себе, (б) на других, (в) на себе и других.

Основаниями для выбора являются различные способы наполнения категорий *атрибутивность*, *деятельность*.

Заполнение данной карты с учетом проанализированной нами выборки текстов Г. Зюганова позволяет сделать следующий вывод. Для Г. Зюганова характерен дискурс-тип сбалансированный с подтипами *критикующий* и *сфокусированный на себе и других*. Это мы выводим из того факта, что в дискурсе этого политика присутствуют и интерпретируются качества (свои и других) и деятельность (своя и других) (см. карту 2).

Карта 2

Лидер	Способы презентации себя в соотношении с другими и других в соотношении с собой				Тип лидера
	Качества свои	Качества других	Деятельность своя	Деятельность других	
З Ю Г А Н О В	Постоянен и последователен. Есть противоречивые качества: эмоционален, атакуя врагов; официален – при рекламе своей партии. Не разнообразен. Демонстрируемые качества интенсивны, не могут рассматриваться как современные	Страдают (эксплицитно). Слушают его (имплицитно). «Чужие» оцениваются негативно через номинацию их деятельности или явления им присущего (<i>сплошное лицемерие</i>), но не через собственно качества (имплицитна подача качеств)	События подводит под идеи, оценивает идеи; интерпретирует понятия, напр. «отечество»; анализирует, видит ситуацию, причины и следствия: знает пути глобального разрешения проблем, противостоит врагам. Деятельность передается в прошлом или через модальность	Деятельность одних состоит в восприятии его идей, и в мобилизации (подается имплицитно). Деятельность других – в противостоянии миру добра; оценивается крайне негативно и является объектом его жестких нападок (<i>украли, расстреляли, сдали, потакал</i>)	Сбалансированный. Критикующий. Сфокусирован на себе и других

Карта 3. Выбор типа осуществляется в зависимости от приоритетов политика в выборе способов удержания аудитории и, в конечном итоге, в выборе коммуникативных средств, фокусирующих внимание либо на опредмеченном мире (конструирование проблем), либо на мире людей (конструирование общности или расщепление мира на «своих» и «чужих», конструирование «врагов»).

Карта 3 выявляет актуализацию у политического лидера качеств **популиста** (стремится максимально удерживать аудиторию, даже за счет наруше-

ния логических связей, целостности текста, за счет отказа раскрыть глубоко тему выступления и пр.), **рационалиста** (говорит по существу, опирается на общепонятную терминологию в изложении своих взглядов и предмета дискурса в целом, помнит, кому он говорит и для чего), **борца** (у него всегда есть объект борьбы (проблемы или субъекты, группы, институты), он критичен по отношению к миру и социуму, он борется, максимально используя арсенал пропагандистских приемов и риторических практик).

Основаниями для выбора являются различные способы наполнения категорий *риторические* и *дискурсные практики*.

Заполнение данной карты с учетом проанализированной нами выборки текстов Г. Зюганова позволяет сделать следующий вывод. Для Г. Зюганова характерен дискурс-тип борец: весь его дискурс посвящен защите интересов одной группы людей и борьбе с явлениями, которые несет с собой определенная форма организации общества. Для этой борьбы он использует богатый арсенал как предметно-ориентированных, так и субъектно-ориентированных риторических практик (см. карту 3).

Л и д е р	Способы конструирования мира для аудитории и удержания аудитории			Тип ли- дера
	Через предметную ин- формацию	Через субъектно-ориентированную инфор- мацию		
	Образность или кон- кретность речи, эмо- циональность или ра- циональность	Использование рито- рических приемов	Приемы ценност- ной, фактологиче- ской, манипулятивной пропаганды	
З Ю Г А Н О В	Метафоричен (метафоры оружия, борьбы). Не умаляет трудностей, а наоборот, доводит их до крайности, конструирует мир в дихотомических понятиях. Тем и держит аудиторию в определенном напряжении. Эмоционален и рационален одновременно	При «атаке» на врагов очень экспрессивен, использует эмоцио- нально окрашенную лексику. Рекламируя свою партию, официа- лен, сдержан. Логичен, последователен. Использует слоганы, манипулирует цифра- ми. Метафоричен. Ис- пользует исторические сравнения, повторы, единоначалие, клише, коммунистическую ри- торику, иронию, сар- казм, эпитеты, ритори- ческие вопросы, смену стилей	Ценностная: «общий вагон», «блестящая неопределенность», «навешивание ярлы- ков»; отбор и интер- претация фактов и терминов, конструи- рование черно- белого мира	Борец

Карта 4 выявляет актуализацию у политического лидера качеств **общенационального** лидера (проецирует себя на всю страну, поэтому неизбежно использует дискурс консолидации, готов принять в свой кортеж «заблудших чужих»), **регионального** (для него всегда будут «свои» и «чужие»), **партийного** (для него характерна корпоративность, на первом месте партия и ее интересы, он озвучивает ее идеи, он – лидер в своей команде, но при этом и один из них). Основаниями для выбора являются различные способы наполнения категорий *аудитория и интерсубъектность*.

Заполнение данной карты с учетом всей выборки текстов Г. Зюганова позволяет сделать следующие выводы. Г. Зюганов – лидер, представляющий дискурс-тип партийный. Для его дискурса характерны безусловное разделение субъектов на «своих» и «чужих», корпоративность с группой «своих», декларация интересов группы, озвучивание этих интересов. Все это и актуализирует в нем качества партийного лидера. Тем не менее в нем есть элементы и общенационального дискурса, так в группу своих он включает весь народ, а значит, и врагов. Но уже сразу же говорит о «своих» как исключительно о сообществе,

для которого характерны коммунистические воззрения. Такая противоречивость дает нам основания для констатации в его дискурсе элементов дискурс-типа общенациональный (см. карту 4).

Карта 4

Ли-дер	Аудитория (целе-вая): тенденции к расширению, су-жению или сохра-нению	Дифферен-циация «чужих» и своего от-ношения к ним	Дифферен-циация «сво-их» (кортеж)	Дифферен-циация ау-дитории	Тип лиде-ра
З Ю Г А Н О В	Свои (коммунисты и простой народ), но он также обращает-ся и к оппонентам (врагам партии)	Оценивает «чужих» – идейных вра-гов. «Чужие» – обязатель-ный элемент его дискурса	«Свои» – это простые люди: рабочие, кре-стьяне, солда-ты. Также ком-мунисты и на-род – массовая аудитория	«Свои» и «чужие». «Свои» – народ, включая врагов. Или «свои» – это только ком-мунистиче-ская партия	Партий-ный. С элемен-тами обще-нацио-нального

Карта 5 выявляет приоритеты в выборе типичных коммуникативных дей-ствий, то есть актуализацию у политического лидера качеств **тактика** (поли-тик, который использует максимально возможное количество коммуникатив-ных средств, постоянно решает возникающие коммуникативные задачи, из-за чего может казаться менее значительным по сравнению со «стратегом», широко использует лингвистические навыки (демонстрация владением престижной формой национального языка и других языков и диалектов, широкий стилисти-ческий диапазон) и навыки интеракции (владеет как вербальными, так и невер-бальными средствами эффективного взаимодействия) и **стратега** (поли-тик, который использует ограниченное число коммуникативных средств, не очень активен в коммуникации, делегирует решение возникающих коммуни-кативных задач исполнителям, участвует в коммуникации только в значимых си-туациях. В основном применяет энциклопедические знания и навыки интерак-ции).

Основаниями для выбора являются различные способы наполнения катего-рий *энциклопедичность, лингвистический статус, интерактивность*.

Заполнение данной карты с учетом проанализированной нами выборки тек-стов Г. Зюганова позволяет нам выявить в его дискурсе актуализацию дискурс-типа тактик с элементами дискурс-тип стратег. Г. Зюганов умеренно интеракти-вен. Он актуализирует соответствующие интер-категории, а значит обладает необ-ходимым энциклопедическим и лингвистическим статусом, что дает нам опреде-

ленные основания для отнесения его к дискурс-типу стратег с элементами дискурс-типа тактик (см. карту 5).

Карта 5

Л и д е р	Энциклопедичность (демонстрация знаний по различным направлениям)			Лингвистический статус			Интеракция, невербальное поведение			Тип лидера
	Интертекстуальность	Интерсобытийность	Специальная терминология	Правильность речи	Вариант языка	Широта стилистического диапазона	Открыт/закрыт	Контакт с аудиторией	Степень активности в коммуникации	
З Ю Г А Н О В	Цитаты из песен, созвучных его идеям. Указы президента, Конституция, законы	События из истории СССР, ВОВ и новейшей истории (перестройка, Чечня)	Коммунистическая лексика; высокая экспрессивность	Речь нормативна	Русский язык (престижный), не пользуется диактелизмами	Публицистический и разговорный стили	Закрыт, не столько статичен, сколько размерен в движениях	Уверен, что есть контакт с аудиторией; к непосредственному коммуниканту вежливо внимателен в рамках необходимого, нацелен на массовую аудиторию	Умеренно интерактивен	Тактик с элементами стратега

Карта 6 представляет изучение дискурса политика с позиций того, как упакована информация, и дает возможность определить, каким предстает мир лидера, насколько он реален либо прожективен. Данная карта выявляет актуализацию у политического лидера качеств прагматика (для него реальность – как предметная, так и субъектная – и есть идея: он из реальности исходит и к ней ведет аудиторию), идеолога (для него идея в основе мироздания, он под нее строит реальность и конструирует социум), идеалиста (для него важно не то, что есть на самом деле, а то, как к этому относиться, важна не сама идея или факт, а ее вербализация, и тогда вербализация становится и идеей и фактом). При активном использовании коммуникативных стратегий типов прагматик и идеолог мы, исходя из сугубо речевых характеристик дискурса, можем ввести дополнительный тип – эффективный коммуникант (пропагандист).

Основаниями для выбора являются различные способы наполнения категорий *направленная информация* и *коммуникативные стратегии*.

Заполнение данной карты с учетом проанализированной выборки текстов Г. Зюганова позволяет сделать следующие выводы. Г. Зюганов реализует дискурс-тип идеолог, ибо изначально подходит к реальности с позиций критики (мир должен быть переделан, ибо он несправедлив), взяв на вооружение идею, под знамя которой собирает аудиторию, которой отводится пассивная роль: они ведомые, он и партия их ведут (см. карту 6).

Карта 6

Л и д е р	Фокус на предмете дискурса	Предметно ориентированные коммуникативные стратегии	Фокус на субъектах дискурса и ситуации общения	Реляционные коммуникативные стратегии	Тип лидера
З Ю Г А Н О В	В центре внимания идея и ее развитие; в фокусе предмет общения, а не те, с кем говорит. Конструирует мир, полный несправедливости и страданий людей	Конструирует реальность, полную опасности, угроз	Люди страдают и он их защищает. Субъекты в его дискурсе противопоставлены на «своих» и «чужих»; аудитории отводится пассивная роль, она должна внимать тому, что он говорит	«Атака» на врагов, «защита» людей труда	Идеолог

Карта 7 выявляет актуализацию у политического лидера качеств **демократа** (привержен демократическим ценностям, признает свое «я» и «я» других), **мессии** (несет аудитории идеи, поднимаясь на ней, «я» редкое, но сильное, закрытое для аудитории), **народника** (одновременно и «один из всех» и «над всеми», у него есть особая миссия, он открыт, но его открытость условна, ибо он открыт институционально, а не личностно, вокруг института, который он репрезентирует, возможна некая мифичность).

Основаниями для выбора являются различные способы наполнения категории *самоидентификация* и ее проекции на категории *аудитория* и *миссия*.

Заполнение данной карты с учетом проанализированной выборки текстов Г. Зюганова позволяет сделать вывод: Г. Зюганов реализует такой дискурс тип, как мессия. Политик несет аудитории идею, обладает миссией (спасения), представляет собой сильное «я», ратующее об аудитории, спасающее ее, а значит, как бы стоящее над ней (см. карту 7).

Карта 7

Ли-дер	Я	Мы	Он	«Над аудитори-ей»	«Оди-н из нас»	Мис-сия	Тип лиде-ра
З Ю Г А Н О В	Редкое «я», и оно всегда свя-зано с народом – с «мы». Личностно за-крыт, ибо «я» репрезентирует институт	«Мы» собира-тельное: комму-нисты, команда и народ	Нет	Да. Берет на себя роль спасителя народа от режи-ма. Призывает действовать. Он единственный, кто знает и по-нимает нужды народа	Нет	Спасе-ние народа от со-вре-менно-го ре-жима	Мессия

Карта 8. Изучение дискурса политика с позиции того, какова динамика соотношения и перехода друг в друга мифа и реальности в его сознании и какие реляционные (субъект-субъектные) коммуникативные стратегии он использует, дает возможность определить механизм воздействия лидера на аудиторию и содержательные приоритеты лидера по отношению к своей аудитории. Карта 8 выявляет актуализацию у политического лидера качеств **менеджера** (человек реальности, опирается на факты, руководит аудиторией), **сказителя** (поддерживает виртуальность, опирается на мифы (идеи) и ведет аудиторию в мир идей), **(полит) –технолога** (уводит в виртуальность, опирается на факты, возможно, в сочетании с идеями) их преобразует в идеи и мифы так, чтобы аудитория этого не заметила), **учителя** (возвращает в реальность, опирается на мифы, функционирующие в обществе, и стремится их развенчать, приземлить, объяснить аудитории, то есть возвращает аудиторию в реальность).

Основаниями для выбора являются различные способы наполнения катего-рий *соотношение мифа и реальности, кортежные коммуникативные стра-тегии*.

Заполнение данной карты с учетом проанализированной выборки текстов Г. Зюганова позволяет утверждать, что данный политик репрезентирует дискурс-тип сказитель. Так, в дискурсе политика мир предстает как некий конструкт. Он также конструирует (определяет) характер социального взаимодействия, и делает это бла-годаря тому, что держит аудиторию в своей сконструированной реальности (см. *карту 8*).

Карта 8

Л и д е р	От ре-альности в реаль-ность	От ре-альности к мифу	От мифа к мифу	От мифа к реаль-ности	Кортежные комму-никативные страте-гии (взаимодействие адресант-адресат)	Тип лиде-ра

З Ю Г А Н О В	—	—	Лидер виртуальности, живет в мифе. Конструирует мир, который страдает, находится в опасности	—	Последовательно то разделяет, то объединяет партию и народ. Создает врагов, а затем их «атакует». Модель саморепрезентации: от «человек» к «критичный политик». Держит аудиторию в своей реальности, сконструированной им самим	Сказитель
---------------------------------	---	---	--	---	---	-----------

7.1.7. Общие выводы

Таким образом, в своем дискурсе Г. Зюганов манифестирует следующие дискурс-типы (из набора возможных):

Набор возможных дискурс-типов	Дискурс-типы, манифестируемые в дискурсе Зюганова
Коллективист. Индивидуалист. Институционалист	Институционалист
Созерцатель. Деятель. Сбалансированный	Сбалансированный
Популист. Рационалист. Борец	Борец
Общенациональный. Региональный. Партийный	Партийный. Общенациональный
Тактик. Стратег	Тактик. Стратег
Прагматик. Идеолог. Идеалист. Пропагандист	Идеолог
Демократ. Мессия. Народник	Сказитель
Менеджер. Учитель. Сказитель	Мессия

Г. Зюганов – активный собеседник, но его активность проявляется не в актуализации субъектной ситуации общения, а в коммуницировании темы, идеи, то есть предметной информации. Ее он развивает, а от журналиста ждет эффективной трансляции его идей. Он говорит о чем-то, а не с кем-то, при этом он, скорее, реализует предметно-ориентированную коммуникативную стратегию, а реляционная как бы подтягивается сама собой. В данном случае это «атака». Иначе говоря, мир и оппоненты для него вполне определены. Он полон оценочных суждений и критики по отношению к тем, кто ему противостоит, а также к противоположным идеям.

Таким образом, Г. Зюганов как бы через голову журналиста говорит с массами – с телезрителями и читателями. Общение происходит на высокой эмоциональной ноте, и в то же время он спокоен, уверен, создает впечатление своей незаменимости и компетентности, его как бы просят сказать свое слово, действовать, оценить, люди хотят его услышать. Он поэтому и говорит. Не называя реальных субъектов общения, он всех вписывает в свой кортеж, и, благодаря этому, его текст актуализирует такую характеристику, как адресность. Для него естественно интерпретировать понятия, которые находятся в центре обсуждения, и он фокусирует внимание на понятии «отечество». Интерпретация

прагматична – он идет от понятия к призыву действовать: *Отечество в опасности*. Соответственно декодируется: поэтому все *должны встать на его защиту*. Такая структура дискурса предопределяет роль адресанта: он называет проблему, интерпретирует ее и мобилизует аудиторию. А в основе содержания речевого действия – критика и неприятие существующего положения вещей. Миссия политика – спасение народа от настоящего режима, мобилизация на борьбу. В этой ситуации он выступает как человек, который видит причины и последствия, знает пути глобального разрешения проблем.

Его самоидентификация – это исключительно редкое (встречаемое не во всех жанрах) «я», которое объединено с народом; и постоянное «мы» (коммунисты и народ). Г. Зюганов – человек команды, и его команда имплицитно является частью его дискурса.

Г. Зюганов кортежен. Его кортеж, с одной стороны, – это коммунисты и простой народ, а, с другой стороны, – его враги. Без образа врага нет его текста. Дихотомия «свои-чужие» – характерный фрейм его дискурса. Он локален в том смысле, что фокус его внимания всегда сосредоточен на России, российском народе, российских партиях и политиках. Контекст других стран, как, например, Франция и ее президент де Голль, приводится лишь для сравнения в ситуации «атаки».

Интертекстуальность сравнительно широка. Это и официальные тексты (Конституция, законодательные акты), партийная литература, наконец, народные песни, которые создают нужное настроение и подкрепляют его мысли.

Помимо ссылок на тексты, дискурс богат ссылками на события недавнего прошлого, негативные последствия которых являются результатом деятельности его оппонентов. Другая дихотомия «унижение простых людей-существующий режим» пронизана экспрессией, стремлением поднять значимость КПРФ.

В целом дискурс Г. Зюганова логичен, последователен, но возможны «скачки» и уход от темы, если того требует ситуация и надо активизировать адресата, мобилизовать, он делает это, используя слоган. Он вводит в дискурс много цифр, легко ими манипулирует. Но не менее важен образ, метафора. Он использует многие риторические приемы, исторические сравнения, повторы, единоначатие, часто использует сравнения как средство атаки на противника, точно так же, как и иронию, сарказм, клише.

Реляционные коммуникативные стратегии «реклама» и «атака» – еще одна рабочая дихотомия его дискурса. В «рекламе» он официален, в «атаке» эмоционален.

Таким образом, Г. Зюганов проявляет себя как защитник простых людей, непримиримый борец с несправедливостью. Его миссия – клеймить все, что плохо (в соответствии с его идеологией), его программа деструктивна (остановить режим). Стремится говорить экспрессивно, красочно, эмоционально. Личностные качества: постоянство и последовательность. Его кортеж – коммунисты и страдающие простые люди, которым противостоят враги. Пытается повысить самоуважение простых людей с помощью лести, провозглашает себя единственным, кто знает и понимает нужды народа.

Механизм связи между политиком и аудиторией состоит в конструировании страдающего мира и необходимости объединиться для его изменения. Мобилизует потенциальных сторонников, указывая на будущую угрозу. Дискурс Г. Зюганова можно охарактеризовать как атакующий.

7.2. В. Жириновский: дискурс-портрет

7.2.1 Политик беседует с журналистом

(Владмир Жириновский. Любая власть лучше безвластия // Независимая газета. 1999. 8 июня.)

В. Жириновский внимательно слушает журналиста, цепко «ловя» его слова. У него мгновенная реакция на слова и умение их «раскручивать», поворачивать так, чтобы они ему подыгрывали. Строит предложение с оптимальной последовательностью: так, чтобы самое значимое слово было в конце, где оно особенно весомо.

Журналист: Вы потерпели сокрушительное поражение в Белгороде.

Жириновский: В Белгороде я «потерпел сокрушительную победу».

Также начинаются почти все его ответы:

Журналист: Ваше отношение к Юрию Лужкову?

Жириновский: Отношение к самому Лужкову...

Но вернемся к первой фразе интервью. Он ее продолжает буквально следующим образом:

...Получить 18%, когда против меня объединились вся местная власть, чиновничество, милиция, криминалитет, деньги, все политические партии, – это означает, что в чуть более нормальных условиях мы получим уже не 18, а все 25%. Так и можете во всех будущих просчетах рейтингов писать: 25% за ЛДПР.

В. Жириновский не просто излагает факты, а стремится дать им интерпретацию и показать, что все совсем не так, совсем иначе: видишь одно – читай другое. Интерпретируя реальность, он ее конструирует и незаметно переходит от «я» к «мы» и далее к ЛДПР. Переход тем более значим, что другие субъекты (противники) как бы выносятся за скобки (оказываются в придаточном предложении). Такой фрейм (я-мы-ЛДПР) повторяется неоднократно. Например:

Я – самостоятельный политик, действующий исходя из интересов страны и того социального слоя российских граждан, которые голосуют за нас и интересы которого представляет в Государственной Думе парламентская фракция ЛДПР.

У «я» Жириновского нет границ: это все, кто с ним, и кого он сюда волен причислять. Таким образом, он конструирует не только мир вокруг себя, но и социум, вовлекая в свой «круг» слушателей/читателей.

Сам же в этом мире он, как все. Ему не чуждо и сомнение в чем-то, и незнание чего-то, и признание неоднозначности, трудности (*по правде говоря, я не совсем понимаю, что это значит. Это сложно;*), а мир его как реальный, так и

субъектный не лишен полутонов, своего рода уступок (*Москва – не совсем обычный российский город...; в чуть более нормальных условиях...; не совсем...; это очень нехорошо*). Он разделяет с аудиторией ее горести и радости (*мы ... хотели свободу, процветание, развалили страну, а получили смерть, голод, разрух*).

Действующий В. Жириновский – это (согласно его речевому портрету) единственно возможный В. Жириновский. Деятельность обязательно позитивна, конкретна, нужна людям, самостоятельна:

Я не рвусь во власть, но я действую конкретно, делаю то, что мне поручено как всенародно избранному законодателю и руководителю парламентской фракции. Создаю законы...

Пассивный залог не характерен для него в целом, если только это не деятельность, имеющая отрицательную коннотацию, к примеру:

На членов избирательной комиссии от ЛДПР оказывалось такое мощное воздействие, что многим пришлось отказаться от участия.

Любимые модальные ситуации политика – разрешения (*можете во всех будущих подсчетах рейтингов писать...*), повеления (*пусть каждый занимается вопросами...*), но также и долженствования (*политик должен; Москва должна управляться...; этим технологиям должна быть дана оценка ...*).

Конструируя в текстах свой мир, Жириновский оживляет его, представляя то, что могло бы быть, не следуя все его логике (*мы и не голосовали за импичмент президента, так как это могло бы создать новую и очень опасную нестабильность*). Косвенная оценка фактов дополняется богатой палитрой оценочной деятельности Жириновского. Это, в первую очередь, оценка мира (в Белгородской области *страшные картины*) и оценка идей, абстрактных понятий, разного рода -измов (*это не демократия. Это «охлократия»*). Прямую оценку субъектам он дает осторожно, а точнее, сдержанно и корректно:

Оценивать правительство, которое еще не приступило к работе, в высшей степени неверно... Наделять мэра Москвы теми же правами ...неверно... Два депутата нашей фракции пошли против решения фракции. Это очень нехорошо.

Политик склонен характеризовать действия, поступки, а не качества других субъектов, как, впрочем, и свои. Оценивает деятельность реальную и субъектно-ориентированную. Виртуальную, домысливаемую, сугубо вербальную (речь как сотрясение воздуха) он не принимает и стремится использовать ее как аргумент в полемике:

Явлинский уже 10 лет все грозит, что у него что-то такое есть, что чуть ли ни в одночасье изменит ситуацию. Но за эти 10 лет ничего

так и не показал и не продемонстрировал. И все его (Явлинского) предложения касаются того, что «надо сделать так, чтобы всем было хорошо».

Интерсобытийность у В. Жириновского всегда образна, оценочно окрашена, определена во времени и/или пространстве, коннотативно информативна:

Клеветнические статьи, пущенные в ход перед самым началом выборов на Белгородчине... А каково это давление, как власть и чиновничество сражаются за сохранение своих привилегий, мы можем хорошо судить по выборам в Белгороде.

Интерсубъектность – только в релятивном плане (в отношении к себе либо в противопоставлении):

Социальный срез российских граждан, которые голосуют за нас (ЛДПР), это, прежде всего, мелкое и среднее предпринимательство; большая часть общества против Ельцина; будущее подтвердит нашу правоту, а не КПРФ или «Яблока».

Интертекстуальность небогата. В. Жириновский может ссылаться на Конституцию, законы, но, скорее, как на факт, не касаясь содержательных элементов (*ответ за клевету будет основан на законе; вопросами, которые ему поручены по Конституции*).

Речь Жириновского богата прогнозами, касающимися поля «свои», которые он подает чеканно, как нечто, что непременно сбудется:

В более нормальных условиях мы получим... Завтра же избиратель их проклянет. Надеюсь, что граждане России разберутся в этом и не станут голосовать за интересы чиновников... Будущее подтвердит нашу правоту.

Анализируемые нами тексты В. Жириновского имеют свои приоритеты во временном континууме. Это, во-первых, прошедшее время и, во вторых, настоящее. Простой арифметический подсчет показал, что В. Жириновский фиксировал внимание на прошлом 49 раз, настоящем – 37, будущем – 17, а в 12 случаях имело место «размытое» время: *не было, нет и не будет* – 2 раза, и *было, есть и будет* – 10 раз, и все эти 10 раз были поданы в ситуации актуализации субъектно-ориентированной информации «я-мы-ЛДПР».

Из риторических приемов для Жириновского характерны синтаксические фигуры: повтор, вопросно-ответное построение дискурса, в какой-то степени риторический вопрос. Но также – богатая атрибутивность, образность, экспрессивность, простое перечисление, восклицание. Его текст – это, скорее, монолог. В нем намеренно отсутствуют прямые обращения. Наблюдается стремление строить речь согласно логическим канонам, однако используются и психологи-

ческие приемы, как, например, «блестящая неопределенность», «копченая селедка», «общий вагон».

Стратегические приемы, характерные для дискурса Жириновского, – атакующая «защита», «атака», «презентация», «реклама».

7.2.2. Политик обращается к народу

(Владимир Жириновский: Поздравление российскому народу. В связи с 50-летием Победы в Великой Отечественной войне // Правда Жириновского (Тульский выпуск). 1995. №1.)

Обращаясь к массовой аудитории, В. Жириновский придерживается разговорного стиля. Политическое действие, попытка объединиться в единое целое с россиянами – в этом суть речевого поведения политика. Аудитория Жириновского имеет свои характеристики: *Дорогие ветераны, уважаемые фронтовики!* Так он сужает массу до ограниченной группы, но при этом поздравление адресует всему *российскому народу*.

Для Жириновского характерно включение адресата в контекст своей речи. Адресат появляется на протяжении всего текста:

Благодарим вас; склоняем наши головы; становимся на колени перед вами...; мы очень гордимся, что вы еще в наших рядах.

Для идентификации субъектов В. Жириновский использует номинацию «вы», где «вы» – это *ветераны, фронтовики, окопники, инвалиды войны, великие люди*:

С приходом к власти ЛДПР мы всех окопников возьмем на полное государственное обеспечение.

Местоимение «я» не появляется в тексте ни разу. В. Жириновский высказывается от имени «мы», и часто «мы» не идентифицировано (*вы всегда будете для нас примером героизма*), а в случаях идентификации это ЛДПР, члены и сторонники ЛДПР. Другие субъекты в поле дискурса данного политического лидера практически не появляются, только абстрактные *миллионы людей, весь мир, все человечество, ни одна армия, ни один народ*.

Таким образом, основную часть дискурса В. Жириновский отводит взаимоотношениям «мы» и «вы». Вначале это отношение прочитывается как «что вы для нас сделали», в середине дискурса – «что мы для вас сделаем, если придем к власти». Заканчивая свое поздравление, В. Жириновский объединяет этих субъектов. Так он добивается единения с аудиторией, делает диалог живым и действенным:

Сердца членов и сторонников ЛДПР бьются в унисон с вашими сердцами.

В тексте присутствует характеристика реальной деятельности «вы» в прошлом (*вы вписали самую героическую страницу в историю всего человечества*), в настоящем (*вы сами сегодня великие люди*) и будущем (*обнимаем, целуем вас и знаем, что слезы будут течь по вашим морищинистым лицам в этот святой день*).

Интертекстуальность появляется однажды, когда В. Жириновский ссылается на Бога, использует выражение, характерное для речи пожилых людей, то есть тех, кто является основной аудиторией настоящего дискурса (*Дай Бог, чтобы никогда не было такой страшной войны...*).

Текст насыщен метафорами, сравнениями, но в большинстве своем они стандартны:

Героическая страница в истории человечества; уже полвека прошло с того героического победного 9 Мая 1945 года, когда победный салют известил весь мир об окончании Великой Отечественной войны; склоняем наши головы, становимся на колени перед вами...

Такие метафоры не характерны для устной речи, они «книжные». Наблюдается смешение стилей. В. Жириновский то использует «книжные истины», просторечия (*Дай Бог, чтобы никогда не было такой страшной войны*), то переходит на официальную лексику (*правильный морально-психологический климат...; постараемся компенсировать; полное государственное обеспечение*).

Поздравляя российский народ, В. Жириновский не обходится и без «рекламы» своей партии:

Обещаем вам, что с приходом к власти ЛДПР мы всех окопников возьмем на полное государственное обеспечение и реально выполним все обещания, связанные с исполнением закона о ветеранах.

7.2.3. Политик анализирует проблему

(Жириновский В. О справедливости // ЛДПР. 2000. №3.).

Аналитический материал способен высветить, насколько логичен, последователен в своих рассуждениях политик, насколько актуален, глубок, ярок, прагматичен, как развивает свою мысль, доводит ли ее до конца, насколько предан теме, идее, чего больше в его дискурсе — веры, преданности идее или голого расчета, на какую аудиторию рассчитывает, каким при этом он предстанет перед аудиторией.

Для анализа Владимир Жириновский выбирает тему «справедливость» — ключевую для России и всего славянского сообщества. В. Жириновский подает ее в контексте программы на будущее:

...Путь к социальной справедливости лежит не в рамках нынешнего криминального общества, но и не в возврате к ушедшему в историю строю «коммунистического социализма». В России должно сложиться социальное государство либеральной демократии, не социалистическое не капиталистическое.

Для Жириновского справедливость – это *идеал*, который *присущ русскому характеру*. Это абстракция, но политик подает его как пространство реальное. Он (репрезентирующий ЛДПР) его строит, а его последователи в этом (еще не реальном, а только вербально сконструированном) мире, уже якобы живут:

...Социальная справедливость предполагает...; в обществе социальной справедливости должна быть ...; в этом обществе не будет...; общественное устройство России должно устраиваться не на...

Посмотрим на фрейм (начало и конец) аналитического материала политика:

...Составной частью русской идеи, к которой всегда стремится, по крайней мере, большинство людей, является идеал справедливости. Он особенно присущ русскому национальному характеру. Без него немыслима подлинная национальная идеология России.

...Вот почему русская национальная идея предполагает всемерное укрепление семьи, создание для этого всего необходимого комплекса условий – жилищных, материальных, нравственных. Без жилья... . Если мужчина... . Если женщина ... . Если в обществе ... В этом состоит залог возрождения русской нации и российского государства.

Как видим, в данную рамочную конструкцию жанра политику удастся вместить всю свою программу и свой электорат. В этом – весь В. Жириновский. Он построил свой мир и разместил в нем людей. Им остается только принять этот мир, ибо так заманчива, так светла идея, и аудитория как бы не может ей сопротивляться.

В материале мы находим узнаваемое настоящее. Всех субъектов, вводя в поле своего дискурса, В. Жириновский располагает на двух полюсах. С одной стороны, это постсоциалистическое общество бедных:

Общество, в котором 80% населения превратилось в бедняков или нищих, а то и бомжей, общество, в котором кучка высших чиновников и откровенных воров грабит и присваивает себе, а также за бесценок продает Западу национальное богатство.

И те, кто виноват в настоящем положении дел, – коммунисты и демократы:

Приоритет всему общественному у коммунистов вел к игнорированию личности, к ее нивелированию; «демократы», напротив, повели политику расслоения общества на кучку богатых и большинство обнищавших, как бы давая питательную основу для марксистской теории классов и классовой вражды.

На другом полюсе В. Жириновский располагает граждан России и себя как одного из них. Номинация «я» используется Жириновским лишь в одном случае (*я вовсе не рисую какое-то идеально-утопическое общество*). Прежде всего он намеренно исключает себя как интерпретирующего субъекта, чем придает своему тексту объективный характер. В двух случаях В. Жириновский свое «я» расширяет до «мы»:

Общество, в котором мы оказались в постсоциалистический период, общество, которое с помощью политического и особенно экономического насилия конструируют радикал-демократы, еще более отделилось от идеала социальной справедливости; нашей стране не нужны ни теории классовой борьбы, ни теоретические постулаты псевдозащитников «прав человека».

Объединение «я» со «всей страной» является попыткой изложить свою позицию как точку зрения обывателя, гражданина России, а не лидера известной политической партии ЛДПР. Основные идеи текста интерпретируются как ценности большинства:

Составной частью русской идеи, к которой всегда стремится, по крайней мере, большинство людей, является идеал справедливости; высокий и дифференцированный уровень материального обеспечения – вот еще одна национальная задача России, неотъемлемая часть ее национальной идеологии.

В. Жириновский не привязывает себя и свою позицию к определенной ступени в социальной и даже политической иерархии, а идентифицирует себя как носитель русской национальной идеи, определяет свой статус только как гражданина России, что помогает ему конструировать мир согласно своим целям и делать это достаточно убедительно.

Анализируя проблему, В. Жириновский не актуализирует деятельностный аспект. Ни его собственная деятельность, ни деятельность его партии в дискурсе не представлены вообще. И это не случайно. Тот мир, который он строит, вне оценки, это как бы данность, а деятельность других (его политических и идеологических противников) имеет интерпретацию:

...Марксизм с его теорией классов и классовой борьбы искусственно стимулировал разжигание социальной вражды между различными группами людей, вывел закон об их неизбежном столкновении и уничтожении одних классов другими... Идея «прав человека» была возведена ими («демократами») в абсолют и используется главным образом против русских людей, против России... Обоснования марксизма (этим особенно грешил не имевший семьи Энгельс) о якобы неизбежном распаде семьи с прогрессом обще-

ства привели к подрыву семейных устоев в России в результате коммунистических экспериментов.

Такая позиция соответствует принятой В. Жириновским роли простого гражданина России, не участвовавшего в неудачном прошлом политической жизни страны. Это позволяет выдержать весь дискурс в коммуникативной стратегии «атака», интерпретируя всю прошлую, да и настоящую политическую деятельность «марксистов» и «демократов» при помощи отрицания:

...В стране, хотя и называвшейся социалистической, социальное неравенство не было устранено; нашей стране не нужны ни теории классовой борьбы, ни теоретические постулаты псевдозащитников «прав человека»; если мужчина (а это во многом зависит не только от него, но и от общественного строя) не может материально содержать семью, то ее и не будет.

Модально маркирована та часть дискурса В. Жириновского, которая посвящена описанию будущего России:

...В будущем устройстве России не должно быть ни классового разделения, ни противопоставления личности и общества... В стране должен сложиться «средний класс» с дифференцированным материальным положением в зависимости от своего труда... В обществе социальной справедливости должна быть достойная, но дифференцированная материальная обеспеченность граждан.

Деятельностный субъект, способный воплотить такой идеал в действительности, называется однажды и косвенно (*со всем этим должны покончить те силы, которые выдвигают национальную идеологию для России с ее заботой о развитии и укреплении семьи*). Планы и цели партии ЛДПР, ее роль в достижении того, что «должно быть в России», в дискурсе не артикулированы прямо, но поданы пресуппозиционно.

Максимальное использование пассивного залога в описании большинства ситуаций подтверждает неизбежность всего, что есть и неизбежность того, что будет, что косвенно подчеркивает естественность позиции принятия программы ЛДПР:

Полное воплощение идеала социальной справедливости в жизнь предполагалось лишь при коммунизме... Но и общество, в котором мы оказались в постсоциалистический период, общество, которое с помощью политического и особенно экономического насилия конструируют радикал-демократы, еще более отдалилось от идеала социальной справедливости... В обществе социальной справедливости ... будет поощряться стремление людей честным путем добиться высокого уровня благосостояния.

Для дискурса В. Жириновского характерна экспрессивность и жесткость, категоричность заключений. Он использует эпитеты с семой «сверх» (эпитеты преувеличения), единоначатие или параллелизмы и перечисление, вопросно-ответные синтаксические конструкции:

сверхбогатых и большинство сверхбедных; всемерное укрепление семьи; в результате вместо семейного очага русские люди получали общежития и коммуналки, вместо воспитания детей в семье – пятидневные ясли и детские сады, интернаты и школы с продленным пребыванием, вместо семейного отдыха – санатории и дома отдыха, А во что превратили женщину?

Интертекстуальность в ее широком прочтении – цитаты, ссылки на пословицы, поговорки, словари, исторические и художественные произведения, любые тексты – не характерна для аналитического дискурса Жириновского. Он максимально сконцентрирован на предмете разговора, и если этот предмет – идея справедливости, то только классики марксизма-ленинизма, которые, благодаря многим годам пропаганды ассоциируются с этой темой, включены в дискуссию. В одном случае Жириновский иронично ссылается на «теоретическое» обоснование марксизма (*этим особенно грешил не имевший семьи Энгельс*), в другом включает заезженные категории анализа, обросшие отрицательными коннотациями (*идея «прав человека» была возведена ими в абсолют; «демократический» эксперимент еще более...*). И отсюда легко перебросить мостик в современность (*«Демократы» напротив, повели...*); а также ввести модную терминологию, продемонстрировав свою созвучность духу времени (*в стране должен сложиться «средний класс»*).

Особое место в дискурсе занимает интерпретация роли семьи как основы сохранения нации, а также роли и положения женщины. В. Жириновский трактует роль женщины в духе патриархата:

Вместо хранительницы семейного очага и основы рождения и воспитания детей она была превращена вопреки своему биологическому предназначению в «равноправную» с мужчиной производительную силу, если женщина из-за нужды вынуждена идти на производство, а то и на панель, то не будет семьи.

Делает это как бы в защиту женщины, как бы возвышая ее – поворот, который сбивает читателя на мысль о традиции, о правильном, должном. Таким образом, виртуальный мир получает историческую опору. Представляется, что задача анализа выполнена, программа изложена, имидж носителя русской национальной идеи подтвержден.

7.2.4. Программа политика

(Жириновский В. Социальная политика ЛДПР // *ЛДПР*. 1999. № 39.)

Динамичность – главная черта дискурса В. Жириновского в жанре программы. Отказываясь от традиционного введения в проблемную ситуацию, он сразу же берется за изложение двух основных тематических пунктов, обозначенных отглагольными формами: 1. Формирование многоукладной экономики... 2. Реформирование системы страхования...

Политик реализует себя в проекции «здесь и сейчас»:

...Сегодня в стране сложилась критическая ситуация с выплатой заработной платы. Нерегулярная и не в полном объеме индексация фиксированных доходов населения.

Он не следует правилам: идентифицировав тему, он сразу же интерпретирует ее или же вписывает планы партии в контекст темы. Равно как для него возможно в самом начале тематического блока дать информацию или описание своей деятельности или отношения, которые, однако, объективируются и подаются как институционально привязанные:

...Антикризисная социальная политика ЛДПР – это, в первую очередь, формирование многоукладной экономики... ЛДПР планирует реформировать систему социального страхования... В последние годы в России сложилась тяжелая демографическая ситуация; ЛДПР выступает за разработку и принятие нового закона о пенсионном обеспечении... В социальной сфере ЛДПР считает необходимым разработать меры по адаптации женщин к новым экономическим условиям.

И это не случайно, В. Жириновский целенаправленно придерживается именно такого способа построения текста. Он как бы сжимает содержание программы, как пружину, а затем «стреляет». Он понимает, что современное критическое состояние социальной сферы – это уже данность, общее место, которое нет смысла «разжевывать». Его «выстрел» – предлагаемые методы выхода из бедственной ситуации. Далее идет «плотный» текст, насыщенный цифрами, процентами, профессиональной терминологией:

ЛДПР сначала поднимет долю оплаты труда в ВВП до 35 % ..., а затем до 40 %, что позволит, в конечном счете, утроить уровень реальной заработной платы; так, суммарный тариф, начиная с реализации Программы в 2000 году, будет составлять 27 %.

7.2.5. Невербальное поведение политика

(Составлено на основе видеоматериалов, подготовленных ЦК ЛДПР, характеризующих четыре ситуации общения: интервью с журналистом, обращение к массам, выступление перед целевой аудиторией, выход к народу.)

Невербальное поведение В. Жириновского контрастно: он может быть сдержан, спокоен и в то же время динамичен, быстр, энергичен. Его динамика проявляется в быстрой мимике, движениях рук, жестах, поворотах головы. Он критичен, слегка агрессивен: взгляд из-под лба, брови нахмурены, может угрожать указательным пальцем. В его невербальном дискурсе возможна реальная агрессия. А затем ненадолго он вновь спокоен, сдержан, но затем в очередной раз увлекается, «заводит» себя и возвращается в свой привычный образ энергичного, боевитого политика. Противоречия, неожиданности в его невербальном поведении делают Жириновского интересным, нескучным.

Он демонстративно закрыт в начале общения – взгляд из-под лба, руки скрещены на груди, а затем – предельно раскрывается перед аудиторией. Преодолевая барьеры, встает со стула, выходит из-за стола.

В. Жириновский стремится быть понятым, очерчивая руками «контуры» своих мыслей и образов, как бы визуализируя их. Голос у него резкий, средней тональности. Увеличивая скорость речи, он увлекает за собой, стремится много сказать, и уже не дает аудитории опомниться: не делает пауз и сохраняет высокий темп речи, удерживая внимание слушателей.

Жириновский заставляет воспринимать себя целиком: анализировать аудитория просто не успевает. Его цель – воздействие. Он обращается сразу ко всей аудитории и к конкретным людям. В любом случае видно, что он включает слушателей в свое пространство. Однако, несмотря на активное взаимодействие, аудитория остается в тени, играет роль позитивного или нейтрального фона.

В. Жириновский подобен «сгустку энергии», он центр притяжения, атом, вовлекающий в свою орбиту частицы и удерживающий их силой своего притяжения. Если он остановится, то он исчезнет.

7.2.6. Типологические карты

Карта 1 выявляет актуализацию у политического лидера качеств **коллективиста** (лидер, широко использующий самоидентификацию «мы», но при этом сохраняет свое лицо, свое «я»), **индивидуалиста** (лидер с сильным личностным началом, широко использующий самоидентификацию «я», но при этом сохраняет свою причастность к сообществу – «мы») или **институционалиста** (лидер, сфокусированный исключительно на том институте, которому служит, который возглавляет и коммуницирующий все от его имени). Основаниями для выбора являются различные способы наполнения категорий *самоидентификация*, *время* и *пространство*. Наполнение категорий *время* и *пространство* обнаруживает черты пяти возможных подтипов, а именно: трех временных: (а) *виртуальный* – апеллирующий к будущему; (б) *ретроспективный* – апеллирующий к прошлому; (в) *реальный* – актуальный сегодня; и двух пространственных: (1) *локальный* – проецирующий себя на ограниченное пространство; (2) *глобальный* – проецирующий себя на мировое сообщество.

Заполнение данной карты с учетом проанализированной выборки текстов В. Жириновского позволяет сделать вывод, что для него характерна актуализация дискурс-типа **коллективист**. Его «мы» сильное, одновременно собирательное и единичное (все и каждый). Его «я» проецируется на избирателей и поэтому, оставаясь редким (скромным), остается сильным. Нарратив объединяет все временное пространство (недавнее прошлое, настоящее, будущее) с обязательной доминантой актуального настоящего (см. *карту 1*).

Ли- дер	Способы презентации себя							Уточ- нение типа
	Мы + Я	Я + Мы	Мы без Я	Мы + сла- бое Я	Я + сла- бое Мы	Сла- бое я и сла- бое мы	Ни Мы ни Я	
Ж И Р И Н О В С К И Й	«Мы» – здесь и сейчас; от не- давнего (нар- ративного) прошлого до будущего; «я» – скорее, скромное, но не слабое, «я» растворяется в «мы» или в ЛДПР; «мы» в масштабе всех и каждого, це- левой группы (избиратель- ные округа, партия) и страны							Ретро- спек- тивный, вирту- альный, локаль- ный
Тип ли- дера	Коллективист	Инди- виду- дуа- лист	Инсти- туцио- налист	Не актуализирующий качества лидера				

Карта 2. Изучение дискурса политика с учетом того, что для него важнее, – качества или действия субъектов, – позволяет понять специфику его восприятия мира. Также мы видим и степень манипулятивности лидера. Карта 2 выявляет актуализацию у политического лидера качеств **созерцателя** (в фокусе внимания качества свои и других), **деятеля** в фокусе внимания деятельность (своя и других), **сбалансированного** типа. А также оценочных подтипов: (1) *позитивный* – акцент на положительные качества и/или положительную оценку деятельности (своей и других); (2) *критикующий* – критика качеств или деятельности (своей и других); (3) *манипулятивный* – все, что связано с собой и «своими», – позитивно, с «чужими», – негативно; и подтипов с учетом фокуса внимания: (а) на себе, (б) на других, (в) на себе и других.

Основаниями для выбора являются различные способы наполнения категорий *атрибутивность* и *деятельность*.

Заполнение данной карты с учетом проанализированной выборки текстов В. Жириновского позволяет сделать вывод, что политик актуализирует дис-

курс-тип деятель. Так, в его дискурсе манифестируется как своя деятельность, так и деятельность других, и поэтому он ее соответственно оценивает. Что касается качеств, то он не называет ни своих качеств, ни качеств других, но понятно, что его качества мы можем декодировать из дискурса и, в частности, из его речевого поведения. Однако это не дает основания для отнесения его к дискурс-типу созерцатель (см. карту 2).

Карта 2

Л и д е р	Способы презентации себя в соотношении с другими и других в соотношении с собой				Тип лидера
	Качества свои	Качества других	Деятельность своя	Деятельность других	
Ж И Р И Н О В С К И Й	Скромнен / институционален (редкое «я»), направлен на деятельность, но не на созерцание. Многообразие демонстрируемых качеств, противоречивость (сочетание эмоциональности и рациональности, логичности), интенсивность качеств	Качества других ему не важны	От лица партии и во имя партии. Прогнозирует	Важна и он ее оценивает	Деятель. Критикующий. Фокусировка на других

Карта 3. Выбор типа осуществляется в зависимости от приоритетов политика в выборе способов удержания аудитории и, в конечном итоге, в выборе коммуникативных средств, фокусирующих внимание либо на определенном мире (конструирование проблем), либо на мире людей (конструирование сообщества или расщепление мира на «своих» и «чужих», конструирование «врагов»).

Карта 3 выявляет актуализацию у политического лидера качеств **популиста** (стремится максимально удерживать аудиторию, даже за счет нарушения логических связей, целостности текста, за счет отказа раскрыть глубоко тему выступления и пр.), **рационалиста** (говорит по существу, опирается на общепонятную терминологию в изложении своих взглядов и предмета дискурса в целом, помнит, кому он говорит и для чего), **борца** (у него всегда есть объект борьбы (проблемы или субъекты, группы, институты), он критичен по отношению к миру и социуму, он борется, максимально используя арсенал пропагандистских приемов и риторических практик).

Основаниями для выбора являются различные способы наполнения категорий *риторические* и *дискурсные практики*.

Заполнение данной карты с учетом проанализированной выборки текстов В. Жириновского позволяет сделать вывод, что для политика характерна манифестация дискурс-типа популист. Актуализация субъектно-ориентированной информации – главная характеристика его дискурса, для него характерно использование приемов пропагандистского воздействия. Из чего следует, что Жириновский стремится воздействовать на свою аудиторию, и это воздействие он осуществляет даже за счет внутренней противоречивости своего дискурса и, в частности, предметно-ориентированной информации. Последняя, если и подается в рациональном ключе, то обязательно сопровождается эмоцией, оценочностью, восклицанием, обращениями, и это обстоятельство не позволяет выявить в нем дискурс-тип рационалист.

Максимально используемый арсенал пропагандистских приемов и риторических практик и критичность по отношению к миру и социуму говорят также об актуализации качеств борца, но данный тип он не реализует в полной мере, ибо объект борьбы (коммунисты и др.) не находятся в центре его дискурса, а несколько смещены на периферию. Он как бы между прочим нападает на них, называя негативные качества или действия, нежелательных явлений и социальных групп. Негативное является, скорее, фоном его позитивного конструирования реальности, но не объектом прямых нападок (см. карту 3).

Л и д е р	Способы конструирования мира для аудитории и удержания аудитории			Тип лидера
	Через предметную информацию	Через субъектно-ориентированную информацию		
	Образность или конкретность речи, эмоциональность или рациональность	Использование риторических приемов	Приемы ценностной, фактологической, манипулятивной пропаганды	
ЖИРИНОВСКИЙ	Эмоционально-экспрессивный, стилистически разнообразный словарь, восклицания, обращения, оценочность. Однако «эмоцио»- сочетается с «рацио». Внутренняя противоречивость не разрушает цельности дискурса (расширяет возможности удерживать аудиторию)	Апелляция к высшим ценностям, льстит своей аудитории (<i>россияне гордые, процветающие</i>), метафоричность, автодиалог, переход от официальной в разговорную и опять в официальную риторику	Ценностная: «общий вагон», «блестящая неопределенность», «навешивание ярлыков, отбор и интерпретация слов, гиперболизация национальной идеи, идеализация нации	Популист

Карта 4 выявляет актуализацию у политического лидера качеств **общенационального** лидера (проецирует себя на всю страну, поэтому неизбежно использует дискурс консолидации, готов принять в свой кортеж «заблудших чужих»), **регионального** (для него всегда будут «свои» и «чужие»), **партийного** (для него характерна корпоративность, на первом месте стоит партия и ее интересы, он озвучивает ее идеи, он – лидер в своей команде, но при этом и один из них). Основаниями для выбора являются различные способы наполнения категорий *аудитория* и *интерсубъектность*.

Заполнение данной карты с учетом проанализированной выборки текстов В. Жириновского позволяет сделать вывод, что данный лидер актуализирует качества трех дискурс-типов: общенациональный, региональный, партийный. И это, по всей вероятности, есть продолжение его дискурс-характеристики популист. Для него настолько важна аудитория, что он готов включать в эту категорию дискурса все возможные группы населения, перетасовывая их в соответствии с темой дискурса и адресатом (см. *карту 4*).

Л и д е р	Аудитория (целевая): тенденции к расширению, сужению или сохранению	Дифференциация «чужих» и своего отноше- ния к ним	Дифферен- циация «сво- их» (кортеж)	Дифферен- циация аудитории	Тип лидера
Ж И Р И Н О В С К И Й	«Свои» (элек- торат, ЛДПР, вся страна). Его аудито- рия включает и оппонентов	Коммунисты, демократы пост- советского об- щества; те, кто мешает ему, пост советское общество нищих	ЛДПР, гражда- не, большинст- во страны, ве- тераны, участ- ники войны; регионы, где он был избран	«Свои» и «чужие». Только «свои» – «вся страна», включая вра- гов	Общена- циональ- ный. Регио- нальный. Партийный

Карта 5 выявляет приоритеты в выборе типичных коммуникативных действий, то есть актуализацию у политического лидера качеств **тактика** (политик, который использует максимально возможное количество коммуникативных средств, постоянно решает возникающие коммуникативные задачи, из-за чего может казаться менее значительным по сравнению со «стратегом», широко использует лингвистические навыки (демонстрация владением престижной формой национального языка и других языков и диалектов, широкий стилистический диапазон) и навыки интеракции (владеет как вербальными, так и невербальными средствами эффективного взаимодействия) и **стратега** (политик, который использует ограниченное число коммуникативных средств, не очень активен в коммуникации, делегирует решение возникающих коммуникативных задач исполнителям, участвует в коммуникации только в значимых ситуациях. Чаще всего применяет энциклопедические знания и навыки интеракции).

Основаниями для выбора являются различные способы наполнения категорий *энциклопедичность*, *лингвистический статус*, *интерактивность*. Заполнение данной карты с учетом проанализированной нами выборки текстов В. Жириновского позволяет отнести данного политика к дискурс-типу тактик. Он демонстративно открыт, идет на контакт с аудиторией, активен в коммуникации. Он актуализирует соответствующие интер-категории дискурса, а значит, обладает необходимым энциклопедическим и лингвистическим статусом (см. карту 5).

Л и д е р	Энциклопедичность (демонстрация знаний по различным направлениям)			Лингвистический статус			Интеракция, невербальное поведение			Тип лидера
	Интертекстуальность	Интерсобытийность	Специальная терминология	Правильность речи	Вариант языка	Широта стилистического диапазона	Открыт / закрыт	Контакт с аудиторией	Степень активности в коммуникации	
Ж И Р И Н О В С К И Й	Собственные политические выступления, законы, теория марксизма	Контекстуально обусловлена	Юридическая лексика	Речь привильная, эмоциональная	Русский; престижный вариант языка	Манипулирует стилями (от официального к разговорному и обратно) в зависимости от аудитории	Демонстративно открыт, динамичен	Стремится удержать и сохранять внимание аудитории; моментальная реакция на происходящее	Активен в коммуникации, энергичен, подвержен эмоциональным всплескам	Тактик

Карта 6 представляет изучение дискурса политика с позиций того, как упакована информация, и дает возможность определить, каким предстает мир лидера, насколько он реален либо прожективен. Данная карта выявляет актуализацию у политического лидера качеств **прагматика** (для него реальность – как предметная, так и субъектная – и есть идея: он из реальности исходит и к ней ведет аудиторию), **идеолога** (для него идея в основе мироздания, он под нее строит реальность и конструирует социум), **идеалиста** (для него важно не то, что есть на самом деле, а то, как к этому относиться, важна не сама идея или факт, а ее вербализация, и тогда вербализация становится и идеей и фактом). При активном использовании коммуникативных стратегий типов прагматик и идеолог мы, исходя из сугубо речевых характеристик дискурса, можем ввести дополнительный тип – **эффективный коммуникант (пропагандист)**.

Основаниями для выбора являются различные способы наполнения категорий *направленная информация* и *коммуникативные стратегии*.

Заполнение данной карты с учетом проанализированной нами выборки текстов В. Жириновского позволяет сделать следующие выводы. Для В. Жириновского характерен дискурс-тип идеалист, ибо он активно конструирует мир и субъектов его населяющих, вербальная реальность превращается в реальность. Факты и идеи могут быть задействованы в его дискурсе, но теряются

в противоречивости. Вербальный мир богат, интерпретативен, ассоциативен (см. карту 6).

Карта 6

Л и д е р	Фокус на предмете дискурса	Предметно ориентированные коммуникативные стратегии	Фокус на субъектах дискурса и коммуникативной ситуации общения:	Реляционные коммуникативные стратегии	Тип лидера
Ж И Р И Н О В С К И Й	Фокус не столько на предмете общения, сколько на словах; слова получают развитие через интерпретацию; идея важна изначально, но затем не прорабатывается	Идет от реальности к мифу; активно пользуется статистикой, деталью, но факты конструирует и затем сводит их к заявлению, слогану	Дихотомия субъектного поля «свой-чужие» для него не догма, ибо возможна интерпретация «свои» как «вся страна»	«Реклама» своих (<i>россияне – гордый и процветающий народ</i>), «атака» на врагов	Идеалист

Карта 7 выявляет актуализацию у политического лидера качеств **демократа** (привержен демократическим ценностям, признает свое «я» и «я» других), **мессии** (несет аудитории идеи, поднимаясь на ней, «я» редкое, но сильное, закрытое для аудитории), **народника** (одновременно и «один из всех» и «над всеми», у него есть особая миссия, он открыт, но его открытость условна, ибо он открыт институционально, а не личностно; вокруг института, который он репрезентирует, возможна некая мифичность).

Основаниями для выбора являются различные способы наполнения категорий *самоидентификация* и ее проекции на аудиторию, и категории *миссия*.

Заполнение данной карты с учетом проанализированной выборки текстов В. Жириновского позволяет сделать вывод, что данный политик актуализирует дискурс-тип народник. Позиционируя себя над аудиторией (носитель идеи), он декларирует себя также гражданином (один из нас). Сохраняет относительную закрытость своего «я», а значит, и некоторую мифичность (см. карту 7).

Л и д е р	Я	Мы	Он	Над аудитори- ей	Один из нас	Мис- сия	Тип лидера
Ж И Р И Н О В С К И Й	«Я» активное, конструирующее факты, вербализующее реальность, интерпретирующее слова, оценивающее идеи, факты и деятельность людей (но не качества), защищающее патриархальные ценности, экспрессивное. «Я» – гражданин. Но все эти характеристики только как часть «мы» или часть ЛДПР, т.е. сильное «я» благодаря его репрезентативным качествам. Личностно закрыт, институционально открыт (актер)	«Мы» – ЛДПР («вещь в себе») – хороша и сделает много хорошего, когда придет к власти	Нет	Носитель национальной идеи	Гражданин или один из граждан (ничто человеческое ему не чуждо)	Внедрение национальной идеи	Народник

Карта 8. Изучение дискурса политика с позиции того, какова динамика соотношения и перехода друг в друга мифа и реальности в его сознании и какие реляционные (субъект-субъектные) коммуникативные стратегии он использует, дает возможность определить механизм воздействия лидера на аудиторию и содержательные приоритеты лидера по отношению к своей аудитории. Карта 8 выявляет актуализацию у политического лидера качеств **менеджера** (человек реальности, опирается на факты, руководит аудиторией), **сказителя** (поддерживает виртуальность, опирается на мифы (идеи) и ведет аудиторию в мир идей), **(полит) –технолога** (уводит в виртуальность, опирается на факты, возможно, в сочетании с идеями, их преобразует в идеи и мифы так, чтобы аудитория этого не заметила), **учителя** (возвращает в реальность, опирается на мифы, функционирующие в обществе, и стремится их развенчать, приземлить, объяснить аудитории, то есть возвращает аудиторию в реальность).

Основаниями для выбора являются различные способы наполнения категорий *соотношение мифа и реальности*, *кортежные коммуникативные стратегии*.

Заполнение данной карты с учетом проанализированной выборки текстов В. Жириновского позволяет сделать вывод, что для него характерна актуализа-

ция дискурс-типа технолог. Факт, деталь для него важны как ступенька к следующему шагу – манипуляции аудиторией (см. карту 8).

Карта 8

Л и д е р	От реально- сти в реаль- ность	От реаль- ности к мифу	От ми- фа к ми- фу	От мифа к ре- аль- ности	Кортежные коммуникатив- ные стратегии (взаимодейст- вие адресант-адресат)	Тип лидера
Ж И Р И Н О В С К И Й	—	Идет от реальности к мифу. Начинает с детали, факта, пользуется статисти- кой, но сводит все к заявле- нию, сло- гану	—	—	Энергичное начало, конструи- рование реальности, оценочная реальность, делится своими знаниями с другими, сарказм по отношению к идеям (напр. тео- рия марксизма-ленинизма), о предмете говорит экспрессивно, сочетая эмоциональную лекси- ку с рациональным построени- ем фразы (логика). От целост- ной идеи к нарративу (иллюст- рации), к слогану, заявлению. Среди приемов: манипулирова- ние статистикой, использование метафор, повторов, сравнений	Технолог

7.2.7. Общие выводы

В своем дискурсе В. Жириновский манифестирует следующие дискурс-типовы (из набора возможных):

Набор возможных дискурс-типов	Дискурс-типы, манифестируемые в дискурсе Жириновского
Коллективист. Индивидуалист. Институционалист	Коллективист
Созерцатель. Деятель. Сбалансированный	Деятель
Популист. Рационалист. Борец	Популист
Общенациональный. Региональный. Партийный	Общенациональный. Региональный. Партийный
Тактик. Стратег	Тактик
Прагматик. Идеолог. Идеалист. Пропагандист	Идеалист
Демократ. Мессия. Народник	Народник
Менеджер. Учитель. Сказитель. Технолог	Технолог

Владимир Жириновский репрезентирует себя в рамках «я–мы–ЛДПР», где наиболее значимо «ЛДПР», наименее – «я», а «мы» – в центре этой дихотомии. Эти слова-идентификаторы используются отдельно друг от друга, и он легко манипулирует ими. Его «я» никогда не бывает одиноким. Оно или с партией (ЛДПР) или со страной (гражданин, «один из многих»). Таким образом, В. Жириновский дискурсно скромнен: никогда не подчеркивает тот факт, что является лидером, он и его партия – одно целое. Это его работа делать то, что он делает. Репрезентируя себя гражданином России, одним из многих, В. Жириновский получает право высказывать свои идеи от имени большинства. Апеллирует к идее национальной гордости и патриархальным ценностям, а также к идее государства с сильным средним классом: россияне – гордый, процветающий и национально сознательный народ.

Позволяет себе высказывать сомнения, испытывать сложности, признавать неясность значений. Здесь он снова «один из нас». Предпочитает высказывать свою точку зрения как гражданин России, а не как политический лидер, расширяя, таким образом, круг своей аудитории до размеров целой страны. Что же касается партии, то она является как бы вещью в себе, которая хороша и сделает много полезного, придя к власти.

В. Жириновский активно захватывает инициативу. Он может отвергнуть предположения журналиста и предложить свое видение вопроса (то, что журналист может представить как провал, В. Жириновский превращает в победу). Он очень внимателен по отношению к словам, которыми журналист формулирует идею, и во многих случаях, если он соглашается, повторяет эти слова в начале своего ответа и далее дает свою интерпретацию. В текстах он интерпретирует слова, но не факты. Последние он конструирует. Создаваемая им виртуальная реальность выглядит как настоящая. Вы начинаете верить в реальность фактов, субъектов, идей хотя бы потому, что они подаются без видимого давления на аудиторию, без оценочной маркировки. Он оценивает скорее идеи и факты, чем людей, а если в центре внимания оказываются люди, то его интересуют поступки, а не качества. В. Жириновский – легкий собеседник, он всегда готов поделиться своей точкой зрения, своими идеями. Его основная роль – роль носителя национальной идеи и гражданина России. Его основные атрибутивные характеристики – активность, конструктивность, гражданственность, он защитник патриархальных ценностей.

Кортеж В. Жириновского дихотомичен и разделен на «чужих» и «своих». «Чужие» – это другие политические партии («Яблоко» и КПРФ), «постсоветское общество», те органы власти, которые оказывали на него давление во время выборов. Другие субъекты его дискурса никак ему не противопоставлены, как, например, Б. Ельцин. О многих он высказывается положительно – ветеранах, участниках войны. Охотно оценивает деятельность различных групп людей, но в оценке конкретных людей осторожен и сдержан.

Политик часто цитирует себя и законы, выбор которых зависит от ситуации и аудитории. Ссылки на некоторые тексты в его дискурсе саркастически окрашены (например, марксизм-ленинизм, публикации противников, имеющие целью дискредитировать его и снять его кандидатуру с участия в выборах).

Интерсобытийность всегда контекстуальна. Это прежде всего выборы, а также события, дающие информационный повод.

Его пространство – это те города и регионы, где он избирался или был избран, а также Москва и территория всей России. Ситуации в его дискурсе реальны или же выглядят реальными (будущее для него так же реально, как и настоящее), а прошлое, в основном, нарративно и повествует о нем самом.

Для дискурса характерно энергичное начало, он сразу охватывает идею. Основная часть текста – нарратив с элементами экспрессивно представленного анализа. И развязка – обещание-слоган.

Жириновский последователен в репрезентации и развитии идеи. Использует иллюстрации, образы, иногда перечисления и статистику. Риторические характеристики дискурса – это, главным образом, метафоричность языка. Метафоры стандартны, хотя и многочисленны. Прибегает к приемам «манипулирования статистикой», «общий вагон», «навешивание ярлыков». Опытный оратор, он использует повторы, автодиалог, перечисления, восклицания, образы, иногда риторические вопросы, сравнения, экспрессивный словарь.

Манипулирует временем и модальностью (будущее подается через модальность долженствования). Мастерски смешивает стили, меняя словарь в зависимости от аудитории.

Коммуникативные стратегии – «реклама», «атака», «конструирование реальности».

Таким образом, в дискурсе В. Жириновский проявляет себя как конструктор и архитектор реальности, носитель национальной идеи, миссия которого защитить средний класс и показать россиянам, что их страной можно и нужно

гордиться. Он знает, что должно быть сделано, но это будет выполнено лишь, тогда когда ЛДПР придет к власти. Это условие, по сути, и является его программой. Его программа самоуверенная, но скромная; рассуждающая, но рекламирующая. В. Жириновский – представитель аудитории, он с нею, он «один из нас». Его кортеж – граждане России, ЛДПР. Он человек знающий, положительный. Механизм связи между лидером и аудиторией – апелляция к национальной гордости и защита патриархальных ценностей. Его дискурс можно охарактеризовать как яркий, насыщенный фактами, идеями, субъектами.

КРАТКИЕ ВЫВОODY ПО ДИСКУРСУ РОССИЙСКИХ ПОЛИТИКОВ:

Мы увидели, каким дискурс власти в России был в период перестройки, а точнее, правления первого президента Бориса **Ельцина** и каков он сегодня, представленный в лице Владимира **Путина**. Соответственно мы смогли сложить представление и о некоторых тенденциях контрдискурсии, в частности тех, которые представлены такими ключевыми фигурами контрдискурсии, как Владимир **Жириновский** и Геннадий **Зюганов**.

Построив дискурсные портреты этих четырех политиков России, подведем краткие итоги.

Дискурс власти в лице Б. Ельцина и В. Путина характеризуется удивительной гармоничностью и преемственностью первого и второго президентов страны при всей очевидности принципиального различия между лидером перестройки и его преемником. Практически все дискурс-типы у них совпадают. Если мы составим дискурс-портрет В. Путина по присущим ему дискурс-типам, то увидим, что это индивидуалист, деятель, рационалист и популист, стратег и тактик, прагматик, демократ и мессия, менеджер и, конечно же, он общенациональный лидер. Практически все это есть и у Б. Ельцина с той только разницей, что дискурс-портрет Б. Ельцина куда более сложен и противоречив. На нем смыкаются 21 из 24-х дискурс-типов, которые мы выявили в процессе построения их типологической классификации. Причем мы полагаем, что оставшиеся три дискурс-типа в нем также были заложены и реализовывались ранее на тех или иных этапах его политической карьеры, но не в тот период, тексты которого были подвергнуты нами дискурс-экспертизе. В этот период в нем нет качеств *идеалиста* (для него важно не столько отношение к реальности, сколько сама реальность), *учителя* (он не вводит в свой дискурс расхожие мифы для того, чтобы их развенчивать, скорее, наоборот, для того, чтобы на них опереться и их максимально эксплуатировать), и, наконец, он не декларирует себя *региональным* и *партийным* лидером (это для него уже не актуально).

Сводная таблица 1

		Набор возможных дискурс-типов	<i>Ельцин</i>	<i>Путин</i>
Лидер-ориентированные дискурс-типы	Лидер-описательные	коллективист индивидуалист институционалист	коллективист, индивидуалист и институционалист	индивидуалист
		созерцатель деятель сбалансированный	созерцатель, деятель сбалансированный	деятель
	Лидер-формирующие	популист рационалист борец	популист, рационалист	рационалист, популист
Кортеж-ориентированные дискурс-типы	Кортеж-описательные	общенациональный региональный партийный	общенациональный	общенациональный
	Кортеж-формирующие	тактик стратег	тактик, стратег	стратег и тактик
Аудитория-ориентированные дискурс-типы	Аудитория-формирующие и описательные	прагматик идеолог идеалист пропагандист	прагматик и идеолог	прагматик
		демократ мессия народник	мессия народник	демократ мессия
		менеджер сказитель технолог учитель	менеджер сказитель	менеджер

Дискурс-модель лидерства **оппонентов власти** в лице В. Жириновского и Г. Зюганова – это как «рыжий» и «белый» в известной клоунской пантомиме. Они и задуманы как антиподы и демонстрируют это, реализуя свои противостоящие дискурсы в СМИ и, соответственно, отвечая запросам своего электора-

та. Совпадающие для них дискурс-типы – это, во-первых, тактик: оба они активные коммуниканты и не делегируют другим лицам партии решение каких-либо коммуникативных задач, а также, во-вторых, общенациональный и партийный. Первые два характерны и для В. Путина. Таким образом, можно констатировать, что первые два дискурс-типа абсолютно необходимы политическому лидеру России.

Сводная таблица 2

		Набор возможных дискурс-типов	<i>Зюганов</i>	<i>Жириновский</i>
Лидер-ориентированные дискурс-типы	Лидер-описательные	коллективист индивидуалист институционалист	институционалист	коллективист
		созерцатель деятель сбалансированный	сбалансированный	деятель
	Лидер-формирующие	популист рационалист борец	борец	популист
Кортеж-ориентированные дискурс-типы	Кортеж описательные	общенациональный региональный партийный	общенациональный партийный	общенациональный, региональный партийный
	Кортеж-формирующие	тактик стратег	тактик стратег	тактик
Аудитория-ориентированные дискурс-типы	Аудитория-формирующие и описательные	прагматик идеолог идеалист пропагандист	идеолог	идеалист
		демократ мессия народник	мессия	народник
		менеджер сказитель технолог учитель	сказитель	технолог

Часть восьмая

ДИСКУРС-МОДЕЛЬ ХАРИЗМЫ

8.1. Харизматический лидер: дар или конструкт?

Проблематика исследований харизмы в целом и харизматического политика в частности достаточно широка и объемна и тянет за собой шлейф подходов самых разных дисциплин, таких как социология, психология, культурология, когнитивистика, лингвистика, дискурс-теория, прагматика (Блондель, 1992; Вебер, 1988; Грехнев, 1993; Сиверцев, 1989). Соответственно, и темы, получившие свое развитие в русле «харизма-теории» многогранны. Так, это, *во-первых*, изучение концепта «харизма» в аналитическом и синтетическом аспектах (разложение понятия на составляющие и попытка осмыслить данное явление во всей его целостности) и, *во-вторых*, изучение дискурсной природы явления. Общая теория харизмы, таким образом, объединят в себе типологические, исторические, культурологические, этические, коммуникативные аспекты. Все они, органично вплетаясь друг в друга, «работают» в унисон, но при этом каждая сохраняет свое особое звучание, характеризуя время и место зарождения данного феномена, а также время самого исследователя.

Современная наука сосредоточила свое внимание в максимально большей степени на коммуникативном аспекте харизмы, и это не случайно. Настоящий уровень развития СМИ в целом и СМИ технологий в частности поднял на новый доселе невиданный уровень возможности конструирования имиджа политика и воздействия этого имиджа на социально-политический и психологический климат страны. Совершенствование этих технологий приводит, в том числе, и к тому, что харизма, как отмечают исследователи, также поддается, в определенной степени, конструированию, в результате чего мы имеем дело уже не с собственно, харизмой, а ее аналогом, псевдохаризмой, артефактом. Таким образом, коммуникативная данность может быть представлена не только как аспект проявления феномена харизмы, но и как ее фактическое бытие. В таком случае мы можем говорить о факте ее дискурсного существования и возможности ее изучения дискурс-методиками или, как мы это продемонстрировали в данной коллективной монографии, с помощью дискурс-экспертизы. Мы полагаем, что в таком случае мы можем вести речь как о построении дискурс-

модели харизмы, так о наличии такого феномена как харизматический дискурс, к определению которого нас подводит сама история изучения харизмы.

На сегодняшний день ни одно исследование харизматического лидерства не обходится без ссылки на М. Вебера, который разработав теорию легитимного господства, среди типов лидерства выделил *традиционное лидерство* (основанное на традициях и обычаях), *рационально-легальное* (основанное на законах) и собственно *харизматическое* лидерство. Вебер полагал, что последнее основано на вере в необыкновенные качества вождя².

Определение харизматического лидера (вера в необыкновенные качества) подводит нас к пониманию того, что содержит в себе концепт данного феномена. В частности, мы обнаруживаем, *во-первых*, наличие в нем трех составляющих: лидера, его аудитории и незримой связи лидера с аудиторией. И далее, *во-вторых*, уточняя эти позиции, мы говорим о наличии:

- (1) **необыкновенных качеств** лидера (*качества, актуализированные лидером и коммуницируемые аудитории*) и
- (2) **веры** в то, что эти качества существуют и действительно присущи данному лидеру (*качества, декодируемые аудиторией и приписываемые аудиторией лидеру*), а, соответственно, и
- (3) **текста\дискурса**, который эту связь означает.

Как видим, такое развитие концепта позволяет поместить харизму в плоскость дискурса, а дискурс-экспертизу в разряд методик исследования харизмы.

Однако перед тем, как мы приступим к развитию данной идеи в полной мере, обратимся к двум значимым для нас (с учетом анализируемого контекста) исследований, в которых предложены результаты осмысления понятия харизма в коммуникативном аспекте по двум вышеобозначенным направлениям – качества лидера и связь лидера с аудиторией.

Изучение особых качеств лидера, исходя из его взаимодействия с аудиторией, позволило А.М.Гантеру предложить для рассмотрения пять ключевых атрибутов харизматического лидера: (а) способность воздействовать на людей и заряжать энергией; (б) внешность, привлекающая массы; (в) риторический дар и способность к коммуникации; (г) умение вызывать состояние комфорта при восприятии; (д) реализация имиджа сильного человека.

Мы обратились именно к этой модели харизматического лидера, ибо в ней просматриваются четыре значимых для нас аспекта. Это – *структурный эле-*

---

² Сравним с другими определениями харизматического лидера, которые мы находим в современной справочной литературе, как например: харизма [гр. Charisma – милость, божественный дар] – исключительная одаренность. Харизматический лидер – человек, наделенный в глазах его последователей авторитетом, основанным на исключительных качествах его личности [ССИС, 1992, с.669]. А также с определениями понятия «харизма», где ключевыми словами являются *авторитет, влияние, вдохновлять, преданность, последователи*.

мент модели: здесь он представлен качеством «сильный», которое заложено в основу имиджа харизматического лидера. Это также – *иерархический* (прагматический) компонент модели, репрезентирующий значимость субъекта – способность воздействовать на людей. Это, наконец, – *системный* и *линейный* компоненты модели: коммуникативные коды харизматического лидера – невербальные (внешность) и вербальные (риторика) характеристики его речевого поведения.

В свою очередь, проработка специфики реализации связей харизматического лидера с аудиторией с учетом их формальной организации, наглядно представлена в работе Роджера Итвелл (2002), где мы обнаруживаем такие варианты (типы) харизмы как:

- *дворцовая* харизма - способность лидера привязывать к себе ближний круг последователей;
- *институциональная* харизма – способность лидера привязывать к себе институциональный круг и себя к институту;
- харизма *для масс* – способность лидера привязывать к себе массы.

Среди ключевых условий реализации этих связей Р. Итвелл называет наличие объединяющей *миссии* для реализации институциональной харизмы или умение вызывать у толпы сантименты для реализации харизмы для масс (что также перекликается с Веберовской идеей наличия двух встречных условий: осознания лидером своей особой миссии и судьбы и наличия интенсивной эмоциональной поддержки лидера со стороны *аудитории*).

Здесь обнаруживается преемственность наших подходов, ибо именно для построения дискурс-портретов ключевых политических лидеров мы задействовали такие дискурс-категории как *целевая аудитория*, *миссия*, *риторические практики*.

И, наконец, обратимся к контекстным позициям – причинам, которые исследователи харизматических лидеров фиксируют в качестве определяющих для их появления. Среди них:

- социальный кризис или его предощущение, сопутствующими элементами которого могут быть осознание потери корней, неверия в политическую эффективность и пр., а значит и надежда на то, что лидер может восстановить потерянные связи или установить новые не менее значимые;
- причины исторического и культурного плана, когда в лидере усматриваются черты народных (былинных) героев, и тогда, даже в случае разрыва с традицией, он воспринимается как носитель мифологии данного общества.

- политический кризис, когда лидер становится ключевой фигурой политического процесса, подменяя собой все другие политические структуры (напр., политические партии), которые неэффективны либо подаются как неэффективные (как могут быть неэффективны и СМИ в привлечении аудитории к реальному политическому процессу по самым различным причинам).

Если рассматривать ситуацию в дискурсе политического лидера, то есть "перевести" эти причины на язык дискурс-исследований, то естественно вести речь об актуализации и различных вариантах наполнения таких категорий как *интерсубъектность*, *интерсобытийность*, *интертекстуальность*, *миф-реальность*, *дискурсные практики* и ряд др.

Как видим, дискурс анализ, в определенном смысле, помогает совмещать наметившиеся подходы исследования харизмы: лидер-ориентированные, аудитория-ориентированные и кортеж-ориентированные, добавляя еще одну (синтезирующую) позицию – дискурс-ориентированные (включающую не только субъектную, но и предметную, а также знаковую ситуации общения). Поэтому дискурс-модель харизмы не является притянутой откуда-то со стороны, а значит, принципиально отличной от предыдущих, и может многое прояснить для дальнейших исследований этого уникального явления.

Исходя из вышесказанного наше рабочее определение понятия «харизматический лидер» будет носить синтезированный характер, то есть будет основано (в первичном прочтении) на идентификации и, далее, единении «лидер-фокусированных» и «аудитория-фокусированных» («свита-фокусированных») подходов. Параллельно в фокусе внимания сохраняются **вербальные** (речеповеденческие) и **невербальные** (собственно поведенческие) коды общения. Заданное нами множество создает категориальное поле для анализа типологических свойств харизматического лидера.

8.2. Построение рабочего определения понятия «харизматический лидер» в дискурс-проекции

Конструируя дискурсное прочтение понятия «харизматический лидер», мы исходим из следующих шести позиций:

- 1) харизма коммуникативна, что означает наличие определенного схватывающего, промежуточного элемента между лидером и его последователями;
- 2) харизма - целостное понятие, и ее компоненты значимы не сами по себе, а лишь в совокупности. Поэтому типология лидерства строится в многогранном, а не линейном пространстве;
- 3) харизма - не только атрибутивна, но и деятельностна. Будучи данным от природы (заложенным в генах), харизматическое начало может оставаться в латентном состоянии или получать развитие. Случается, однако, что у лидера нет ярких природных данных, и окружение «раскручивает» его, используя различные политтехно-логии. Когда имидж является результатом манипуляций, мы имеем дело с псевдохаризмой;
- 4) понятие «харизма» приложимо к разным видам деятельности и разным сферам: не только политической, но и педагогической, экономической (бизнес, менеджмент), сценической и пр.;
- 5) от исследователя требуется объективированный (нейтральный) подход к понятию «харизма». Это важно отметить, поскольку во многих публикациях харизматический субъект «отягощен» ярко выраженной отрицательной или положительной коннотацией (*герой* или *злодей*);
- 6) для нас харизма является рабочим определением. Мы стремимся вписать лидера в национально-исторический контекст и реконструировать его качества из рутинных (обычных) действий. Суть харизматического лидера в сочетании спроса и предложения. Такой подход можно назвать прагматичным, и он представляется нам вполне оправданным и оптимальным.

Рассмотрим специфику составляющих понятия «дискурс-харизма» с учетом того опыта, который мы приобрели, проводя анализ вербального и невербального поведения политических лидеров и построив их дискурс-портреты, а также с опорой на социальный, профессиональный и просто жизненный опыт исследователей, зафиксированный в специальной и ху дожественной литературе. Иначе говоря, проведем инвентаризацию содержательных компонентов харизмы с учетом общих тенденций поведения харизматического лидера.

Лидер-фокусированная составляющая харизмы. Среди компонентов этой составляющей есть системные, структурные, линейные, иерархические компоненты, находящиеся во взаимодействии, что делает данную составляющую определенной целостностью, а значит позволяет нам рассматривать ее в качестве относительно самостоятельной функциональной данности.

К системным мы относим такие индивидуальные особенности субъекта, как черты характера, поведения, в том числе речевого, знакового. Любопытно, что анализ дискурса харизматического лидера (то есть того, кого общественное и сугубо профессиональное мнение относит к данной категории лидеров), демонстрирует наличие характерных противоречий: сильная воля, деловая хватка и вместе с тем исключительное обаяние, открытость; любопытство, живой интерес к людям и одновременно четкая нацеленность на достижение результата любым путем; исключительная скромность, простота, общительность и вместе с тем сверхконцентрация на чем-то определенном, уход от рутины. Другие возможные сочетания – исключительная доброта (к животным или семье) и тут же – исключительная жестокость (к тем, кого харизматик называет врагами). Мы полагаем, что наличие такого **противоречия**, а также **интенсивность** проявления каждого из дихотомических качеств, представленных в дискурсе лидеров (реконструированных из дискурса), могут рассматриваться в качестве потенциальных маркеров харизматичности.

Среди *линейных* компонентов – наличие в дискурсе субъекта его **жизненной истории** (или реконструкция таковой из дискурса), которая может быть представлена как непосредственно (прямым нарративом о себе), так и косвенно (через отдельные разовые выходы на какие-то биографические факты, а также с помощью *интертекстуальности* и других *интер-* категорий). Политический лидер без своей истории (из ниоткуда), возможно, и в состоянии претендовать на харизматичность, однако в таком случае его историю будут за него «писать» (домысливать) свита, аудитория, враги. Примеры жизненных историй харизматиков при всей своей исключительности имеют некоторые типовые черты (а возможно, они обрастают этими типовыми чертами со временем, становясь хрестоматийными образцами, примерами для подражания, квазимodelью поведения).

К структурным можно отнести деятельность лидера (представленную в дискурсе и реконструируемую из него) как практическую, так и мыслительную в их развитии, с учетом направления, глубины, интенсивности, направленности и пр. Здесь предполагается, что исключительность (все тот же неизбежный маркированный компонент содержания понятия «харизма») должна

присутствовать в том, как харизматик структурирует основные концепты своей деятельности, то есть на что в конечном итоге эта деятельность выводит, какую **миссию** он на себя берет, как эту миссию преподносит.

Среди *иерархических* компонентов следует назвать наличие в дискурсе субъекта **телеологических** характеристик, то есть формулировок (прямых или косвенных) целей и программных задач (которые лидер ставит перед собой и другими), ценностных приоритетов.

Такая **многоплановость**, поликомпонентность явления харизмы делает его «живым», то есть обеспечивает функциональный подход к изучению данного явления в выше обозначенном аспекте.

Понятно, что список непосредственно фиксированных характерных черт «страдает» некоторой **относительностью**. Эти черты – результат, а не причина того, почему тот или иной субъект относится к категории харизматиков. Иначе говоря, вопрос выбора черт поведения и проявления себя, которые делают харизматика таковым, не настолько однозначен. Здесь «работают» история, культурная традиция, жизненные обстоятельства. Так, простота и скромность сами по себе не могут сделать политика харизматиком, однако, являясь важным атрибутом его образа/имиджа (скажем, образа Ленина), эти качества приобретают ореол харизматичности в восточнославянском регионе.

Для полноты картины перечислим ряд качеств харизматического лидера, которые отмечены исследователями на более широком политическом пространстве. Эти качества учитывают все этапы их ценностной характеристики. Они касаются как их убеждений, так и непосредственной деятельности. Это состояние постоянной **борьбы** (бойцовская позиция в интересах группы) с элементом некоторого **остракизма** (или создание видимости остракизма, в ретроспективе – гонений) и преодоления трудностей. У него особое **происхождение**, особая **роль** (слуга народа), он носитель знаков, обладатель высокой **идеи**, он **превосходит** других, **влияет** на подчиненных, **формирует** идеологию. Он последователен на всем жизненном пути. На нем лежит некий сексуально-мистический налет. Он одарен **особыми качествами**: выдающийся оратор, пророк, его речь образна, жест выразителен, в нем ощущается определенная театральность. У него некое артистическое **амплуа** (например, благородный отец, «батька»). Обладает запоминающимся, выделяющим его стилем, голосом (фористические находки в речи), манерой одеваться, вести себя. В нем глубинный смысл. Он не должен быть соглашателем. Он активен, энергичен, динамичен. С ним – престиж. Есть определенные черты избранности - озарение (голос свыше), свои ритуалы (например, игра в хоккей или военные единоборства),

«миропомазание» (*меня народ поставил*), даже может быть какая-то особая болезнь (которая не только не разрушает, но и усиливает харизму). Его деятельность характеризуется как новаторская (восстание против изживших себя порядков или хотя бы претензии на новизну). Для него характерен выход за пределы обыденной коммуникации, умение брать на себя ответственность, стремление расширить свое пространство и влияние. Харизматик не склонен кого-то успокаивать, преуменьшать трудности, опасности, а скорее – держать в напряжении.

Аудитория-фокусированная составляющая. Здесь целостный набор характеристик лидера, востребованные обществом качества, идеи и формы деятельности, запрашиваемых обществом. Функциональное бытие этой целостности можно представить как постоянное перераспределение элементов от центра к периферии. Это перераспределение осуществляет аудитория в зависимости от ее качеств или от времени, места, стечения обстоятельств. К примеру, сегодня может быть важна скромность, а завтра – воля, сегодня – нарратив о себе, а завтра – действие. (Отсюда противоречивость качеств харизматика – он должен владеть всем арсеналом качеств и по необходимости пользоваться каждым из них). Как бы он себя ни проявил (добрым или злым), харизматический лидер всегда остается на определенном удалении от аудитории, на некоем условном пьедестале.

Если харизма, как проявление определенной целостности, состоялась, то аудитория безразлична ко многому другому, например, к морально-этическому аспекту (вот почему обвинение харизматического лидера в нарушении морально-этических норм не работает), здоровью, в том числе психическому (что, наоборот, может рассматриваться как констатация избранности субъекта, о чем мы говорили выше).

Кортеж-фокусированная составляющая. Для харизматика, безусловно, важны также сильные (экстраординарные) интерактивные качества. Среди них обычно называют такие качества, как впечатлительность, доверие, привязанность. Харизматик направляет аудиторию, удерживает внимание, имеет успех. С ним обаяние, притягательность, архаический магнетизм. Он редко вызывает безразличие. Его либо любят, либо ненавидят. Тот факт, что аудитория в общении с харизматиком подвержена сильному эмоциональному воздействию (конструктивному или деструктивному), способствует, в свою очередь, быстрому установлению контакта и тем самым усиливается воздействие на других уровнях общения.

Когда есть предложение со стороны индивидуума (набор составляющих) и есть запрос общества (а это может быть и другой набор составляющих), то оправдана и необходима с учетом места и времени (*здесь и сейчас*) аналитическая работа по выявлению совпадающих и несовпадающих элементов. Лидер вынужден создавать себя и конструировать «свое» общество, искать рычаги влияния на общественное мнение, если эта способность не дана субъекту «по наитию». Не думаем, что такая «настройка» хоть как-то преуменьшает харизму. Просто следует, как всегда, отличать талантливость от гениальности, но они все равно «работают» в сцепке. В любом случае мы вправе говорить об исключительности лидера. Однако в первом случае ему, вероятно, требуется пройти гораздо более долгий путь восхождения к своему «звездному часу», а во втором случае, это дается сразу и навсегда. А, возможно, это связано и с точкой отсчета: те, кто живут с нами, – просто талантливы, те, кто умер, – гениальны.

Итак, мы полагаем, что на основании вышесказанного можно согласиться, что **харизматический лидер это** – лидер, обладающий очень многими, в том числе противоречивыми качествами, среди которых интерактивные, позволяющие ему оказывать сильное воздействие (рациональное/эмоциональное) на аудиторию. Его качества проявляются в нем достаточно сильно (интенсивно) и это осознается другими, благодаря чему он сразу же выделяется из общей массы людей. Это человек состоявшийся, демонстрирующий уверенность в себе, владеющий ситуацией (т.е. четко проецирующий себя на настоящее), к тому же он обладает четким видением перспективы. Он имеет определенную, четко очерченную, выдающуюся, ценностно-высокую миссию (*great mission*). Это лидер, проецирующий себя в реальность и общество посредством запоминающейся жизненной истории, в которой актуализированы и субъект-предметные и субъект-субъектные содержательные компоненты, – много труда, борьбы, достижений, много последователей, учеников, друзей, врагов. Это лидер, знающий, что и зачем делает, он своими идеями освещает людям путь. Все это он успешно коммуницирует, легко устанавливает контакт с аудиторией, обнаруживая при этом необходимые для своего времени ораторские способности и владение наиболее эффективным (для своего времени и своей страны) средством массовой коммуникации. Это лидер, который вобрал в себя качества, актуальные для данного времени (современен), данной страны (возрождает/развивает традиции или способствует зарождению новых традиций), для данного пола (гендерный аспект).

8.3. Тест на харизматичность

Рисуя дискурс-портреты политических лидеров и определяя их типологическую принадлежность, мы не ограничивались исключительно ролью экспертов. Прodelанная работа имеет и теоретический смысл. В данном случае она позволила нам продвинуться в создании дискурс-теста на харизматичность. Мы строим такой тест на следующих составляющих дискурса политика:

1. Декларируемые качества лидера с учетом их а) многообразия; б) противоречивости; в) интенсивности; г) современности; д) привязанности к национальной почве; е) сильной позиции в тендерном аспекте.

2. Репрезентация себя с учетом наличия сильного «я» (эксплицитного или имплицитного).

3. Проекция «я» политика во времени и пространстве на актуализацию позиции «здесь и сейчас».

4. Присутствие прогноза, пророчеств (разовое, многоразовое, с интерпретацией, поддерживаемое другими категориями).

5. Наличие особой миссии (какой именно).

Соответственно каждая из этих составляющих замеряется либо по одномомерной шкале (да/нет), либо по многомерной («да» в какой степени: от «+» до «++++»). Подсчет общего количества плюсов, а также специфических качеств, как мы полагаем, позволяет выявить наличие\отсутствие черт харизматичности у лидера, а также степень проявления данного типологического качества. Такое тестирование политиков на харизматичность мы попробовали провести на материале все той же выборки текстов. Результаты этого тестирования приводятся в *таблице 1*. Здесь следует подчеркнуть тот факт, что количество плюсов (максимальное число «четыре») мы ставили исходя из соотнесенности дискурс-данных представителей нашей выборки. Так, максимальное число плюсов не означает, что та или иная категория абсолютно актуальна для дискурса данного политика, а лишь что она наиболее актуальна и значима по сравнению с дискурсами других лидеров выборки. Соответственно, один «+» означает просто факт наличия того или иного признака, как «–» означает факт отсутствия данного признака в дискурсе данного политического лидера.

Таблица 1.

Категории анализа	Машеров МАХ	Лукашенко МАХ	Ельцин	Жириновский	Позняк	Путин	Зюганов
-------------------	----------------	------------------	--------	-------------	--------	-------	---------

Общее количество признаков	32	31	23	23	13	12	11
<u>Качества лидера:</u>							
А) многообразие	А) да	да	да	да	нет	нет	нет
Б) противоречивость	Б) да	да	да	да скорее, нет	нет	да скорее, нет	да
В) интенсивность	В) да	да	да	да	да	да	да
Г) современность	Г) да	да	да	да	да скорее, нет	да да нет	нет
Д) привязанность к национальной почве	Д) да	да	да	да	да	да	нет
Е) сильная позиция в гендерном аспекте	Е) да	да	да	да	да	да	да
	6	6	6	5,25	3,25	3,25	3
<u>Общее кол-во «да»:</u>							
Самоидентификация (наличие сильного «я»: имплицитного + эксплицитного с учетом интенсивности их проявления)	++	++++	++++	++	+	++	+
«Здесь и сейчас»	+	+	+	+	—	+	—
Присутствие прогноза, пророчеств	+	+	+	+	+++	—	—
Наличие особой миссии (какой именно)	+ Вербализует интересы народа, решает проблемы вместе	+ Не допустить развала страны (<i>развал – не допустить</i>)	+ Дал лучшую жизнь людям; берет на себя боль	++ Вне-Внедрение национальной идеи (<i>нац. идею – внедрить</i>)	+ Ос-вобож-дение Белору-си от России	+ Вне-дрение демократ. ценностей западного образ-ца	+ Спа-сение народа от современного режима

Качественная характеристика миссии (ее интерпретация)	Миссия консолидации и мобилизации	Миссия консолидации граждан	Миссия интеграции	Миссия консолидации нации	Миссия национальной сепаратизма	Миссия интеграции в мир	Миссия раскола общества
Наличие предмета разговора с учетом аудитории	++++	+++	+	+	–	--	–
Наличие идеи	++	+	+	+	+	+	+
Ораторские качества (использование всего арсенала риторических приемов)	++++	++++	++	+++	++	–	++
Владеет жанром интервью, (интеракция в межличностном общении)	+++	++++	++	++	+	++	+
Умение коммуницировать идеи	++++	++	++	++	+	+	+
Интерактивность (контакт с аудиторией)	++++	++++	++	+++	Скорее –	+	+

Следует добавить также, что данный тест на харизматичность замеряет такое явление, как «харизма для масс» (но не «дворцовая» или «институциональная харизма»), ибо проведен по результатам анализа текстов, адресованных самой широкой аудитории – аудитории СМИ.

Результаты проведенного теста по дискурсу семи политических лидеров (в эту выборку мы не включили лидеров Беларуси С. Шушкевича и В. Гончарика на том основании, что в дискурсе данных лидеров в любом случае не актуализированы черты сильного лидера) мы хотели бы прокомментировать следующим образом:

1. Дискурс П. Машерова характеризует данного политика как **личность, безусловно, харизматическую**. Такой вывод мы делаем на основании следующих составляющих: (1) в его дискурсе актуализируются все временные формы (вчера, сегодня, завтра) и разные политические сообщества, но при этом главное место занимает проекция «здесь и сейчас»; (2) в его дискурсе, хоть и имплицитно, представлено сильное личностное начало; (3) ему присуще изложение фактов и идей, но они всегда имеют адрес (идеи успешно проецированы на аудиторию); (4) он носитель миссии, которая имеет и предметную и кортежную

направленность: озвучивает насущные проблемы и подводит аудиторию к их решению, мобилизуя и консолидируя общество; (5) свои качества он репрезентирует имплицитно, не называя их (называет только свою деятельность), и они характеризуются многообразием, противоречивостью, интенсивностью, являются одновременно и типичными и нетипичными для его времени, привязаны к национальной почве, но могут прочитываться и вне этой привязки; проявляет мужские качества («джентльмен»); (6) хороший оратор (использует весь арсенал риторических приемов и дискурсных практик), интерактивен, стремится к контакту с аудиторией; (7) пользуется престижным вариантом языка, но также и просторечиями, народными изречениями.

2. Дискурс А. Лукашенко характеризует данного политика как **личность, безусловно, харизматическую**. Такой вывод мы делаем на основании следующих составляющих: максимальная актуализация качеств (с учетом противоречивости и интенсивности) и сильное, постоянно присутствующее личностное начало. Он включен в ситуацию, четко проецирует себя на настоящее и конструирует будущее на основе сегодняшних реалий. Его миссия (*не допустить развала страны*) безупречна с позиции охвата аудитории. Это лидер знающий, что и зачем делает и предлагающий аудитории действовать с ним вместе. Обилие риторических приемов и дискурсных практик вполне естественно: он не отказывается от непрестижного варианта языка, проецируя себя тем самым в народ, и делает это с помощью наиболее значимых сегодня электронных СМИ (телевидения). Эта фигура совмещает, казалось бы, несовместимое: способствует зарождению новых традиций и одновременно возрождает старые.

3. Дискурс Б. Ельцина характеризует данного политика как **личность, манифестирующую харизму для масс** (хотя это, как показано в *таблице 1*, далеко не так очевидно, как в предыдущих двух случаях). Такой вывод мы делаем на основании следующих составляющих: (1) в его дискурсе актуализируются все временные формы (вчера, сегодня, завтра) и разные политические сообщества, но при этом главное место занимает проекция «здесь и сейчас»; (2) в его дискурсе максимально сильное личностное начало; (3) его речь адресна и предметна; (4) он носитель несколько противоречивой миссии, которая имеет и предметную и кортежную направленность, а также временную направленность – на результат: он озвучивает понимание людей и берет на себя их боль (настоящее время), но у него есть еще результативное настоящее – он дал им лучшую жизнь, и никто больше этого сделать бы не смог; (5) свои качества он репрезентирует эксплицитно и интенсивно; они характеризуются многообразием

и противоречивостью, являются одновременно и типичными и нетипичными для его времени, однозначно привязаны к национальной почве; он актуализирует свои мужские качества – силу; (6) использует разнообразные риторические приемы и дискурсные практики, интерактивен, контакт с аудиторией воспринимает как данность; (7) пользуется престижным вариантом языка, но стремясь быть понятным, использует разговорный регистр.

4. Дискурс В. Жириновского дает определенные основания для того, чтобы отнести данного политика к группе лидеров, **манифестирующих харизму для масс**, хотя это далеко неоднозначно. Рассмотрим те характеристики его дискурса, которые значимы в данной связи. Это максимальная актуализация качеств (с учетом относительной противоречивости, но безусловной интенсивности), интегративные тенденции, имплицитно присущее сильное личностное начало (*активная оценочная деятельность*). Политик вербально конструирует настоящую ситуацию, но уважает прошлое страны, и еще более небезразличен к ее будущему. Его миссия (*внедрение национальной идеи*) четко структурирована и спроецирована на массовую аудиторию. Предметная и субъектная информация уравновешены. Для него характерны интенсивность и разнообразие использования риторических приемов. В укреплении позиции лидера велика роль видеоресурса. Это обеспечивает согласованность и взаимодополняемость вербального и невербального планов, эксплицитного и имплицитного. Максимально интерактивен (идет на контакт с реальной аудиторией) и активен (создает свою аудиторию), коммуникативен (одновременно доходчив, логичен, экспрессивен, актуализирует идею и код). Общение реализуется в широком тематическом и эмоциональном диапазоне.

5. Дискурс З. Позняка не дает нам достаточно оснований для того, чтобы считать его лидером харизматического типа. И все же мы констатируем ряд качеств, благодаря которым он мог бы быть таковым. Это, конечно, то, что его сильное «мы» не подавляет личностное начало политика, а также то, что все проявляемые им качества однозначно интенсивно репрезентируются в его дискурсе. Он талантливый митинговый оратор. Его дискурс характеризуется цельностью и наполненностью риторических приемов. Но в нем нет противоречивости, неожиданности. Он недостаточно работает со временем (обращен в прошлое), недостаточно интерактивен, в его дискурсе – дисбаланс предметной и субъектной информации в пользу предметной. У него деструктивная миссия, что в целом, с учетом места и времени, снижает его потенциал.

6. Дискурс В. Путина также не дает нам достаточно оснований для того, чтобы считать его лидером харизматического типа. Он не воспроизводит ха-

ризматическую модель дискурса, ибо его качества относительно «монотонны». Миссия (внедрение демократических ценностей западного образца) не оптимально структурирована, временами замечен дисбаланс предметной и субъектной информации в пользу предметной. Он недостаточно сильный оратор. Однако есть несколько сильных позиций в его дискурсе, которые в какой-то степени способствуют актуализации харизмы: сильное «я», интенсивность репрезентируемых качеств, интерактивность, коммуникативность.

7. Дискурс Г. Зюганова дает еще меньше оснований для того, чтобы считать его лидером харизматического типа. Он актуализирует все временные формы, но все же есть некоторая постоянно регистрируемая повернутость в прошлое; его речь предметна, но ее «упаковка» явно сужает электорат. К актуализации харизмы приближает лишь то, что в его дискурсе сильное личностное начало и сильная манифестация миссии (спасение народа от современного режима).

Таким образом, **дискурс-модель харизматического лидера** в наиболее сильной форме представлена в дискурсе двух персоналий нашей выборки – **П. Машерова и А. Лукашенко**, а также актуализируется рядом позиций в дискурсе **Б. Ельцина и В. Жириновского**, что подтверждает ту мысль, что переходный период в стране требует лидеров сильных и неоднозначных. Именно они имеют шанс на то, чтобы стать у руля власти или, по крайней мере, войти в когорту популярных политиков.

Можно добавить также, что дискурс-модель харизматического лидера есть, по существу, модель лидера переходного периода – того самого периода, когда все противоречивое электоральное поле надо объединить и повести за собой вразрез с устоявшейся традицией (ибо традиционные связи и так рвутся), когда от лидера требуется не просто перспективное мышление, но и умение дать возможность своему электорату увидеть новые горизонты развития страны, так как старые уже больше не отвечают запросам общества

8.4. Другие дискурс-модели лидерства

Мы полагаем, что результаты проведенной нами дискурс-экспертизы позволяют предложить для рассмотрения еще несколько дискурс-моделей лидер-

ства, построенных на основании определенных совокупностей манифестируемых дискурс-типов.

Если мы посмотрим более внимательно на то сочетание дискурс-типов, которое манифестируют остальные политики нашей выборки, и в том числе В. Жириновский, который оказался на, своего рода, «линии раздела», то увидим определенные закономерности. Так, вполне закономерно сочетание таких дискурс-типов, как индивидуалист, демократ, прагматик, менеджер, деятель (позитивно-конструктивной направленности), рационалист. В свою очередь, вполне естественным является сочетание дискурс-типов коллективист, народник, идеалист, технолог, деятель критической направленности, партийный, сохраняющий общенациональную и региональную направленность, популист. И наконец, цельным представляется образ политика, в арсенале которого – манифестация таких дискурс-типов, как институционалист, мессия, идеолог, сказитель, созерцатель, борец. Именно такими дискурс-моделями и представлены результаты анализа дискурса политиков **В. Путина, В. Жириновского и Г. Зюганова** (см. таблицу 8.2). Соответственно эти совокупности дискурс-типов могут быть представлены условно как дискурс-модели лидеров западной, восточнославянской и юго-восточной (азиатской) традиций. Данные названия дискурс-моделей, по всей вероятности, имеют под собой некоторые основания (в том числе ассоциативные), которые, однако, должны быть проверены в ходе последующей дискурс-экспертизы политического дискурса планеты. Тем не менее сохраним эти названия в данном издании.

Заметим, впрочем, что на российской почве дискурс-модель западного образца (которую актуализирует В.Путин в своем дискурсе) несколько размыта вкраплениями других традиций. В частности, как это было продемонстрировано в разделе 6.2.6, манифестируя черты демократа, он сохраняет черты такого дискурс-типа, как мессия.

Таблица 8.2

Дискурс-модель лидера западного образца	Дискурс-модель лидера восточнославянского образца	Дискурс-модель лидера юго-восточного (азиатского) образца
Индивидуалист	Коллективист	Институционалист
Демократ	Народник	Мессия
Прагматик	Идеалист	Идеолог
Менеджер	Технолог	Сказитель
Деятель (позитивной направленности)	Деятель (критической направленности)	Созерцатель (и деятель одновременно)
Общенациональный	Партийный (сохраняющий общенациональную и региональную направленность)	Партийный
Рационалист	Популист	Борец
Стратег (с элементами тактика)	Тактик	Тактик (с элементами стратега)
ПУТИН	ЖИРИНОВСКИЙ	ЗЮГАНОВ

Если же мы посмотрим на сочетание дискурс-типов 3. Позняка (см. разд. 5.1.7.), то увидим одновременное присутствие всех трех традиций, а именно: восточнославянской, западной и юго-восточной (азиатской). Является ли это основанием для того, чтобы перенести данного пблителя в разряд политиков, манифестирующих харизматические черты? Мы полагаем, что здесь можно вести речь о манифестации харизматических черт, но в ином ключе: манифестации не «харизмы для масс», для выделения которой и был предназначен тест на харизматичность (см. стр. 328–329), а «дворцовой» или «институциональной» видов харизм, на которых мы, по всей видимости, должны остановиться в следующем исследовании. Мы полагаем, что сочетание противоречивости в дискурс-модели 3. Позняка можно прокомментировать также с других позиций, а именно: отнести такое сочетание на счет актуализации национально-культурной специфики, ибо речь идет о политике, представляющем регион, для которого характерна особая полифония культур, то есть ситуация, которую можно было бы назвать «встреча востока и запада, севера и юга» Впрочем, возможна и другая трактовка: вполне возможна, что мы имеем дело с той самой противоречивостью дискурс-манифестаций, которая лишает политика цельности и, в конечном итоге, аудитории, последователей, электората в целом.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Проведенное исследование представляет интерес со следующих позиций:

- Оно дает возможность понять, что план содержания дискурса (текстов, функционирующих в обществе) многогранен. Соответственно для реализации эффективного общения необходима опора на **дискурс-категории** (знание специфики их кодирования и декодирования), отражающие эту многогранность, что обеспечивает владение **дискурс-компетенцией**. Инвентаризация дискурс-категорий, составляющих дискурс-компетенцию (впервые введенная в арсенал исследователя в такой целостности) – необходимое звено ее внедрения.

- Оно дает возможность понять, что дискурс субъекта является его зеркальным отражением. Будучи дискурс-компетентными, мы можем не только выступать в качестве эффективных коммуникантов, но и использовать свою дискурс-компетенцию для проведения **дискурс-экспертизы**. Последняя требует владения навыками определенных аналитических и синтезированных дискурсных практик (также впервые использованных в такой целостности). Эта методология способствует раскрытию и совершенствованию механизма оптимизации коммуникации, а также механизма речевого воздействия риториков на аудиторию, а значит, и механизма их «разоблачения» – декодирования их мотивов, целей, взаимоотношений, ролей и миссий, которые они на себя берут, и многого другого, что определяет дискурс-компетенцию коммуниканта и позволяет построить **дискурс-портрет адресанта**.

- Оно дает возможность понять, что дискурс-экспертиза, заложенная в дискурс-исследовании, открывает новые пути анализа дискурса политических лидеров. На основании актуализации разнообразных дискурс-категорий в текстах политиков мы смогли построить **дискурс-типы** и, далее, **дискурс-типологию политического лидерства**, включающую, в том числе, набор типовых вариантов, описывающих и формирующих политического лидера, его кортеж и его аудиторию.

- Оно дает возможность не только определить *с дискурсных позиций* суть такого понятия, как **политическое лидерство**, но и построить дискурс-модель харизмы, а также обнаружить ряд других дискурс-моделей, которые манифестируются в современной политической коммуникации.

Политическое лидерство, с точки зрения дискурсных позиций, – это отношение, актуализирующее взаимодействие лидера и его аудитории, его

электората (но не взаимодействие между самими лидерами как действительными, так и мнимыми). Согласно дискурс-логике, политический лидер должен реализовывать себя по следующим восьми направлениям:

- *Во-первых*, идентифицировать себя, соотнеся с другими субъектами и с теми традициями и явлениями, которые сегодня приемлет его электорат. При этом лидер общенационального уровня должен бороться за все сегменты электората, без исключения.

- *Во-вторых*, развивать в себе способность видеть и оценивать качества и деятельность «своих» и «чужих» с тем, чтобы быть способным мобилизовать людей на действия.

- Он должен, *в третьих*, формировать и закреплять лидерские качества, соотнося набор этих качеств с тенденциями в развитии общества (тогда станет понятно, почему для одного времени нужен популист, для другого рационалист, для третьего борец, а иногда требуется сочетание всех этих дискурс-типов).

- *В четвертых*, понять, что лидерство - это кортежная реалья, а значит, политик немислим без своей группы, аудитории. Аудитория должна «прорасти в нем», и он обязан постоянно взаимодействовать с ней на соответствующем уровне (в организации, регионе или на всем пространстве страны).

- *В пятых*, понять, в чем сила лидера, и уметь целенаправленно формировать свой ближайший кортеж, то есть делегировать часть своих функций другим.

- И, наконец (см. карты 6,7,8), активно работать со своим электоратом, обеспечивать его видением перспективы, зажигать его своими речами, но при этом учитывать во всем многообразии исторический и социальный контекст, в котором он действует. Широкая аудитория всегда склонна к упрощению мира, разделению его на «свое» и «чужое», хорошее и плохое. Но помимо черно-белых красок и эмоций есть много других цветов и оттенков. Приходится балансировать между разными ценностями и интересами. Это балансирование всегда сталкивается с выбором - дело или власть. Для политика нет одного без другого.

Остается добавить, что проведенное исследование приоткрывает новые горизонты дискурс-исследований, определяет новые, актуальные сегодня пути изучения коммуникации в целом и политической коммуникации в частности. В своем практическом аспекте работа репрезентирует политических лидеров такими, какими они предстают перед широкой аудиторией. Мы не стремились разводить такие понятия, как «лидер» и «имидж лидера», «аудитория, конст-

руируемая лидером» и «реальная аудитория лидера», а поставили себя в ситуацию реального массового гражданина, не обремененного теорией и не ищущего различий между тем кандидатом, за которого он голосует, и его имиджем. Кандидат для аудитории – это в любом случае реальное лицо, это тот, кто перед ним выступает в СМИ, кого он слушает на встрече с кандидатом. Глядя на него, слушая его, он строит свое представление о политике и, подчиняясь этому представлению, голосует.

Вчитайтесь повнимательнее в тексты своих лидеров и тех, кто составляет им оппозицию, и подумайте, почему массы голосуют за того или иного кандидата не только «здесь и сейчас», но вчера, сегодня и всегда.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Авцинова, 1993:* Авцинова Г.А. Политическое лидерство // Государство и право. 1993. № 5.
- Андреев, 1993:* Андреев С.С. Политические авторитеты и политическое лидерство // Социально-политический журнал. 1993. № 1-2.
- Ашин, 1990:* Ашин Г.К. Теории лидерства // Современная западная социология. М., 1990. С.159.
- Бирюков, 1991:* Бирюков Н.И. Политическое лидерство как объект социологического исследования // Политические проблемы современности. М., 1991. Вып. 1.
- Блондель, 1992:* Блондель Ж. Политическое лидерство. Путь к всеобъемлющему анализу. М., 1992.
- Арутюнова, 1990:* Арутюнова Н.Д. Дискурс // Лингвистический энциклопедический словарь. М., 1990. С. 136–137.
- Бахтин, 1979а:* Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества. М., 1979.
- Богданов, 1990:* Богданов В.В. Коммуникативная компетенция и коммуникативное лидерство // Язык, личность и дискурс. Тверь, 1990.
- Борботько, 1989:* Борботько В.Г. Элементы теории дискурса. Грозный, 1989.
- Буева, 1978:* Буева Л.П. Человек: деятельность и общение. М., 1978.
- Бэкон, 1938:* Бэкон Ф. Новый органон. М. Государств. социально-экон. изд-во, 1938.
- Васильев, 1981:* Васильев Л.Г. Семиологические характеристики // Личностные аспекты языкового общения. Калинин, 1981.
- Вебер, 1988:* Вебер М. Харизматическое господство // Социологические исследования. 1988. № 5.
- Дейк, 1989:* Т.А. ван Дейк. Язык. Познание. Коммуникация. М., 1989.
- Дейк, 1998:* Т. А. ван Дейк. К определению дискурса. 1998. [WWW-документ] URL <http://www.nsu.ru/psych/internet/bits/vandijk2.htm>
- Дорожкина, 1997:* Дорожкина Т.Н. Речевой имидж политического лидера // Социологические исследования. 1997. №8.
- Дубицкая, 1998:* Дубицкая В.П., Тарарухина М.И. Какого политика можно «продать»? // Социологические исследования. 1998. № 10. С. 118–127.
- Зернецкий, 1997:* Зернецкий П.В. Единицы речевой деятельности в диалогическом дискурсе // Языковое общение: Единицы и регулятивы. Калинин, 1997.
- Водак, 1997:* Водак Р. Язык. Дискурс. Политика. Волгоград, 1997.
- Гийом, 1999:* Гийом Ж., Мальдидье Д. О новых приёмах интерпретации, или проблема смысла с точки зрения анализа дискурса // Квадратура смысла. М., 1999. С. 124-136.
- Грехнев, 1993:* Грехнев В.С. Харизматическое сознание в политическом выборе россиян // Вестник МГУ. Сер. 12. Социально-полит. исследования. 1993. № 6.
- Дридзе, 1984:* Дридзе Т.М. Текстовая деятельность в структуре социальной коммуникации: Проблемы семиосоциопсихологии. М., 1984.
- Зернецкий, 2000:* Зернецкий П. В. Коммуникативные стратегии: классификационный аспект // Методология исследований политического дискурса. Вып. 2. / Под общ. ред. И.Ф. Ухвановой-Шмыговой. Минск, 2000. С. 194–198.

- Ильясов, 1997:* Ильясов Ф.Н. Политический маркетинг, или как «продать» вождя // Политические исследования. 1997. №5. С. 88–100.
- Каменская, 1990:* Каменская О. Л. Текст и коммуникация. М., 1990.
- Квадратура, 1999:* Квадратура смысла: французская школа анализа дискурса / Пер. с фр. и порт.; Общ. ред. и вступ. ст. П. Серпо. М., 1999.
- Кудряшова, 1996:* Кудряшова Е.В. Лидер и лидерство: исследования лидерства в современной западной общественно-политической мысли. Архангельск: Изд-во Поморского межд. пед. ун-та, 1996.
- Кулинка, 2000:* Кулинка Н.А. Картины мира двух мужских журналов как способ конструирования реальности // Материалы 4-й межд. науч. конф. «Язык и социум», Минск, 1-2 декабря 2000 г.: В 2-х ч. Ч.1. Минск: БГУ, 2001. С.160–163.
- Кулинка, 2001:* Кулинка Н.А. Периодическое издание как знак социальной и политической реальности: опыт исследования мужского журнала «Медведь» // Принципы и методы исследования в филологии: конец XX века: Сб. науч. ст. В 3-х ч. Ч.2/ Под ред. д-ра филол. наук проф. К.Э. Штайн. СПб. – Ставрополь: Изд-во Ставропольского гос. ун-та, 2001. С. 278–292.
- Лассан, 1995:* Лассан Э. Дискурс власти и инакомыслия в СССР: когнитивно-риторический анализ. Вильнюс, 1995.
- Лиотар, 1998:* Лиотар Ж.-Ф. Состояние постмодерна. М.; СПб., 1998.
- Лысакова, 1981:* Лысакова И.П. Язык газеты, социолингвистический аспект. Л.: Изд-во ЛГУ, 1981.
- Макаров, 1998:* Макаров М.Л. Интерпретативный анализ дискурса в малой группе. Тверь, 1998.
- Макаров, 1990:* Макаров М.Л. Коммуникативная структура текста. Тверь, 1990.
- Манжула, 2001:* Манжула Г.Г. Самоидентификация субъекта политики в межличностной коммуникации (на материалах текстов интервью) // Язык и социум: Материалы IV междунар. конф., Минск, 1-2 декабря 2000 г.. В 2-х ч. Ч. 1. Минск: БГУ, 2001. С. 163–166.
- Маркович, 2001:* Маркович А.А. Совокупный субъект в дискурсе консолидации: специфика идентификации // Социальная власть в языке: Сб. научн. трудов. Воронеж: Воронеж. гос. ун-т, 2001. С. 264–269.
- Маркович, 2002:* Маркович А.А. Дискурс-анализ субъектной ситуации общения в газетном тексте // Русистика и современность: лингвокультурология и межкультурная коммуникация: Материалы IV междунар. научно-практ. конф., Санкт-Петербург, 28-29 июня 2001 г. СПб, 2002. С. 404–407.
- Методология, 1998:* Методология исследований политического дискурса. Вып. 1 / Под общ. ред. И.Ф. Ухвановой-Шмыговой. Минск, 1998.
- Методы, 1980:* Методы сбора информации в социологическом исследовании.
- Мисожников, 1993:* Мисожников Б.Я. Хроматическое пространство в формальной и содержательной структурах // Гуманитарные науки: из опыта теоретической интерпретации. СПб., 1993.
- Новиков, 1983:* Новиков А.И. Семантика текста и её формализация. М., 1983.
- Пешё, 1999:* Пешё М. Контент-анализ и теория дискурса // Квадратура смысла. М., 1999. С. 302–336.
- Пищулин, 1992:* Пищулин Н., Сокол С. Политическое лидерство. М., 1992. Ч.1.

- Тимошенко, 1991:* Тимошенко В.И. Общественно-политическое лидерство // Социально-полит. науки. 1991. № 11.
- Попова, 2001:* Попова А.В. Анализ дискурса СМИ ориентированных на высокостатусные группы с позиции выявления и спецификации реляционных и тематических коммуникативных стратегий // Стратегии коммуникативного поведения. Материалы докл. междунар. науч. конф. Минск, 3-4 мая, 2001 г. В 3 ч. Ч. 1. Мн., 2001. С. 65–66.
- Политология, 2001:* Политология: Учебник / Под ред. М.А. Василика. М.: Гардарики, 2001.
- Политология, 2002:* Политология: Учебник для вузов// В.Н. Лавриненко, А. С. Гречин, В. Ю. Дорошенко и др.; Под. ред. проф. В.Н. Лавриненко. М.: ЮНИТИ, 2002. 367 с.
- Политическое консультирование, 1999:* Политическое консультирование. М.: Центр полит. консультирования «Никколо М», 1999.
- Политическое лидерство, 1989:* Политическое лидерство: общественное мнение о политических процессах, социальных институтах, лидерах. М., 1989.
- Пушкин, 1990:* Пушкин А.А. Способ организации дискурса и типология языковых личностей // Язык, дискурс и личность. Тверь, 1990.
- Рокмен, 1989:* Рокмен В. Политическое лидерство // Советское государство и право. 1988. № 5.
- Романов, 1988:* Романов А.А. Системный анализ регулятивных средств диалогического общения. М., 1988.
- Серио, 1999:* Серио П. Как читают тексты во Франции // Квадратура смысла. М., 1999. С. 12–53.
- Страусс, 2001:* Страусс А., Корбин Д. Основы качественного исследования: обоснованная теория, процедуры и техники / Пер. с англ. и послесловие Т. С. Васильевой. М.: Эдиториал УРСС, 2001.
- Сусов, 1989:* Сусов И.П. Личность как субъект языкового общения // Личностные аспекты языкового общения. Калинин, 1989.
- Сухих, 1990:* Сухих С.А. Типология языкового общения // Язык, дискурс и личность. Тверь, 1990.
- Сухих, 1998:* Сухих С.А., Зеленская В. В. Прагмалингвистическое моделирование коммуникативного процесса. Краснодар, 1998.
- Тарасов, 1992:* Тарасов Е.Ф. Проблемы теории речевого общения. М., 1992.
- Тодоров, 1983:* Тодоров Ц. Понятие литературы // Семиотика. М., 1983. С. 355–369.
- Трофимов, 1991:* Трофимов М.И. Политическое лидерство // Социально-полит. науки. 1991. № 12.
- Ухванова, 1988:* Ухванова И.Ф. Семантический анализ текстов лозунгов перестройки // Веснік Беларус. дзярж. ун-та. Сер. 4. 1988. № 3.
- Ухванова, 1993:* Ухванова И.Ф. План содержания текста: от анализа к синтезу, от структуры к системе // Философская и социологическая мысль. 1993. № 3 (Киев).
- Ухванова, 1998:* Ухванова И.Ф. Смысловые и сущностные параметры политического дискурса в фокусе внимания исследователя / II Международная конф. «Язык и социум». Минск, 1998.
- Ухванова, 2000:* Ухванова И.Ф. Операционализация коммуникативных стратегий с позиций каузально-генетической теории // Методология исследований политического дискурса. Вып. 2 / Под общ. ред. И.Ф. Ухвановой-Шмыговой. Минск, 2000. С. 198–202.

- Ухванова, Гудкова, Манжула: 2000: Ухванова И.Ф., Гудкова О.М., Манжула Г.Г. Анализ репрезентации реляционных коммуникативных стратегий в дискурсе молодых белорусских политиков // Методология исследований политического дискурса. Вып. 2 / Под общ. ред. И.Ф. Ухвановой-Шмыговой. Минск, 2000. С.202–215.
- Ухванова, 1992: Ухванова И.Ф., Богушевич Д.Г. Актуализация потенциального содержания текста и типы речевого взаимодействия // Веснік Беларус. дзярж. ун-та. Сер. 4. 1992. № 2.
- Чупина, 1987: Чупина Г.А. Принцип деятельности и язык: Философско-методологический анализ. Красноярск, 1987.
- Шестопа, 1997: Шестопа Е.Б. Оценка гражданами личности лидера // Полит. исследования. 1997. № 6. С. 57–72.
- Сиверцев, 1989: Сиверцев М.А. Типология лидерства // Власть: Сб. статей. М., 1989.
- Слепцов, 1998: Слепцов Н.С., Куколев И.В., Рыскова Т.М. Лидеры российских регионов: испытание плебисцитом // Социолог. исследования. 1998. № 7. С. 118–128.
- Щербинина, 1998: Щербинина Н.Г. «Герой» воспетый (Политологический анализ песен о Сталине) // Полит. исследования. 1998. № 6. С.103–112.
- Шестопа, 1996: Шестопа Е.Б., Новикова-Грунд М.В. Восприятие образов двенадцати ведущих политиков России (Психологический и лингвистический анализ) // Полит. исследования. 1996. № 5. С. 168-191.
- Яковенко, 1990: Яковенко И. Феномен социального лидера // Свободная мысль. 1994. № 2-3.
- Якобсон, 1985: Якобсон Р. Избранные работы. М., 1985.
- Якушева, 1986: Якушева Н.В. Категория события в лингвистике // Лингвистические и психологические исследования языка и речи. М., 1986. С. 212–218.
- Янчук, 2000: Янчук В.А. Методология, теория и метод в современной социальной психологии и персонологии: интегративно-эклетический подход: Монография. Минск: Бестпринт, 2000.
- Benveniste, 1985: Benveniste E. On Discourse // The Theoretical Essays: Film, Linguistics, Literature. Manchester Univ. Press, 1985.
- Brown, 1986: Brown, G. & Yule, G. Discourse analysis. Cambridge etc., 1986.
- Fairclough, 1995: Fairclough N. Critical discourse analysis. The critical study of language. London: Longman, 1995.
- Fairclough, 1997: Fairclough N. L. & Wodak R. Critical discourse analysis // A multidisciplinary introduction. Vol. 2. Discourse as social interaction. T. A. van Dijk (ed.) Discourse Studies. London: Sage, 1997.
- Fowler, 1979: Fowler R., Hodge B., Kress G., & Trew T. Language and control. London: Routledge & Kegan Paul, 1979.
- George, 1959: George A. L. Quantitative and qualitative approaches to content analysis // Trends in content analysis / I. De S. Pool (ed.). Urbana: University of Illinois Press, 1959.
- Harre, 1994: Harre R. The discursive mind. Thousand oaks, Calif.: Sage Publications, 1994.
- Jameson, 1981: Jameson F. Political Unconscious. Ithaca, New York: Cornell University Press, 1981.
- Jameson, 1981: Jameson F. The Political Unconscious. Narrative as a socially symbolic Act. New York, 1981.
- Jameson, 1988: Jameson F. Marxism and Historicism // The Ideologies of Theory: Essays 1971–1986. Minneapolis: University of Minnesota Press, 1988. V. 2.

- Kracauer, 1952*: Kracauer S. The challenge of qualitative content analysis // *Publ.Opin.Quart.* 1952. № 16.
- Kress, 1979*: Kress G., & Hodge B. *Language and ideology*. London: Routledge & Kegan Paul, 1979.
- Kress, 1990*: Kress G., & Van Leeuwen T. *Reading images*. Victoria: Deakin University Press, 1990.
- Leech, 1986*: Leech, G.N. *Principles of pragmatics*. London and New York, 1986.
- Oukhvanova, 1991*: Oukhvanova I. F. The pragmatic analysis of texts of printed mass media of authoritarian and democratic tendencies // *Interaction of mass media, public and power institutions in democratization process. Materials of international colloquium.* (In Russian and English). Minsk: Buelorussian State University, 1991.
- Oukhvanova, 1995*: Oukhvanova I. F. A newspaper and its mentality (pragmatical analysis of the content of printed mass media of Belarus of totalitarian and democratic tendencies // *Political Reading. The Ukrainian-Canadian Quarterly.* (In the Ukrainian and English languages). 1995. № 2.
- Oukhvanova, 1996*: Oukhvanova I. F. Study of the Hierarchy of Values of the Written Mass Media in Belarus // *Social Science in Transition. Social Sciences Information Needs and Provision in a Changing Europe* / H. Best, U. Becker, A. Marks (eds.).Vol. 4.: Bonn, Informationszentrum Socialwissenschaften, 1996.
- Oukhvanova, 1997*: Oukhvanova I. F. Cause – Genetic theory of text content // *XVIth International Congress of Linguists.* Paris. July 20-25, 1997. Abstracts. Paris: LACAN, 1997.
- Oukhvanova, 1998*: Oukhvanova I. F. Cause-Genetic theory of text content in its application to mass media text studies//*Proceedings of the XVIth International Congress of Linguists.* 20-25 July, 1997 / B. Caron (ed.) Paris: Pergamon. An imprint of Elsevier Science, 1998.
- Oukhvanova, 1999*: *Perspectives and Methods of Public and Political Discourse and Text Research.* Minsk, Belarusian State University, 1999.
- Parker, 1990*: Parker I., Shotter J. *Deconstructing social psychology.* – London, Routledge, 1990.
- Pool, 1959 (ed.)*: *Trends in content-analysis* / Pool. I. de S. (ed.). Urbana: University of Illinois Press, 1959.
- Potter, 1987*: Potter J., Wetherell M. *Discourse and social psychology.* – Beverly Hills, CA: Sage, 1987.
- Rosenvald, 1988*: Rosenvald G. A theory of multiple case researches // *Journal of personality.* 1988. Vol. 56. P. 239–264.
- Van Dijk, 1993*: Van Dijk T. A. *Principles of Critical Discourse Analysis* // *Discourse and Society.* 1993. № 4 (2).
- Van Dijk, 1995*: Van Dijk T. A. *Discourse Semantics and Ideology* // *Discourse and Society.* 1995. № 6 (2).
- Van Dijk, 1998*: Van Dijk T. A. *Ideology. A multidisciplinary study.* London: Sage, 1998.
- Van Dijk, 1993*: van Dijk T.A. & Kintsch, W. *Strategies of discourse comprehension.* New York etc., 1983.
- Van Leeuwen, 1996*: Van Leeuwen T. *The Representation of Social Actors* // *Texts and Practices: Readings in Critical Discourse Analysis* / Caldas-Coulthard, Carmen Rosa, & Coulthard, Malcolm (eds.). London, England: Routledge, 1996.

Westbrook, 1994: Westbrook L. Qualitative research methods: a review of major stages, data analysis techniques and quality controls // Library and information science research, 1994. Vol. 16. P.241–254.

White, 1950: White D. A. The «Gatekeepers»: A Case Study in the Selection of News // Journalism Quarterly. 1950. № 36.

Wodak, 1989 (ed.): Language, Power and Ideology // Studies in political discourse / Wodak R. (ed.). Amsterdam: Bejamins, 1989.

ПРИЛОЖЕНИЕ 1

Каузально-генетическое моделирование (КГМ) плана содержания дискурса³

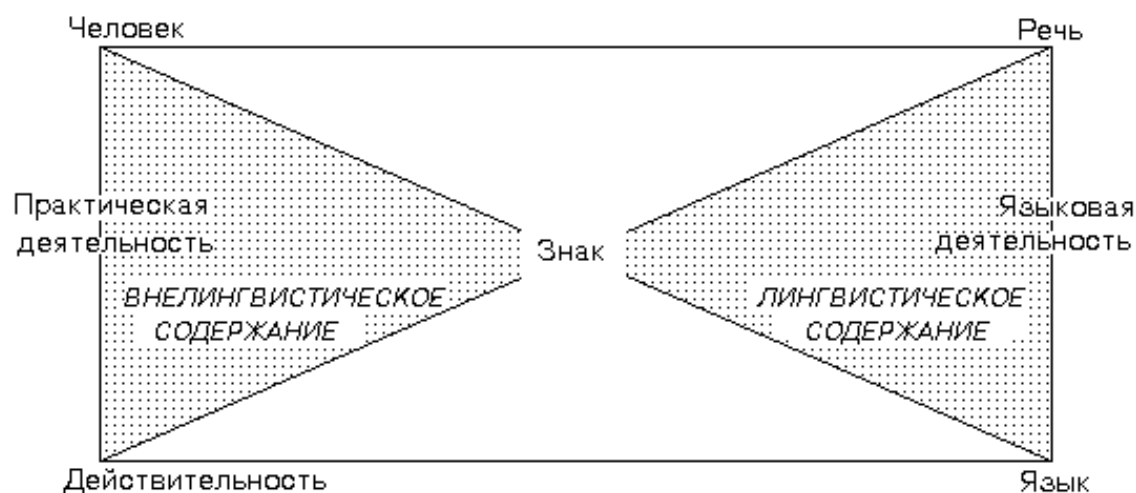

Рис. 1. Фактумные триплеты

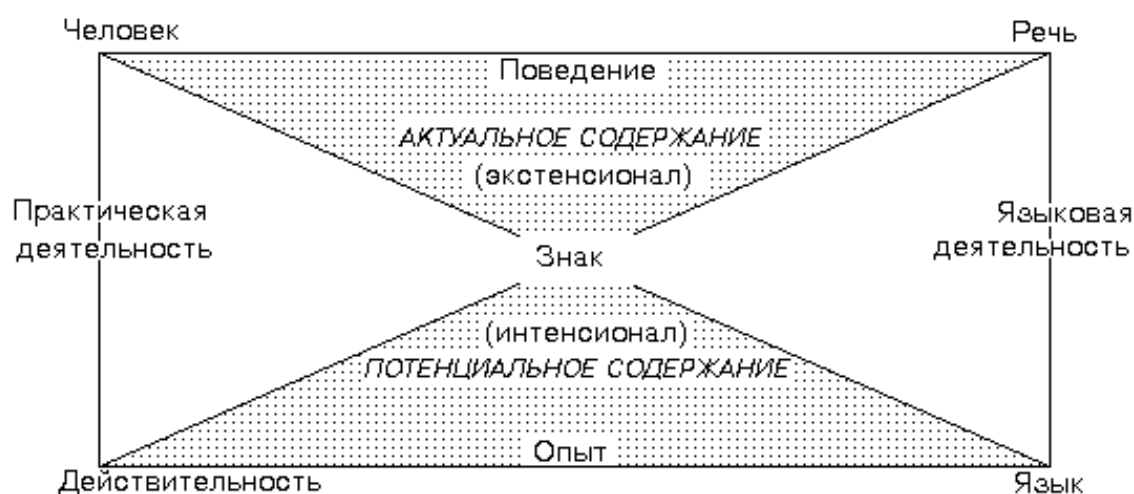

Рис. 2. Фактумные триплеты

³ КГМ проиллюстрировано серией рисунков, которые помогают увидеть источники и способы организации содержания дискурса на уровне статики и динамики, а также динамику взаимодействия во внутритекстовом пространстве предметно- и субъектно-ориентированных пластов содержания (описание моделей, см.: Ухванова, 1993).

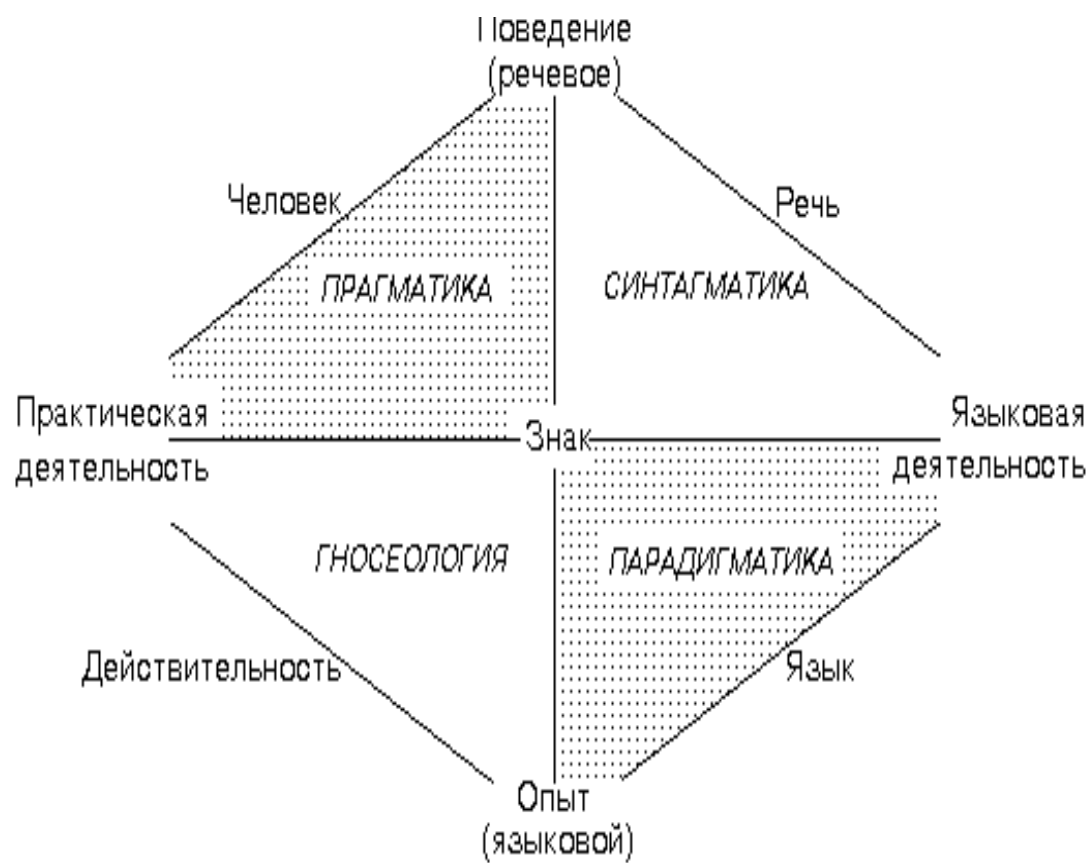

Рис. 3. Факторные триплеты

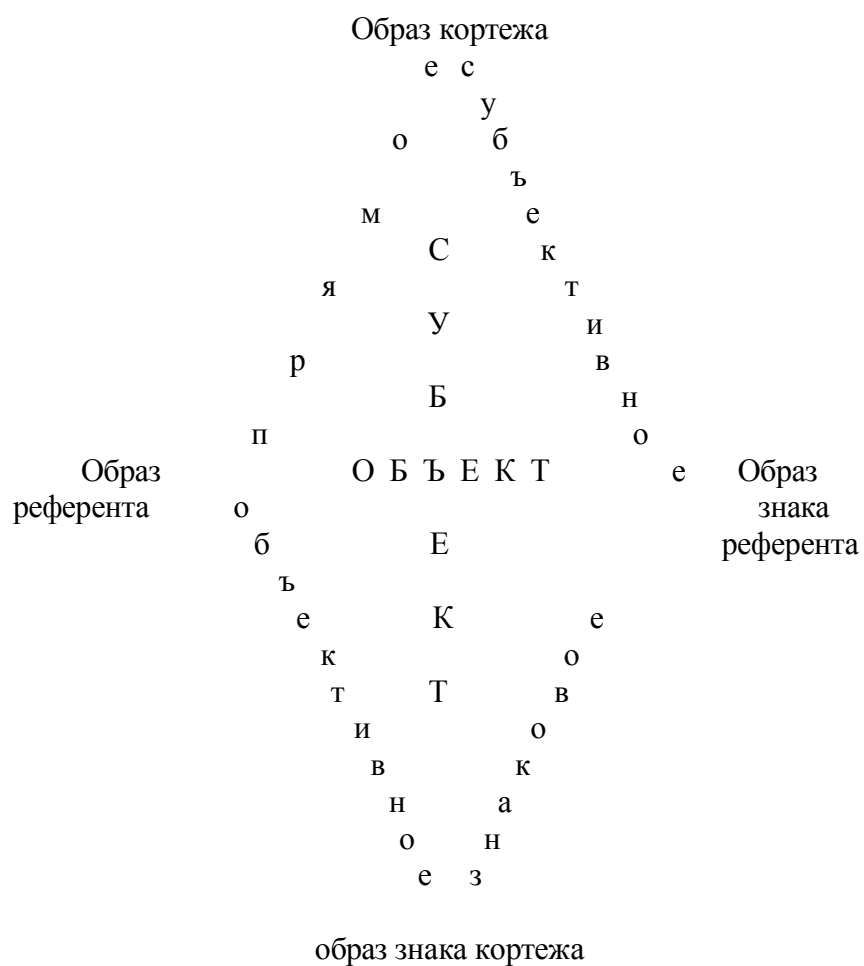

Рис. 4. Феноменологическое содержание

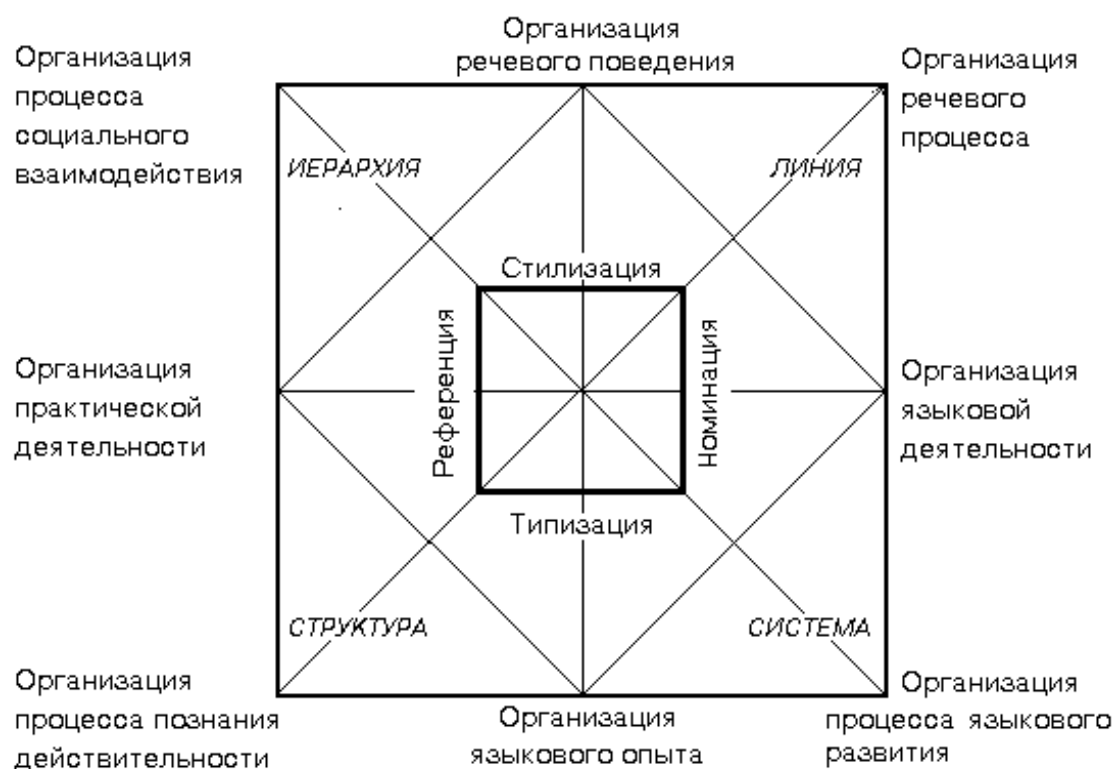

Рис. 5.

План содержания как организованная и организующая форма

КАУЗАЛЬНО-ГЕНЕТИЧЕСКАЯ МОДЕЛЬ ПЛАНА СОДЕРЖАНИЯ ДИСКУРСА

Семантический октаэдр

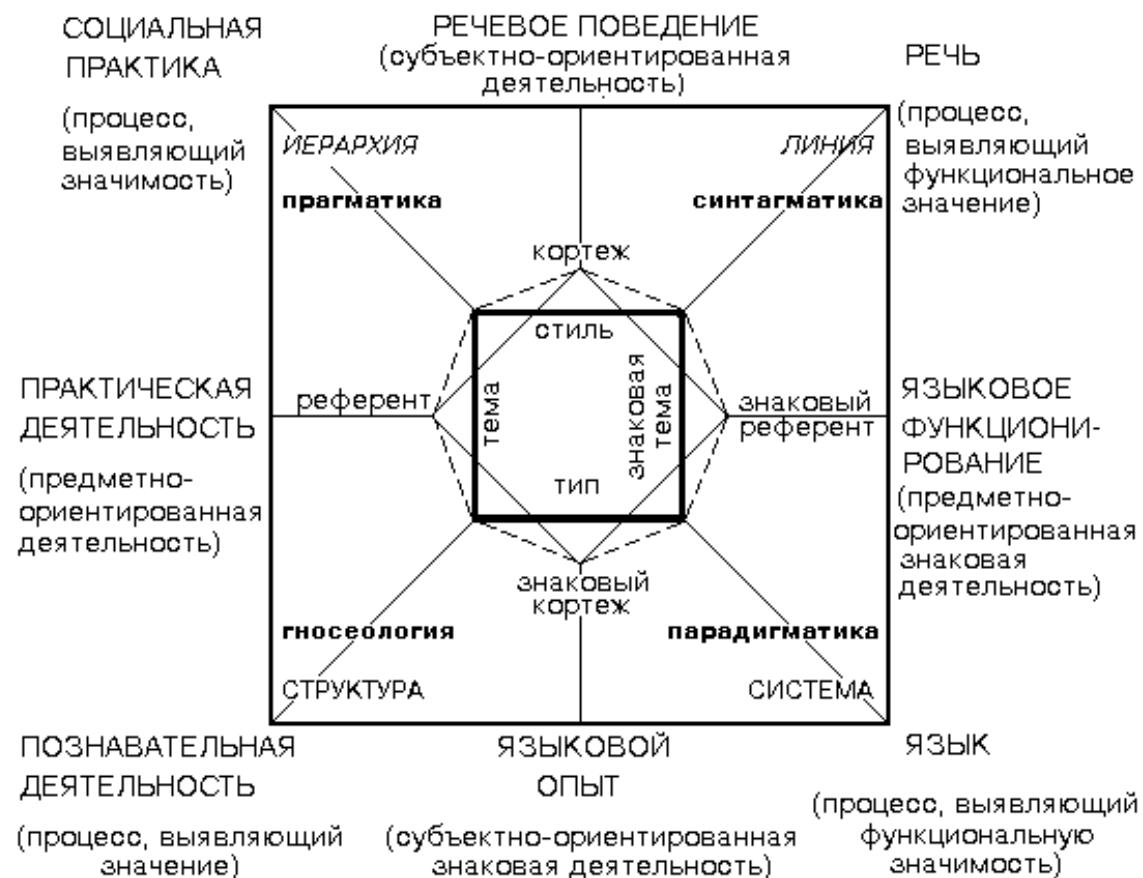
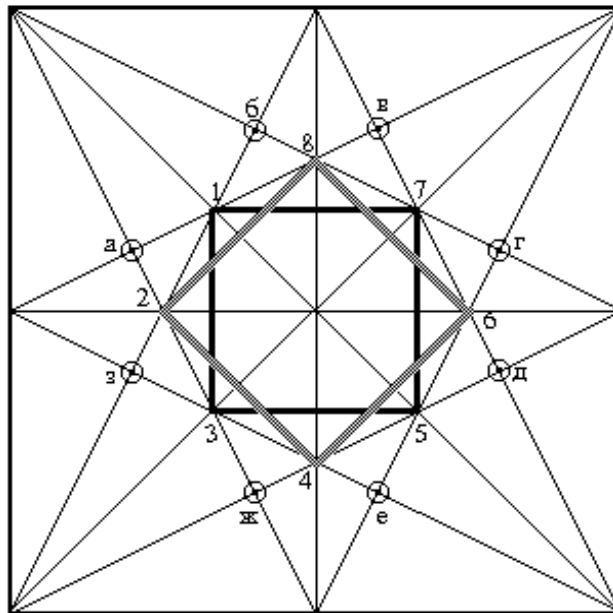

Рис. 6. Структурный уровень (статика)

Рис. 7. Системно-функциональный уровень (динамика)

КАУЗАЛЬНО-ГЕНЕТИЧЕСКАЯ МОДЕЛЬ ПЛАНА СОДЕРЖАНИЯ ТЕКСТА

**КАТЕГОРИАЛЬНОЕ
СОДЕРЖАНИЕ**

- 1 - прагматическое
- 3 - гносеологическое
- 5 - парадигматическое
- 7 - синтагматическое

**ФЕНОМЕНОЛОГИЧЕСКОЕ
СОДЕРЖАНИЕ**

- 2 - референтное (дефиниционное)
- 4 - типовое (стилерегистровое)
- 6 - знаково-референтное(номинативное)
- 8 - стилевое (речеповеденческое)

УНИВЕРСАЛЬНОЕ СОДЕРЖАНИЕ:

- б - кортежное прагматическое содержание
- в - кортежное синтагматическое содержание
- г - знаково-референтное синтагматическое содержание
- д – знаково-референтное парадигматическое содержание
- е - знаково-кортежное парадигматическое содержание
- ж – знаково-кортежное гносеологическое содержание
- з - референтное гносеологическое содержание
- а - референтное прагматическое содержание

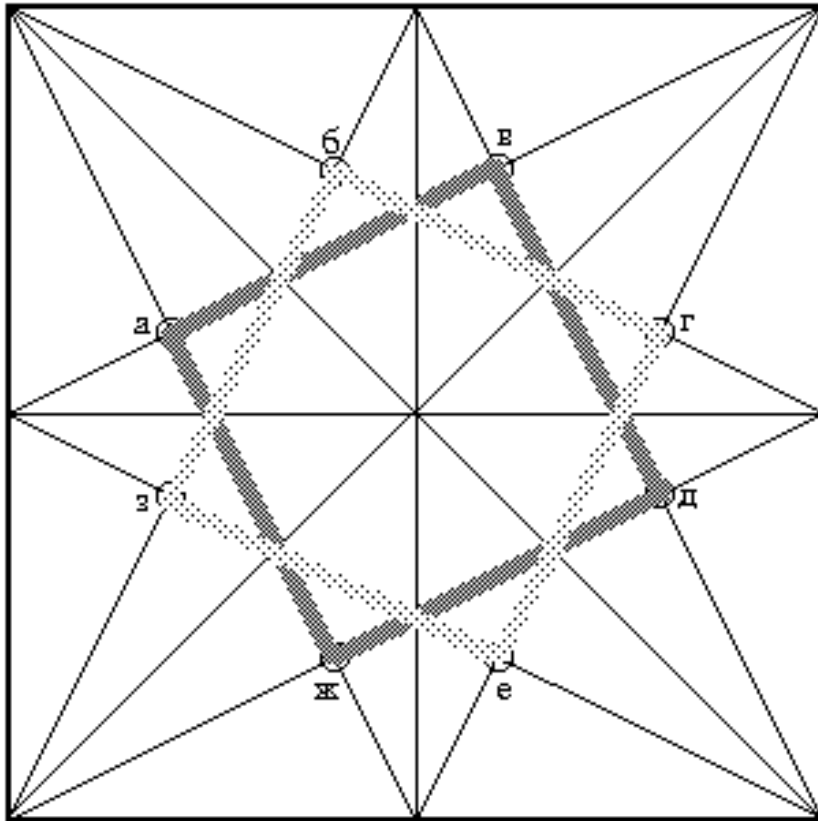

Рис. 8 Содержательные подсистемы дискурса
(предметно-ориентированная и субъективно-ориентированная)

Квадриум предметного (референтного) содержания (а-в-д-ж)

- а – референтное прагматическое содержание
- в – кортежное синтагматическое содержание
- д – знаково-референтное парадигматическое содержание
- ж – знаково-кортежное гносеологическое содержание

Квадриум субъектного (кортежного) содержания (б-г-е-з)

- б – кортежное прагматическое содержание
- г – знаково-референтное синтагматическое содержание
- е – знаково-кортежное парадигматическое содержание
- з – референтное гносеологическое содержание

ПРИЛОЖЕНИЕ 2

Образец рабочей таблицы для сбора дискурс-данных

Идентификация (через номинацию) себя, других значимых (получающих развитие в тексте) субъектов, институтов, явлений		
Интерпретация вышеназванного (значимых для текста субъектов, институтов, явлений)		
Номинация (характеристика) деятельности (своей/других) и ее интерпретация	реальной/ментальной/вербальной	
	Через: отрицание/	
	/модальность	
	/пассив	
	прямую оценку (+/-/взвешенная/о)	
	косвенную оценку	
Номинация и интерпретация качеств (своих/других)		
Субъект описывает себя/других в ситуации	реальной (межсубъектный контекст)	
	реальной (предметный контекст)	
	виртуальной (условной; в будущем времени)	
Субъект описывает себя/других во взаимоотношении через:	интерсобытийность	
	интерсубъектность (в отношении)	
	интерсубъектность (нейтрально)	
	интерсубъектность (в противопоставлении)	
	интертекстуальность	
Цели, поставленные субъектом, миссия		
Лозунги (заявления, декларации)		
Прогнозирование		
Проецированность во времени	прошлое	
	настоящее неопределенное/актуальное	
	будущее (планы, намерения)/возможность	
	было, есть и будет	
	не было, нет и не будет	
Риторические практики:	риторические вопросы, единоначатие, повторы,	
	метафоры, сравнения	
	ирония, сарказм...	
	экспрессивность	
	обращение	
Ритм (паузы, многоточия, (!), (;), перечисления)		
Психологические приемы (ярлыки, блестящая неопределенность, общий вагон, подтасовка; копченая селедка и др.)		
Жанровая специфика	открытость/закрытость	
	маркированная лексика, стилевой регистр	
Нарративность		
Другое		

ПРИЛОЖЕНИЕ 3

Невербальное поведение: кодировочный лист

1. Фрагментация
  0. Не фрагментирован
  1. Начало
  2. Середина
  3. Окончание
2. Тип коммуникации
  1. Интервью
  2. Обращение
  3. Выступление перед аудиторией
  4. Митинг
  5. Выход к народу
3. Интервью
  1. В основном смотрит на журналиста
  2. В основном смотрит на камеру
  3. Ни разу не посмотрел в камеру
4. Аудитория
  1. Один на один с собеседником
  2. С группой до 5 человек
  3. С группой от 5 до 20 человек
  4. С большой аудиторией
  5. Один перед камерой
5. Одежда
  1. Костюм
  2. «Без галстука»
  3. Спортивная одежда
  4. Профессиональная одежда (какая)
6. Поза
  1. Сидит
  2. Стоит
  3. Ходит
7. Конспект
  1. Смотрит в текст
  2. Не смотрит в текст
  3. Нет конспекта речи

8. Статичен	1. Да	0. Нет
9. Динамичен	1. Да	0. Нет
10. Расслаблен	1. Да	0. Нет
11. Напряжен	1. Да	0. Нет
12. Волнуется	1. Да	0. Нет
13. Дикция		
1. Четкая		
2. Нечеткая		
14. Акцент		
1. Есть		
0. Нет		
15. Интонирование		
1. Речь ровная, певучая		
2. Речь обрывочная		
3. С выделением слов		
16. Тон выступления		
1. На повышенных тонах		
2. Тихая речь		
3. Обычная речь		
17. Скорость речи		
1. Быстрая		
2. Медленная		
3. Средняя		
18. Сила в голосе (энергетика)		
0. Нет		
1. Есть		
19. Паузы		
1. Делает паузы		
2. Не делает паузы		
20. Заполнение пауз		
1. Заполняет		
2. Не заполняет		
21. Если заполняет паузы, то чем?		
	Глаза	
22. Моргает	1. Да	0. Нет
23. Таращит глаза	1. Да	0. Нет
24. Прищуривается	1. Да	0. Нет

25. Бегают глаза	1. Да	0. Нет
------------------	-------	--------

Взгляд

26. Смотрит прямо	1. Да	0. Нет
27. Смотрит вверх	1. Да	0. Нет
28. Смотрит вниз	1. Да	0. Нет
29. Взгляд искоса	1. Да	0. Нет
30. Смотрит в сторону	1. Да	0. Нет

Лоб

31. Морщит лоб	1. Да	0. Нет
32. Поднимает брови	1. Да	0. Нет
33. Брови домиком	1. Да	0. Нет

Голова

34. Прямо	1. Да	0. Нет
35. Опущена вниз	1. Да	0. Нет
36. Откинута назад	1. Да	0. Нет
37. Опирается на ладонь	1. Да	0. Нет
38. Опирается на кулак, указательный палец вверх	1. Да	0. Нет
39. Опирается подбородком о пальцы, указательный палец вверх	1. Да	0. Нет
40. Дотрагивается до подбородка	1. Да	0. Нет
41. Голова повернута в сторону	1. Да	0. Нет
42. Качает головой вверх-вниз	1. Да	0. Нет
43. Качает головой из стороны в сторону	1. Да	0. Нет
44. Поворачивает голову вправо-влево	1. Да	0. Нет

Руки

45. Руки лежат на столе, пальцы переплетены	1. Да	0. Нет
46. Руки подняты на локтях, пальцы переплетены	1. Да	0. Нет
47. Руки опущены вниз, пальцы переплетены	1. Да	0. Нет
48. Пирамида (вершина вверх)	1. Да	0. Нет
49. Пирамида (вершина вниз)	1. Да	0. Нет
50. Руки заведены за спину, ладонь в ладонь	1. Да	0. Нет
51. Руки в карманах, видны только большие пальцы	1. Да	0. Нет
52. Держит в руках предмет (ручку, микрофон и т.д.)	1. Да	0. Нет

53. Поправляет галстук	1. Да	0. Нет
54. Рука на уровне груди	1. Да	0. Нет
55. Опирается на трибуну, стол	1. Да	0. Нет

Ладони

56. Руки разведены ладонями вверх	1. Да	0. Нет
57. Руки разведены ладонями к себе	1. Да	0. Нет
58. Руки разведены ладонями к аудитории	1. Да	0. Нет
59. Руки лежат на столе ладонями вниз	1. Да	0. Нет
60. Пальцы сложены в кулак, виден только указательный палец (грозит им)	1. Да	0. Нет
61. Ладонь прикрывает рот	1. Да	0. Нет

Пальцы

62. Все «о'кей»	1. Да	0. Нет
63. Большой палец вверх (класс)	1. Да	0. Нет
64. Потирает глаз	1. Да	0. Нет
65. Трогает мочку уха	1. Да	0. Нет
66. Почесывает шею	1. Да	0. Нет
67. Трогает одежду	1. Да	0. Нет

Барьеры из рук

68. Скрещенные на груди	1. Да	0. Нет
69. Скрещенные на груди, кулаки сжаты	1. Да	0. Нет
70. Скрещенные на груди,		
71. Ладонями обхватывает руки выше локтя	1. Да	0. Нет
72. Руки вниз, ладонь в ладонь (пожимает собственные руки)	1. Да	0. Нет
73. Поправляет часы	1. Да	0. Нет

Барьеры из ног

74. Нога на ногу	1. Да	0. Нет
75. Нога на ногу +руки скрещены на груди	1. Да	0. Нет
76. Переплетены ступни	1. Да	0. Нет

Барьеры

78. Стул (за спинкой стула)	1. Да	0. Нет
79. Стол	1. Да	0. Нет
80. Трибуна	1. Да	0. Нет
81. Стол		
1. Сидит за столом		
2. Вышел из-за стола (снял барьер)		
3. Стол между беседующими		

Кортежная ситуация

82. Я и собеседник (видит собеседника, обращается к нему, адекватно реагирует на вопросы)
1. Да
0. Нет
83. Я и другие (фиксируется обратная связь, аудитория либо собеседник реагирует на лидера)
1. Да
0. Нет
84. Я и свои (аудитория дружественная)
1. Да
0. Нет
85. Я и чужие (аудитория настроена враждебно)
1. Да
0. Нет
86. На кого смотрит
1. На женщину
2. На мужчину
3. На ребенка
4. На всех
87. Возраст собеседника
1. Молодежь
2. Среднее поколение
3. Пожилые
- Смешанная аудитория

МАТЕРИАЛЫ К СЛОВАРЮ

Адресант — автор устного или письменного сообщения (текста); коммуникант.

Адресат — получатель устного или письменного сообщения (текста); коммуникант.

Анализ дискурса субъекта — декодирование (реконструкция) содержания текста с учетом социального контекста его функционирования. Выявление специфики самовыражения личности, иерархии ценностей, аудитории и вместе с тем диапазона ее влияния.

Аналитические практики — дискурс исследования, включающие **идентификативно-интерпретативный анализ, анализ кода, нарративный анализ, анализ коммуникативных стратегий, анализ дискурсных практик и риторический анализ.**

Идентификативно-интерпретативный (номинативный) анализ — является развитием и дополнением тема-рематического анализа. Используется как на узком (сегмент текста), так и на более широком текстовом пространстве (макротекст). Его назначение - идентифицировать позиции, становящиеся (или способные стать) тематическими в дискурсе (в том числе сквозные темы — топики), и определить характер их развития и фокусировку. При этом сквозные темы могут быть предметно, субъектно или знаково ориентированы. *В контексте нашего исследования* данная методика сконцентрирована на адресант-значимых категориях.

Анализ кода — учет и декодирование содержательного потенциала текста и репрезентация социального контекста («жизни, которая встает из-за слов») - субъектной ситуации общения и предметной ситуации общения. Рассмотрению подлежат все уровни языка — морфологический, синтаксический, лексический, а также просодический для устных и графический для письменных текстов. Различаются аудитория-значимые и код-значимые категории.

Нарративный анализ — выявление *событийного* среза текста - реалий, определяющих поведенческие установки адресанта.

Анализ коммуникативных стратегий — методика точечной диагностики, призванная декодировать мотивационно-целевой аспект поведения политика. Речепо-веденческий срез содержания дискурса является текстом в тексте, и его декодирование требует использования категориального аппарата дискурс-анализа в полном объеме.

Риторический анализ — получение знаний о функциональном содержании дискурса (как политик взаимодействует с электоратом, как удерживает внимание аудитории, как создает собственный имидж).

Дискурс — 1) целенаправленное социальное речевое действие; 2) любой текст (устный и письменный, современный и исторический, реальный и искусственно сконструированный) во всей его многозначности и полифункциональности, с учетом реального и потенциального в содержательном пласте коммуникации. План содержания дискурса включает в себя комплекс знаний о тексте - его предметном содержании и прагматике; 3) соотнесенность языковой практики с экстралингвистическими факторами.

Дискурс-анализ — 1) комплексный анализ всех видов планов содержания текста и реконструкция контекстов. Оставаясь по сути текстологическим, приобретает еще одну

жизнь — переходит в разряд методик, изучающих социальный контекст, а значит, становится «собственностью» социальных наук; 2) анализ речевой деятельности — фонетической/просодической, лексико-семантической, а также прагма-, психо-, этно- лингвистической и пр.

Дискурс-категория — операциональная составляющая содержание дискурса. Среди них:

- **Атрибутивность** — набор качеств как реальных, так и приписываемых идентифицируемым субъектам дискурса.
- **Аудитория** — отражение характеристик аудитории в дискурсе и формы обращения к ней.
- **Вариант языка** — использование исторически маркированного языкового кода.
- **Время** — проецирование коммуникантом себя во времени (прошлое, настоящее, будущее, реальное/нереальное).
- **Деятельность** — набор деятельностных характеристик идентифицируемых субъектов дискурса.
- **Интерактивность** — наличие навыков общения и активность их использования.
- **Интерсобытийность** — расширение содержательного потенциала дискурса путем выявления причинных связей внешних корреляций описанных в тексте событий. **Интерсубъектность** — расширение содержательного потенциала дискурса путем включения в него нетематических субъектов.
- **Интертекстуальность** — расширение содержательного потенциала дискурса за счет отсылок на прецедентные тексты.
- **Коммуникативная стратегия (КС)** — реализация коммуникативной мотивации общения как субъект-предметной, так и субъект-субъектной.
- **Контакт с аудиторией** — эффективность-неэффективность в достижении целевой группы (включение аудитории в свой кортеж).
- **Корреляция «миф-реальность»** — направленность мысли с учетом отправной точки дискурса (либо реальные факты, либо миф) и завершающей (создание/воспроизведение/разрушение/иллюстрация мифа/реальности).
- **Кортежная КС** — актуализация факта единения коммуникантов (на основе единых целей, мотивов, предметного видения и пр.).
- **Лингвистический статус** — использование престижных/непрестижных форм языка.
- **Миссия** - вербализация целей и задач коммуникантов.
- **Направленная информация** — информация, упакованная для целевой аудитории.
- **Невербальное поведение** — язык жестов и телодвижений.
- **Открытость/ закрытость** — демонстрация отношения к аудитории (включение аудитории в кортеж адресанта или исключение из кортежа).
- **Правильность речи** — маркированность нормативных или ненормативных форм речи.
- **Пропагандистские приемы** — приемы (1) ценностной (эмоциональной) пропаганды, как-то: «блестящая неопределенность», «навешивание ярлыков», «общий вагон» и

др.; (2) фактологической пропаганды, как то: «оперирование цифрами», нарушение логических связей и др.

- **Пространство** — проецирование адресантом себя в пространстве: географическом (местный или глобальный уровень) или модальном (реальность/виртуальность).
- **Реляционная КС** — установление со стороны адресанта определенного отношения к адресату («атака», «защита», «я также, я лучше»).
- **Риторическая практика** — пропагандистские техники, используемые в манипулятивных целях.
- **Самоидентификация** — репрезентация коммуникантом самого себя через знак и его интерпретацию (средствами семантики, грамматики, стилистики).
- **Стилистический диапазон** — разнообразие стилистических регистров (формальный, неформальный, слэнг).
- **Целевая аудитория** — отражение в тексте того сектора аудитории, который адресант завоевывает.

Дискурсия — социально-дифференцированная речевая практика.

Дискурс-классификация политического лидерства — типология власти ее вербальных и невербальных характеристик.

Дискурс-компетенция — владение и использование множества аспектов и видов содержания, а значит, умение регулирования функционирования текстов в социуме.

Дискурс-портрет - это методика анализа текста, которая учитывает полифонию содержательного текстового пространства и считывает лишь один текст из многих, а именно ту информацию, которая характеризует адресанта. Однако, являясь динамическим по сути, и функциональным по подходу, этот текст об адресанте «схватывает» практически все другие «тексты» дискурса, заставляя их работать на себя. В первую очередь здесь, актуализируются такие тексты, как «я/мы-тексты» (саморепрезентация), «вы/ты-тексты» (восприятие аудитории), «он/она/оно/они-тексты» (институционализация субъекта коммуникации).

Дискурсная практика — дискурс, объединенный темой — топиком (как например, дискурс консолидации, конфронтации, лоббирования и пр.).

Качественное исследование текста — изучение текста в неформализованном виде и интерпретация его содержания. Качественный анализ учитывает целостность текста, раскрывает его структуру, потенциальное значение содержания, основан на селективном отборе элементов, носит иллюстративный характер, принимает во внимание позицию адресата. Представлен множеством методик, среди которых: жанровый, нарративный, социально-ролевой, риторический виды анализа, а также идентификативно-интерпретативный анализ, анализ знаковой репрезентации ключевых объектов и ключевых субъектов коммуникации и др.

Кейс-стади (case study) — метод изучения отдельного случая, с целью выявления его существенных характеристик и экстраполяции на аналогичные явления.

Коммуникативная стратегия (КС) — последовательность ментальных или операциональных актов: в речевом общении (инициация текста и его реализация) воплощающая достижение определенной цели или задачи.

Предметно-ориентированные КС — фокусирует внимание на субъект-предметном взаимодействии. Конструируют реальность в интересах адресанта.

Реляционные КС — фокусируют внимание на субъект-субъектном взаимодействии. Подразделяются на инициальные («атака», «продажа»/«реклама») и ответные («защита», «игнорирование», «я также, я лучше»).

Кортежные КС — актуализируют общие интересы коммуникантов (единые цели, мотивы, предметное видение и пр.).

Кортеж — дискурсная общность — 1) коммуниканты включенные в текстовое пространство; непосредственное или опосредованное взаимодействие субъектов коммуникации; 2) отраженное в текстах социальное взаимодействие коммуникантов. Каждый из коммуникантов имеет свой кортеж — из тех, кто формирует его мировоззрение и поведение. Эти социальные связи актуализируются в содержании порождаемых текстов непосредственно (номинативно) или опосредованно (через интертекстуальность, интересобытийность).

Предметно-тематический план содержания дискурса — информация о реалиях, которыми обусловлена и на которые направлена речевая деятельность.

Референт - фрагмент реального или воображаемого мира, с которым соотносится текст.

Риторическая практика — пропагандистские техники, используемые в манипулятивных целях.

Системная организация содержания текста — семантический и жанрово-стилистический аспект содержания в их единстве.

Структурная организация содержания текста — «оподчиненность тем, понятий, видов содержания.

Субъектно-тематический план содержания дискурса - ориентированная информация, характеризующая коммуниканта.

Текст — вербальная и невербальная информация в одном социокультурном пакете.

Тема — функциональная категория текста.

О Г Л А В Л Е Н И Е

ПРЕДИСЛОВИЕ.....	4
СЛОВО БЛАГОДАРНОСТИ.....	5
Часть первая. ДИСКУРС-АНАЛИЗ В КОНТЕКСТЕ СОВРЕМЕННЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ.....	7
1.1. Дискурс, дискурс-анализ, дискурсия, дискурс-компетенция.....	7
1.2. Ключевые позиции каузально-генетического моделирования содержания дискурса.....	12
1.3. Дискурс-анализ как совокупность аналитических практик.....	15
1.4. Практические вопросы дискурс-анализа.....	25
1.5. Тенденции анализа невербального поведения политического лидера.....	29
Часть вторая. ДИСКУРС-ТИПОЛОГИЯ ПОЛИТИЧЕСКИХ ЛИДЕРОВ.....	36
2.1. Политический лидер и аудитория: иллюзия и реальность.....	36
2.2. Классификация дискурс-типов на основе каузально-генетического моделирования содержания дискурса.....	38
2.2.1. Лидер-описательные дискурс-типы.....	40
2.2.2. Лидер-формирующие дискурс-типы.....	44
2.2.3. Кортёж-описательные дискурс-типы.....	47
2.2.4. Кортёж-формирующие дискурс-типы.....	49
2.2.5. Аудитория-ориентированные дискурс-типы.....	50
Часть третья. ЛИДЕРЫ БЕЛАРУСИ И РОССИИ: КОНТЕКСТ-АНАЛИЗ.....	56
3.1. Советский период.....	57
3.2. Перестройка.....	62
3.3. Тенденции постперестроечного периода.....	79
Часть четвертая. ЛИДЕРЫ БЕЛАРУСИ: ДИСКУРС ВЛАСТИ.....	84
4.1. П. Машеров: дискурс-портрет.....	86
4.1.1. Политик беседует с журналистом.....	86
4.1.2. Политик анализирует проблему.....	89
4.1.3. Политик обращается к целевой аудитории.....	92
4.1.4. Невербальное поведение политика.....	95
4.1.5. Типологические карты.....	95
4.1.6. Общие выводы.....	105
4.2. С. Шушкевич: дискурс-портрет.....	108
4.2.1. Политик беседует с журналистом.....	108
4.2.2. Политик выступает перед массовой аудиторией.....	110
4.2.3. Политик анализирует проблему.....	111
4.2.4. Программа политика.....	115
4.2.5. Невербальное поведение политика.....	116
4.2.6. Типологические карты.....	117
4.2.7. Общие выводы.....	126
4.3. А. Лукашенко: дискурс-портрет.....	128
4.3.1. Политик беседует с журналистом.....	128
4.3.2. Политик выступает перед массовой аудиторией.....	135
4.3.3. Политик анализирует проблему.....	139
4.3.4. Политик выступает с предвыборной программой.....	146
4.3.5. Невербальное поведение политика.....	148
4.3.6. Типологические карты.....	149
4.3.7. Общие выводы.....	159

Часть пятая. ЛИДЕРЫ БЕЛАРУСИ: ДИСКУРС ОППОЗИЦИИ.....	161
5.1.3. Позняк: дискурс-портрет.....	161
5.1.1. Политик отвечает на вопросы журналиста.....	161
5.1.2. Политик обращается к массовой аудитории.....	164
5.1.3. Программа политика.....	166
5.1.4. Политик анализирует проблему.....	168
5.1.5. Невербальное поведение политика.....	170
5.1.6. Типологические карты.....	171
5.1.7. Общие выводы.....	179
5.2.В. Гончарик: дискурс-портрет.....	181
5.2.1. Политик отвечает на вопросы избирателей.....	181
5.2.2. Политик отвечает на вопросы газеты.....	184
5.2.3. Политик обращается к электорату.....	186
5.2.4. Программа политика.....	188
5.2.5. Невербальное поведение политика.....	190
5.2.6. Типологические карты.....	190
5.2.7. Общие выводы.....	200
КРАТКИЕ ВЫВОДЫ ПО ДИСКУРСУ БЕЛОРУССКИХ ПОЛИТИКОВ.....	202
Часть шестая. ЛИДЕРЫ РОССИИ: ДИСКУРС-ВЛАСТИ.....	206
6.1.Ельцин: дискурс-портрет.....	206
6.1.1. Политик беседует с журналистом.....	206
6.1.2. Политик обращается к народу.....	208
6.1.3. Программа политика.....	210
6.1.4. Невербальное поведение политика.....	213
6.1.5. Типологические карты.....	214
6.1.6. Общие выводы.....	223
6.2.В. Путин: дискурс-портрет.....	225
6.2.1. Политик беседует с журналистом.....	225
6.2.2. Политик обращается к массам.....	227
6.2.3. Политик анализирует проблему.....	229
6.2.4. Программа политика.....	232
6.2.5. Невербальное поведение политика.....	233
6.2.6. Типологические карты.....	234
6.2.7. Общие выводы.....	243
Часть седьмая. ЛИДЕРЫ РОССИИ: ДИСКУРС ЛИДЕРОВ ПОЛИТИЧЕСКИХ ПАРТИЙ.....	246
7.1.Г. Зюганов: дискурс-портрет.....	246
7.1.1. Политик беседует с журналистом.....	246
7.1.2. Политик выступает перед целевой аудиторией.....	248
7.1.3. Политик анализирует проблему.....	250
7.1.4. Политик выступает с программой.....	253
7.1.5. Невербальное поведение политика.....	255
7.1.6. Типологические карты.....	256
7.1.7. Общие выводы.....	266
7.2.В. Жириновский: дискурс-портрет.....	269
7.2.1. Политик беседует с журналистом.....	269
7.2.2. Политик обращается к народу.....	272
7.2.3. Политик анализирует проблему.....	273

7.2.4. Программа политика.....	278
7.2.5.Невербальное поведение политика.....	279
7.2.6.Типологические карты.....	280
7.2.7.Общие выводы.....	289
КРАТКИЕ ВЫВОДЫ ПО ДИСКУРСУ РОССИЙСКИХ ПОЛИТИКОВ.....	293
Часть восьмая. ДИСКУРС-МОДЕЛЬ ХАРИЗМЫ.....	296
8.1. Харизматический лидер: дар или конструкт.....	296
8.2. Построение рабочего определения понятия «харизматический лидер» в дискурс-проекции.....	300
8.3. Тест на харизматичность.....	305
8.4. Другие дискурс-модели лидерства.....	310
ЗАКЛЮЧЕНИЕ.....	311
БИБЛИОГРАФИЯ.....	313
ПРИЛОЖЕНИЕ 1. Каузально-генетическое моделирование плана содержания дискурса.....	322
ПРИЛОЖЕНИЕ 2. Образец рабочей таблицы для сбора дискурс-данных.....	329
ПРИЛОЖЕНИЕ 3. Невербальное поведение: кодировочный лист.....	330
МАТЕРИАЛЫ К СЛОВАРЮ.....	335